

ЛАУРЕАТ **Hugo** — 2010

ПИТЕР УОТТС
**МОРСКИЕ
ЗВЕЗДЫ**

От автора романа «Ложная слепота»
Книга года по версии «New York Times»

Книга года по версии «New York Times»
ПИТЕР УОТТС
МОРСКИЕ ЗВЕЗДЫ

НОМИНАНТ **Hugo** — 2010

ПИТЕР УОТТС
**МОРСКИЕ
ЗВЕЗДЫ**

Москва
«Астрель»
Санкт-Петербург
«Астрель-СПб»

УДК 821.111
ББК 84 (7Кан)
У65

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

В оформлении обложки использована
иллюстрация *Андрея Кленина*

Перевод с английского: *Николай Кудрявцев*

Издательство благодарит литературное агентство
«*Nova Littera*» за содействие в приобретении прав

Уоттс, П.

У65 Морские звезды / Питер Уоттс. — М.: Астрель; СПб.:
Астрель-СПб, 2012. — 443 с.

ISBN 978-5-271-42350-5 (ООО «Издательство Астрель»)
ISBN 978-5-9725-2256-9 (ООО «Астрель-СПб»)

Цивилизация покоится на плечах изгоев.

И когда ей нужен кто-то, чтобы управлять энергостанциями, расположенными на глубине трех километров в Тихом океане, она ищет особых людей для своей программы рифтеров. Она нанимает тех, кто изначально приспособлен к опасной окружающей среде, людей, которые настолько привыкли к изломанным телам и хроническому стрессу, что жизнь на краю подводного вулкана станет для них ступенью вверх. На этой работе нет повышений, радостей или карьерного роста: если ты не провел всю жизнь, осознавая бесполезность сражения, то тебе никогда не стать рифтером. И это малая цена за то, чтобы на берегу горел свет.

Но среди утесов и впадин хребта Хуан-де-Фука есть вещи, которые никто не ожидал найти, а достаточное количество давления даже привычную ко всему жертву превратит в человека, сделанного из металла. Поначалу даже сами рифтеры не знают, обладателями чего они стали, а к тому времени, когда кто-то на суше начинает это понимать, изгои и забытые держат в своих руках рубильник от всей планеты...

Подписано в печать 20.02.2012.
Формат 84х108/ 32. Усл. печ. л. 23,52.
Тираж 3 000 экз. Заказ № 1967.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Peter Watts. All rights reserved, 2012
© Николай Кудрявцев, перевод, 2012
© Андрей Кленин, иллюстрация, 2012
© ООО «Астрель-СПб», 2012

Темная вселенная морского дна и богатые психологические образы удерживают внимание читателя до самого финала. Уоттс написал превосходный, полностью оригинальный дебютный роман, отчасти подводное приключение, отчасти психологический триллер.

Booklist

Как заряженная адреналином смесь «Большой глубины» Кларка и «Нейроманта» Гибсона, трилогия Уоттса — это весомый вклад в НФ начала XXI века.

Publishers Weekly

Не книга, а темная жемчужина... проза мужественная и поэтичная одновременно. Мрачная и тревожащая история.

Star Tribune

Никто еще не рассматривал подобный сюжет столь полно и столь безжалостно глубоко, как Уоттс... В клаустрофобном окружении с периодическими вспышками красоты и ужаса команда станции «Биб» кажется не только правдоподобной, но и вызывает сочувствие, когда рифтеры стараются обрести равновесие со своими демонами, друг с другом, начальниками и жестким, враждебным окружением.

The New York Times

Питер Уоттс создает мрачный и яркий мир с жестким сюжетом и реалистической научной основой.

Дэвид Брин

Питер Уоттс оставляет великолепное впечатление — основательная, изобретательная, крепкая НФ о глубоком океане, но заключенная в такую форму, какой мы еще не видели. Роман, парящий словно ветер.

Грегори Бенфорд

Жесткая глубоководная история... сдержанный, но леденящий кровь сюжет... Уоттс великолепно передает кошмарную клаустрофобию, царящую на станции «Биб», он прекрасно и со знанием дела пишет о странной красоте гидротермальных источников и их непонятных обитателей. Он явно пришел всерьез и надолго.

Interzone

Крайне впечатляющая книга, оригинальная в выборе места действия и непривычно изобретательная, роман, в котором аккуратно смешана информация из нескольких совершенно разных научных областей.

Брайн Стэйблфорд

Научная фантастика как жанр вынуждена постоянно изобретать себя заново, иначе она потеряет свежесть. Одним из многих достоинств «Морских звезд» является то, что Питеру Уоттсу удалось сделать глубоководную среду своей собственной. Прочитайте этот роман, чего бы вам это ни стоило, но не ожидайте встретить капитана Немо. Ожидайте Питера Уоттса. Он намного интереснее.

Роберт Чарльз Уилсон

Посвящается Сьюзан Ошанек,
в надежде на то, что она все еще жива.

А также Лори Чэннер, которая, к мое-
му несказанному счастью, точно жива.

Прелюдия: ЦЕРАЦИУС¹

---

¹ Название судна происходит от названия вида церациумов, рода динофлагеллятов, различных панцирных жгутиконосцев, обитающих как в пресных, так и в морских водах. Морские виды церациумов живут временными колониями-цепочками. Их длинные отростки представляют собой приспособление к планктонному образу жизни. Они увеличивают поверхность тела, что способствует «парению» в воде.

10

11

Бездна заставит тебя замолчать.

Солнечные лучи не касались этих вод миллионы лет. Атмосферы нарастают здесь сотнями, впадины, не подавившись, проглотят дюжину Эверестов. Говорят, сама жизнь зародилась на глубине. Возможно. Если судить по кошмарному облику чудовищных тварей, искаженных давлением в крошечной тьме и хроническим голоданием, роды эти были не из легких.

Даже здесь, внутри железного корпуса, бездна нависает над тобой соборным сводом. Это не место для тривиальной болтовни в полный голос. Если открываешь рот, то делаешь это тихо. Но туристам, похоже, на это наплевать.

Джоэл Кита привык к тому, что слышит дыхание скафа вокруг себя, то, как он говорит с ним щелчками и вздохами. Джоэл полагается на эти звуки; датчики лишь подтверждают то, что зверь уже рассказал ворчанием в своем желудке. Но «Церацнус» — это прогулочное судно, полностью защищенное от внешней среды, с увеличенной высотой кабины, откидными кушетками и маленькими устройствами для раздачи напитков и наркотиков, встроенными в спинку каждого сиденья. Сегодня Джоэл слышит только болтовню груза.

Он оглядывается через плечо. Гид, индианка лет двадцати пяти с прической под зебру — некая Притила, — сверкнула в его сторону еле заметной, печальной улыбкой. Она — реликт и прекрасно знает об этом. Не соперница библиотеки на борту и не идет в комплекте с 3D-анимацией и обволакивающим саундтреком. На самом деле гид — это просто бутафория. Туристы платят ей не за какие-то ее действия, а за то, что она не делает ничего. Какой смысл быть богатым, если покупаешь только самое необходимое?

Их восемь. Один старик с бандажом, явно скоро готовящийся разменять первое столетие, играет с ручками настройки камеры. Остальные надели шлемофоны, запустив программу, задуманную, чтобы туристы не скучали во время погружения, но при этом созданную так, чтобы она не слишком впечатляла, не то настоящая цель путешествия обернется полным разочарованием. В наше время эта грань столь тонка. Симуляции всегда выходят лучше реальной жизни, и та вечно получает пинки за плохое шоу.

Джоэлу очень хочется, чтобы передача развлекала груз чуть больше; тогда бы они заткнулись. Скорее всего, им абсолютно наплевать, так ли уж достойны монстры из моря Чэннера поднятой вокруг них шумихи. Эти люди здесь не потому, что бездна внушает им интерес, смешанный с ужасом, просто такое путешествие стоит дорого.

Кита пробегает глазами по контрольной панели. Даже она выглядит избыточной: большую ее часть занимают климат-контроль и управление развлекательными программами во время погружения. От скуки он выбирает наугад одну из них и отправляет на экран главного дисплея.

С помощью чудес современной анимации на экране оживает ксилография XVIII века. Грубо вырезанные шупальца обвивают мачты галеона, затягивая его под

маленькие деревянные волны. Женский голос, спроектированный так, чтобы максимально привлекать внимание обоих полов, начинает рассказ: «Мы всегда населяли моря чудовищами...»

Джоэл отключается от трансляции.

Мистер Бандаж подходит к нему сзади и фамильярно кладет руку на плечо. Пилот еле справляется с желанием ее стряхнуть. Еще одна проблема с этими экскурсиями на глубину: нет кокпита, только панель управления перед пассажирским отсеком. От груза не спрячешься.

— Как у вас тут все сложно, — говорит мистер Бандаж.

Джоэл напоминает себе о профессиональных обязанностях и улыбается.

— Ты этим уже давно занимаешься?

Кожа неприкасаемого сияет золотым заггаром культивированных ксантофиллов¹. Улыбка Джоэла становится немного натянутой. Естественно, он слышал обо всех плюсах этих пигментов: защита от ультрафиолета, повышенное содержание кислорода в крови, увеличение энергии. Говорят, эти штуки даже снижают потребность в еде, хотя, конечно, люди, способные себе позволить такое, явно не страдают от нехватки средств на бакалею. Тем не менее, на вкус Джоэла, это выглядит откровенно уродливым. Имплантаты должны делать из мяса или, по крайней мере, из пластика. Если бы люди занимались фотосинтезом, они бы рождались с листьями.

— Я спросил...

---

¹ *Ксантофиллы* — растительные пигменты каротиноидной группы, главная часть желтых пигментов в цветках, плодах и листьях. Способны поглощать энергию солнечного света, участвуют в процессе фотосинтеза. Также играют роль светофильтров, защищающих чувствительные к свету ферменты от разрушения.

Пилот кивает:

— Уже пару лет.

Хмыканье.

— А я не знал, что «Глубинные сафари» — такая старая компания.

— Я не работаю на «Глубинные сафари», — объясняет Джоэл настолько вежливо, насколько может. — Я — фрилансер.

Неприкасаемый, возможно, и не знает, что это такое, он же из поколения, когда все клялись в верности одному хозяину год за годом. Тогда никто не думал, что идея-то не очень.

— Хорошо тебе, — мистер Бандаж отечески похлопывает его по плечу.

Джоэл закладывает руль на левый борт. Сейчас они проходят около юго-восточного рукава рифта¹, прожекторы погашены; на сонаре невыразительный пейзаж из ила и валунов. Сам разлом в пяти—десяти минутах пути. На экране туристическая программа вещает о гигантских кальмарах, атаковавших спасательные шлюпки во время Второй мировой войны, выкатывает целый парад архивных фотографий в качестве доказательств: человеческие ноги, сморщенные от конических ран размером с кулак там, где присоски в роговой оправе выдрали куски плоти.

— Омерзительно. А мы увидим гигантских кальмаров?

---

¹ *Рифт* (англ. gift, буквально — трещина, разлом) — крупные линейные тектонические структуры земной коры протяженностью в сотни—тысячи километров, образованные при ее горизонтальном растяжении, обычно происходящем на фоне обширного сводового поднятия. Предполагается, что земная кора растягивается по всей толщине или значительной ее части. Рифт состоит преимущественно из серии разрывов, среди которых преобладают сбросы с наклонной поверхностью и со смещением участка коры, лежащего выше этой поверхности, вниз.

Джоэл качает головой.

— Это на другой экскурсии.

Электронный гид тем временем запускает перечисление всяких глубоководных ужасов: показывает кусок мяса, выброшенный на флоридский пляж, судя по этому куску можно сделать вывод о существовании осьминога диаметром тридцать метров. Огромные угреобразные личинки. Гипотетические монстры, которые когда-то кормились большими китами, а потом вымерли в неизвестности от недостатка еды.

Джоэл понимает, что девяносто процентов всего этого — полная чепуха, а десять не имеют отношения к экскурсии. Даже гигантские кальмары не ныряют по-настоящему глубоко: да никто не ныряет, на самом деле. Нет еды. Джоэл ковыряется тут годами, а никаких настоящих монстров до сих пор не видел.

Ну, если не считать вот этого места, естественно. Он переключает ручку управления. Снаружи высококачественный громкоговоритель принимается ныть в бездну.

— Гидротермальные источники кипят в зонах разбрасывания¹ всех мировых океанов, — тараторит программа, — питая скопища гигантских моллюсков и кольчатых червей длиной более трех метров. — Фильмотечный материал с портретами местных обитателей. — Тем не менее даже в зонах разбрасывания до гигантских размеров вырастают только фильтраторы и организмы, питающиеся донным илом. Рыб, позвоночных, как и мы, немного, они очень редки, а в длину достигают всего лишь пары сантиметров.

На экране слабо извивается бельдюга, больше похожая на отрезанный палец, а не на живое существо.

---

¹ *Зона разбрасывания* — тектоническая зона, находящаяся между двумя тектоническими плитами, движущимися по направлению друг от друга, где новый слой земной коры формирует магма, пробивающаяся близко к поверхности между двумя плитами.

— Но только не здесь, — добавляет программа после драматической паузы. — Ибо есть что-то необычное в этой крохотной части хребта Хуан де Фука, что-то непонятное, необъяснимое. Здесь водятся настоящие драконы.

Джозл нажимает еще одну кнопку. Оживают внешние прожекторы-приманки, работающие в биолуминесцентном спектре, свет в кабине меркнет. Специально для обитателей рифта, привлеченных акустическим сигналом, посреди лучей появляется целый косяк промысловой рыбы.

— Мы не знаем тайн источника Чэннера. Мы не знаем, как он создает этих странных и завораживающих гигантов. — Экран с картинкой программы темнеет. — Мы знаем только то, что здесь, на склоне Осевого вулкана, мы обнаружили монстров в их собственном логове.

Что-то ударяется о корпус скафа. От акустики в пассажирском отсеке звук кажется невероятно громким.

Наконец туристы затыкаются. Мистер Бандаж что-то бормочет себе под нос и отправляется на свое место, суеющий огромный хлоропласт.

— Вводная часть экскурсии подошла к концу. Внешние камеры связаны с вашими шлемофонами и управляются обыкновенными движениями головы. Сфокусируйтесь и записывайте происходящее, используя джойстик в правом подлокотнике. Вы также можете насладиться видом непосредственно через иллюминаторы вашего корабля. Если вам понадобится помощь, пилот и гид всегда к вашим услугам. «Глубоководные сафари» приветствуют вас в источнике Чэннера и надеются, что оставшаяся часть экскурсии вам понравится.

Еще два удара. Серая вспышка в переднем иллюминаторе; волнистое брюхо, на секунду пойманное прожек-

тором, завиток плавника. На системной панели Джоэла иконки внешних камер наклоняются и крутятся.

Никому не нужная Притила проскальзывает в кресло второго пилота.

— А там, как обычно, безумие кормежки.

Кита почти шепчет:

— И здесь. И там. Какая разница-то?

Она улыбается, соглашается безопасным, безмолвным жестом. У нее прекрасная улыбка. Почти отвлекает внимание от полосатой прически. Джоэл замечает какой-то рисунок на внутренней стороне ее левой руки: похоже на татуировку беженки, хотя он почему-то сомневается, что штука подлинная. Скорее всего, просто дань моде.

— Уверена, что они без тебя обойдутся? — с иронией спрашивает он.

Она оглядывается. Груз опять болтает: «Посмотри на это», «О, да эта хрень об нас зубы поломала», «Боже, ну они и уродливые...»

— Они справятся, — отвечает индианка.

Что-то маячит по ту сторону иллюминатора: пасть, как мешок с иглками, изо рта свисает щупальце, оканчивающееся светящимся шаром. Пасть раскрывается так широко, что челюсти чуть ли не выходят из суставов, потом резко захлопывается. Зубы безрезультатно скользят по стеклу. Плоский черный глаз заглядывает внутрь.

— Это что такое? — интересуется Притила.

— Ты у нас гид.

— Ничего подобного в жизни не видела.

— Я тоже. — Джоэл посылает электрический разряд по корпусу скафа.

Монстр, ошеломленный, исчезает в темноте. Периодические столкновения резонансом разносятся по «Церациусу», груз каждый раз ахает.

— А мы далеко от Чэннера?

Джоэл смотрит на дисплей.

— Да почти добрались. Горячая трещина средних размеров где-то в пятидесяти метрах слева.

— А это что?..

На экране появляется ряд ярких точек, расположенных на одинаковом расстоянии друг от друга.

— Топографические столбы. — За первым появляется следующий. — Для геотермальной программы, ты же в курсе, да?

— Может, быстренько доплывем до них? Уверена, эти генераторы впечатлят туристов.

— Сомневаюсь, что их уже успели поставить. Только фундамент закладывают.

— Ну все равно, это приятно разнообразит экскурсию.

— Мы должны придерживаться курса. Можем огрести по полной, если там кто-то есть.

— И?.. — Снова эта улыбка, на сей раз более просчитанная. — Там кто-нибудь есть?

— Скорее всего, нет, — признает Джоэл. Стройку заморозили на пару недель, и это его ужасно раздражает; если власти из Энергосети, наконец, поднимут свои корпоративные задницы и доведут до конца то, что начали, у него будет несколько очень жирных контрактов.

Притила смотрит на него выжидающе. Джоэл пожимает плечами.

— Там очень нестабильно. Может потрясти.

— Опасно?

— Зависит от того, что ты под этим подразумеваешь. Скорее всего, нет.

— Ну так давай, поехали. — Притила заговорщицки гладит его по плечу и быстро убирает руку.

«Церациус» ложится на новый курс. Джоэл выключает приманочные огни и врубает акустику на проточный, скрежещущий выплеск. Чудовища снаружи — те, кто еще не уплыл грациозно, сообразив

крохотным рыбьим мозгом, что металл несъедобный, — в панике кинулись во мрак, сверкая боковыми линиями. Груз на секунду замолкает от удивления. В образовавшуюся паузу мягко вступает Притила Как-ее-там:

— Друзья, мы с вами немного изменим маршрут и увидим новых гостей рифта. Если вы подключитесь к данным, поступающим с сонара, то заметите, что мы приближаемся к полю акустических маяков. Руководство Энергосети установило их здесь в ходе строительства одной из новых геотермальных станций, о которых мы все, разумеется, слышали. Как вы можете знать, подобные проекты сейчас запущены в зонах разбрасывания от Галапагосов до Алеутских островов. Когда они запустятся, то здесь, на рифте, будут постоянно жить люди...

Джоэл не может в это поверить. У гида появляется прекрасный шанс обскакать библиотеку, но она говорит точь-в-точь как программа. Джоэл тихо отказывается от мечтаний, которые еще недавно лелеял в среднем мозгу. Даже если Притила в своем фантастически выглядящем комбинезоне попадет сейчас в его эротическую фантазию, то, скорее всего, и там начнет весело и в деталях проводить экскурсию.

Он переключается на внешние камеры. Ил. Еще ил. На сонаре к ним медленно ползет монотонным созвездием сеть.

Что-то подхватывает «Церациус» и разворачивает. Термисторы на корпусе выдают краткий пик.

— Термальный источник, друзья, — объявляет Джоэл через плечо. — Ничего страшного.

По правому борту возникает размытое солнце медного цвета. Это всего лишь фонарь на шесте, маркер территории, сражающийся с бездной при помощи натриевой лампы и низкочастотного биения сердца. Руководство Энергосети пометило скалу для всех и каждого, говоря: «Это наша адская дыра».

Ряд башен убегает влево, каждая из них увенчана прожектором. С ним пересекается вторая линия, исчезающая вдаль, словно улица фонарей в ночи, отравленной смогом. Башни сияют над странным незаконченным пейзажем из пластмассы и металла. Огромные стальные ящики покоятся на дне, словно сошедшие с рельс товарные вагоны. Каплеобразные телеуправляемые подводные аппараты спят на лужицах пластика, настолько заледеневших, что теперь они тверже базальта. Трубы с острыми краями пробиваются сквозь застывшие поверхности пустыми костями, отпиленными прямо под суставам.

Сверху по левому борту что-то темное и мясистое нападает на свет.

Джоэл проверяет иконки камеры: все они настроены на увеличение, направлены вверх и влево. Притила бережет кислород, прекращает свою скороговорку, а неприкасаемые белорубашечники смотрят, не отрываясь. Прекрасно. Им хочется больше безмозглой рыбьей жестокости. Они ее получают. Скаф забирает вверх и влево.

Это морской черт. Он методично бьется о прожектор, не замечая приближения «Церациуса». Позвоночный столб извивается: приманка на его конце, сверкающая штука, похожая на червя, яростно мерцает.

Притила подходит к Джоэлу:

— А он, похоже, решил свернуть фонарь, а?

Она права. Вершина передатчика сотрясается под ударами огромной рыбы, что странно: эти монстры при своем большом размере довольно слабы. А если приглядеться, башня дрожит даже тогда, когда удильщик ее не касается...

— Твою мать! — Джоэл хватается за ручки управления.

«Церациус» встает на дыбы, словно живой. Свет прожектора исчезает за иллюминатором, сверху падает полная темнота, поглощая весь обзор. Груз начина-

ет орать. Джоэл не обращает на них внимания. Со всех сторон доносится глухой отдаленный звук. Нарастает какой-то рев.

Джоэл врезает по газам. Скаф взмывает вверх. Что-то сильно задевает его сзади: корма виляет влево, утягивая за собой нос. Мрак за бортом неожиданно вспухает грязно-коричневыми пузырями, заметными в свете, идущем из кабины.

Термисторы показывают превышение нормы в два, три раза. Температура за бортом подскакивает с четырех градусов по Цельсию до двухсот восьмидесяти, а потом падает обратно. При меньшем давлении скаф уже рухнул бы в заработавший гейзер. Здесь же его только крутит, он скользит, пытаясь использовать тягу в перегретой воде.

Наконец это ему удается, и он выбирается в долгожданную ледяную воду. Рыбий скелет пируэтом проносится мимо иллюминатора, сплошные зубы и шипы, вся плоть выварена.

Джоэл бросает взгляд через плечо. Пальцы Притилы сомкнулись на спинке его кресла, костяшки цветом напоминают танцующие останки снаружи.

— Еще один термальный источник? — произносит она дрожащим голосом.

Кита качает головой.

— Дно вскрылось. Здесь поверхность тонкая. — Он позволяет себе рассмеяться. — А я тебе говорил, что может тряхнуть.

— Ага. — Она отпускает спинку сиденья. Отпечатки от ее пальцев остаются в пене. Склоняется, шепчет: — Свет в кабине включи поярче. Чтобы был нормальный гостиничный уровень... — А потом отправляется на корму, успокаивая груз: — Ну, это было захватывающе. Но Джоэл заверяет, что подобные небольшие прорывы случаются тут постоянно. Беспокоиться не следует, хотя они и могут застать врасплох.

Кита повышает уровень освещения в кабине. Груз сидит тихо, все еще прячась в шлемофонах, словно страусы в песке. Притила суетится вокруг, приглаживая им перышки.

— И, разумеется, впереди у нас бóльшая часть экскурсии...

Джоэл увеличивает диапазон сонара, переключив его на корму. Светящийся шторм водоворотом кружится на тактическом дисплее. Под ним свежий хребет выступивших камней уродует строительную разметку Энергосети.

Притила снова садится рядом.

— Джоэл?

— Что?

— Говорят, там внизу будут жить люди?

— Угу.

— Здорово. А кто?

Он смотрит на нее.

— Рекламу видела? Пресс-релизы? Самые лучшие и самые умные. Они будут сражаться с вечным мраком и поддерживать огонь цивилизации.

— Джоэл, серьезно, ну кто?

Кита пожимает плечами.

— Да хер его знает.

БЕНТОС¹

---

¹ *Бентос* (от греч. Benthos) — совокупность организмов, обитающих на грунте и в грунте материковых и морских вод.

ДУЭТ

КОНСТРИКТОР¹

Когда на станции «Биб»² гаснут огни, то становятся слышны стоны металла.

Лени Кларк лежит на своей койке и внимает. Над головой, за трубами, проводами и скорлупой корпуса три километра черного океана хотят ее раздавить. Под собой она чувствует рифт, распарывающий дно с силой, достаточной, чтобы сдвинуть целый континент. Кларк лежит здесь, в этом хрупком убежище, и слышит, как панцирь станции смещается по микрону, слышит, как слабо, чуть ли не за пределами человеческого диапазона, трещат его швы. На рифте Хуан де Фука бог — настоящий садист, и имя ему — физика.

«Как же меня уговорили? — думает она. — Зачем я сюда спустилась?»

Но она уже давно знает ответ.

---

¹ *Констриктор* — мышца, сжимающая какой-либо орган или же заставляющая сокращаться полый орган или его часть. Также этим словом обозначается самозатягивающийся веревочный узел.

² Станция названа в честь Чарльза Биба (1877—1962) — американского новатора в области подводных исследований. Именно он в 1930 году изобрел первую батисферу для подводных наблюдений.

Лени слышит, как Баллард выходит в коридор. Кларк ей завидует. Та никогда не лажает, такое ощущение, что у нее все всегда под контролем. Она, кажется, даже счастлива здесь.

Кларк скатывается с койки, отыскивая в темноте выключатель. Ее каморку заливают бледный свет. Трубы и эксплуатационные панели загромождают стены вокруг; когда находишься на глубине трех тысяч метров, эстетика всегда проигрывает функциональности. Лени поворачивается и видит гладкую черную амфибию в зеркале на переборке.

Это случается до сих пор. Иногда она забывает, что же с ней сделали.

Требуется сознательное усилие, чтобы почувствовать механизмы, притаившиеся на месте ее левого легкого. Кларк уже настолько привыкла к постоянной боли в груди, к еле ощутимой застойности пластика и металла при движении, что едва их замечает. Она все еще помнит, каково было жить полноценным человеком, и по ошибке принимает этого призрака за подлинные ощущения.

Однако такие передышки длятся недолго. На «Биб» повсюду зеркала; по идее, они должны зрительно расширять личное пространство экипажа. Иногда Кларк закрывает глаза, прячась от своих отражений, которые постоянно кидаются на нее. Помогает слабо. Она крепко зажмуривает глаза и чувствует в них линзы, скрывающие зрачки гладкими белыми катарактами.

Лени выбирается из каюты и идет по коридору в сторону кают-компаний. Там ее ждет Баллард, одетая в гидрокостюм, с привычным выражением уверенности на лице.

Встает Лени навстречу:

— Ну что, готова к выходу?

— Ты тут главная, — отвечает Кларк.

— Только на бумаге. — Баллард улыбается. — Здесь, внизу, никакой иерархии нет, Лени. По моему мнению, мы равны.

После двух дней на рифте Кларк до сих пор удивляется тому, насколько часто напарница улыбается. По малейшему поводу. Иногда это кажется искусственным.

Снаружи что-то ударяется в корпус.

Улыбка Баллард сникает. Они снова слышат этот звук: влажный, глухой шлепок, доносящийся сквозь титановую кожу станции.

— Да уж, вот так сразу не привыкнешь, да? — спрашивает Баллард.

Снова:

— Я имею в виду, судя по звуку, эта штука большая...

— Может, нам лучше вырубить освещение? — предлагает Кларк. Хотя знает, что никто ничего не отключит. Внешние прожекторы «Биб» горят круглые сутки электрическим костром, отгоняющим прочь тьму. Изнутри его не видно — на станции нет иллюминаторов, — но каким-то образом знание об этом невидимом огне успокаивает...

Шлеп!

...большую часть времени.

— Помнишь тренировку? — говорит Баллард, перекрикивая звук. — Когда нам говорили, что обычно рыбы будут... маленькими.

Голос ее затухает. «Биб» слегка потрескивает. Какое-то время женщины неподвижно стоят и слушают. Снаружи звуков больше не доносится.

— Наверное, устала, — комментирует Баллард. — А казалось, они должны были сообразить заранее.

Она идет к лестнице и спускается.

Кларк следует за ней со странным нетерпением. На «Биб» есть звуки, которые беспокоят ее гораздо больше

бесполезной атаки какой-то заблудившейся рыбы. Она слышит, как усталые сплавы обговаривают условия сдачи. Чувствует, как океан ищет лазейку внутрь. А что, если найдет? Тихий всем своим весом рухнет на них и превратит ее в желе. Когда угодно. В любое время.

Лучше встретиться с ним лицом к лицу, на дне, где знаешь, что происходит. Здесь же остается только ждать, когда это случится.

Когда идешь наружу, то словно тонешь. Каждый день. Раз за разом.

Кларк стоит перед Баллард в воздушном шлюзе, где места едва хватает для двоих, гидрокостюм наглухо закрыт. Она уже научилась терпеть вынужденную близость; немного помогает белый панцирь на глазах. «Запаять печати, проверить фонарь на голове, протестировать инжектор»; ритуал захватывает, шаг за шагом рефлекторно подводит к тому ужасному моменту, когда Лени пробуждает машины, спящие внутри, и меняется.

Когда задерживает дыхание, а оно исчезает.

Когда где-то внутри открывается вакуум, пожирающий набранный в грудь воздух. Когда оставшееся легкое сплющивается в своей клетке, а кишки сжимаются; когда миоэлектрические ¹ демоны наполняют пазухи и средние уши изотоническим солевым раствором ². Когда все газы в теле исчезают за время, которого едва хватает на вдох.

Ощущения всегда одинаковые. Неожиданная непреодолимая тошнота; узкое пространство шлюза

---

¹ *Миоэлектрический сигнал* — электрический сигнал, вызывающий сокращение мышечных волокон в теле.

² *Изотонический раствор* — водный раствор, приближающийся по составу и другим показателям к сыворотке крови.

удерживает Лени на ногах, хотя ей так и хочется упасть; вокруг пенится морская вода, захлестывающая лицо. Зрение затуманивается, а потом проясняется, когда настраиваются линзы.

Кларк оседает по стене и очень хочет закричать, но не может. Пол воздушного шлюза откидывается, словно виселичный люк, и она, извиваясь, падает прямо в бездну.

Их фонари сияют, они приходят из ледяного мрака в оазис натриевого света. У Жерла машины растут повсюду, как металлические сорняки. Кабели и трубы паутиной раскидываются по дну во всех направлениях. По обе стороны взводом подводных монолитов, исчезающих в глубине, располагаются главные насосы, каждый больше двадцати метров высотой. Над головой висят прожекторы, омывая перепутанные конструкции вечными сумерками.

Они останавливаются на мгновение, руки покоятся на направляющем фале.

— Я никогда к этому не привыкну, — скрежещет Баллард голосом, похожим на карикатуру самого себя.

Кларк бросает взгляд на термистор, закрепленный на запястье.

— Тридцать четыре по Цельсию. — Слова металлически жужжат, вырываясь из гортани. Кажется очень неправильным разговаривать не дыша.

Баллард отпускает веревку и взмывает к свету. Пождав немного, бездыханная, Кларк следует за ней.

Здесь столько силы, столько впустую растроченной мощи. Здесь материки ведут тяжелую и скучную битву. Магма замерзает; вода кипит; каждый год болезненными сантиметрами рождается само дно океана. Здесь, в Жерле Дракона, человеческие механизмы не

создают энергию, они просто крадут ее жалкие крохи, передавая их на континент.

Кларк движется вдоль каньонов из металла и камня, понимая, каково быть паразитом. Смотрит вниз. Моллюски размером с валуны, алые черви по три метра длинной устилают дно вокруг машин. Легионы бактерий, жадных до серы, прошивают воду молочной пеленой.

Все вокруг полнится неожиданным жутким воплем.

Он не похож на крик. Скорее на звук, издаваемый медленно вибрирующей струной огромной арфы. Но Баллард пытается предупредить ее через неохотное посредничество плоти и металла:

— ЛЕНИ...

Та поворачивается как раз вовремя, чтобы увидеть, как ее рука исчезает в пасти. Невообразимо огромной пасти.

Зубы, похожие на ятаганы, смыкаются на ее плече. Кларк не может оторвать взгляда от чешуйчатой черной морды диаметром с полметра. Какая-то крохотная, бесстрастная часть разума Лени ищет глаза в этой чудовищной куче шипов, зубов и шишковатой плоти и не находит. «Как оно видит меня?» — возникает невольный вопрос.

А потом появляется боль.

Руку почти выворачивает из сустава. Тварь бьется, мотает головой из стороны в сторону, стараясь порвать Лени на куски. От каждого рывка нервы Кларк срываются на крик.

Она чувствует слабость, оседает. «Пожалуйста, если хочешь убить меня, не мешкай, Господи, прошу, пусть это будет быстро...» Лени страшно тошнит, но вторая кожа гидрокостюма, сомкнувшаяся вокруг рта и ее собственных умерших внутренностей, не позволяет рвоте пробиться наружу.

Лени включает боль. У нее в этом вопросе немало практики. Она уходит внутрь себя, оставляя тело на

съедение прожорливому вивисектору, и уже оттуда чувствует, как его рывки и извивы неожиданно становятся беспорядочными. Рядом с ней возникает еще одно существо, с руками, ногами и ножом: «Ну, ты знаешь, вроде того, что и у тебя есть, в ножнах на бедре. О котором ты совсем забыла», — и монстр исчезает.

Кларк приказывает мускулам шеи вновь браться за работу. Словно управляет марионеткой. Голова поворачивается. Она видит, как Баллард борется с чем-то, размером с нее саму. Только... напарница разрывает его на части голыми руками. Зубы-сосульки чудовища трескаются и ломаются. Темная ледяная вода течет из его ран, подчеркивая смертельные конвульсии дымными следами висящей в воде крови.

Тварь слабо бьется в спазмах. Баллард отталкивает ее прочь. Дюжина мелких рыбешек стрелой мчится на свет и принимается терзать труп. Фотофоры¹ на их боках сверкают судорожными радугами.

Кларк наблюдает за этим с другой стороны мира. Боль в руке держится на расстоянии постоянными пульсирующими толчками. Лени переводит взгляд на руку; та по-прежнему на месте. Можно даже пошевелить пальцами без всяких проблем. «Бывало и хуже», — думает она.

А потом: «Почему я до сих пор жива?»

Рядом с ней появляется Баллард; ее скрытые линзами глаза сияют, как фотофоры.

— Господи, — раздается ее исковерканный шепот. — Лени? Ты в порядке?

Кларк какое-то время размышляет о тупости этого вопроса, но чувствует себя на удивление нормально.

— Да.

---

¹ *Фотофоры* — орган свечения у морских рыб и некоторых головоногих моллюсков. Принцип действия основан на симбиозе с люминесцирующими бактериями.

К тому же она прекрасно знает, что во всем виновата сама. Она просто легла, отключилась. Ждала смерти. Просила о ней.

Она всегда ждет смерти и просит о ней.

В воздушном шлюзе отступает вода. Вокруг них и внутри них; затаенный вдох Кларк, выпущенный наконец наружу, стремглав несется вдоль висцеральных каналов, наполняя легкое, кишки и душу.

Баллард распаивает печать на лице, и ее слова кувырком валяются в сырое помещение.

— О боже! Господи! Поверить не могу! Господи, ты эту штуку видела? Они тут такие огромные! — Она проводит руками над лицом, линзы слетают, молочные полусферы падают с огромных карих глаз. — А если подумать, что обычно они всего лишь пару сантиметром длиной...

Она начинает раздеваться, расстегивает костюм на руках, не переставая говорить.

— Но знаешь, они, оказывается, такие хрупкие! Посильнее ударить — и тварь на части разваливается! Боже!

Баллард всегда снимает подводную форму на станции. Кларк подозревает, что она с удовольствием вырвала бы рециркулятор из собственной гортани, если бы могла, и швырнула бы его в угол вместе с гидрокостюмом и линзами, пока те не понадобятся в следующий раз.

«Может, у нее второе легкое хранится в каюте, — размышляет Лени. — Она держит его в банке, а по ночам запихивает обратно в грудь...» Кларк все еще чувствует себя немного вялой: наверное, побочный эффект нейроингибиторов, которые выделяют ее имплантаты, когда она выходит наружу. «Малая цена за то, чтобы мозг не закоротило, хотя я бы не возражала...»

Баллард стягивает вторую кожу до пояса. Под левой грудью сквозь костяную клетку выступает входное отверстие электролизера.

Кларк затуманенным взглядом смотрит на перфорированный диск, утопленный в плоти напарницы, и думает: «Так в нас входит океан». В новых условиях старое знание отчего-то кажется совершенно неважным. «Мы всасываем воду, крадем из нее кислород и выплевываем обратно».

Колющее онемение распространяется по телу, течет от плеча прямо в грудь и шею. Кларк трясет головой, чтобы прояснить мысли. Сил хватает лишь на один раз.

Она неожиданно слабеет, сползает по выходному люку.

«Это шок? Или у меня обморок?»

— В смысле... — Баллард замирает, неожиданно заботливо смотрит на нее. — Господи, Лени. Ты ужасно выглядишь. Не надо было говорить мне, что все в порядке, если это не так.

Покалывание добирается до основания черепа.

— Я в порядке, — отзывается Кларк. — Ничего не сломано. Только синяки.

— Чушь. Снимай костюм.

Лени с усилием выпрямляется. Оцепенение слегка отступает.

— Никаких проблем. Я сама смогу о себе позаботиться.

«Не трогай меня. Пожалуйста, не трогай».

Баллард без лишних слов подходит, распечатывает рукав костюма Кларк, чуть ли не сдирает его, обнажая уродливый пурпурный синяк. Вопросительно подняв бровь, смотрит на Лени.

— Всего лишь синяк, — констатирует та. — Я все сама сделаю, серьезно. Но все равно спасибо.

Она резко убирает руку, отказываясь от помощи.

Баллард задерживает на ней взгляд. Еле заметно улыбается.

— Лени, не нужно так этого стыдиться.

— Чего?

— Ты сама знаешь. Того, что я тебя спасла. Когда эта штука на тебя напала, ты чуть сознание не потеряла. Но это понятно. Большинство людей тяжело привыкают к необычным условиям. Мне всего лишь повезло.

«Точно. Тебе же всегда везет, так ведь? Знаю я твою породу, Баллард, вы никогда не ошибаетесь...»

— Тебе не нужно стыдиться себя, — уверяет ее Баллард.

— А я и не стыжусь, — честно отвечает Кларк.

Она больше вообще ничего не чувствует. Только покалывание. Напряжение. А еще какое-то вялое удивление, что до сих пор жива.

Переборка потеет.

Глубина кладет ледяные руки на металл, и Кларк изнутри наблюдает, как влажная атмосфера каплями скатывается по стене. Лени неподвижно сидит на койке под тусклым флуоресцентным светом, до каждой стены каюты можно легко дотянуться рукой. Потолок нависает над головой. Комната слишком узкая. Кларк чувствует, как океан сжимает вокруг нее станцию.

«А я могу только ждать...»

От анаболической мази на ранах тепло и спокойно. Кларк опытными пальцами на ощупь изучает пурпурную плоть на руке. Диагностические приборы в медицинском отсеке выписали ей оправдание. В этот раз повезло: кости не сломаны, эпидермис не поврежден. Она застегивает костюм, пряча синяки.

Лени беспокойно вертится на неудобном тюфяке, поворачивается к внутренней стене. Ее отражение

смотрит в ответ глазами, похожими на матированное стекло. Она разглядывает его, радуется совершенной мимикрии каждого движения. Плоть и фантом двигаются вместе, тела скрыты, лица безучастны.

«Это я, — думает Лени. — Вот так я сейчас выгляжу».

Старается разглядеть то, что спрятано под ледяной поверхностью.

«Мне скучно? Я возбуждена? Хочу секса? Расстроена?»

Как определить, как различить, когда глаза скрыты мутными линзами? Она не видит даже следа напряжения, которое обычно ощущает постоянно.

«В эту самую секунду я могу сходить с ума от страха. Мочиться от ужаса прямо в костюм, и никто даже не заметит».

Лени наклоняется вперед. Отражение движется ей навстречу. Они изучают друг друга, белизна к белизне, лед ко льду. На секунду даже забывают о бесконечной войне «Биб» с давлением, принимают клаустрофобическое одиночество, сжимающее все вокруг.

«Сколько раз в своей жизни, — размышляет Кларк, — я хотела, чтобы у меня были вот такие мертвые глаза?»

Металлические внутренности станции заполняют коридор возле ее каюты. Кларк едва может встать, распрямившись во весь рост. Несколько шагов — и она оказывается в кают-компании.

Баллард вылезла из гидрокостюма, стоит в рубашке у одного из библиотечных терминалов.

— Рахит, — говорит она.

— Что?

— Рыбы здесь, внизу, получают недостаточно микро-элементов. Гниют от разного рода недостаточностей. Совершенно неважно, насколько они свирепы, но если укусят слишком сильно, то просто поломают об нас зубы.

Кларк жмет кнопки пищеблока; от ее прикосновения машина ворчит.

— А я думала, на рифте куча еды, поэтому они и вырастают до таких размеров.

— А так и есть. Просто еда не самая лучшая.

Едва съедобная на вид лепешка грязи выделяется из процессора на тарелку. Лени какое-то время тупо ее разглядывает.

«Я могу общаться».

— Ты что, собираешься есть прямо в гидрокостюме? — спрашивает Баллард, когда Кларк садится за стол.

Та мигает:

— Да. А что?

— Нет, ничего. Просто было бы приятно поговорить с кем-то, у кого есть зрачки в глазах, понимаешь?

— Извини. Я могу их снять, если тебе...

— Да ладно, не стоит. Переживу. — Баллард отворачивается от библиотеки и садится напротив. — Ну и как тебе это местечко?

Лени пожимает плечами, продолжая есть.

— А я вот рада, что мы здесь только на год, — продолжает Баллард. — Это место рано или поздно достанет кого угодно.

— Могло быть и хуже.

— Да я и не жалуюсь. В конце концов, я же сама искала приключений. Вызова собственным возможностями. А ты?

— Я?

— Что привело тебя сюда? Что тебе здесь надо?

Кларк какое-то время молчит, потом отвечает:

— Не знаю, на самом деле. Уединение, наверное.

Баллард смотрит на нее. Кларк отвечает на взгляд, ее лицо остается предельно спокойным.

— Тогда оставляю тебя в уединении, — острит напарница.

Лени наблюдает за тем, как та исчезает в коридоре. Слышит, как с шипением закрывается люк ее каюты.

«Сдавайся, Баллард. Я не тот человек, которого ты действительно захочешь близко узнать».

Почти начало утренней смены. Пищеблок с обычным отвращением изрыгает завтрак. Баллард в рубке только что закончила разговор. Спустя секунду она появляется в просвете открытого люка.

— Руководство говорит... — Замирает. — У тебя голубые глаза.

Кларк слабо улыбается:

— Ты же их уже видела.

— Знаю. Просто удивительно, ты так давно не снимала линзы.

Лени идет к столу с тарелкой.

— Так что говорит руководство?

— Все идет по расписанию. Остальная часть команды прибудет через три недели, комплекс заработает через четыре. — Она садится напротив Кларк. — Непонятно только, почему станцию не подключить раньше.

— Думаю, они просто хотят убедиться, что все будет работать как надо.

— Тем не менее для пробных испытаний срок великоват. К тому же... В общем, после всего, что произошло, я думала, они хотят запустить геотермальную программу как можно быстрее.

«Ты хотела сказать, после того как расплавились „Лепро“ и „Уиншир“».

— А, и еще кое-что, — добавляет Баллард. — Не могу связаться с «Пикаром»¹.

---

¹ Вторая станция названа в честь Жака Пикара (1922—2008), известного швейцарского океанолога, прославившегося тем, что он стал первым человеком, побывавшим на дне Марианской впадины, самой глубокой впадины на Земле.

Кларк поднимает голову. Вторая станция находится на Галапагосском рифте; не слишком-то стабильная гавань.

— А ты когда-нибудь встречала пару оттуда? — спрашивает Баллард. — Кена Лабина, Лану Чунг?

Лени качает головой.

— Их отправили до меня. Я не видела ни одного рифтера, кроме тебя.

— Милые люди. Я думала позвонить им, спросить, как дела на «Пикаре», но никто не ответил.

— Что-то с линией?

— Наверху говорят, что, скорее всего, так и есть. Ничего серьезного. Посылают скаф проверить, как они там.

«Может, дно вскрылось и сожрало их без остатка, — думает Лени. — А может, в корпусе оказалась слабая панель — ведь достаточно всего одной...»

Что-то трещит в глубинах конструкции «Биб». Кларк оглядывается по сторонам. Пока она не обращала внимания на стены, те, кажется, сдвинулись ближе.

— Иногда, — замечает она, — мне хочется, чтобы мы не поддерживали на станции поверхностное давление. Иногда хочется накачать его до окружающего уровня. Снять постоянное напряжение с корпуса.

Она знает, что это невозможно. Всего лишь мечта. Большинство газов при трехстах атмосферах убивают человека на месте. Даже кислород, если его давление превысит один или два бара.

Баллард мелодраматично вздрагивает:

— Если хочешь рискнуть и подышать девятипроцентным водородом, то пожалуйста. Мне же нравится все как есть. — Она улыбается. — К тому же, ты представляешь, сколько времени понадобится потом для декомпрессии?

В рубке связи что-то блеет, требует внимания.

— Сейсмическая активность. Шикарно. — Баллард исчезает внутри.

Кларк следует за ней.

На одном из дисплеев корчится янтарная линия. Словно электроэнцефалограмма спящего человека, которому привиделся кошмар.

— Надевай глаза, — говорит Баллард. — Жерло заработало.

Звук слышится на всем пути от «Биб»: зловещее, почти электрическое шипение со стороны Жерла. Кларк следует за Баллард, одной рукой слегка держась за направляющий фал. Клякса света в отдалении отмечает точку их назначения, и почему-то она кажется неправильной. Цвет непривычный. Он рябит.

Они всплывают в сверкающий ореол и видят причину. Жерло горит.

Сапфировые полярные сияния скользят, мерцают, вдоль генераторов. На дальнем конце массива, почти невидимая из-за расстояния, клубится колонна дыма, вздымаясь в темноте огромным торнадо.

Звук, исходящий от нее, заполняет бездну. Кларк на мгновение закрывает глаза и слышит треск гремучих змей.

— Господи! — Баллард перекрикивает шум. — Так не должно быть!

Кларк проверяет термистор. Данные постоянно изменяются; температура воды прыгает от четырех градусов до тридцати восьми и обратно буквально за секунды. Пока напарники оценивают ситуацию, мириады недолговечных течений тянут их в разные стороны.

— Почему виден свет? — спрашивает Кларк.

— Не знаю! Биолюминесценция, наверное! Бактерии, чувствительные к высокой температуре!

Без всякого предупреждения суматоха стихает.

Океан избавляется от звука. Тускло фосфоресцирующие паутинки извиваются на металле и исчезают. Торнадо вздыхает в отдалении и распадается на несколько неустойчивых смерчей.

В медном свете начинает кружиться легкий дождь из черной сажи.

— Фумарола, — произносит Баллард во внезапной тишине. — И немаленькая.

Они плывут к месту извержения гейзера. В дне свежая рана, трещина в несколько метров длиной разделяет два генератора.

— А ведь этого не должно было произойти, — говорит Баллард. — Именно поэтому станцию тут и построили, черт побери! Она должна была быть стабильной!

— На рифте нет ничего стабильного, — отвечает Кларк. «Иначе здесь не имело бы смысла находиться».

Ее напарница плывет сквозь сажевые осадки и тыкает в крышку смотровой горловины одного из генераторов, после чего, заглянув внутрь, констатирует:

— Ну, судя по датчикам, повреждений нет. Повиси-ка, дай мне переключить цепи...

Кларк трогает один из цилиндрических сенсоров на поясе и смотрит в трещину. «А я бы смогла там пролезть», — решает она.

И лезет.

— Нам повезло, — говорит над ней Баллард. — С остальными генераторами тоже все в порядке. О, подожди секунду, у второго забила охлаждающая трубка, но ничего серьезного. Резервная система справится, пока... Вылезай оттуда!

Кларк задирает голову вверх, придерживая рукой устанавливаемый датчик. Видит, как напарница уставилась на нее сквозь свежую каменную трубу.

— Ты с ума сошла? — кричит Баллард. — Это же активный гейзер!

Лени осматривает шахту. Та поворачивает, исчезая из виду в минеральном тумане.

— Нам нужны температурные данные изнутри Жерла.

— Вылезай оттуда! Он же опять заработает и поджарит тебя!

«Думаю, такое легко может случиться».

— Выброс уже произошел, — отвечает Лени. — Ему понадобится какое-то время, чтобы собраться с силами.

Она поворачивает кнопку на датчике; крохотные взрывные штифты пробивают камень, закрепляя устройство.

— Вылезай оттуда сейчас же!

— Еще секунду. — Кларк включает сенсор и прыжком вылезает из трещины.

Баллард хватается за руку, когда та появляется на поверхности, и тянет прочь от гейзера.

Лени замирает и высвобождается.

— Не... смей меня трогать! — Приходит в себя. — Все, я вылезла, понятно? Не надо меня...

— Отплывем. — Напарница не останавливается. — Вон туда.

Они находятся почти на границе освещенной зоны: залитое прожекторами Жерло с одной стороны, темнота с другой. Баллард поворачивается к Кларк:

— Ты совсем спятила? Мы могли отправить с «Биб» робота! Поставить датчик дистанционно!

Лени не отвечает. Она видит, как за спиной коллеги что-то движется.

— Берегись!

Баллард поворачивается и замечает, как к ним скользит мешкорот. Он струится в воде коричневым дымом, безмолвный и бесконечный; Кларк не видит хвоста рыбы, хотя несколько метров змееподобной плоти уже вышли из мрака.

Баллард вынимает нож. Кларк, чуть помедлив, тоже.

Пасть мешкорота распахивается, как огромный ковш с заостренными зубами.

Баллард приближается к твари, нож на изготовку.

Лени отводит ее руку:

— Подожди. Он плывет не к нам.

Морда рыбы уже примерно в десяти метрах. Из темноты появляется ее хвост.

— Ты с ума сошла? — Баллард вырывает руку, все еще наблюдая за монстром.

— Возможно, он не голодный.

Кларк видит глаза мешкорота, два крохотных немигающих пятнышка, свирепо смотрящих на людей.

— Они всегда голодные. Ты что, спала во время инструктажа?

Мешкорот захлопывает пасть и проплывает мимо. Он огибает рифтеров по большой змеящейся дуге и снова поворачивает голову в их сторону. Рот открывается.

— Да пошло оно на хер, — говорит Баллард и атакует.

Ее первый удар прорезает метровую рану в боку создания. Мешкорот таращится на нее, словно в изумлении. А потом начинает тяжеломерно биться в конвульсиях.

Кларк наблюдает, не двигаясь. «Почему она просто не может отпустить его? Почему ей всегда надо доказывать, что она лучше всех?»

Баллард бьет снова, в этот раз вспарывая массивное вздутие, похожее на опухоль, — желудок твари.

Оттуда вываливается его содержимое. Они проskalзывают сквозь рану: две больших гигантуры и какое-то уродливое создание, которое Кларк и признать не может. Одна из гигантур еще жива и находится в скверном расположении духа, потому смыкает зубы вокруг первой попавшейся вещи.

На Баллард. Сзади.

— Лени! — Та бешено размахивает ножом, который сверкает, разрезая воду отрывистыми дугами. Рыба начинает распадаться, но ее челюсти не размыкаются. Мешкорот, трясясь от спазмов, врезается в Баллард, и та, крутясь, летит ко дну.

Наконец Кларк двигается с места.

Мешкорот снова сталкивается со своей убийцей. Лени плывет понизу, держась за каменистую поверхность, и вытягивает напарницу вверх.

Нож Баллард продолжает протыкать и проворачиваться. От гигантуры ниже жабр остались лишь изувеченные останки, но она не разжимает челюстей, а Баллард не может извернуться, чтобы достать до ее черепа. Кларк заходит сзади и обхватывает голову рыбы руками.

Та неподвижно глазеет на нее, злобная и абсолютно безмозглая.

— Убей ее! — кричит Баллард. — Господи, да чего же ты ждешь?

Лени закрывает глаза и сжимает кулак. Череп в ее руке раскалывается, словно сделанный из дешевого пластика.

Наступает тишина.

Через какое-то время Кларк открывает глаза. Мешкорота нет, сбежал во тьму то ли выжить, то ли умереть. Но Баллард все еще тут, и она очень зла.

— Да что с тобой такое?

Кларк разжимает кулак. Кусочки костей и желеобразной плоти всплывают над ее пальцами.

— Ты должна была меня прикрывать! Какого черта ты постоянно такая... пассивная?

— Извини.

«Иногда это срабатывает».

Баллард ощупывает спину.

— Мне холодно. Похоже, она прокусила костюм... Лени подплывает сзади и осматривает повреждения.

— Пара дырок. А еще что-нибудь чувствуешь? Ничего не сломано?

— Она пробила костюм, — Баллард говорит словно про себя. — А когда мешкорот ударил меня, то мог... — Она поворачивается к Кларк, и ее голос, даже искаженный, звучит испуганно: — Меня могли убить. Меня могли убить!

На мгновение кажется, что костюм, линзы и самоуверенность Баллард исчезли. В первый раз Лени глубоко внутри видит ее слабость, ширящуюся изящной сеткой трещин, толщиной с волос.

«А ведь ты тоже можешь облажаться, Баллард. Тут тебе не веселье. Не игрушки. И теперь ты это знаешь, и от этого больно, правда?»

Где-то внутри рождается еле заметное сочувствие.

— Все в порядке, — говорит Кларк. — Дженет, все...

— Да ты дура! — шипит та. Сейчас она похожа на какую-то злую и слепую старуху. — Ты там просто плавала! Смотрела! Позволила им на меня напасть!

Лени чувствует, как ее защита возвращается в строй. «А ведь это не просто страх. Не просто слова, выпаленные в горячке. Я ей не нравлюсь. Совсем не нравлюсь».

А потом, тупо удивившись от того, что не заметила это раньше, она понимает: «И никогда не нравилась».

НИША

Станция «Биб» парит, привязанная, над морским дном, серой, цвета оружейной стали, планетой, окруженной кольцом расположившихся по ее экватору прожекторов. На южном полюсе воздушный шлюз для ныряльщиков, на северном — стыковочный узел

для батискафов. А между ними пояса металлоконструкций, якорные концы, трубы, кабели, металлический панцирь и Лени Кларк.

Она проводит рутинную визуальную проверку корпуса; стандартная процедура раз в неделю. Баллард внутри, тестирует какое-то оборудование в рубке. Работой в паре тут и не пахнет. Но Кларк это нравится. Последние несколько дней отношения между ними были вполне нормальными — напарница периодически даже выдает свое фирменное дружелюбие — но, чем больше времени они проводят вместе, тем больше нарастает напряжение между ними. Лени знает: в конце концов что-нибудь да сломается.

К тому же здесь так естественно быть одной.

Она проверяет зажим кабеля, когда на свет приплывает явно голодный саблезуб длиной под два метра. Он атакует ближайший прожектор станции, широко раскрыв пасть. Несколько зубов разбиваются о хрустальную линзу. Рыба выворачивается в другую сторону, хвостом ударив корпус «Биб», и уплывает прочь, почти исчезнув на границе тьмы.

Кларк наблюдает за ней, замороженная. Саблезуб мечется туда-сюда, туда-сюда, а потом нападает снова.

Прожектор легко переживает натиск, атакующий больше вреда наносит самому себе, нежели мертвой конструкции. Снова и снова существо бьется о свет и, наконец, истощенное, падает, извиваясь, к илистому дну.

— Лени? Ты там как?

Кларк чувствует, как слова жужжат в нижней челюсти, и включает передатчик в костюме.

— В порядке.

— Я тут слышала что-то. Просто хотела убедиться, что у тебя...

— Я в порядке. Это рыба.

— Они, похоже, никогда не научатся.

— Нет. Похоже на то. Увидимся позже.

— Уви...

Кларк отключает приемник.

«Бедная глупая рыба».

Сколько тысячелетий им понадобилось, чтобы выучить — биолюминесценция означает еду? Сколько «Биб» придется здесь висеть, чтобы они уяснили — электрический свет бесполезен?

«Мы бы могли отключить прожекторы. Может, тогда они бы оставили нас в покое».

Лени глядит сквозь электрический ореол станции. Там столько мрака. От него больно глазам. Без света, без сонара, как далеко она сможет заплывать в этот тягучий саван и вернуться?

Кларк выключает налобный фонарь. Ночь подступает немного ближе, но огни станции держат ее на расстоянии.

Лени отталкивается от корпуса.

Ее обнимает тьма. Она плывет, не оглядываясь, пока не устают ноги. Не знает, как далеко забралась.

Могли пройти световые годы. Океан полон звезд.

Позади грубыми желтыми лучами ярко сверкает станция. В противоположной стороне еле различимо пустяковым заревом на горизонте Жерло.

А вокруг живые созвездия пронизывают мрак. Нить жемчужин мигает с двухсекундным интервалом, призывая сексуальных партнеров. От неожиданной вспышки перед глазами Кларк роем клубятся несуществующие пятна; что-то бросается прочь, воспользовавшись ее мгновенной слепотой. В течении лениво извивается ложный червь, невидимо связанный с небом чьей-то хищной пасти.

Здесь столько жизни.

Лени чувствует неожиданный толчок от волны, словно что-то большое проплыло рядом. Ее тело пронизывает восхитительный трепет.

«Оно почти коснулось меня. Интересно, кто это был?»

Рифт полон монстров, которые не знают, когда отступить. Неважно, сколько они едят. Ненасытность — их неотъемлемая часть, так же как эластичные желудки, всегда открытые челюсти. Прожорливые карлики нападают на гигантов в два раза больше их и иногда побеждают. Бездна — это пустыня; никто не может позволить себе роскошь ждать вариантов получше.

Но даже в пустыне есть оазисы, и иногда глубоко-водные охотники находят их. Они сталкиваются с малопитательным изобилием рифта и жрут, пока не начнут давиться; их потомки вырастают огромными, с раздутой плотью, покоящейся на таких хрупких костях...

«Я отключила фонарь, и оно оставило меня в покое. Интересно...»

Лени снова включает свет. Картинка перед глазами меркнет от неожиданного сияния, потом все проясняется. Океан снова становится беспросветным мраком. Но никакие кошмары к ней не устремляются. Луч тыкается в пустую воду, обступающую его со всех сторон.

Кларк снова выключает фонарь. Наступает момент полной черноты, пока линзы адаптируются к пониженному освещению. А потом звезды появляются снова.

Они такие красивые. Лени Кларк лежит на дне океана и наблюдает за бездной, сверкающей вокруг. Она чуть ли не смеется, когда понимает, что в трех тысячах метров от солнца тьма наступает только тогда, когда горит свет.

— Да что с тобой такое? Ты исчезла на три часа, ты хоть понимаешь это? Почему не отвечала?

Кларк наклоняется и снимает ласты.

— Наверное, я отключила передатчик. Я... так, секунду, ты говоришь, что...

— Наверное? Ты что, совсем забыла правила безопасности, которые в нас вбивали? Ты должна держать передатчик включенным с той секунды, как покидаешь «Биб», и до самого возвращения!

— Ты сказала, я отсутствовала три часа?

— Да я не могла даже на твои поиски отправиться, не могла найти тебя на сонаре! Пришлось сидеть здесь и надеяться, что ты покажешься в конце концов!

Казалось, прошло всего несколько минут с того момента, как Лени оттолкнулась от корпуса станции в темноту. Она забирается в кают-компанию, неожиданно чувствуя озноб во всем теле.

— Где ты была, Лени? — Дженет Баллард требует ответа, подойдя к ней со спины. Кларк слышит еле заметные жалобные нотки в ее голосе.

— Я... Я, наверное, была на дне, — говорит Лени, — поэтому меня и не видел сонар. Но совсем недалеко.

«Я заснула? Что я делала эти три часа?»

— Я просто... плавала. Потеряла счет времени. Извини.

— Это очень плохо. Не делай так больше.

Наступает краткое мгновение тишины. Оно обрывается неожиданным, но таким знакомым ударом плоти о металл.

— О боже! — рывкает Баллард. — Я выключаю прожекторы прямо сейчас!

Что бы ни было снаружи, оно успевает удариться об обшивку еще два раза, прежде чем Дженет добирется до пульта, и Кларк слышит, как та щелкает кнопками.

Она возвращается в кают-компанию.

— Все. Вот теперь мы невидимы.

Раздается еще один удар. А потом еще один.

— Или нет, — комментирует Кларк.

Баллард стоит посередине отсека, вслушивается в ритм нападений.

— Их не видно на радаре, — она почти шепчет. — Иногда, когда я слышу, как они приближаются к нам, я настраиваю прибор на минимально близкое расстояние. Но он их не ловит совершенно.

— Нет газовых пузырей, и звук не отражается.

— Мы-то на сонаре всегда светимся. Ну, большую часть времени. Но не эти твари. Их не найти, неважно, насколько сильно врубаешь прибор. Они как призраки.

— Они — не призраки.

Почти неосознанно Кларк считает удары: восемь, девять...

Баллард поворачивается к ней.

— Они закрыли «Пикар», — голос у нее тихий и напряженный.

— Что?

— Офис Энергосети говорит, что там какие-то технические проблемы. Но у меня есть друг в штате. Я с ним связалась, пока ты была снаружи. Он сказал, Лана в госпитале. И у меня такое чувство... — Баллард качает головой. — Похоже, Кен Лабин что-то натворил. Думаю, он на нее напал.

Три удара снаружи в быстрой последовательности. Кларк чувствует на себе взгляд напарницы. Молчание затягивается.

— Или нет, — говорит Баллард. — Мы же все проходили психологическое тестирование. Если бы он был склонен к насилию, то его бы отбраковали еще перед отправкой.

Лени наблюдает за ней, слушает грохотание прерывистого кулака.

— Или, может... может, рифт изменил его каким-то образом. Может, мы недооценили влияние давле-

ния, под которым постоянно находимся. Так скажем. — Баллард выдавливает из себя слабую улыбку. — Не столько физическая опасность, сколько эмоциональный стресс, понимаешь? Повседневные вещи. Да просто выход наружу может доконать, в конце концов. Морская вода, пропущенная сквозь твое собственное тело. Не дышать часами. Все равно что... жить без стука сердца...

Она смотрит на потолок; звуки снаружи становятся все более беспорядочными.

— А снаружи не так плохо, — говорит Кларк. «По крайней мере, там ничего не давит. И не надо беспокоиться, что корпус станции не выдержит».

— Не думаю, что трансформация происходит неожиданно. Она вроде как подкрадывается к тебе незаметно, мало-помалу. А потом однажды утром просыпаешься каким-то другим, только этой перемены ты никогда не заметишь. Как Кен Лабин.

Она смотрит на Кларк, и голос ее становится тише:

— И ты.

— Я. — Лени вертит в голове слова напарницы, ждет от себя хоть какой-то реакции. Кроме собственного безразличия, не чувствует больше ничего. — Не думаю, что тебе стоит беспокоиться. Я не из буйных.

— Знаю. Я не о собственной безопасности беспокоюсь, Лени, а о твоей.

Кларк смотрит на нее из-за непроницаемой безопасности линз и не отвечает.

— Ты изменилась с тех пор, как спустилась сюда, — говорит Баллард. — Сторонишься меня, подвергаешь себя ненужным рискам. Я не знаю, что происходит с тобой. Как будто ты хочешь умереть.

— Не хочу. — Лени старается сменить тему разговора. — С Ланой Чунг все в порядке?

Дженет изучает ее какое-то время, но намек улавливает:

— Не знаю. Деталей мне не сообщили.

Лени чувствует, как внутри нее завязывается узел.

— Интересно, что она сделала? Почему он пошел вразнос? — бормочет она.

Баллард уставилась на нее, открыв рот.

— Что она сделала? Я поверить не могу, что ты это сказала!

— Я всего лишь имела в виду...

— Я знаю, что ты имела в виду.

Удары снаружи прекратились. Но Баллард легче не стало. Она стоит, сгорбившись, в этих странных, таких свободных, мешковатых одеждах, которые носят сухопутники, и пристально смотрит в потолок, как будто не верит тишине, а потом переводит взгляд на Кларк.

— Лени, ты знаешь, я не люблю напоминать о субординации, но твое отношение к делу ставит под угрозу нас обеих. Я считаю, что это место начинает на тебя влиять. Я надеюсь, что ты сможешь вернуться к нормальному состоянию, действительно надеюсь. Иначе мне придется рекомендовать руководству перевести тебя.

Кларк наблюдает за тем, как Баллард покидает кают-компанию, и тут все понимает. «Да ты же напугана до смерти, и не только потому, что я меняюсь. А потому, что меняешься ты».

Только через пять часов после события Кларк замечает: что-то изменилось на дне океана.

«Мы спим, а земля движется, — думает она, изучая топографический дисплей. — А в следующий раз или когда-нибудь в ближайшем будущем она выскользнет прямо из-под нас. Интересно, будет ли у меня тогда время почувствовать хотя бы что-то».

Она поворачивается на звук, раздавшийся за спиной. Баллард стоит в кают-компании, слегка покачи-

ваясь. Ее лицо изуродовано глубокими тенями под глазами и концентрическими кругами на роговице. Незащищенные, обнаженные зрачки кажутся чуждыми для Кларк.

— Дно сдвинулось, — сообщает она. — Новое обнажение пласта где-то в двухстах метрах к западу от нас.

— Странно, я ничего не почувствовала.

— Это произошло около пяти часов назад. Мы спали.

Дженет бросает на нее внимательный взгляд. Лени видит, как осунулась напарница, какие глубокие морщины пробороzdили кожу. «По зрелом размышлении...»

— Я... я бы проснулась, — заявляет та.

Она протискивается мимо Кларк в отсек и проверяет данные топографии.

— Два метра высотой, двенадцать длиной, — отчетливает Лени.

Баллард не отвечает. Она, с силой барабана по клавиатуре, вводит какие-то команды; топографическая картина растворяется, преображаясь в колонку цифр.

— Как я и думала. Никакой заметной сейсмической активности за последние сорок два часа.

— Сонар не лжет, — спокойно говорит Лени.

— Сейсмограф тоже.

Неловкая тишина. Для подобных случаев существует стандартная процедура, и они обе знают, что теперь придется делать.

— Нам надо все проверить, — констатирует Кларк. Баллард лишь кивает:

— Дай мне минутку, надо переодеться.

Устройство называют «кальмаром»: цилиндр где-то с метр длиной с реактивным двигателем, прожектором на носу и сцепкой на хвосте. Кларк висит между «Биб» и дном, проверяет его одной рукой. Во второй

сжимает гидроакустический пистолет, периодически направляет его во тьму; ультразвуковые щелчки пронизывают ночь, давая ей направление.

— Нам туда, — говорит она, указывая.

Баллард сжимает ручки своего «кальмара». Машина уносит ее прочь. Чуть помедлив, за ней следует Кларк. Замыкает процессию третий цилиндр, который везет набор датчиков в нейлоновой сумке.

Баллард путешествует чуть ли не на полной скорости. Фонарь на ее шлеме и прожектор пронзают воду, словно два маяка-близнеца. Кларк, потушив свет, нагоняет их на полпути. Пару метров они идут бок о бок над илистым дном.

— Огни, — говорит Баллард.

— Они не нужны. Сонар работает и в темноте.

— Ты теперь нарушаешь инструкции только ради удовольствия?

— Рыбы внизу нападают на светящиеся предметы...

— Включи свет. Это приказ.

Кларк не отвечает. Смотрит на лучи рядом. Свет от «кальмара» Баллард уверенный и стойкий. Головной же фонарь режет воду беспорядочными дугами, когда напарница крутит головой.

— Я сказала тебе, включи свой... О боже!

Это всего лишь проблеск, мимолетный образ, пойманный лучом. Дженет принимается крутить головой, и он исчезает из виду, а потом возникает в свете прожектора «кальмара», огромный и ужасный.

Бездна улыбается им оскаленными зубами.

Пасть растягивается по всей ширине луча, продолжается во тьму по обе стороны. Она забита коническими зубами размером с человеческую руку, которые совсем не выглядят хрупкими.

Баллард начинает давиться и ныряет ко дну. Придонный ил окутывает ее бурлящим облаком, она исчезает в потоке планктонных трупов.

Кларк останавливается и ждет, не двигаясь с места. Она смотрит на эту угрожающую улыбку. Все ее тело наэлектризовано, она еще никогда не чувствовала себя настолько ясно. Каждый нерв пылает и замерзает одновременно. Она в ужасе.

Но каким-то образом Лени полностью себя контролирует. Пока она размышляет над этим парадоксом, оставленный без присмотра «кальмар» напарницы замедляется и останавливается буквально в нескольких метрах от бесконечного ряда зубов. Кларк удивляется собственной аналитической четкости, когда третья торпеда с грузом датчиков теряет скорость и занимает позицию рядом с машиной Баллард.

Ухмылка в дополнительном свете не меняется.

Кларк поднимает гидролокационный пистолет и стреляет. Проверяет показания и понимает: «Мы на месте. Это и есть обнажение породы».

Она подплывает ближе. Улыбка не исчезает, таинственная и соблазнительная. Теперь становятся видны куски костей у корней зубов и обрывки разложившейся плоти, струящиеся с десен.

Лени поворачивается и отходит. Облако на дне начинает опадать.

— Баллард, — зовет она механическим голосом.

Никто не отвечает.

Кларк принимается вслепую шарить в грязи, пока не нащупывает что-то теплое и дрожащее.

Дно взрывается ей в лицо.

Баллард вырывается из субстрата, оставляя за собой грязный след, как от кометы. Ее рука поднимается из внезапного облака, в ней зажато что-то блестящее. Кларк видит нож и еле успевает отклониться; лезвие задевает костюм, воспламенив нервные окончания по всей грудной клетке. Баллард бьет снова. В этот раз Лени успевает перехватить запястье, когда рука проходит мимо, выворачивает ее, тянет. Дженет падает.

— Это я! — кричит Кларк, вокодер превращает ее голос в металлическое вибрато.

Баллард поднимается на ноги, бельма на глазах не видят, нож по-прежнему зажат в руке.

Лени держит ее:

— Прекрати! Тут ничего нет! Оно мертво!

Та останавливается, но не может отвести взгляда от Кларк. Потом осматривает «кальмары», освещенную ими улыбку. Замирает.

— Это какой-то кит, — объясняет Кларк. — Он уже давно мертв.

— К...кит? — хрипит Баллард. Ее начинает трясти.

«Не нужно так этого стыдиться». Кларк хочет сказать это, но решает ничего не говорить. Вместо этого легко касается руки напарницы. «Интересно, ты вот так людей успокаиваешь?»

Баллард дергается в сторону, словно от ожога.

«Думаю, нет...»

— Ммм, Дженет, — начинает Лени.

Баллард поднимает дрожащую руку, обрывая ее.

— Я в порядке. Я хочу вер... Думаю, нам надо вернуться обратно, не так ли?

— Ладно, — отвечает Кларк, но кривит душой.

Здесь она может стоять хоть весь день.

Баллард снова в библиотеке. Она поворачивается, привычным жестом проведя рукой над датчиком контроля яркости, когда к ней подходит Лени; экран темнеет, прежде чем та успевает увидеть, что на нем. Кларк с удивлением смотрит на фоновизор, висящий над терминалом. Если Дженет так не хочет ничего показывать, то могла бы воспользоваться им.

«Но тогда бы она не заметила моего прихода...»

— Думаю, это был клюворылый кит. Только у него слишком много зубов. Эти киты очень редкие и не ныряют так глубоко.

Кларк слушает, но ее это особо не интересует.

— Он, наверное, умер и начал разлагаться наверху, а потом затонул, — Баллард слегка повышает голос, почти украдкой смотря на что-то, находящееся на другой стороне кают-компания. — Интересно, какие шансы на то, что это могло произойти?

— Что?

— Я имею в виду, как могло случиться так, что во всем океане такое большое животное упало именно здесь, в паре сотен метров от нас. Шансы на это, по идее, крайне малы.

— Да, думаю, так. — Лени протягивает руку и включает дисплей. Одна его половина мягко мерцает от светящегося текста. На другой вращается изображение какой-то сложной молекулы.

— Что это?

Дженет опять украдкой бросает взгляд в кают-компанию.

— Старый текст по биопсихологии из нашей библиотеки. Я его просматривала. Когда-то интересовалась этой темой.

Кларк смотрит на нее.

— Угу.

Потом наклоняется и изучает экран. Какая-то прикладная химия. Единственное, что она понимает, это заголовки под графиком, и поэтому зачитывает его вслух:

— Истинное Счастье.

— Да. Трицикл с четырьмя боковыми цепями. — Баллард указывает на экран. — Когда ты счастлива, счастлива по-настоящему, то, значит, действует эта штука.

— А когда ее открыли?

— Не знаю. Книга старая.

Кларк пристально рассматривает вращающуюся модель. Почему-то та ее беспокоит. Парит над этим самоуверенным глупым заголовком и говорит то, что ей слышать не хочется.

«Тебя решили. Как задачу. Ты — механизм. Химия и электричество. Все, чем ты являешься, каждый сон, каждое действие — все в конце концов сводится к изменению напряжения где-то в организме, или — как она это назвала? — трициклу с четырьмя боковыми цепями...»

— Это неправильно, — бормочет Кларк. «Иначе нас бы смогли чинить, когда мы ломаемся...»

— Прости...

— Здесь говорится, что мы просто органические компьютеры. С лицами.

Баллард выключает терминал.

— Так и есть. А некоторые из нас теряют даже их.

Лени замечает колкость, но та не достигает цели. Кларк выпрямляется и направляется к лестнице.

— Ты куда? Опять наружу? — спрашивает Баллард.

— Смена не закончилась. Думаю, я прочищу трубу на втором номере.

— Поздновато, Лени. Смена закончится, прежде чем мы и наполовину сделаем дело. — Глаза Баллард снова устремляются на что-то. В этот раз Кларк следит за ее взглядом и упирается в большое зеркало на дальней стене.

Ничего интересного там нет.

— Я буду работать допоздна. — Она хватается за перила, заносит ногу над первой ступенькой.

— Лени, — Кларк может поклясться, что слышит дрожь в голосе напарницы, оглядывается, но та уже идет в рубку, говоря: — Боюсь, я не смогу пойти с тобой. Надо проверить протоколы телеметрии. Там какие-то сложности.

— Прекрасно. — Лени чувствует, как нарастает напряжение, и спускается по лестнице.

«Биб» снова сжимается.

— А ты уверена, что с тобой снаружи все будет в порядке? Может, тебе стоит подождать до завтра.

— Нет. Я уверена.

— Тогда держи передатчик включенным. Я не хочу, чтобы ты опять пропала...

Кларк уже в воздушном шлюзе, быстро исполняет весь положенный ритуал. Переход уже не кажется утоплением. Теперь он больше напоминает рождение заново.

Она просыпается во тьме. Кто-то рыдает.

Лежит несколько минут неподвижно, смущенная и неуверенная. Всхлипы идут со всех сторон, мягкие, но вездесущие в гулкой скорлупе «Биб». Ее тело почти безмолвно, только слышится стук сердца.

Она боится. Не знает почему. Только хочет, чтобы звуки исчезли.

Кларк скатывается с койки и роется наугад, ища задвижку люка. Открывает, выходит в полутемный коридор; скудный свет идет из кают-компаний. Звуки же доносятся с противоположного конца, из сгущающегося мрака. Она следует за ними по туннелю, кишасшему трубами и кабелями.

Каюта Дженет. Люк открыт. Изумрудный индикатор сверкает во тьме, практически не освещая сгорбленную фигуру на тонком матрасе.

— Баллард, — тихо окликает ее Кларк, но войти не хочет.

Тень двигается, вроде бы поворачивает к ней голову и произносит, в голосе слышатся просительные нотки:

— Почему ты никогда этого не показываешь?

Кларк хмурится в темноте.

— Чего не показываю?

— Ты знаешь, чего! Как... как тебе страшно!

— Страшно?

— Быть здесь, застрять на дне этого ужасного черного океана...

— Я не понимаю, — шепчет Кларк.

Клаустрофобия, забеспокоившись, начинает шевелиться внутри.

Баллард фыркает, но усмешка явно вымученная.

— О, ты все прекрасно понимаешь. Думаешь, это такое соревнование. Если все будешь держать в себе, то выиграешь... но это не так, совсем не так, Лени. Скрытность не помогает, здесь мы должны уметь доверять друг другу или проиграем...

Она еле заметно сдвигается на койке. Зрение Кларк, улучшенное линзами, различает отдельные детали; грубые линии окаймляют силуэт Баллард, складки и сгибы обыкновенной одежды, расстегнутой до пояса. Лени приходит в голову образ частично вскрытого трупа, который поднялся на столе, оплакивая собственные увечья.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — произносит Кларк.

— Я пыталась быть дружелюбной. Пыталась поладить с тобой, но ты такая холодная, ты даже не хочешь признать... я имею в виду, тебе не может тут нравиться, никому не может. Так почему ты не можешь просто признать это...

— Мне и не нравится. Я... я ненавижу это место. Как будто «Биб» собирается... сомкнуться вокруг меня. А я могу только ждать, когда это случится.

Баллард кивает в темноте.

— Да, да, я понимаю, о чем ты, — кажется, ее приободрило признание Кларк. — И неважно, сколько ты говоришь себе... — Она останавливается. — Ты ненавидишь это место, станцию?

«Неужели я опять сказала что-то не то?»

— Снаружи едва ли лучше, — говорит Баллард. — Снаружи даже хуже! Там оползни, гейзеры и гигантские рыбы, которые вечно хотят тебя сожрать. Ты не можешь... но... тебе же на них наплевать, так?

Почему-то в ее голосе появляются обвинительные ноты. Кларк пожимает плечами.

— Да, тебе наплевать. — Теперь Баллард говорит тихо, почти шепотом. — Тебе на самом деле нравится снаружи. Ведь так?

Лени неохотно кивает.

— Ага, похоже на то.

— Но это так... Рифт может убить тебя, Лени. Он может убить нас сотней разных способов. Разве это тебя не пугает?

— Не знаю. Я не думаю об этом. Подозреваю, что да, может и убить. Ну, вроде того.

— Тогда почему ты так счастлива там? — кричит Баллард. — Ведь это не имеет смысла...

«Не сказать, что я именно „счастлива“».

— Не знаю. Но в чем проблема-то? Множество людей занимаются опасными вещами. Как насчет парашютистов? Скалолазов?

Но Дженет не отвечает. Ее силуэт на кровати словно затвердевает. Неожиданно она протягивает руку и включает в каюте свет.

Лени моргает от неожиданной яркости, а потом комната погружается в сумрак, когда затемняются линзы.

— Боже мой! — орет Баллард. — Ты уже и спишь в этом гребаном костюме?

Об этом Кларк просто не подумала. Так ей казалось гораздо легче.

— И все это время, пока я тут тебе душу изливала, ты стояла тут с этим поганим лицом робота! У тебя даже не хватило порядочности показать мне свои треклятые глаза!

Кларк отступает, изумленная. Баллард поднимается с кровати и делает шаг в ее сторону:

— Только подумать, а ведь, прежде чем тебе дали этот сраный костюм, ты даже могла за человека сойти! А теперь не пойти ли тебе и не поиграть с чем-нибудь в своем разлюбезном океане!

И она с грохотом захлопывает люк прямо перед лицом Лени.

Та какое-то время смотрит на задраенную переборку. Знает — ее лицо сейчас совершенно спокойно. На нем почти никогда не отражаются эмоции. Но она стоит здесь и не двигается, пока съездившееся существо внутри слегка не расслабляется.

— Хорошо, — наконец очень тихо произносит Лени. — Думаю, я пойду.

Когда она появляется из воздушного шлюза, ее уже ждет Баллард и тихо говорит:

— Лени, нам нужно поговорить. Это очень важно.

Кларк наклоняется и снимает ласты.

— Выкладывай.

— Не здесь. В моей каюте.

Кларк смотрит на нее.

— Пожалуйста.

Та поднимается по лестнице.

— А ты не собираешься снять?.. — Дженет останавливается, когда Кларк переводит на нее взгляд. — Неважно. Все в порядке.

Они заходят в кают-компанию. Баллард впереди. Кларк следует за ней по коридору в ее комнату. Напарница закрывает люк и садится на койку, оставляя место для Лени.

Та осматривает тесное пространство. Хозяйка завесила зеркало на переборке простыней.

Дженет хлопает по кровати рядом с собой:

— Иди сюда, Лени. Садись.

Кларк неохотно садится. Неожиданная доброта напарницы смущает ее. Она так себя не вела с тех пор... «...с тех пор как не чувствовала себя главной».

— ...это может показаться тебе нелегким, — начинает Баллард, — но мы должны вытащить тебя с рифта. Они вообще не должны были посылать тебя сюда.

Кларк не отвечает.

— Помнишь тесты, которые мы проходили? Они измеряли нашу толерантность к стрессу; к заточению, длительной изоляции, постоянной физической опасности — к такого рода вещам.

Лени едва заметно кивает:

— И?..

— И ты думаешь, они проверяли эти качества, не понимая, какие люди будут ими обладать? Или как они такими стали?

Внутри Кларк что-то замирает. Снаружи ничего не меняется.

Баллард слегка наклоняется к ней:

— Помнишь, что ты сказала? Про скалолазов, парашютистов и почему люди намеренно совершают опасные поступки? Я читала про это, Лени. Мне нужно было понять тебя, я много читала...

«Нужно было понять меня?»

— ...и знаешь, что общего есть у всех любителей острых ощущений? Они все говорят, что ты не знаешь жизни, пока не почувствовал приближение смерти, пока почти не умер. Им нужна опасность. Они кайфуют с нее.

«Ты совсем меня не знаешь...»

— Некоторые из них ветераны войны, другие долго были заложниками, некоторые провели много времени в опасных зонах по той или иной причине. А настоящие маньяки...

«Меня никто не знает».

— ...те, кто не может жить счастливо, не находясь на грани все время... Большинство из них начали рано, Лени. Еще детьми. А ты, держу пари... ты даже не любишь, когда к тебе прикасаются...

«Уходи. Уйди».

Баллард кладет руку на плечо Кларк.

— Как долго ты терпела надругательства над собой, Лени? — тихо спрашивает она. — Сколько лет?

Кларк движением плеча сбрасывает ее ладонь и молчит. Чуть перемещается на койке, отворачиваясь. «Она не хочет причинить тебе зла».

— Все так, да? Ты не просто выработала в себе стойкость к травмам, Лени. У тебя теперь зависимость от них. Не так ли?

Кларк понадобилась всего лишь секунда, чтобы восстановить равновесие. Костюм и линзы делают все проще. Она спокойно поворачивается к Баллард. Даже слегка улыбается.

— Надругательства? Какой необычный термин. Я думала, он уже вышел из употребления после охоты на ведьм. Любишь историю, Дженет?

— Существует механизм, — начинает рассказывать ей та. — Я читала о нем. Ты знаешь, как мозг справляется со стрессом, Лени? Он качает в кровь различные стимуляторы, вызывающие привыкание. Бетаэндорфины, опиоиды. Если это происходит достаточно часто и долго, то ты подсаживаешься. И никак иначе.

Кларк чувствует какой-то звук, разрастающийся в горле, иззубренный кашляющий шум, похожий на скрип рвущегося металла. Только спустя мгновение она понимает, что смеется.

— Я не вру! — настаивает Баллард. — Можешь посмотреть сама, если не веришь мне! Разве не знаешь, сколько детей, подвергавшихся насилию, всю жизнь проводят с мужьями, которые их быют, или сами себя

увечат, или начинают заниматься прыжками со свободным падением...

— И от этого счастливы, так? — Кларк все еще улыбается. — Им так нравится, когда их насилуют, бьют или...

— Нет, разумеется, ты не счастлива! Но то чувство, которое ты испытываешь, близко к счастью настолько, насколько это для тебя возможно. Поэтому ты смеши- ваешь их, ищешь напряжение, стресс везде, где только можешь. Это физиологическая зависимость, Лени. Ты нуждаешься в опасности. Просишь о ней. И всегда просила.

«Нуждаюсь». Баллард читала, Баллард знает: жизнь — это чистая электрохимия. Нет смысла объяснять, каково это. Нет смысла объяснять, что есть вещи гораздо хуже побоев. Есть вещи, которые хуже того, когда тебя связывает и насилует собственный отец. А потом наступает перерыв, и ничего не происходит. Он оставляет тебя в одиночестве, и ты не понимаешь, надолго ли. Сидишь за столом напротив него, заставляешь себя есть, а избитые внутренности стараются вновь собраться вместе; а он треплет тебя по волосам, улыбается, и ты понимаешь, передышка затянулась, и он скоро придет. Сегодня ночью, или завтра, или послезавтра.

«Естественно, я в этом нуждалась. Просила. А как еще я могла бы с этим справиться?»

— Слушай. — Кларк качает головой. — Я...

Но говорить неожиданно трудно. Она знает, что хочет сказать; не только Баллард умеет читать. Через призму жизни свершившихся желаний Дженет не может понять одного: с Лени не произошло ничего необычного. Бабуины и львы убивают свой молодняк. Самцы колюшек бьют самок. Даже насекомые насилуют друг друга. На самом деле это не надругательство, это всего лишь... биология.

Но сказать подобное вслух она по каким-то причинам не может. Пытается, потом еще раз, и в конце концов наружу вырывается почти детский вызов:

— Да что ты вообще знаешь?

— Много, Лени. Я знаю, что ты подседа на боль, а потому будешь выходить со станции и продолжать испытывать рифт на прочность, провоцировать его на убийство. И рано или поздно он тебя убьет, разве ты этого не видишь? Поэтому тебе здесь не место. Поэтому тебя нужно отправить обратно.

Кларк встает:

— Я не вернусь. — И направляется к люку.

Баллард протягивает к ней руку.

— Постой, тебя нельзя уходить, ты должна меня выслушать. Это еще не все.

Лени кидает на нее абсолютно равнодушный взгляд.

— Спасибо за заботу. Но мне можно уходить. Я могу покинуть станцию, когда мне вздумается.

— Если ты сейчас выйдешь, то потеряешь все, они наблюдают за нами! Ты что, до сих пор этого не поняла? — Баллард повышает голос. — Послушай, они все про тебя знают! Они ищут таких, как ты! Проверяют нас, не знают точно, какого типа личности справятся с работой здесь лучше, поэтому смотрят, кто сломается первым! Как ты не понимаешь, вся эта программа — эксперимент! Все, кого сюда послали, — я, ты, Кен Лабин, Лана Чунг... Мы все — часть хладнокровного эксперимента...

— А ты его проваливаешь, — спокойно резюмирует Кларк. — Понимаю.

— Они используют нас, Лени... Не выходи туда!!!

Пальцы Дженет впиваются в Кларк, словно присоски осьминога. Та их резко отталкивает. Открывает люк, распахивает его. Слышит, как напарница встает за спиной.

— Ты больная! — кричит Баллард.

Что-то врежется прямо в голову Кларк. Она падает ничком на пол коридора, трубы больно впиваются в ладони.

Лени перекачивается на бок и поднимает руки, защищаясь, но Баллард перешагивает через нее и направляется в кают-компанию.

«Я не боюсь, — замечает Кларк, поднимаясь на ноги. — Она меня ударила, а я не боюсь. Ну разве не странно...»

Откуда-то поблизости доносится звон разбитого стекла.

Баллард орет в кают-компании:

— Эксперимент закончен! А ну выходите, гребанные садисты!

Кларк идет по коридору, заходит в каюту. Осколки зеркала заостренными сталактитами висят в раме. Стекланные брызги усеивают пол.

На стене, прямо за разбитым зеркалом, объектив «рыбьим глазом» следит за каждым уголком комнаты.

Баллард смотрит прямо в него, не отрываясь.

— Вы слышите меня? Я больше не играю в ваши идиотские игры! Хватит с меня спектаклей!

Кварцитовая линза отвечает бесстрастным взглядом.

«Так ты была права, — размышляет Кларк, вспоминая о простыне в каюте Дженет. — Ты все поняла, нашла аппаратуру в своей собственной камере, и, моя дорогая подруга, ты ничего мне не сказала. Как долго ты уже знаешь?»

Та оглядывается, видит Лени и скалится в объектив:

— Ее-то вы одурачили, это нормально, она же долбаная психопатка! Она же не в себе! Ваши маленькие тесты ни хера меня не впечатлили! Вообще!

Кларк делает шаг вперед.

— Не называй меня психопаткой, — голос ее абсолютно спокоен.

— Да ты такая и есть! — кричит Дженет. — Ты больна! Безумна! Вот почему ты здесь, внизу! Им нужно, чтобы ты была больна, они зависят от твоего психоза, а ты уже настолько с катушек съехала, что сама этого не замечаешь! Прячешь все под этой... своей маской, сидишь там, как медуза, мазохистка, размазня, и принимаешь все, что тебе скармливают... просишь этого...

«А ведь так и было, — понимает Кларк, сжимая кулаки. — И это самое странное».

Баллард начинает отступать, Лени медленно приближается, шаг за шагом.

«Только здесь, внизу, я поняла, что могу дать отпор. Что могу победить. Этому научил меня рифт, а теперь и Баллард...»

— Спасибо, — шепчет Кларк и со всего размаху бьет напарницу в лицо.

Ту отбрасывает назад, она наталкивается на стол. Лени спокойно идет вперед, в сосульке зеркала виднеется ее отражение; линзы на глазах словно сияют.

— О господи, — хнычет Баллард. — Лени, извини меня.

Кларк становится над ней.

— Не стоит.

Она видит себя словно какую-то развернутую схему, где каждая деталь аккуратно поименована.

«Вот тут определенное количество злости. А здесь — ненависти. Столько всего, что хочется выплеснуть на другого».

И смотрит на Баллард, съезжившуюся на полу.

— Думаю, я начну с тебя.

Но ее терапия заканчивается, и Лени не успевает даже разогреться. Кают-компанию наполняет неожиданный шум, пронзительный, размеренный, смутно знакомый. Кларк требуется несколько секунд, чтобы

вспомнить, что же издает этот звук, а потом она опускает ногу.

В рубке раздается звонок телефона.

Сегодня Дженет Баллард отправляется домой.

Уже полчаса скаф все глубже погружается в полную тьму. Теперь на мониторе видно, как он огромным распухшим головастиком устраивается в стыковочном агрегате «Биб». Эхом отражаются и умирают звуки механического совокупления. Люк в потолке откидывается.

Замена Баллард спускается по лестнице, уже в гидрокостюме, смотрит вокруг непроницаемыми глазами без зрачков. Перчатки у костюма сняты, рукава расстегнуты до предплечья. Кларк замечает тонкие шрамы, бегущие вдоль запястий, и еле заметно улыбается. Про себя.

«Интересно, а ждет ли там, наверху, еще одна Баллард, на случай, если бы не справилась я?»

Позади, дальше по коридору, с шипением открывается люк. Появляется Дженет, с одним-единственным чемоданом, уже без костюма и с заплывшим глазом. Она, похоже, собирается что-то сказать, но останавливается, когда видит вновь прибывшего, смотрит на него какое-то время, потом едва заметно кивает и забирается в брюхо машины, не произнеся ни слова.

Команда скафа с ними не разговаривает. Никаких приветствий, никакой болтовни, поднимающей моральный дух. Возможно, их проинструктировали на этот счет, а может, они все сообразили сами. Шлюз с гулом захлопывается. Лязгнув на прощание, челнок отваливает от станции.

Кларк пересекает кают-компанию и смотрит в камеру. Потом протягивает руку за раму, усеянную осколками, и вырывает провод питания из стены.

«Нам это больше не нужно», — думает она, зная, что где-то там, далеко отсюда, с ней согласились.

Лени и новенький осматривают друг друга мертвыми белыми глазами.

— Я — Лабин, — в конце концов произносит он.

УБОРКА ДОМА

«Итак. Говорят, ты у нас любишь бить людей». Лабин стоит перед ней, вещмешок лежит у его ног. Славянская внешность; темные волосы, бледная кожа, лицо, выструганное неумелым плотником. Единая густая бровь отбрасывает тень на глаза. Невысокий — около ста восьмидесяти сантиметров, но плотный.

«А ты похож на такого».

Шрамы. Не только на запястьях, но и на лице. Еле заметное паутинное эхо старых травм. Слишком тонкие для умышленного украшения, даже если Лабин имеет склонность к подобного рода забавам, но слишком очевидные для работы восстановителей; медицинские технологии научились стирать подобные следы десятилетия назад. Если только... Если только повреждения не были действительно чудовищными.

«Это так? Что-то давным-давно сжевало твое лицо до кости?»

Лабин наклоняется, берет сумку. Скрытые линзами глаза не выдают ничего.

«Я знавала немало людей, которым нравилось бить других. Ты подходишь. Вроде бы».

— Есть разница, какую каюту мне занять? — спрашивает он. Странно слышать, что такой почти приятный голос исходит от такого лица.

Кларк качает головой.

— Моя вторая справа. Бери любую другую.

Он проходит мимо. Кинжалы отражающего стекла выступают по краям дальней стены; расколотый образ

новичка исчезает в коридоре за спиной Лени. Она подходит к зазубренной поверхности. «Однажды мне придется здесь убраться...»

Ей нравится, как преобразилось это зеркало после вмешательства Баллард. Каким-то образом нынешние головоломные отражения казались более творческими. Более импрессионистскими. Теперь же и они начали утомлять ее. Возможно, настала очередь для следующего изменения.

Часть Кена Лабина разглядывает ее со стены. Не думая, Лени вонзает кулак в стекло. Поток осколков звенит, барабания по полу.

«Тебе вполне может нравиться бить людей. Только попробуй. Ну давай, сука, только попробуй».

— О, — произносит Лабин, стоя у нее за спиной. — Я...

На стене еще осталось достаточно кусков зеркала; лицо Кена ничего не выражает. Кларк поворачивается к нему.

— Прости, что напугал тебя, — тихо извиняется Лабин и уходит.

И ему вроде бы действительно жаль.

«Так. Значит, тебе не нравится бить людей. — Кларк прислоняется к переборке. — По крайней мере, такие, как ты, мне не попадались».

Она даже не уверена, откуда знает об этом. Между ними отсутствует какая-то важная химия. Лабин — очень опасный человек. Но только не для нее.

Лени улыбается про себя.

«Когда бьешь кого-то, это значит только одно: тебе никогда не нужно извиняться. Пока не становится слишком поздно, конечно».

Она так устала делить каюту с самой собой. Но перспектива пригласить сюда кого-то нравится ей еще меньше.

Кларк лежит на койке и рассматривает свое тело. С противоположной стены на нее холодно взирает ее двойник. Спутанная топография выступающей переборки, в которой отражается ее лицо, похожа на захламленный стол, поставленный на бок.

Камера позади этого зеркала должна видеть то же, что и она, только по краям пропорции искажаются. Кларк размышляет о широкоугольной линзе; в Энергосети не оставили бы без внимания углы комнаты. Какой толк от эксперимента, если не можешь следить за подопытным животным?

Она размышляет о том, наблюдает ли за ней кто-то прямо сейчас. Скорее всего, нет; ну, по крайней мере, с той стороны нет людей. У них наверняка есть какая-то машина, неутомимая и беспристрастная, что-то, с неусыпным вниманием следящее за тем, как Лени работает, сидит на унитазе или раздевается. Оно запрограммировано позвать кого-нибудь из плоти и крови, только если объект на экране совершит что-либо интересное.

Интересное? А кто определяет этот параметр? Точно ли он соответствует природе эксперимента, или кто-то со стороны настроил автомат сообразно со своими личными вкусами? Раздевается ли кто-то там вместе с Лени?

Она ворочается на кровати и смотрит в переборку у изголовья. Макаронный пучок оптических волокон вырывается из пола рядом с койкой и ползет по стене, исчезая в потолке; сейсмические линии передачи, протянутые в рубку. Отверстие кондиционера обдувает воздухом ее щеку, правда, только с одной стороны. Позади него металлическая радужка ловит полосы света, разбитые решеткой, она готова сфинктером сжаться в тот момент, когда перепад давления превысит некое критическое количество миллибар в секунду. «Биб» — это особняк с множеством комнат, при-

чем каждая из них может самоизолироваться в случае экстренной необходимости.

Кларк лежит на койке и достает пальцами до палубы. Катушка телеметрии на полу почти высохла, тонкие ручейки соли коркой покрывают ее поверхность, пока морская вода испаряется. Это базовая модель широкого профиля, усеянная полудюжиной сенсоров: сейсмических, температурных, потоковых, регистрирующих обычные сульфаты и органику. Их головки уродуют корпус прибора, словно шипы на булаве.

Вот потому он здесь и стоит.

Лени смыкает пальцы вокруг ручки, поднимает катушку с палубы. Тяжелая. Нейтрально плавучая в воде, естественно, но, согласно спецификациям, девять с половиной килограммов в воздушной среде. Основной вес приходится на очень прочный корпус, работающий под давлением. Активный гейзер при пятистах атмосферах, и тот не смог бы причинить ей вред.

Может, это и несколько чрезмерно, применять такую штуку против одного вшивого зеркала. В конце концов, Баллард начала работу голыми руками.

«Странно, что они не сделали их ударопрочными. Но удобно».

Кларк встает, берет блок. Отражение смотрит на нее; его глаза, чистые, но не пустые, кажется, чем-то удивлены.

— Мисс Кларк? С вами все в порядке? — Это Лабин. — Я слышал...

— Все прекрасно, — говорит она задраенному люку. По всей каюте рассыпано стекло. Один упрямый осколок с полметра длиной висит в раме шатающимся зубом. Лени протягивает руку (куски зеркала падают с бедер) и стучит по нему. Тот падает на палубу и разбивается.

— Убираюсь по дому.

Лабин ничего не отвечает, и она слышит, как его шаги удаляются по коридору.

Похоже, с ним все будет нормально. Прошло уже несколько дней, и Кен честно держит дистанцию. Между ними нет никакой сексуальной химии, ничего, что заставило бы их вцепиться друг другу в горло. Непонятно, что он сделал с Ланой Чунг, что вообще между ними произошло, но тут этого явно не случится. Предпочтения Лабина крайне специфичны.

Коли на то пошло, предпочтения Кларк тоже.

Она встает, голова склонена, чтобы не врезаться в металлическую накипь на потолке. Под ногами хрустит стекло. Обнаженная переборка за зеркалом масляно блестит во флуоресцентном свете; ребристое серое лицо всего лишь с двумя выдающимися чертами. Сферическая линза, размером меньше ногтя, заботливо скрыта в одном из верхних углов. Кларк вытягивает ее из паза и секунду держит, зажав между указательным и большим пальцами. Крохотный стеклянный глаз. Она бросает его на светящуюся палубу.

Также там есть имя, проштампованное на ребрах сплава: «Хансен Фабрикейшн».

С тех пор как Лени прибыла сюда, она в первый раз видит название бренда, только на плече каждого гидрокостюма красовалось лого Энергосети. Почему-то это кажется странным. Она проверяет световую дорожку, бегущую по всей длине потолка: белая и без каких-либо надписей. Аварийный гидрокс¹ в углу,

---

¹ *Гидрокс* — кислородно-водородная смесь (в русском обозначении КВС), предназначенная для глубоководных погружений. Поскольку в смеси нет азота, то исключается токсичное и наркотическое воздействие газа. Правда, на очень больших глубинах начинает действовать так называемый водородный наркоз.

рядом с люком: дата проверки Минтранспорта, спецификация, но никакой марки производителя.

Она не понимает, следует ли придавать этому какое-либо значение.

Наконец одна. Люк задраен, наблюдение закончилось — даже ее собственное отражение разбито без всякой надежды на поправку. В первый раз Кларк чувствует настоящую безопасность, находясь в брюхе станции, однако не знает, что с ней делать.

«Возможно, теперь я могу чуть-чуть расслабиться».

Она поднимает руки к лицу.

Поначалу Лени кажется, что она ослепла; для глаз без линз каюта становится слишком темной, стены и мебель превращаются лишь в условные тени. Она вспоминает, как постепенно уменьшала освещение в дни после ухода Баллард, погружая во мрак каюту, а потом и каждый уголок на «Биб». Лабин поступал так же, хотя они никогда не говорили об этом.

В первый раз она ставит под вопрос собственные действия. Они не имеют смысла; линзы автоматически компенсируют изменения в уровне окружающего света, постоянно доносят до сетчатки один и тот же оптимальный уровень интенсивности. Зачем жить во тьме, которую даже не воспринимаешь?

Она слегка увеличивает освещение; в каюте становится светлее. Глаза коробит от ярких цветов, выделяющихся на сером фоне. Гидрокс флуоресцирует оранжевым; датчики подмигивают красным, синим и зеленым; ручка на ящике в переборке — маленькое восклицание желтого. Лени уже не помнит, когда в последний раз обращала внимание на цвет; линзы извлекают из темноты даже самые слабые изображения, но весь спектр теряется в процессе. Только сейчас, с зажженным светом, краски вновь властно заявляют о себе.

Ей это не нравится. Здесь они кажутся грубыми и неуместными. Кларк снова вставляет линзы, уменьшает яркость, возвращая обычное мерцание. Переборка затухает до привычного и слабого сине-пастельного цвета.

«Тем лучше. Заодно не стану слишком беспечной».

Через пару дней «Биб» будет кишеть командой. Кларк не хочет привыкать к тому, что придется выставлять себя напоказ.

РИМ

НЕОТЕНИЧЕСКИЙ¹

Поначалу оно не походило на человека. Даже не казалось живым. Скорее выглядело как куча грязных тряпок, которую кто-то бросил у подножия пилонотеля «Камби». Джерри Фишер и не взглянул бы на него лишний раз, если бы поезд наземного метро не просвистел над головой, выбрав правильный момент, и сегментированные полосы света стробоскопами не ударились о землю.

Он пристально взглянул на это. Глаза, сверкающие в тени, поймали его взгляд.

Джерри не сдвинулся с места, пока поезд не скользнул прочь. Мир снова вернулся к грязноватым приглушенным краскам. Тротуар. Полосы кудзу² над дорогой, серые и задыхающиеся из-за постоянных брызг бетонной крошки. От облачных гряд слабо отражались неон и лазеры реклам.

---

¹ *Неотения* — 1) сохранение детских и юношеских черт во взрослой особи; 2) эволюционные изменения, в ходе которых вид-потомок достигает половозрелости, находясь на личиночной стадии или любой другой неполовозрелой стадии онтогенеза предкового вида.

² *Кудзу, кудцу* — волокнистое пищевое, лекарственное и кормовое растение из рода пуэзария семейства бобовых.

И вот это создание с глазами, куча грязных тряпок, прислонившаяся к столбу. Мальчик.

Маленький мальчик.

Это то, что ты делаешь, когда действительно кого-то любишь. Так любила говорить Тень. В конце концов, малыш мог здесь умереть.

— С тобой все в порядке? — спросил он наконец.

Куча тряпок слегка сдвинулась и захныкала.

— Не бойся. Я тебе ничего не сделаю.

— Я потерялся, — ответил ребенок очень странным голосом.

Фишер сделал шаг вперед.

— Ты — беженец?

Ближайшая зона для беженцев находилась в ста километрах отсюда и хорошо охранялась, но иногда кто-нибудь оттуда все-таки удирал.

Глаза покачнулись из стороны в сторону: нет.

«Хотя что еще он мог сказать? Может, боится, что я отправлю его назад».

— А где ты живешь? — спросил Джерри и наклонился поближе, чтобы услышать ответ.

— В Орландо.

Ни намек на азиатский или индийский акцент. В детстве мать всегда говорила Джерри, что несчастья равнодушны к цвету кожи, но сейчас он уже имел свое мнение на этот счет. Речь мальчика выдавала в нем американца. Не беженец, получается. Значит, скорее всего, его кто-то будет искать.

Что, на самом деле, было слишком...

«Хватит».

— Орландо, — громко повторил Фишер. — А ты действительно потерялся. Где твои мама и папа?

— В отеле. — Грязная куча отделилась от пилона и подшаркнула ближе. — В «Ванкиэтле».

Слова больше походили на полусвист, словно мальчик говорил сквозь забитые пазухи. Может, у него

была эта, как его — Фишер поискал слово — «волчья пасть» или еще что-нибудь в этом духе.

— В «Ванкиэтле»? А в котором?

Мальчик пожал плечами.

— У тебя часы есть?

— Потерял.

Ты должен помочь ему, сказала Тень.

— В общем, так, слушай. — Фишер потер виски. — Я живу тут, рядом. Можем позвонить оттуда.

«Ванкиэтлов» в нижней части материка было не так много. Полиция ничего не выяснит. А даже если и выяснит, то они не станут обвинять его. Не за это. Что ему было делать? Оставить мальчика, чтобы того разобрали на органы?

— Я — Джерри, — представился Фишер.

— Кевин.

Выглядел парень то ли на девять, то ли на десять лет. В общем, казался достаточно взрослым, чтобы знать, как пользоваться общественным терминалом. Но было в нем что-то неправильное. Слишком высокий и тощий, он путался в ногах, пока шел. Может, у него было повреждение мозга? Может, он был из тех наномладенцев, с которыми все пошло не так? А может, его мать, беременная, слишком много времени проводила на улице.

Фишер привел Кевина в свою двухкомнатную съемную квартиру. Мальчик рухнул на кровать, даже не спросив разрешения. Джерри проверил холодильник: рутбир. Гость взял стаканчик, нервно улыбаясь. Фишер сел рядом с ним и успокаивающе положил руку ему на колено.

Лицо парня окаменело, всякое выражение исчезло с него, словно из бродяги вытащили пробку.

«Давай», — сказала Тень. Он ведь не жалуется?

Одежда Кевина была нечистой. Запекшаяся грязь облепила штаны. Фишер принялся отколупывать ее.

— Тебе надо снять все это. Помыться. Душ тут работает только по четным дням, но можно обтереть тело губкой...

Кевин просто сидел, не двигаясь. Одна рука обхватила стаканчик, костлявые пальцы вонзились в пластик; другая неподвижно лежала на кровати.

Фишер улыбнулся:

— Все в порядке. Это то, что ты делаешь, когда действительно...

Мальчик устался в пол, дрожа.

Джерри нашел молнию на ширинке, потянул. Нежно нажал.

— Все хорошо. Все в порядке. Не волнуйся.

Кевина перестало трясти. Он посмотрел вверх.

И улыбнулся.

— Тут не мне надо беспокоиться, урод, — произнес он свистящим детским голосом.

Удар отбросил Фишера на пол. Неожиданно для себя он устался в потолок, пальцы дергались на концах рук, которые волшебным образом превратились в мертвый груз. Вся его нервная система светилась ажурным узором утопленных в плоть проводов под высоким напряжением.

Мочевой пузырь расслабился. Влажная теплота растеклась от промежности.

Кевин переступил через него и посмотрел вниз, всякий намек на неуклюжесть исчез из его движений. В одной руке он держал пластиковый стакан, в другой — электрошокер.

Неторопливо и демонстративно мальчик перевернул стакан. Фишер смотрел за тем, как жидкость змеей потекла вниз, словно ненамеренно, и разлилась по его лицу. Глаза защипало: от потока слабой кислоты бродяга превратился в костистое размытое пятно. Джерри попытался моргнуть, потом еще раз, и наконец ему это удалось.

Одна из ног Кевина согнулась в колене.

— Джеральд Фишер, вы арестованы...

Нога распрямилась. В боку Фишера комом взорвалась боль.

Назад. Вперед. Боль.

— ...согласно статье 151 и 152 Североамериканского тихоокеанского уголовного кодекса.

Ребенок встал на колени и пристально посмотрел ему в лицо. На таком близком расстоянии все признаки бросались в глаза: глубина взгляда, размер пор на коже, пластичная упругость взрослой плоти, пропитанной андрогенными ингибиторами.

— Не говоря уже о нарушении очередного судебного запрета, — добавил Кевин.

«Как долго», — совершенно равнодушно подумал Фишер.

От нервного шока весь мир словно закутался в кисею. Сколько месяцев понадобилось, чтобы из взрослого превратиться обратно в ребенка?

— Вы имеете право... да какого, собственно, хрена...

И сколько понадобится, чтобы обратить этот процесс вспять? Сможет ли Кевин снова вырасти?

— Ты же знаешь собственные права лучше меня.

Это невозможно. Полиция не зашла бы так далеко, у них нет на это денег, да и в любом случае зачем? Зачем кому-то добровольно понадобилось вот так изменяться? Просто чтобы поймать Джерри Фишера? Почему?

— Думаю, мне надо тебя сдать, не так ли? Хотя, с другой стороны, может, лучше дать тебе полежать тут в собственной моче...

Каким-то образом он почувствовал, что Кевину сейчас хуже, чем ему. Это не имело никакого смысла.

Все в порядке, тихо сказала ему Тень. Это не твоя вина. Они просто не понимают.

Кевин снова принялся пинать его, но Фишер едва чувствовал толчки. Он старался сказать что-нибудь, от

чего его мучительно стало бы хоть немного легче, но двигательные нервы слишком основательно поджарились.

Хотя он по-прежнему мог плакать. За слезы отвечала другая система.

В этот раз все было иначе. Началось все, конечно, как обычно — сканы, образцы, избиения — но потом его вывели из строя, вымыли и поместили в боковую комнату. Двое охранников усадили Джерри за стол напротив приземистого унылого человечка с коричневыми бородавками по всему лицу.

— Привет, Джерри, — поздоровался он, притворяясь, что не заметил ран Фишера. — Я — доктор Скэнлон.

— Вы — психиатр.

— На самом деле я, скорее, механик. — Он улыбнулся, чопорно, скупно, словно говоря: «Я сейчас сказал нечто очень умное, но ты, скорее всего, слишком тупой, чтобы понять шутку».

Фишеру Скэнлон сразу не понравился.

Но типы, подобные ему, раньше всегда оказывались полезными со всей их болтовней о «компетенции» и «уголовной ответственности». Фишер уже давно понял: вопрос не в том, что ты делаешь, а почему. Если совершаешь преступления, потому что ты злой, тогда у тебя серьезные неприятности. А если делаешь то же самое из-за болезни, тогда доктора тебя прикрывают. Иногда. Джерри научился быть больным.

Скэнлон вытащил из нагрудного кармана повязку на голову.

— Мне бы хотелось немного с тобой поговорить, Джерри. Ты не возражаешь, если мы наденем на тебя вот это?

Изнутри ленту усеивали сенсорные датчики. Они охладили лоб. Фишер осмотрел комнату, но никаких мониторов или устройств не обнаружил.

— Прекрасно. — Психиатр кивнул охранникам, дождал, пока те выйдут, и заговорил снова: — А ты странный, Джерри Фишер. Мы на таких нечасто на-талкиваемся.

— Другие доктора говорят иное.

— Да? И что же?

— Они говорят, мой случай совершенно типичен. Говорят, что многие, обвиняющиеся по сто пятьдесят первой, используют логические обоснования, подобные моим.

Скэнлон наклонился вперед:

— А знаешь, это чистая правда. Просто классические фразы: «Я учил ее справляться с пробуждающей сексуальностью, доктор». «Это работа родителей — воспитывать своих детей, доктор». «Им и школа не нравится, но все это для их же блага».

— Я никогда не говорил ничего подобного. У меня даже детей нет.

— Именно. Но смысл в том, что педофилы часто заявляют, будто действуют исключительно в интересах детей. Они превращают сексуальное домогательство в акт альтруизма, если ты меня понимаешь.

— Это не домогательство. Это то, что ты делаешь, когда действительно кого-то любишь.

Скэнлон откинулся на спинку кресла и какое-то время молча изучал Фишера.

— Вот это интересно в тебе, Джерри.

— Что?

— Каждый использует эти фразы. А ты единственный, кто в них действительно верит.

В конце концов они сказали, что позаботятся об обвинениях. Он понимал, что этим, разумеется, дело не закончится; они заставят его записаться добровольцем в какой-нибудь эксперимент, или стать донором органов, или согласиться на добровольную кастрацию.

Но фокус оказался в том, что ничего подобного не произошло. Он не мог поверить своим ушам.

Ему хотели предложить работу.

— Считай это трудом на общественных началах, — объяснил Скэнлон. — Возмещением ущерба обществу. Большую часть времени ты будешь проводить под водой, но с хорошей экипировкой.

— Где под водой?

— Источник Чэннера. Где-то в сорока километрах к северу от Осевого вулкана, на рифте Хуан де Фука. Ты знаешь, где это находится, Джерри?

— Надолго?

— Минимум на один год. Сможешь продлить срок, если захочешь.

Фишер не мог представить себе причину, по которой он бы стал это делать, но сейчас это не имело значения. Если сразу не согласиться на сделку, то ему в голову посадят управленца на всю оставшуюся жизнь. Которая, если подумать, окажется совсем недолгой.

— Один год, — сказал он. — Под водой.

Психиатр похлопал его по руке:

— У тебя есть время, Джерри. Соберись с мыслями. Сегодня ничего решать не надо.

«Давай, — настаивала Тень. — Давай, сделай это, а то они взрежут тебя, и ты изменишься...»

Но Фишер не любил принимать решения впопыхах.

— Так что я буду делать этот год под водой?

Скэнлон показал ему видео.

— Господи, — пробормотал Джерри. — Я ничего такого не умею.

— Не проблема, — улыбнулся доктор. — Научишься.

И он научился.

Пока Джерри спал, происходило многое. Каждую ночь ему делали инъекцию, которая, по словам психи-

атра, помогала ему учиться. После этого машина, стоящая рядом с кроватью, скармливала ему сны. Фишеру никогда не удавалось вспомнить их в подробностях, но что-то застревало в памяти, так как каждое утро он садился у консоли с учителем — настоящим человеком, не программой, — и все тексты, диаграммы казались ему странно знакомыми. Словно многие годы назад он знал о них и только недавно забыл. Теперь же вспомнил все: тектонические плиты и зоны подвига¹, принцип Архимеда, термальная проводимость двухпроцентного гидрокса. Альдостерон².

Аллопластика³.

Он помнил свое левое легкое, когда то удалили, и технические спецификации машин, имплантированных на его место.

По вечерам они подводили провода к телу Фишера и пронизывали поперечнополосатые мышцы низкочастотным током. Теперь он начал понимать, что же происходит; существовал термин «индуцированные изометрические упражнения»⁴, и его значение пришло к нему во сне.

---

¹ *Подвиг* — одна из форм нарушенного залегания горных пород, возникающая в процессе тектонических движений. Образуется при подвигании одних масс горных пород на другие по наклонной плоскости разрыва в земной коре.

² *Альдостерон* — гормон коры надпочечников, один из основных регуляторов водно-солевого гомеостаза, имеет ведущее значение в регуляции минерального обмена.

³ *Аллопластика* — замещение дефектов или исправление деформаций с использованием тканей, взятых от другого человека, а также синтетических материалов.

⁴ *Изометрические упражнения* — вид физических упражнений, при которых группы мускулов работают друг против друга или же против неподвижного объекта, в то время как сама конечность остается неподвижной. Такого эффекта можно добиться, например, толкая изо всех сил рукой стену. Здесь же для упражнений используют ток, заставляя противоположные группы мышц сокращаться одновременно. Тем самым Фишера приводят в форму, при этом не заставляя его соблюдать спортивный режим.

Через неделю после операции он проснулся в лихорадке.

— Не о чем беспокоиться, — сказал ему Скэнлон. — Это финальная стадия инфекции.

— Инфекции?

— Мы заразили тебя ретровирусом в день, когда тебя привезли. Не знал?

Фишер схватил доктора за руку:

— То есть болезнью? Вы...

— Она совершенно безопасна, Джерри. — Тот терпеливо улыбнулся, освобождаясь. — Там внизу без нее ты долго не протянешь: человеческие энзимы плохо работают при высоком давлении. Поэтому мы загрузили несколько дополнительных генов в прирученный вирус и запустили его внутрь. Мы переписываем тебя изнутри. Судя по твоей температуре, могу сказать, что процесс почти подошел к концу. Через день или два почувствуешь себя лучше.

— Переписываете?

— Половина твоих ферментов сейчас появляется с двумя особенностями. Они получили гены от одной из глубоководных рыб. Кажется, их называют макрурусами. — Скэнлон похлопал Джерри по плечу. — Ну и каково это, чувствовать себя отчасти рыбой?

— *Coryphaenoides armatus*, — медленно произнес Фишер.

Доктор нахмурился:

— Это что еще?

— Макрурус, — Джерри сосредоточился. — Дегидрогеназы¹, по большей части?

Скэнлон бросил взгляд в сторону машины около кровати.

---

¹ Дегидрогеназы — ферменты, катализирующие отщепление водорода от органических веществ, осуществляют первый этап биологического окисления.

— Я... э... не уверен.

— Именно. Дегидрогеназы. Но они с ними поколдовали, уменьшили энергию активации. — Он постукал пальцем по виску. — Все здесь. Только я еще не прошел весь курс обучения.

— Здорово, — сказал доктор, но в его голосе не было и намека на радость.

Однажды его посадили в бак, больше похожий на шприц высотой в пять этажей; крышка его опускалась вниз, как гигантская рука, сжимая все внутри. Они задраили люк и наполнили сосуд морской водой.

Скэнлон предупредил его об изменениях.

— Мы заполним жидкостью трахею и полости в голове, но легкие и кишечник не имеют твердых стенок, поэтому они просто сплющатся. Мы провели иммунизацию против давления, помнишь? Говорят, во время этой процедуры человек словно тонет, но ты привыкнешь.

Все оказалось не так плохо. Кишки Фишера свернулись, почти склеились, а пазухи жгло адски, словно он еще раз пережил встречу с Кевином.

Джерри плавал в баке, морская вода скользила сквозь трубки в груди, и размышлял о странном неприятном чувстве, рождавшемся из-за того, что грудная клетка не двигалась, а дыхание отсутствовало.

— Есть легкая турбуленция, — голос Скэнлона раздавался со всех сторон, как будто говорили сами стены. — Из выпускного отверстия.

Тонкая цепочка пузырей сочилась из груди Фишера. От линз все вокруг казалось невероятно четким, прямо как в галлюцинации.

— Просто немного...

Это не его голос. Слова его, но говорит кто-то другой, какая-то дешевая машина, понятия не имеющая о

гармонических колебаниях. Рука инстинктивно метнулась к диску; вживленному в горло.

— ...водорода. — Он попытался снова: — Нет проблем. Давление вытолкнет его, когда я погружусь на достаточную глубину.

— Ага. Не двигайся. — Какая-то фраза, произнесенная в сторону, Скэнлон говорил с кем-то еще. Фишер почувствовал, как в груди что-то мягко вибрирует. Пузыри стали больше, потом меньше. Затем исчезли.

Доктор вернулся:

— Лучше?

— Да.

Впрочем, Фишер не мог сказать точно, что чувствует. Ему не очень нравилось, что грудь у него забита механизмами. Не нравилось дышать, расщепляя воду на водород и кислород. А больше всего выводило из себя то, что какой-то техник, с которым они никогда не встретятся, командовал его внутренностями с помощью пульта дистанционного управления, залезал в тело и возился там, даже не спросив разрешения. Фишер чувствовал себя, словно его...

Изнасиловали, так?

Иногда Тень была такой сукой. Как будто он попал сюда не из-за нее.

— Джерри, сейчас мы отключим свет.

Темнота. Вода гудит от звука огромных машин.

Через какое-то время он заметил холодную голубую искорку, подмигивавшую ему откуда-то сверху. Казалось, она испускала гораздо больше света, чем должна была. Пока он за ней наблюдал, внутреннее пространство бака снова проявилось в туманных оттенках голубого на черном фоне.

— Светоуловители работают нормально? — поинтересовался Скэнлон.

— Угу.

— Что ты видишь?

— Все. Внутренность бака. Люк. Все какое-то голубоватое.

— Правильно. Люцифериновый¹ источник света.

— Не слишком тут светло, — сказал Фишер. — Как будто сумерки вокруг.

— Ну, без линз ты бы вообще оказался в крошечной тьме.

И неожиданно так и произошло.

— Эй.

— Не волнуйся, Джерри. Все замечательно. Мы просто выключили свет.

Он лежал в абсолютной темноте. Поплавки извивались на краю зрения.

— Как ты себя чувствуешь, Джерри? Есть ощущения падения? Клаустрофобия?

Он чувствовал, как постепенно на него нисходит спокойствие.

— Нет. Ничего. Я чувствую себя... хорошо...

— Давление как на глубине двух тысяч метров.

— Я его не ощущаю.

А похоже, работа будет не такой уж плохой. Один год. Один год...

— Доктор Скэнлон, — произнес Фишер через какое-то время. Он даже начал привыкать к металлическому жужжанию своего нового голоса.

— Я здесь.

— Почему я?

— Что ты имеешь в виду, Джерри?

— Я же, ну, вы знаете, не имел подготовки. Даже после всех тренировок, уверен, есть люди, разбирающиеся в этом гораздо лучше меня. Настоящие инженеры.

---

¹ Люцифериновый комплекс — самый распространенный из примерно 30 известных механизмов биoluminesценции. Основан на взаимодействии белка люциферина.

— Дело не в том, что ты знаешь, — ответил психиатр. — Дело в том, кто ты.

Фишер знал, кто он. Люди говорили ему это, сколько он себя помнил. И сейчас он понятия не имел, какого такого хера это вдруг стало иметь значение.

— И кто же?

Поначалу Джерри решил, что ответа не получит. Но Скэнлон в конце концов заговорил, и в голосе его зазвучало нечто такое, чего Фишер не слышал никогда прежде.

— Ты преадаптированный, — вот что он сказал.

ЛИФТЕР

Тихий океан плескался в двух километрах у него под ногами. Он перевозил груз, состоящий из психопатов с пустыми глазами. А подъемником управляла огромная пицца с добавочной порцией сыра. Джоэлу Ките нравилось все это настолько, насколько он того ожидал.

По крайней мере, в этот раз он действительно этого ждал. В кои-то веки Энергосеть не стала упражняться в теории хаоса за счет его собственной жизни и предупредила обо всем заранее. Куда ветер дует, Кита понял еще за неделю до событий, когда они установили зельц на подъемник вместо Рэя Стерикера. Тот стоял вот в этом самом кокпите, наблюдая за установкой пиццы, и, похоже, явно размышлял, когда это понятие «рабочая безопасность» стало оксюмороном.

— Предполагается, что я должен с этим нянчиться целую неделю, — сказал он тогда.

Джоэл забрался в скаф для обычной предполетной проверки, а Стерикер стоял прямо у пульта управле-

ния. Рэй жестом указал вверх, сквозь открытый люк подъемника, где парочка техников была занята тем, что налаживала связь с управлением:

— На случай, если эта штука облажается прямо в поле. А потом я ухожу.

— Куда?

Джоэл не мог в это поверить. Рэй курсировал на плато Хуан де Фука вечно, начав еще до геотермальной программы. Он даже был официальным наемным рабочим, когда такие вещи еще казались вполне обычными.

— Может, ненадолго отправлюсь на плиту Горда. А потом кто знает? Скоро все усовершенствуют.

Джоэл посмотрел вверх сквозь открытый люк. Техники играли с квадратной бесцветной коробкой где-то с полметра в длину и в два раза толще запястья Киты.

— И что это за херь? Какой-то автопилот?

— Не простой. Этот может взлетать и садиться. Ну и кучу еще всяких прелестных вещей помимо этого.

Новости были нехорошими. Люди всегда могли обрабатывать трехмерную пространственную информацию лучше машин, старавшихся их заменить. Нет, конечно, автоматы могли распознать дерево или здание, когда им на них указывали, но приходили в подлинное замешательство, когда объекты поворачивались хотя бы на несколько градусов. Формы менялись, смещались контрасты и тени, и этим арсенидовым притворщикам всегда нужно было слишком много времени, чтобы откорректировать пространственные карты и признать, что — да, это по-прежнему дерево, и нет, оно не превратилось в нечто иное, кретин, ты просто сменил угол зрения.

В некоторых областях это не представляло проблемы. На океанских поверхностях, например. Или на шоссе с контролируемым доступом, где у всех машин

были идентификационные передатчики. Или даже на привязи у дна гигантского раздавленного пончика, заполненного вакуумом, парящего в воздушном пространстве¹. Это была уважаемая и освященная временем среда обитания для автопилотов чуть ли не с начала века.

Но вот при взлетах и посадках картинка была совершенно иной. Слишком много реальных объектов проносилось мимо на огромной скорости, слишком много предметов, на которые приходилось смотреть. Несколько миллиардов лет естественного отбора все еще давали фору, когда скоростная полоса оказывалась настолько забитой.

Но, по всей видимости, так было лишь до сегодняшнего дня.

— Давай выйдем отсюда.

Рэй спустился по посадочной опоре, Джоэл последовал за ним на край крыши. Зеленые спутанные покрывала кудзу раскинулись вокруг них, саваном скрывая крыши окружающих зданий. Это зрелище всегда навевало Джоэлу мысли о постапокалипсисе — сорняки и плющ выползли из дикости, желая задушить останки рухнувшей цивилизации. Правда, конкретно эти растения предположительно должны были ее спасти.

Вдалеке едва видимые длинные ленты дыма сочились с полосы беженцев. «Многовато для цивилизации».

— В подъемнике установили умный гель, — наконец сказал Рэй.

— Умный гель?

— Зельц. Культивированные мозговые клетки на пластине. Такие же штуки подключали к Интернету для тотальной защиты от вирусов.

---

¹ Имеется в виду придуманный Уоттсом индустриальный подъемник, которым управляет зельц.

— Я знаю, что это такое, Рэй. Я просто не могу в это поверить.

— Ну так поверь. Они и за тобой придут, просто дай им немного времени.

— Да. Вполне возможно. — Джоэл позволил мысли впитаться. — Интересно только, когда?

Рэй пожал плечами.

— У тебя еще есть пространство для маневра. Вулканы ведут себя непредсказуемо, всякие штуки взрываются прямо под носом. В общем, не вертолетом управлять. Тебя тяжелее заменить.

Он оглянулся на подъемник и на скаф, угнездившийся в его брюхе.

— Хотя слишком много времени это не займет.

Кита выудил из кармана пластырь: трициклический антидепрессант с легким эффектом солей лития¹. Протянул без лишних слов.

Рэй только сплюнул.

— Но все равно спасибо. Понимаешь, сейчас я хочу чувствовать себя расстроенным.

И теперь, восемь дней спустя, Рэй Стерикер пропал.

Он исчез, закончив последнюю смену, буквально вчера. Джоэл попытался выследить его, вытащить, подбодрить, но не смог найти его на месте, а на звонки тот не отвечал. И вот Джоэл Кита снова на работе, совсем один, если не считать груза: четырех очень странных людей в черных костюмах и со слепыми белыми линзами, скрывающими глаза. У всех на плечах было проштамповано одинаковое лого Энергосети, а

---

¹ Соли лития используются при лечении психических расстройств в качестве психотропных средств с антиманиакальным спектром действия.

бирки с фамилиями виднелись внизу. По крайней мере, надписи на них были разными, хотя рифтеры мало чем отличались друг от друга: мужчины или женщины, большие или маленькие, они все казались вариантами одной модели или изделия. «Ах да, Мк-5 рос таким милым мальчиком. Только тихим, замкнутым. Кто бы мог подумать...»

Джоэл и раньше их видел. Месяц назад доставил парочку на «Биб», как только завершилась сборка. Одна пассажирка казалась почти нормальной, просто вся извелась, болтая и шутя, словно старалась компенсировать тот факт, что с виду походит на зомби. Кита забыл ее имя.

Вторая за весь путь не сказала ни слова.

Один из тактических дисплеев скафа запищал, выдавая текущее сообщение.

— Снова подъем дна, — крикнул Джоэл назад. — Три тысячи пятьсот. Мы почти добрались.

— Спасибо, — сказал один из них. «Фишер» — гласила бирка у него на плече. Остальные не отреагировали.

Кокпит батискафа отделял от пассажирского отсека герметичный люк. Задраив его, можно было использовать корму в качестве воздушного шлюза или даже загерметизировать при насыщенном погружении¹, если, конечно, не думать о всей последующей мороке с декомпрессией. А можно было закрыть люк, если возни-

---

¹ Метод водолазных или имитационных погружений на глубины до нескольких сот метров с полным насыщением организма водолаза индифферентными газами (гелием, азотом) в результате длительного многосуточного пребывания в камерах гипербарического водолазного комплекса в среде дыхательных газовых смесей под давлением, соответствующим глубине погружения. Многократные выходы в воду для выполнения заданных работ в водолажном снаряжении заканчиваются только одной многосуточной декомпрессией.

кало желание остаться в одиночестве или не хотелось поворачиваться незащищенной спиной к некоторым пассажирам. Но это так невежливо. Джоэл лениво обдумал, существует ли какая-то социально приемлемая отговорка, чтобы захлопнуть этот большой металлический диск перед их лицами, но спустя какое-то время сдался.

А вот верхний люк, тот, что вел в кабину подъемника, был задраен наглухо, и это казалось совершенно неправильным. Обычно они держали его открытым до самой отстыковки. Рэй и Джоэл говорили о всякой ерунде всю дорогу, сколько длился спуск, — три часа, если ты собирался к Чэннеру.

Вчера, безо всякого предупреждения, Стерикер захлопнул люк уже через пятнадцать минут. Он не сказал и слова не по делу за все время, почти не пользовался интеркомом. А сегодня... что ж, сегодня наверху говорить было уже не с кем.

Джоэл посмотрел в один из боковых иллюминаторов. Оболочка подъемника загораживала вид; металлическая ткань обтягивала ребра из углеродного волокна, серое пространство, всасываемое вогнутыми квадратами из-за пониженного давления внутри. Скаф парил в овальной пустоте, расположенной посредине подъемника. Единственный иллюминатор, в котором виднелось что-то, кроме серой оболочки, находился в полу, между ног Джоэла: океан и долгий путь вниз.

Впрочем, сейчас уже не такой долгий. Он слышал шипение и вздохи балластных мешков подъемника, сдувавшихся наверху. Более жесткие и отдаленные звуки треском доносились сквозь корпус, пока электрические дуги нагревали воздух в балансировочных сумках. Это была обычная работа автопилота, но Рэй всегда выполнял ее сам. Если бы не задраенный люк, Джоэл и не заметил бы разницы.

Зельц прекрасно справлялся с заданием.

Кита на самом деле успел глянуть на него пару дней назад во время доставки на подводную буровую рядом с гаванью Грэя. Рэй случайно ударил по движке, и верх коробки соскользнул прочь белой ртутью, сполз в маленькую нишу с края корпуса, открыв под собой прозрачную панель.

И там, под ней, в чистой жидкости покоился рифленый слой какой-то слизи, походившей на сыр, но слишком для него серой. Осколки коричневатого стекла пробивали эту липкую массу аккуратными параллельными рядами.

— Мне не разрешается открывать его вот так, — сказал тогда Рэй. — Но пусть идут на хер. Этот типчик вроде как света не боится.

— А что это за маленькие коричневые куски?

— Оксид индия и олова, нанесенный на стекло. Полупроводник.

— Господи, и что, он работает прямо сейчас?

— Даже когда мы разговариваем.

— Господи, — снова повторил Джоэл, а потом спросил: — Интересно, а как программируют такую штуку?

Рэй фыркнул:

— Не программируют. Учат. С помощью позитивного подкрепления. Прямо как гребаного ребенка.

Неожиданный плавный сдвиг в скорости движения. Джоэл вернулся в настоящее; подъемник стабилизировался, пять метров над волнами. Прямо над целью. Естественно, на поверхности нет ничего, кроме пустого океана; передатчик «Биб» в тридцати метрах под водой. Довольно мелко для самонаведения и слишком глубоко, чтобы стать навигационной помехой. Или чтобы превратиться в перевалочный пункт для чартерных лодок, охотящихся за легендарными морскими монстрами источника Чэннера.

Зельц отправил сообщение на тактический дисплей скафа: «Запуск?»

Палец Джоэла завис над клавишей «ОК», потом впечатал ее в основание. Защелки стыковочного механизма с лязгом открылись; подъемник швырнул Джоэла Киту вместе с грузом в воду. Солнечный свет на несколько секунд украдкой проник сквозь иллюминаторы, пока скаф болтался в упряжи. Волна с силой врезалась в передний иллюминатор.

Мир дернулся, поехал вбок и стал зеленым.

Джоэл открыл балластные цистерны и посмотрел через плечо.

— Идем вниз, народ. Ваши последние лучики солнца. Наслаждайтесь ими, пока можете.

— Спасибо, — сказал Фишер.

Остальные даже не пошевелились.

СОКРУШЕНИЕ

Преадаптированный.

Даже сейчас, на дне Тихого океана, Фишер не понимает, что имел в виду Скэнлон.

Он не ощущает себя «преадаптированным», по крайней мере, если под этим подразумевается то, что он должен чувствовать себя здесь как дома. Никто ни с кем не говорил, но, когда они не общались с Фишером, это выглядело чем-то особенно личным. А один из них, Брандер... трудно утверждать наверняка из-за линз и всего остального, но Джерри кажется, тот глаз с него не спускает, словно они откуда-то друг друга знают. И выглядит это угрожающе.

Здесь, внизу, все открыто; трубы, пучки кабелей и вентиляционные каналы прикреплены прямо к пере-

боркам у всех на виду. Он видел все это на экране перед спуском, но тогда это место выглядело более приветливым, полным света и зеркал. Вот, например, стена перед ним: здесь же висело зеркало. А на самом деле только серая металлическая переборка, отливающая жирным, грубым блеском.

Фишер перемещает вес тела с одной ноги на другую. На другом конце кают-компания над библиотечной базой склонился Лабин, его скрытые линзами глаза смотрят на Джерри с холодным равнодушием. За те пять минут, что они были здесь, Кен произнес лишь одну фразу:

— Кларк все еще снаружи. Она заходит внутрь.

Под полом что-то клацает. Поблизости бурлит смесь воды и гидрокса. Звук от распахнувшегося настежь люка, движение снизу.

Она взбирается в кают-компанию, капли бусинами усеивают плечи. Ниже шеи гидрокостюм окрашивает ее тело в черный цвет. Тощий силуэт, почти бесполой. Капюшон скинут; светлые волосы, облепившие череп, обрамляют лицо столь бледное, каких Фишер никогда раньше не видел. Рот — длинная тонкая линия. Глаза, как и его, скрытые линзами, — невыразительные белые овалы на детском лице.

Она осматривает их: Брандера, Накату, Карако, Фишера. Они глядят на нее в ответ, ждут. Есть что-то такое в лице Накаты, думает Джерри, похожее на узнавание, но Кларк его, кажется, не замечает. На самом деле она будто никого из них не замечает.

Пожимает плечами:

— Я меняю натрий на втором номере. Думаю, двое из вас могут пойти со мной.

Кларк выглядит не совсем человеком. Хотя и есть в ней что-то знакомое.

«Как думаешь, Тень? Я ее знаю?»

Но та молчит.

Есть такая улица, где ни в одном из зданий нет окон. Уличные фонари льют болезненно-медный свет на массы гигантских раковин и огромных волокнисто-коричневатых тварей, выступающих из слизисто-серых цилиндров (сидячие полихеты, вспоминает он: Riftia чего-то-там-охеретус или что-то в этом духе). Естественные трубы вздымаются то тут, то там над беспозвоночной массой колоннами из базальта, кремния и кристаллизованной серы. Каждый раз, когда Джерри подплывает к Жерлу, в его голове появляется образ какого-то ужасающего прыща.

Лени Кларк возглавляет полет по Главной улице: Фишер, Карако, парочка грузовых «кальмаров» в отдалении. По обеим сторонам над ними склоняются генераторы. Темная завеса клубится и сверкает прямо среди дороги. Косяк маленьких рыб мелькает по краям струящегося облака.

— А это проблема, — жужжит Лени, смотрит на остальных рифтеров. — Грязевой выброс. Слишком большой, чтобы его перенаправить.

Они уже миновали восемь генераторов. Впереди осталось еще шесть, и все они тонут в иле. Работа на две смены, даже если вызвать Лабина и Брандера.

Он надеется, что этого делать не придется. По крайней мере, не Брандера.

Лени подплывает к выбросу. Позади еле слышно ноют «кальмары», тащат инструменты. Джерри собирается с духом и следует за Кларк.

— А мы температуру не должны проверить? — раздается голос Карако. — В смысле, если он горячий?

Ему и самому это интересно. Его беспокоят такие темы с тех пор, как он подслушал разговор Накаты и Карако. Те обсуждали слухи о рифте Мендосино. Накате рассказывали, что туда попала очень старая мини-подлодка с плексигласовыми иллюминаторами. Ка-

рако же слышала, что те были сделаны из термоакрилата. По словам Накаты, судно заклинило прямо посередине зоны рифта. Каракое же считала иначе и уверяла, что под ним взорвался гейзер.

Они сходились во взглядах на то, насколько быстро растаяли иллюминаторы. Там даже скелеты превратились в пепел. Что не имело особого значения, поскольку каждую кость в человеческих телах расплющило внешним давлением.

По мнению Фишера, Каракое явно говорит дело, но Кларк даже не удосуживается ответить, а просто wpłyвает в это черное сверкающее облако, где и растворяется. На месте ее исчезновения грязь светится фосфоресцирующими поминками. Рыбный косяк бросается вслед за ней.

— Иногда кажется, что ей абсолютно все равно, — тихо жужжит Фишер. — Словно неважно, умрет она или выживет...

Каракое смотрит на него какое-то мгновение, а потом ныряет в сторону выброса.

Из облака гудит голос Кларк:

— Времени мало.

Напарница ныряет во взбаламученную стену со вспышкой света. Стайка рыб — Фишер только сейчас видит, что парочка из них может похвастаться изрядными размерами, — кружится в неожиданном свечении.

«Давай», — говорит Тень.

Что-то двигается.

Фишер резко поворачивается. На какую-то секунду перед его глазами только Главная улица, расплывающаяся вдали.

А потом что-то большое и черное... и кривобокое появляется из-за генераторов.

— Господи. — Ноги Джерри двигаются сами по себе. — Они идут! — Он старается закричать.

Вокодер сводит все звуки к какому-то карканью.

«Глупо. Глупо. Нас же предупреждали, искры привлекают маленьких рыб, маленькие привлекают больших, и если мы не будем смотреть по сторонам, то легко можем попасться им на пути».

Выброс прямо перед ним, стена осадочных пород, река на дне океана. Он ныряет прямо в нее. Что-то легонько щиплет его за икру.

Все вокруг темнеет, только вспыхивают случайные искорки. Джерри включает головной фонарь; потоки грязи сглатывают луч уже в полуметре от лица.

Но Кларк каким-то образом его замечает.

— Выключи.

— Я ничего не вижу...

— Хорошо. Может, они тоже не увидят.

Фишер вырубает фонарь. Во тьме выхватывает газовую дубинку из ножен на ноге.

В отдалении раздается голос Карако:

— Я думала, они слепые...

— Некоторые.

И у них есть другие чувства, на которые можно рассчитывать. Фишер перебирает в голове список: запахи, звук, волны давления, биоэлектрические поля... Здесь, внизу, ничто не полагается на зрение. Оно — всего лишь одна из возможностей.

Джерри надеется, что выброс блокирует не только свет.

Но прямо на его глазах тьма исчезает. Черная мгла становится коричневой, затем почти серой. Слабое мерцание просачивается от прожекторов на Главной улице.

«Это же линзы, — соображает он. — Они компенсируют. Здорово».

Впрочем, далеко он все равно не видит. Словно висит в грязном тумане.

— Помни. — Кларк, очень близко. — Они не такие крутые, как выглядят. И в большинстве случаев не могут нанести настоящей травмы.

Поблизости заикается сонарный пистолет.

— У меня нет никакого сигнала, — жужжит Карако.

Молочный осадок вьется со всех сторон. Фишер протягивает вперед руку, та исчезает из виду где-то на уровне локтя.

— Вот блин, — Карако.

— Что...

— Что-то на моей ноге, господи, оно огромное...

— Лени! — Джерри кричит.

Удар сзади. Шлепок о затылок. Тень, черная и колючая, исчезает во мгле.

«Эй, а это было не так уж...»

Что-то сжимает ногу. Он смотрит вниз: челюсти, зубы, чудовищная голова, растворяющаяся в тумане.

— Черт побери...

Джерри наносит удар дубинкой по чешуйчатой плоти. Та поддается, словно желатин. Мягкий и глухой стук. Мясо вздувается, рвется; сквозь разрыв начинают вырываться пузыри.

Сзади в него врзается кто-то еще. Грудь в тисках. Он хлещет вокруг наугад. Грязь, пепел и черная кровь вздымаются к лицу.

Фишер слепо хватает, проворачивает. В руке сломанный зуб длиной с половину его руки. Он сжимает пальцы крепче, и тот раскалывается. Джерри отбрасывает его, берется за дубинку и вонзает ее в тварь сбоку. Еще один взрыв мяса и сжатого углекислого газа.

Грудь освобождается от давления. Вцепившееся в ногу существо не двигается. Фишер позволяет себе опуститься ко дну, продрейфовать к подножию баритового столба.

Никто на него не нападает.

— Все в порядке, — голос Лени по вокодеру лишен эмоций. Фишер выдавливая из себя «да».

— Спасибо, Господи, за плохое питание, — жужжит Карако. — Нам бы сейчас здорово досталось, если бы эти ребята получали достаточно витаминов.

Фишер с трудом размыкает челюсти монстра, вцепившиеся в икру. Как бы ему хотелось сейчас перевести дыхание.

«Тень?»

Я здесь.

«А у тебя вот так все было?»

Нет. У меня это не заняло столько времени.

Он лежит на дне и пытается закрыть глаза. Не может: гидрокостюм связан с поверхностью линз, заковычивает веки в маленькие мешки.

«Прости меня, Тень. Мне так жаль».

Я знаю. Все нормально.

Лени Кларк стоит обнаженная в медицинском отсеке, нанося распылитель на синяки, красующиеся на ноге. Нет, не обнаженная: линзы по-прежнему на глазах. Фишер видит только кожу.

А этого недостаточно.

Струйка крови бежит по боку прямо из-под впускного отверстия для воды. Лени безучастно вытирает ее и заряжает шприц.

Ее груди маленькие, девичьи. Бугорки. Бедер нет. Тело такое же бледное, как и лицо, за исключением синяков и свежих розовых шрамов от имплантатов. Она кажется анорексичкой.

Она — первый взрослый человек, которого Фишер хочет.

Лени отрывается от дел и видит его в дверном проходе.

— Раздевайся, — говорит и продолжает работать.

Тот расщепляет поверхность и принимается срыгивать с себя кожу костюма. Кларк заканчивает с ногой и вонзает иглу в порез на боку. Кровь сворачивается, как по волшебству.

— Они предупреждали нас о рыбах, — говорит Фишер, — но говорили, что те очень хрупкие. Говорили, мы сможем справиться с ними голыми руками, если захотим.

Лени опыляет надрез фиксатором, стирает излишки.

— Повезло, что тебе столько рассказали, — она стягивает с вешалки гидрокостюм и проскальзывает в него. — Когда нас послали сюда, то едва упомянули даже о гигантизме.

— Но это же глупо. Они же и тогда о нем знали.

— Говорят, это единственный источник, где рыбы вырастают до таких размеров. Ну, по крайней мере, насколько известно Энергосети.

— А почему? Что тут такого особенного?

Лени пожимает плечами.

Фишер уже разделся до пояса. Кларк смотрит на него.

— Штаны тоже. Тебе же в икру вцепились, так?

Он качает головой.

— Да не стоит беспокоиться.

Она переводит взгляд вниз. Гидрокостюм всего пару миллиметров толщиной и ничего не прячет. Под ее безучастным взглядом эрекция спадает.

Холодные белые линзы Лени смотрят прямо ему в лицо. Фишер чувствует, как краснеет от жара, но потом вспоминает: она не видит его глаз. Никто не видит.

Здесь почти безопасно.

— Синяки — главная проблема, — наконец произносит Кларк. — Костюм они протыкают нечасто, но сила от укуса все равно доходит.

Твердая и профессиональная ладонь исследует края раны Фишера. Там болит, но он не возражает.

Она сворачивает крышку с тюбика анаболической мази.

— Вот. Вотри.

От контакта боль утихает. Плоть становится теплой, ее пощипывает там, где нанесено лекарство. Джерри протягивает руку, немного испуганный, и пытается дотронуться до Лени.

— Спасибо.

Та без единого слова уворачивается, склонившись, чтобы запечатать облачение на ноге. Фишер наблюдает, как штанины скользят вверх по ее ногам. Ткань кажется чуть ли не живой. Впрочем, так и есть, вспоминает он. У костюма есть рефлексy, изменяющие его проницаемость и теплопроводимость в зависимости от температуры тела. Он поддерживает — какое слово? — а, гомеостаз.

Сейчас Джерри смотрит, как костюм заглатывает тело Кларк, обволакивает гладкой черной амебой, темный лед вместо белизны, но женщина видна сквозь него, оставаясь самым красивым существом, когда-либо встречавшимся Фишеру на Земле. Она так далеко. Что-то внутри говорит — берегись...

«...Иди прочь, Тень...»

...но он не может совладать с собой, ведь до нее так легко дотронуться, она склонилась, застегивая ботинки, а его рука ласкает воздух над ее плечом, пробегает вдоль согбенной спины, так близко, что можно почувствовать жар тела, если бы не этот дурацкий костюм на пути, и...

И она выпрямляется, сталкивается с его ладонью. Лени поднимает голову; что-то пылает под ее линзами. Джерри отводит руку, но уже поздно. Ее тело напрягается, вытягивается струной от ярости.

«Я всего лишь коснулся ее. Я же не сделал ничего плохого. Всего лишь коснулся...»

Она делает один-единственный шаг вперед и говорит:

— Больше этого не делай.

Голос у нее такой ровный, что на секунду он задумывается о том, как бы его передал вокодер под водой.

— Я не хотел... Я не...

— Мне плевать. Больше этого не делай.

На периферии зрения что-то движется.

— Что-то случилось, Лени? Помочь? — голос Брандера.

Та качает головой.

— Нет.

— Ладно тогда. — Брандер кажется почти разочарованным. — Я наверху.

Опять движение. Стихающий вдали звук.

— Извини меня, — говорит Фишер.

— Не стоит, — отвечает Лени и, не касаясь его, проходит мимо, в душевую.

АВТОКЛАВ

У подножия лестницы в нее чуть не врезается Наката. Кларк свирепо смотрит на нее; та отодвигается в сторону, обнажая зубы в покорной улыбке примата.

Брандер в кают-компании, копается в библиотеке.

— Ты?..

— Все нормально.

Это, конечно, не так, но она работает над этим. Гнев ее далек от критической массы, всего лишь рефлекс, искорка, вырвавшаяся из главного резервуара. Когда Лени добирается до своей каюты, то ей почти жалко Фишера.

«Это же не его вина. Он не хотел мне навредить».

Она захлопывает за собой люк. Сейчас можно спокойно что-нибудь ударить, если надо. Лени нерешительно оглядывается в поисках цели, а потом просто падает на койку и глазеет в потолок.

Кто-то стучит по металлу.

— Лени?

Та поднимается, открывает люк.

— Привет, Лени. Слушай, у меня очень плохая связь с одним из «кальмаров». Ты не могла бы...

— Да, — кивает Кларк. — Нет проблем. Только не сейчас, хорошо, э-э-э...

— Джуди, — говорит Карако, судя по голосу слегка задетая такой беспамятностью.

— Хорошо, Джуди.

На самом деле Кларк помнит ее имя. Но на «Биб» теперь столько народу. В последнее время Лени научилась периодически забывать имена. Так можно держать людей на комфортном от себя расстоянии.

Иногда.

— Извини, — говорит она, протискиваясь мимо Карако. — Мне надо наружу.

В некоторых местах рифт почти спокоен и нежен. Обычно жар пронзает водную толщу кипящими грязевыми столбами или заостренными стрелами перегретой жидкости. При давлении в триста атмосфер у пара нет никаких шансов; термальное искажение превращает воду в колонну извивающихся жидких призм жарче расплавленного стекла. Но не здесь. На этом самом месте, угнездившемся между слоями волнистой лавы и скрытом от любопытных ушей «Биб», зной проникает сквозь костюм легким ветерком. Под ногами материковая порода, скорее всего, пористая.

Она приплывает сюда, когда может, держась ближе ко дну, сбивая с толку сонар «Биб». Остальные еще не знают об этом месте, и она хочет, чтобы так продолжалось и дальше. Иногда Лени появляется здесь понаблюдать за тем, как конвекционные потоки закручивают грязь ленивыми завитушками. Даже распарывает печати костюма, купая руки и лицо в тридцатиградусной воде.

Иногда же она приплывает сюда поспать.

Кларк лежит на грязи, которая двигается под спиной, и смотрит во тьму. Вот так засыпаешь, когда не можешь закрыть глаза. Изучаешь мрак, а когда начинаешь видеть то, чего нет, понимаешь, что погрузился в сон.

Сейчас она видит саму себя, верховную жрицу нового общества троглодитов. Она попала сюда первой, нашла покой, пока остальных резали и изменяли неряшливые руки сухопутников. Она — мать-основательница, лекало, по которому остальные, еще такие чувствительные, рекруты создают себя. Они сходят вниз и видят, что ее глаза всегда скрыты линзами, после чего делают так же.

Но Лени знает — все это неправда. По-настоящему их творит рифт, тупой гидравлический пресс, вдавливающий всех в формы, выбранные им, и только им. Остальные походили на нее только потому, что всех их вылепили по одному шаблону.

«И не будем забывать про Энергосеть. Если Баллард права, они отвечают за то, что мы не слишком отличаемся друг от друга с самого начала».

Естественно, существуют всякие поверхностные различия. Немного расового разнообразия. Символические садисты, символические жертвы, женщины и мужчины — все представлены в равном количестве...

От этого Кларк даже улыбается. Понадеемся на мексиканца, который запирает пачку психопатов с сек-

суально-дисфункциональными расстройствами, а потом убедимся, что обошлось без половой дискриминации.

«Они молодцы, хотят, чтобы никто не ушел обиженным. За исключением Баллард, конечно».

Но, по крайней мере, там, наверху, учатся на ошибках. Задремав на глубине в три тысячи метров, Лени Кларк действительно интересуется, что они выкинут в дальнейшем.

Неожиданная пронизывающая боль в глазах. Она пытается закричать; умные имплантаты чувствуют, как язык и губы приходят в движение, только все неправильно понимают:

— Ннннааааааааа...

Она знает это чувство. Испытывала его раз или два. Слепо ныряет в случайном направлении. Боль в голове разрастается от интенсивной до невыносимой.

— Аааааа...

Лени изворачивается, уходит в противоположную сторону. Чуть лучше. Включает головной фонарь, брыкается так сильно, как можно. Мир из черного превращается в монолитно-коричневый. Нулевая видимость. Повсюду бурлит грязь. Кларк слышит, как где-то поблизости с треском раскалываются камни.

Луч фонаря выхватывает появившуюся на поверхности голову пласта, маячащую впереди, за секунду до того, как в нее влетает Кларк. От шока в черепе звенит, столкновение маленьким землетрясением сбегает вниз по позвоночнику. Появляется новый оттенок боли, смешивающийся со жгучим огнем в глазах. Она на ощупь огибает препятствие, продолжает движение. Ее тело кажется... теплым...

Только очень высокая температура может проникнуть сквозь гидрокостюм четвертого класса. В конце

концов, он сделан для работы в условиях термальных перегрузок.

А вот линзы, с другой стороны...

Темнота. Мир снова черен и ясен. Фонарь протыкает открытое пространство, бросая трясущийся отпечаток на грязь в добрых десяти метрах.

Вид, правда, все еще рябит.

Боль, кажется, спадает. Кларк не уверена. Столько нервов кричали так долго, что даже эхо их стонов — пытка. Она хватается за голову, все еще брыкаясь, от движения разворачивается в ту сторону, откуда приплыла.

Ее тайное убежище взорвалось сплавом ила и соединений серы, бурлящих на дне. Кларк проверяет термистор: 45 градусов по Цельсию, а она находится на расстоянии добрых десяти метров. В восходящих потоках крутятся скелеты сварившихся рыб. Гейзер шипит дальше, невидимый отсюда.

Выброс прорвался сквозь поверхностный слой за секунду; любая плоть, пойманная извержением, сварилась бы до костей еще до того, как нечто сложное, вроде инстинкта побега, вмешалось бы в ситуацию. Все тело Кларк бьет дрожь. Еще один.

«Повезло. Просто глупо повезло, что я была достаточно далеко. Я могла уже умереть. Я могла умереть я могла умереть я могла умереть...»

Нервы вспыхивают в грудной клетке, она сгибается. Но всхлипнуть, не дыша, не получается. И плакать с вечно открытыми, будто прищипленными веками не выйдет. Стандартные процедуры нервной системы, запинаясь, приходят в действие после многих лет сна, только вот те части тела, над которыми они работают, изменились. Все тело проснулось в смиренной рубашке.

«Умереть умереть умереть...»

Включается маленькая отдаленная часть Лени, та, которую она припасла специально для таких случаев.

Кларк удивляется, словно находясь в отдалении, интенсивности своей реакции. С тех пор как она попала на станцию, ей только сейчас пришла в голову мысль, что здесь можно погибнуть.

И впервые за многие годы это действительно что-то значит.

ВОДОНОСНЫЙ СЛОЙ

Когда снимаешь гидрокостюм, то словно потрошишь сам себя.

Он не может поверить, насколько сильно стал от него зависеть, как тяжело выбираться наружу. С линзами еще хуже. Фишер сидит на койке, на тонком матрасе, уставившись в задраенный люк, пока Тень шепчет: все в порядке, ты один, ты в безопасности. Проходит полчаса, прежде чем он собирается с силами и осмеливается ей поверить.

Когда он обнажает глаза, освещение в каюте оказывается таким тусклым, что почти ничего не видно. Он поворачивает выключатель, пока в комнате не устанавливается нечто, похожее на сумерки. Линзы лежат на ладони, бледные и матовые в полутьме, похожие на студенистые кружки скорлупы. Так странно моргать и не чувствовать их под веками. Он ощущает себя таким открытым.

Впрочем, иначе не получится. Часть процесса. Все дело именно в этом: открыться.

Лени в своей каюте, всего в нескольких сантиметрах. Если бы не переборка, Фишер мог бы протянуть руку и коснуться ее.

«Это то, что ты делаешь, когда действительно кого-то любишь». Так когда-то говорила Тень. Поэтому сейчас он делает все ради себя. Ради Тени.

Думает о Лени.

Иногда ему кажется, что она — единственный реальный человек на всем рифте. Остальные — роботы: стеклянные механические глаза, матово-черные роботела, выписывающие кренделя в запрограммированных циклах, единственная цель которых — поддерживать в рабочем состоянии другие, большие машины. Даже имена их звучат механически. Наката. Карако.

Но не Лени. Внутри ее костюма кто-то есть, ее глаза кажутся стеклом, но на самом деле это не так. Она настоящая. Фишер знает, что может ее коснуться.

Конечно, именно поэтому он постоянно лезет в неприятности. Продолжает ее касаться. Но Лени изменится, если только он сможет пробиться к ней. Она больше похожа на Тень, чем все остальные в его жизни. Хотя Кларк, конечно, старше.

Не старше, чем я была бы сейчас, мурлыкает Тень, и, может, в этом все и дело.

Его рот двигается: «Мне так жаль, Лени», — но не раздается ни звука. Тень ничего не поправляет.

«Это то, что ты делаешь», — сказала бы она, а потом заплакала бы. Как Фишер сейчас. Он всегда плачет, когда кончает.

Некоторое время спустя Джерри просыпается от боли. Он лежит, свернувшись, на матрасе, и что-то впивается ему в щеку: маленький осколок стекла.

Зеркала.

Фишер смотрит на него, удивленный. Серебряный осколок с темно-красным наконечником, похожим на маленький зуб. В каюте зеркала нет.

Он протягивает руку, касаясь переборки позади подушки. Там Лени. Прямо с другой стороны. Но здесь, на этой стороне, есть темная линия, ободок тени, которого он раньше не замечал. Глаза следуют за ним до

края стены, до провала где-то в полсантиметра шириной. То тут, то там в этом крохотном пространстве до сих пор видны небольшие обломки стекла.

Похоже, зеркало скрывало всю переборку. Вроде видеокамер слежения Скэнлона. И его не просто убрали, судя по оставшимся фрагментам. Кто-то его расколотил.

Лени. Она прошла по всей станции, прежде чем спустились остальные, и разбила все зеркала. Фишер не понимает, почему так в этом уверен, но ему кажется, что именно так поступила бы Кларк в отсутствие свидетелей.

«Может, ей не нравится смотреть на себя. Может, она стыдится».

Иди, поговори с ней, велит Тень.

«Не могу».

Нет, можешь. Я тебе помогу.

Он подбирает верхнюю часть гидрокостюма. Та скользит по телу, ее края сплавляются посередине груди. Переступает через рукава и брюки, все еще разбросанные по палубе, нагибается за линзами.

Оставь их!

«Нет».

Да.

«Я не могу, она увидит меня...»

А разве ты не хочешь именно этого?

«Я ей даже не нравлюсь, она просто...»

Оставь их. Я сказала, что помогу тебе.

Джерри прислоняется к закрытому люку, глаза зажмурены, быстрое дыхание громким эхом отдается в ушах.

Вперед. Вперед.

Коридор снаружи погружен в глубокие сумерки. Фишер идет к задраенному люку в каюту Лени, касаясь его, боясь постучать.

Сзади кто-то хлопает его по плечу.

— Она снаружи, — говорит Брандер.

Его костюм запаян по шею, рукава и штанины на месте, герметично закрыты. Скрытые глаза пустые и тяжелые. И, как обычно, какое-то напряжение в голове, тот самый знакомый тон, говорящий: «Ну дай мне повод, урод, ну сделай хоть что-нибудь...»

Может, он тоже хочет Лени.

Не зли его, предупреждает Тень.

Фишер сглатывает.

— Я просто хотел поговорить с ней.

— Она снаружи.

— Ладно. Я... Я зайду попозже.

Брандер тыкает в лицо Джерри. Смотрит на свой палец, покрытый чем-то липким.

— Да ты порезался.

— Ничего страшного. Со мной все нормально.

— Это плохо.

Фишер старается протиснуться мимо Брандера в собственную каюту. Коридор сталкивает их вместе.

Брандер сжимает кулаки:

— Не смей меня трогать, тварь.

— Да я не... Просто пытаюсь... В смысле... — Фишер умолкает, оглядывается по сторонам.

Вокруг никого.

Вполне осознанно Брандер расслабляется.

— И ради бога, надень свои линзы. Никто не хочет туда смотреть.

Он поворачивается и уходит.

Они говорят, что Лабин спит прямо там. И Лени иногда, но Кен не бывает в своей каюте с тех пор, как остальные спустились на станцию. Он не включает фонарь, держится подальше от освещенной части Жерла, и ничто его не беспокоит. Фишер слышал, как Наката и Каракко разговаривали об этом на последней смене.

Это начинает казаться неплохой идеей. Чем меньше времени он проводит на «Биб», тем лучше.

Станция — тусклая далекая клякса, светящаяся слева от Фишера. Там Брандер. Пойдет на дежурство через три часа. Джерри решает, что до этого лучше побыть здесь. Да ему и не нужно долго находиться внутри. Никому из них не нужно. Есть маленький опреснитель, приспособленный к электролизеру, на случай, если одолеет жажда, и куча клапанов и створок, которые делают вещи, о которых ему даже не хочется думать, когда Фишер мочится или испражняется.

Постепенно усиливается голод, но можно подождать. Тут ему хорошо, пока никто его не атакует.

Брандер не оставит его в покое. Фишер не может понять, что тот имеет против...

О да, ты все понимаешь, говорит Тень.

...но этот взгляд ему знаком. Брандер жаждет, чтобы Джерри облажался по-крупному.

Остальные большую часть времени держатся в стороне. Нервная и беспокойная Наката вообще старается никому не попадаться на глаза. Карако ведет себя так, словно ее совершенно не беспокоит даже перспектива свариться заживо в гейзере. Лабин просто сидит там, уставившись в пол, таясь и тлея. И Брандер к нему не суется.

Остается Лени. Холодная и далекая, как горная вершина. Нет, Фишер не получит от них никакой помощи против Брандера. Поэтому, когда доходит дело до выбора между множеством чудовищ снаружи и одним внутри, все очевидно.

На станции Карако и Наката проводят осмотр корпуса. Их отдаленные голоса раздражающе жужжат у Фишера под челюстью. Он отключает передатчик и устраивается между выходящими на поверхность глыбами подушечного базальта.

Позже он так и не сможет вспомнить, когда задремал.

— Послушай, членосос. Я только что отпахал две смены от звонка до звонка, потому что ты не появился, когда должен был. А потом еще полсмены, пока искал тебя. Мы думали, ты в беду попал. Мы предположили, что ты в беду попал. И не говори мне...

Брандер толкает Фишера к стене.

— И не говори мне, — снова произносит он, — что с тобой было все в полном порядке. Даже не думай об этом.

Фишер оглядывает дежурку. Наката наблюдает от противоположной переборки, дергаясь, словно кошка. Лабин с шумом роется в шкафчиках с оборудованием, повернувшись спиной к происходящему. Карако кладет на полку ласты и проходит мимо к лестнице.

— Карак...

Брандер жестко бросает его к стене.

Джуди, нога уже на нижней ступеньке, поворачивается и смотрит на них буквально секунду. На ее лице призраком мелькает улыбка.

— Не смотри на меня, Джерри, приятель. Это твоя проблема.

После чего взбирается наверх.

Лицо Брандера маячит в нескольких сантиметрах от Фишера. Его капюшон еще запаян, за исключением ротового клапана. Глаза кажутся прозрачными стеклянными шариками, утопленными в черном пластике. Он сжимает хватку.

— Ну так что, членосос?

— Мне... жаль, — заикается Джерри.

— Тебе жаль. — Брандер оглядывается через плечо, включая Накату в веселье. — Ему жаль.

Та смеется как-то чересчур громко.

Лабин гремит чем-то в шкафчике, все еще не обращая ни на кого внимания. Люк воздушного шлюза начинает поворачиваться.

— Я не думаю, — говорит Брандер, стараясь перекричать неожиданное бульканье, — что тебе действительно настолько жаль.

Шлюз открывается. Оттуда выходит Лени Кларк, держа в одной руке ласты. Ее белые глаза окидывают взглядом комнату; на Фишере они даже не задерживаются. Без единого слова она проходит к штативу для сушки.

Брандер бьет Джерри в живот. Тот складывается вдвое, задыхаясь, ударяется головой о люк. Царапает щеку о палубу. Носок Брандера почти касается его носа.

— Эй, — голос Лени отдаленный и явно не особо заинтересованный.

— И тебе привет, Лени. Он сам напросился.

— Я знаю. — Прошла секунда. — И все же.

— На Джуди напала рыба-гадюка, пока та искала его. Она могла погибнуть.

— Возможно. — Лени как будто сильно устала. — Тогда почему Джуди не здесь?

— Я здесь, — отвечает Брандер.

Легкое Фишера снова в строю. Хватая воздух, он отталкивается от переборки. Обидчик пронзает его злым взглядом. Лабин снова в комнате, стоит в стороне. Наблюдает.

Лени посередине дежурки. Пожимает плечами.

— Что? — требует ответа Брандер.

— Не знаю. — Она бросает равнодушный взгляд на Джерри. — Ну он просто... облажался. Напортачил. Он никому не хотел причинить вре...

Она замирает. У Фишера такое чувство, словно Кларк смотрит прямо сквозь него, сквозь корпус станции в бездну, где видит нечто, открытое только для нее. И что бы это ни было, оно ей явно не нравится.

— Да пошло все на хер. — Лени направляется к лестнице. — Не мое это дело в любом случае.

«Лени, пожалуйста...»

Брандер поворачивается к Фишеру, когда она исчезает из вида. Джерри не сводит с него взгляда. Тянутся бесконечные секунды. Кулак Брандера замирает на полпути в воздухе.

Он выстреливает так быстро, что не разглядеть. Фишер отшатывается, ударяется о трубу. Огни роем взрываются в левом глазу. Джерри пытается сморгнуть, опираясь о переборку. Все тело болит.

Брандер разжимает кулак.

— Лени — слишком хороший человек, — замечает он, расслабляя пальцы. — Лично мне наплевать, хочешь ты причинить кому-нибудь вред или нет.

ДВОЙНИК

Звуковая изоляция на «Биб» такая же, как внутри гулкой камеры.

Лени Кларк сидит на койке и слушает стены. Членораздельных слов не уловить, но неожиданный удар плоти о металл вполне различим. Теперь кто-то переговаривается тихими голосами в кают-компании. По трубе, журча, спускается вода.

Ей кажется, внизу что-то двигается.

Она прикладывает ухо к наугад выбранной трубе. Ничего. Ко второй: шипение сжатого газа. К третьей: слабое, еле уловимое эхо медленных шагов, скребущих по нижней палубе. А потом через канализацию доносится приглушенное жужжание.

Медицинский сканер.

«Это не мое дело. Их проблемы. У Брандера есть причины, а Фишер... Но он никому не хотел причинить вреда».

Фишер — никто. Он — жалкий, психованный урод, который не представляет проблемы ни для кого, кроме

самого себя. Очень плохо, что он настолько раздражает Брандера, но жизнь вообще несправедливая штука. Никто не знает этого лучше, чем Лени Кларк. Она-то в курсе. Помнит и кулаки ниоткуда, и миллион крохотных вещей, которых даже не замечаешь, пока не становится слишком поздно. Ей никто не помогал. Но она справилась. Иногда в качестве отвлекающего маневра срабатывал секс. А в другие моменты приходилось просто бежать.

«Он никому не хотел вреда».

Лени качает головой.

«И я тоже, сволочи!»

Звук обгоняет боль. Глухой тупой удар, словно рыба, стучащаяся в прожектор. Кровь проступает сквозь порванную кожу на костяшках, капли кажутся почти черными в отфильтрованном зрении. Последующее покалывание воспринимается как приятный повод отвлечься.

На переборке, естественно, ни пятнышка.

Разговор в кают-компании прекратился. Кларк сидит, напряженная, на матрасе, посасывая руку. В конце концов звук голосов возобновляется.

Пора идти на смену с Накатой и Брандером. Кларк с сомнением осматривает каюту. Надо сделать что-то до того, как открыть люк, только Лени не может вспомнить, что именно. Глаза постоянно возвращаются к одной и той же стене, ищут какой-то предмет, которого на ней нет...

Зеркало. По какой-то причине Лени хочется знать, как она выглядит. Странно. Она не может вспомнить, когда в последний раз чувствовала нечто подобное. Давно такое было. Но это не проблема. Лени просто посидит тут, пока ощущение не пройдет. Ей не нужно выходить наружу, не нужно даже вставать, пока она снова не почувствует себя нормально.

Когда сомневаешься, оставайся подальше от чужих глаз.

— Элис?

Люк задраен. Ответа нет.

— Она там. — Брандер стоит в конце коридора, позади него кают-компания. — Зашла внутрь, и десяти минут не прошло.

Кларк стучится снова, на этот раз сильнее:

— Элис? Время.

Брандер поворачивается на каблуках:

— Пойду соберу вещи.

И исчезает из виду.

Люки на «Биб» нельзя запереть из соображений безопасности. Но Кларк все равно сомневается. Знает, что почувствовала бы, если бы кто-то вошел в ее личное пространство без приглашения.

«Но она сказала, что пойдет в эту смену. А я к тому же постучалась...»

Лени крутит колесо в середине люка. Защитная печать по краю размякает и отступает. Кларк тянет диск на себя, заглядывает внутрь.

Элис Наката лежит на койке, конвульсивно подергиваясь, глаза закрыты, костюм частично содран. Жилы ветвятся от точек включения на лице и запястьях, складками спадая у светящегося сонника, стоящего на прикроватной полке.

«Она пошла поспать за десять минут до смены?»

Никакого смысла. К тому же Наката была со всеми там, внизу. С Фишером. Как можно спать после такого?

Кларк подходит ближе, изучает датчики устройства: стимулированный быстрый сон поставлен на максимум, а тревога отключена. Элис вырубилась за секунды. Господи, да при таких настройках она бы заснула в разгар группового изнасилования.

Лени одобрительно кивает головой.

«Хороший фокус».

С неохотой касается кнопки пробуждения. Сон истекает с лица Накаты; его выражение резко меняется. Азиатские глаза трепещут, а потом распахиваются, широкие и черные.

Кларк отступает, пораженная. Напарница сняла свои линзы.

— Пора идти, Элис, — тихо говорит Лени. — Извини, что разбудила...

И ей действительно жалко. Она никогда прежде не видела, чтобы Наката улыбалась. Было бы приятно, если бы это продлилось подольше.

Брандер запаивает широкополосный сенсор в оболочку, когда в дежурку спускается Кларк.

— Она нас догонит, — говорит Лени и поворачивается к штативу для сушки за ластами.

Прямо перед ней медотсек все еще задраен. Оттуда не просачивается никаких звуков, ни человеческих, ни механических.

— Ах да. Он все еще там, — Брандер слегка повышает голос. — И прекрасно, сучонок, пока я тут.

— Он не хо...

«Заткнись! Заткнись, дура!»

— Лени?

Она поворачивается и успевает увидеть, как падает его рука. Брандер на самом деле гораздо более чувствителен, чем от него ожидаешь, иногда он сам почти забывает об этом.

Но это нормально. Ведь он тоже никому не хочет причинить вреда.

— Ничего, — говорит Кларк и берет ласты.

Брандер несет сенсор к воздушному шлюзу и там кладет его рядом с еще какими-то безделушками, а потом отправляет в плавание. Бульканье и лязг сопровождают их путь в бездну.

— Только...

Он смотрит на нее, и лицо его, словно вопрос, обрамляющий пустые глаза.

— А что ты так взъелся на Фишера? — говорит она, почти шепчет.

«Ты же прекрасно знаешь, почему он взъелся на Фишера. Это не твое дело. Держись от него подальше».

Лицо Брандера твердеет, будто застывающий цемент.

— Он — долбаный урод. Он детей трахает.

«Я знаю».

— Это кто сказал?

— Да не нужно ничего никому говорить. Я таких, как он, за километр чую.

— Как скажешь, — Кларк прислушивается к собственному голосу.

Холодный. Отстраненный, почти скучный. Прекрасно.

— Он странно на меня смотрит. Черт, да ты видела, как он смотрит на тебя? — Металл лязгает о металл. — Если он просто дотронется до меня, убью урод на хрен.

— Ага. Больших усилий тебе не понадобится. Он просто сидит и принимает все, что ты делаешь. Он такой... пассивный...

Брандер фыркает:

— Да тебе-то какое дело, а? Он тебя бесит так же, как и всех остальных. Я видел, что произошло в медотсеке на прошлой неделе.

Воздушный шлюз шипит. Сбоку зажигается зеленая лампочка.

— Не знаю. Ты прав, наверное. Я знаю, что он такое.

Брандер распахивает люк и проходит внутрь. Кларк задерживается, опираясь о края.

— Хотя есть кое-что еще, — она говорит почти для себя. — Что-то... не так. Он не подходит.

— Да мы все не подходим, — ворчит Брандер. — В этом вся штука.

Лени закрывает люк. Внутри достаточно пространства для двоих, и другие рифтеры ныряют парами, но она предпочитает идти туда одна. Маленькая деталь, которую никто не комментирует.

«Никто не виноват. Ни Брандер, ни Фишер. Ни отец. Ни я. Вообще никто не виноват. Твою мать».

Воздушный шлюз наполняется водой.

АНГЕЛ

Дно светится. Трещины в камнях сверкают успокаивающими оттенками оранжевого, словно горячие угли, и он знает — это признаки высокой температуры; обжигающие струйки кажутся теплыми даже сквозь костюм, термистор подпрыгивает всякий раз, когда поток дергается. Но здесь есть места, где скалы сияют зеленым. Или голубым. Он понятия не имеет, биологию за это благодарить или геохимию, но точно знает — это прекрасно. Как ночной город с вышины. Как северное сияние, которое он видел лишь раз в жизни, только ярче и четче. Изумрудный пожар.

Можно сказать, отчасти он даже благодарен Брандеру. Если бы не тот, он бы никогда не наткнулся на это место. Сидел бы на «Биб» со всеми остальными, не вылезал бы из библиотеки или прятался бы в каюте, безопасной и сухой.

Но когда на станции Брандер, о безопасности речи не идет. Она оборачивается прогоном сквозь строй. Поэтому сегодня Фишер остался снаружи после окончания смены, ползая по дну океана, исследуя. И вот, вдали от Жерла открыл настоящее святилище.

Не засыпай, говорит Тень. Если пропустишь еще одну смену, то дашь ему повод.

«И что? Тут он меня не найдет».

Но ты не можешь оставаться снаружи вечно. Тебе придется есть хотя бы иногда.

«Знаю я, знаю. Тише».

Он — единственный человек в мире, который видел это место. Сколько он уже тут? Сколько миллионов лет этот маленький оазис мирно сиял в ночи, карманная вселенная, существующая только для себя?

Лени бы тут понравилось, говорит Тень.

«О да».

Макрурус проходит в полуметре над его головой, его брюхо — головоломка отраженного света. Неожиданно рыба начинает биться; страшные судороги пробегают по ее телу. Вода вокруг нее мерцает от теплового искажения. Рыба переворачивается на бок, хвостом вниз в следе от маленького извержения. Тело бледнеет за секунды и начинает поджариваться по краям.

Четыреста восемь градусов по Цельсию — это зафиксированный температурный максимум для выбросов на рифте Хуан де Фука. Фишер размышляет о пределе, который может выдержать сополимер гидрокостюма.

Сто пятьдесят.

Он поднимается в водную толщу, просто на всякий случай. Как только донные помехи уходят, чувствует-ся слабое, но регулярное постукивание сонара «Биб» по внутренностям.

Это странно. На таком расстоянии сигнал не должен ощущаться, если только его не выкрутили на полную. И они бы это сделали, только если...

Он сверяется с временем.

«О нет. Только не опять».

К тому времени, как Фишер добирается до Жерла, они уже наполовину ободрали четвертый номер и просто расступились, дав ему место в очереди. Лени не

хочет слушать его извинения. Просто не хочет с ним разговаривать. Это больно, но Фишер ее не винит. Может, он скоро до нее достучится, загладит провинность. Может, они даже отправятся посмотреть на достопримечательности.

Слава богу, сейчас не дежурство Брандера. Тот на станции. Но Джерри опять хочет есть.

«Может, он в каюте сидит. А я смогу поесть и отправлюсь спать. Может...»

Он сидит прямо здесь, один в кают-компании, и свирепо смотрит, оторвавшись от тарелки, прямо на Фишера, как только тот поднимается по лестнице.

Не зли его.

«Слишком поздно. Он всегда злой».

— Я... думаю, нам надо кое-что прояснить, — пытается Джерри.

— Отвали на хер.

Фишер подходит к столу камбуза, вытаскивает стул.

— Не заморачивайся, — говорит Брандер.

— Послушай, это место и так очень маленькое. Мы должны, по крайней мере, попытаться поладить, ты меня понимаешь? Я имею в виду, это же нападение. Это незаконно.

— Ну так арестуй меня.

— Может, ты вообще и не на меня злишься. — Фишер замирает на мгновение, удивленный.

«Может, вот в чем дело».

— Может, ты перепутал меня с кем-то другим...

Брандер встает.

Но Джерри продолжает:

— Может, кто-то что-то тебе сделал, и...

Брандер целенаправленно обходит стол.

— Я тебя ни с кем не перепутал. Я точно знаю, кто ты такой.

— Нет, не знаешь, мы первый раз увидели друг друга только пару недель назад.

«Точно, ну разумеется. Я вообще ни при чем, это кто-то другой!»

— Что бы с тобой ни произошло...

— Это не твое дело, урод, и если ты сейчас скажешь еще хоть слово, то я тебя убью.

Молчи, умоляет Тень. Просто уйди, ты сделаешь только хуже.

Но Фишер настаивает на своем. Неожиданно все кажется настолько ясным.

— Это был не я, — тихо говорит он. — То, что произошло... Мне очень жаль, но это был не я, и ты об этом знаешь.

На мгновение Джерри думает, что пробился. Лицо Брандера расслабляется, узлы плоти и брови чуть распрямляются вокруг безжизненных белых глаз, и Фишер почти видит, что в этом человеке есть что-то еще помимо ярости.

Но потом он чувствует движение, это его собственная рука тянется вперед.

«Тень, нет, ты все испортишь».

Но та не слушается, она вполголоса напевает: «Не зли его не зли его не зли его...»

Именно это ты и делаешь.

Рычание зарождается где-то глубоко в горле Брандера, поднимаясь, подобно отдаленной волне, вздымающейся все выше и выше, по мере того как она мчит-ся в сторону берега.

— ...не смей никогда меня касаться, мразь!

А потом все идет невероятно быстро. Смертельно быстро.

В глазу щиплет. Потом он чувствует, как ломается корка запекшейся крови вокруг века, видит размытую

линию красного света. Пытается поднести ладонь к лицу. Все болит.

Что-то холодное и мокрое, успокаивающее. Еще несколько сгустков уходит прочь.

— Ниннин...

Кто-то тыкает ему в глаза. Он пытается бороться, но способен лишь слабо крутить головой туда-сюда. От этого становится еще хуже.

— Не двигайся.

Голос Лени.

— У тебя правая линза повреждена. Она может проколоть роговицу.

Джерри расслабляется. Пальцы Кларк протискиваются между веками, которые кажутся, судя по ощущениям, опухшими, будто подушки. Неожиданно на глазное яблоко что-то давит, тянет, присасывает. Чавкающий звук, и заостренные края царапают зрачок.

Мир погружается в темноту.

— Подожди, — говорит Лени. — Я включу свет.

Все вокруг по-прежнему имеет красноватый оттенок, но, по крайней мере, теперь он видит окружающее пространство.

Фишер в собственной каюте. Кларк склоняется над ним, в ее руке виднеется кусок мерцающей влажной мембраны.

— Тебе повезло. Он бы тебе выдрал все реберно-хрящевые пластины, если бы за ними не были упакованы имплантаты. — Она куда-то бросает изуродованную линзу, берет упаковку жидкой кожи. — А так он всего лишь сломал тебе пару ребер. Множество синяков. Скорее всего, небольшое сотрясение, но для этого тебе надо посетить медотсек. А, еще я уверена, что он сломал тебе скулу.

Она словно перечисляет список покупок.

— А почему... — Теплая соль заливает рот. Язык осторожно исследует пространство: по крайней мере, зубы целы. — ...Мы не в медотсеке?

— Было чертовски сложно стащить тебя вниз по лестнице. Брандер помогать не собирался. Остальные снаружи.

Она разбрызгивает пену по его бицепсу, когда та засыхает, кожу стягивает.

— Да и толку от них не было бы, — добавляет Лени.

— Спасибо...

— Я ничего не сделала. Только притащила тебя сюда. Ему так хочется коснуться ее.

— Что с тобой, Фишер? — через какое-то время спрашивает Кларк. — Почему ты никогда не отвечаешь?

— Не сработает.

— Ты шутишь? Ты хоть знаешь, насколько ты большой? Мог бы порвать Брандера, если бы стал сопротивляться.

«Тень говорит, от этого только хуже. Ты отвечаешь, и все злятся еще больше».

— Тень? — переспрашивает Лени.

— Что?

— Ты сказал...

— Я ничего не говорил...

Какое-то время она смотрит на него.

— Хорошо, — говорит наконец, встает. — Я звоню наверх и прошу замену.

— Нет. Все хорошо.

— Ты ранен, Фишер.

В его голове шепчут медицинские учебники.

— У нас внизу есть все необходимое.

— Ты неделю не сможешь работать. И больше двух пройдет, пока полностью не вылечишься.

— Они учитывали несчастные случаи. Когда планировали расписание.

— А как ты намереваешься держаться подальше от Брандера?

— Буду больше находиться снаружи. Лени, пожалуйста.

Она качает головой.

— Ты сумасшедший, Фишер. — Направляется к люку, открывает его. — Это, естественно, не мое дело. Просто не думаю...

Оборачивается снова и спрашивает:

— Тебе здесь, внизу, нравится?

— Что?

— Ты же спасаешься тут, да?

Вроде бы совершенно нелепый вопрос. Особенно сейчас. Но почему-то он таким не кажется.

— Вроде того, — наконец отвечает Джерри, в первый раз осознав это.

Она кивает, моргает, скрывая белые глаза.

— Дофаминовый приход.

— Дофа...

— Они говорят, мы подсаживаемся. На это место. Подсаживаемся... на страх, я так думаю. — Кларк слабо улыбается. — Ну, такой слух есть, по крайней мере.

Фишер обдумывает такую возможность.

— Не то чтобы я балдел от этого. Скорее, просто привык. Ты понимаешь?

— Да. — Она поворачивается и распахивает люк. — Прекрасно понимаю.

С потолка медицинского отсека вверх ногами свисает богомол с метр длиной, весь черный от хромовой отделки. Он спал с тех самых пор, как Фишер прибыл на станцию. Теперь же парит перед его лицом, суставчатые руки щелкают и ныряют вниз, как безумные палочки для еды на шарнирах. Время от времени один

из датчиков механизма подмигивает красным, и Джерри чует запах собственного прижигаемого мяса. Это его несколько беспокоит. Что еще хуже, он не может пошевелить головой. Нейроиндукционное поле медстола парализовало его шею и выше. Он не может не думать о том, что произойдет, если фокус инструмента соскользнет, и вся эта тормозящая, одуряющая энергия войдет ему в легкие. Или сердце.

Богомол замирает посредине движения, его антенны подрагивают, а потом на несколько секунд механизм полностью останавливается.

— Привет, э... Джерри, так? — наконец говорит он. — Меня зовут доктор Тройка.

Вроде бы голос женский.

— И как вы там поживаете?

Фишер старается ответить, но его голова и шея по-прежнему кажутся всего лишь кусками мертвого мяса.

— Нет, не нужно говорить, — произносит богомол. — Это риторический вопрос. Я сейчас проверяю ваши показатели.

Джерри вспоминает: медицинское оборудование не всегда может справиться собственными силами. Иногда, когда случай попадает особенно сложный, оно вызывает на подмогу человека.

— Однако! — восклицает автомат. — Что с тобой случилось? Нет, на это тоже не нужно отвечать. Я не хочу знать.

Вспомогательная рука появляется в поле зрения и мельтешит перед глазами Фишера.

— Я сейчас перегружу парализующее поле на секунду. Будет немного неприятно. Постарайся не двигаться, когда это произойдет, только отвечай на мои вопросы.

Боль заливает лицо Джерри. Это не так уж плохо. Знакомо даже. Веки кажутся шершавыми, а небо сухим. Он пытается мигнуть. Срабатывает. Закрывает рот, трет языком по опухшим щекам. Уже лучше.

— Я так понимаю, вернуться наверх ты не хочешь? — спрашивает доктор Тройка, сидя на расстоянии сотен километров. — Ты же знаешь, твои ранения настолько серьезны, что тебя можно отозвать.

Фишер качает головой.

— Все нормально. Я могу остаться.

— Угу. — Богомол не кажется удивленным. — Я последнее время часто это слышу. Ладно, я сейчас подлатаю тебе скулу и установлю маленькую батарею под кожу. Под правый глаз. Она запустит регенерацию клеток кости на повышенной скорости, ускорит процесс заживления. Она всего пару миллиметров в ширину, и тебе будет казаться, что у тебя просто появился твердый прыщик. Будет чесаться, но постарайся не трогать. А когда все заживет, сможешь выдавить ее, как угорь. Ладно?

— Ладно.

— Хорошо, Джерри. Я сейчас опять включу поле и вернусь к работе. — Богомол жужжит в предвкушении.

Фишер поднимает руку.

— Подожди.

— Что такое?

— А... который сейчас час?

— Пять десять. По тихоокеанскому летнему времени. А что?

— Рановато.

— Это точно.

— Я так понимаю, разбудил тебя, — говорит Фишер. — Извини.

— Ерунда. — Пальцы на конце механических рук рассеянно покачиваются. — Я уже не сплю много часов. Ночная смена.

— Ночная?

— Мы на посту круглые сутки, Джерри. Куча геотермальных станций, ты и сам знаешь. И, как правило, вы... вы не даете нам заскучать.

— О. Извините.

— Да забудь. Это моя работа.

Сзади, откуда-то из-за головы, доносится жужжание, на мгновение Фишер чувствует, как мускулы на лице обмякают. А потом все немеет, и богомол хищником накидывается на него.

Он прекрасно понимает, что снаружи не стоит открываться.

Это не убивает; по крайней мере, не сразу. Но в морском окружении соли гораздо больше, чем в крови; пусти ее внутрь, и осмос¹ высосет всю жидкость из эпителиальных клеток, высушит их до вязких маленьких капель. Почки рифтеров модифицированы для ускоренной переработки воды, когда такое случается, но это не долговременное решение, и оно имеет последствия. Органы изнашиваются быстрее, моча превращается в масло. Лучше все же держать костюм запечатанным. Если внутренности слишком долго пропитываются морской средой, то их, можно сказать, разъедает, неважно, есть у тебя имплантаты или нет.

Но это еще одна из проблем Фишера. Он никогда не видит ситуацию в перспективе.

Лицевая печать — это одна макромолекула длиной пятьдесят сантиметров. Она идет по линии челюсти вперед и назад, как молния, с водоотталкивающими боковыми цепями для зубов. Крохотное лезвие на указательном пальце левой перчатки Фишера может раз-

---

¹ Осмос — самопроизвольный перенос вещества через полупроницаемую мембрану, разделяющую два раствора различной концентрации или чистый растворитель и раствор.

делить ее. Он пробегается им по печати, и костюм аккуратно открывается вокруг рта.

Поначалу Джерри ничего не чувствует. Он почти ожидает, что океан сейчас ринется вверх по носу и обожжет пазухи, но, разумеется, полости его тела уже заполнены изотоническим солевым раствором. Изменяется только температура: холод охватывает лицо, немного приглушает ноющую боль разорванной плоти. Та особенно сильно пульсирует под глазом, где провода доктора Тройки соединяют кости скулы; вдоль них пульсируют микротоки электричества, заставляя костестроительные остеобласты¹ работать по полной.

Спустя несколько секунд Фишер пытается прополоскать рот, ничего не получается, поэтому он всего лишь открывает его, как рыба, и проводит языком вокруг. Срабатывает. Он впервые чувствует вкус океана, грубый и гораздо более соленый, чем вещество, закачанное в его тело.

На дне перед ним стайка слепых креветок кормится в течении от ближайшего источника. Фишер видит прямо сквозь них. Они словно маленькие стеклянные сосуды с каплями органов, покачивающимися внутри.

С тех пор как он ел в последний раз, прошло уже часов четырнадцать, но возвращаться на «Биб», пока там Брандер, — ну уж нет. В последний раз, когда Джерри попытался, тот стоял настороже прямо в кают-компании, поджидая его.

«Да какого черта. Это же как криль. Люди едят такое все время».

---

¹ *Остеобласты* — молодые клетки костной ткани, которые синтезируют компоненты межклеточного вещества и выделяют их через всю поверхность, что и приводит к образованию лакун, в которых они залегают, превращаясь в остециты (клетки костной ткани).

Странное ощущение. Рот немеет от холода, но Джерри различает привкус тухлых яиц, но сильно разбавленный, едва уловимый. В целом вполне неплохо. В любом случае лучше Брандера.

Когда спустя пятнадцать минут наступают конвульсии, он уже не так в этом уверен.

— Ты хреново выглядишь, — говорит Лени.

Фишер висит на перилах, оглядывает кают-компанию.

— Где...

— У Жерла. На дежурстве вместе с Лабином и Карако.

Он добирается до кушетки.

— Давно тебя не видела, — замечает Кларк. — Как лицо?

Фишер прищуривается, борясь с туманом тошноты. Лени Кларк решила поболтать. Она никогда не делала этого прежде. Он все еще пытается понять, почему, когда ударяют желудочные колики и его швыряет на пол. Сейчас уже ничего не выходит, только пара капель кислой жидкости.

Джерри следит взглядом за трубами, переплетающимися на потолке. А потом лицо Лени загоразливает вид, глядя на него с огромной высоты.

— Что с тобой? — кажется, она спрашивает из праздного любопытства.

— Креветку съел, — отвечает он, и его снова начинает рвать.

— Ты ел... снаружи?

Лени наклоняется и ставит Фишера на ноги. Его руки волочатся по полу. Голова врезается во что-то твердое: перила лестницы, ведущей вниз.

— Твою мать, — говорит Кларк.

Он снова на полу, один. Удаляющиеся шаги. Кружится голова. Что-то прижимается к шее, колет с легким шипением.

Голова прочищается почти мгновенно.

Лени наклоняется снова, ближе, чем когда-либо. Она даже касается его, положив руку на плечо. Джерри смотрит на ее ладонь, чувствует какое-то совершенно глупое удивление, но потом Кларк резко ее отдергивает.

Кларк держит шприц. Желудок Фишера начинает успокаиваться.

— Почему, — мягко спрашивает она, — ты так глупо поступил?

— Проголодался.

— А с раздатчиком что не так?

Он не отвечает.

— О, — говорит Лени. — Ну да.

Она встает и вытаскивает использованную ампулу из инжектора.

— Так не может больше продолжаться, Фишер. Ты же понимаешь. Он тебя не видел уже две недели. Ты приходишь только тогда, когда он на дежурстве. И пропускаешь все больше своих смен, отчего твоя популярность тут явно не возрастает. — Кларк склоняет голову, когда «Биб» начинает потрескивать вокруг. — Почему ты просто не позвонишь наверх и не скажешь им забрать тебя?

«Потому что я делал разные вещи с детьми, и, если уйду, меня вскроют и превратят в нечто совершенно иное... Потому что там, снаружи, есть многое, ради чего почти хочется остаться... Из-за тебя...»

Он не знает, поймет ли она хоть одну из этих причин, и решает не рисковать.

— Может, ты сможешь поговорить с ним, — пытается Джерри.

Лени вздыхает.

— Он не слушает.

— Может, если ты попытаешься, по крайней мере...

Ее лицо грубеет.

— Я уже пыталась. Я... — Но потом она быстро останавливается и шепчет: — Я не могу встречать. Это не мое дело.

Фишер закрывает глаза. Чувствует, что сейчас заплачет.

— Он не остановится. Он меня ненавидит.

— Не тебя. Ты просто... заполняешь место.

— Почему они нас посадили вместе? Это не имеет смысла!

— Естественно, имеет. Статистически.

Фишер открывает глаза.

— Что?

Лени проводит одной рукой по лицу. Она кажется очень уставшей.

— Мы здесь не люди, Фишер. Мы — результаты обработки данных. Пока средние показатели в норме, а стандартное отклонение не слишком большое, неважно, что случится с тобой, со мной или с Брандером.

Скажи ей, говорит Тень.

— Лени...

— В любом случае, — пожав плечами, Кларк меняет настроение, — ты — псих, если ешь что-то рядом с зоной рифта. О сероводороде знаешь?

Он кивает.

— Стандартный курс подготовки. Его выбрасывают источники.

— И он накапливается в бентосе. Они токсичны. Но ты уже это явно понял.

Она начинает спускаться по лестнице, но останавливается на второй ступеньке.

— Если действительно хочешь стать аборигеном, то ищи еду подальше от разлома. Или начинай охотиться на рыб.

— На рыб?

— Они больше двигаются и не проводят все время в течениях теплых источников. Они могут быть безопасны.

— Рыба...

Об этом он не подумал.

— Я сказала, могут быть.

«Тень, прости меня...»

Тише. Только посмотри на все эти красивые огоньки.

И он смотрит. Знает это место. Он на дне Тихого океана. Вернулся в сказочную страну. Думает, что слишком часто приходит сюда, наблюдает за светом и пузырями, слушает, как где-то там, глубоко, скалы трутся друг о друга.

Может, в этот раз он останется, понаблюдает за тем, как тут все работает, но потом вспоминает, что должен быть где-то еще. Ждет, но на ум ничего не приходит. Только чувство: он должен делать что-то где-то в другом месте. Причем скоро.

К тому же оставаться здесь все труднее. Слабая боль маячит где-то в верхней части тела, то появляясь, то исчезая. Через какое-то время он понимает, что это. Болит лицо.

Возможно, прекрасный свет наносит вред глазам.

Но это неправильно. В таких случаях должны срабатывать линзы. Может, они сломались? Он вроде бы помнит, как с его глазами не так давно что-то произошло, но на самом деле ничто не имеет значения. Ведь всегда можно просто уйти. Так прекрасно, когда

неожиданно все твои проблемы получают столь легкое разрешение.

Если от света становится больно, то нужно всего лишь держаться во тьме.

ДИКОСТЬ

— Эй, — жужжит Карako, когда они заходят за угол. — Номер четыре.

Кларк смотрит. «Четверка» где-то в пятнадцати метрах, а вода сегодня мутная. И все равно она различает около всасывающего отверстия что-то большое и темное. Его тень извивается на корпусе абсурдно вытянутым черным пауком.

Кларк подплывает ближе на пару метров, Карako рядом. Женщины переглядываются.

Фишер свисает вверх ногами со стальной сетки. Его никто не видел уже четыре дня.

Лени аккуратно ставит на дно сумку, Джуди следует за ней. Два или три гребка, между ними и трубой остается метров пять. Машины вездесуще вздыхают, издавая звук достаточно глубокий, чтобы его чувствовать.

Он висит к ним спиной, дрейфуя из стороны в сторону, влекомый мягким потоком источника. Решетка на водозаборе кажется лохматой от приставших к ней существ: маленьких моллюсков, полихет, глубоководных крабов. Фишер отрывает корчащихся моллюсков от заборника и отпускает, отчего те или дрейфуют в воде или падают на дно. Он уже очистил примерно два квадратных метра.

Приятно видеть, что он все еще серьезно относится к своим обязанностям.

— Эй, Фишер, — окликает его Карako.

Тот разворачивается, словно от выстрела. Локоть устремляется к лицу Кларк, та еле успевает поднять руку. А в следующую секунду Джерри уже летит мимо нее. Она резко загребает ластами, останавливается. Фишер направляется во тьму, не оглядываясь.

— Фишер! — кричит Кларк. — Остановись. Все нормально.

Он прекращает движение и оглядывается через плечо.

— Это я, — жужжит Лени. — И Джуди. Мы тебя не обидим.

Уже еле видный, Джерри полностью останавливается и поворачивается к ним лицом. Кларк осмеливается помахать ему рукой.

— Пошли, Фишер. Иди к нам.

Каракто подходит к ней сзади.

— Лени, что ты делаешь? — Она приглушает вокодер до шипения. — Он уже слишком далеко зашел, он...

Кларк закручивает собственный транслятор.

— Заткнись, Джуди. — Потом снова прибавляет громкость. — Как ты там сказал, Фишер? Заработать собственную оплату?

Он вступает в свет прожекторов, неуверенно, словно дикое животное, которое клюнуло на приманку. Еще ближе, Кларк видит, как движется вверх-вниз его челюсть под капюшоном. Движения отрывистые, беспорядочные, как будто он учится делать что-то в первый раз.

Наконец вырывается шум:

— Ха... рош...

Каракто возвращается и собирает оборудование. Кларк предлагает Фишеру скребок. Тот какое-то время сомневается, а потом неуклюже берет и следует за ними к «четверке».

— Прямо, — жужжит Джерри. — Как. В сссстарые
вв... времена.

Карако смотрит на Лени. Та молчит.

Ближе к концу смены она оглядывается по сторонам.

— Фишер?

Карако высовывает голову из входного туннеля.

— Он ушел?

— А когда ты в последний раз его видела?

Вокодер тикает несколько раз, автомат вечно неправильно интерпретирует хмыканье.

— Где-то полчаса назад.

Кларк увеличивает громкость транслятора:

— Эй, Фишер! Ты еще тут?

Нет ответа.

— Фишер, мы скоро пойдем на станцию. Если хочешь с нами...

Джуди просто качает головой.

ТЕНЬ

Это кошмар.

Повсюду свет, ослепляющий, болезненный. Он едва может двигаться. У всего вокруг такие жесткие края, и куда ни посмотри — острые углы. И звуки такие же, повсюду лязг и крики, любой шум как восклицание боли. Он едва понимает, где находится. И не знает, почему тут оказался.

Он тонет.

РАСССССССПЕЧЧЧЧЧАААААТТТТТТААААА
ЙЕЕЕЕЕМММММУУУУУРРРРРРРРОООООООТ
ТТТТТ...

Трубки в груди всасывают пустоту. Остальные внутренности напрягаются, хотят раздуться, но им не-

чем себя наполнить. Он бьется в панике. Что-то с треском ломается. Неожиданная боль идет от какой-то отдаленной конечности, секунду спустя разливается по всему телу. Он пытается закричать, но изнутри нечего выталкивать.

ЕЕЕГООООРРРРОООТТТСССССУУУКККААОО
ООТТКККРРОООЙОООООННЖЖЖЕЕЕЕЗЗЗААД
ДЫЫЫХХХААЕЕЕЕТТТТСЯЯЯ...

Кто-то срывает с него часть лица. Внутренности наполняются одним рывком: не холодная соленая вода, но помогает. Огонь в груди чуть утихает.

ББББОУУЛЛЛЛШШШШАААЯЯЯЯБББЛЛЛЛ
ЯОШШШШИБББКА

Давление, болезненное и неравномерное. Вещи держат его, поднимают, бьют. Шум, похожий на лязг железа, оглушает. Он вспоминает звук...

...тяготение...

...который почему-то подходит, но не понимает, что тот значит. А потом все начинает вращаться и становится знакомым и ужасным, кроме одного — мимолетного взгляда на лицо, которое почему-то его успокаивает...

«Тень?»

...и вес проходит, давление исчезает, ледяная вода остужает внутренности, когда он спиралью уходит вместе с ней, наружу, где она жила многие годы назад...

Она показывает, как делать это. Пробирается в его комнату, когда прекращаются крики, заползает под одеяло и начинает гладить ему пенис.

— Папа говорит, это то, что ты делаешь, когда действительно кого-то любишь, — шепчет она.

И тут он пугается, ведь они даже не нравятся друг другу, он просто хочет, чтобы она ушла и оставила их в покое.

— Убирайся. Я ненавижу тебя, — говорит он, но слишком боится, чтобы двинуться.

— Это нормально, ведь тогда ты не должен делать это для меня.

Она пытается рассмеяться, притвориться, что всего лишь шутит.

А потом, все еще лаская:

— Почему ты всегда так подло ко мне относишься?

— Я не подлый.

— Очень.

— Ты не должна быть тут.

— А мы не можем быть просто друзьями? — Прижимается к нему. — Я могу делать это, когда ты захочешь...

— Убирайся. Ты не можешь тут оставаться.

— Могу. Возможно. Если все работает, как они говорят. Но мы должны понравиться друг другу, или меня отошлют обратно...

— Прекрасно.

Теперь она плачет, трется об него с такой силой, что кровать сотрясается.

— Пожалуйста неужели ты не можешь меня полюбить пожалуйста я все сделаю я даже...

Но он так никогда и не узнает, на что же она готова, потому что в этот момент дверь со стуком распаивается, а все, что происходит потом, Джерри не может вспомнить.

«Тень, мне так жаль...»

Но сейчас она снова с ним, в холоде и тьме, там, где безопасно. Почему-то. Тусклое серое свечение «Биб» в отдалении. Она парит на этом фоне, словно вырезанный из черной картонки профиль.

— Тень... — это не его голос.

— Нет, — и не ее. — Лени.

— Лени...

Близнецы-полумесяцы, тонкие, как ногти, отражаются от ее глаз. Даже в двухмерном пространстве она прекрасна.

Изжеванные слова с жужжанием вырываются из горла Кларк:

— Ты знаешь, кто я? Понимаешь меня?

Он кивает, а потом задумывается, видит ли она это.

— Да.

— Ты не... В последнее время ты вроде как ушел в себя, Фишер. Как будто забыл, каково это — быть человеком.

Он пытается рассмеяться, но подводит вокодер.

— Оно приходит и уходит, я так думаю. В общем, сейчас у меня... прояснение. Правильное слово?

— Тебе не надо было возвращаться, — автоматика выдирает даже намек на эмоции из ее слов. — Он сказал, что убьет тебя. Возможно, тебе лучше держаться от него подальше.

— Хорошо, — говорит он и думает, что так действительно лучше.

— Полагаю, я могу приносить тебе еду. Им на это наплевать.

— Все нормально. Я могу... рыбачить.

— Я вызову батискаф. Тебя заберут отсюда.

— Нет. Я мог бы добраться до суши, если бы захотел. Не так и далеко.

— Тогда я скажу, чтобы послали кого-нибудь.

— Нет.

Пауза.

— Ты не можешь одолеть весь путь до материка.

— Я останусь здесь, внизу... какое-то время...

Дно мягко рычит от судороги.

— Ты уверен? — спрашивает Лени.

— О да. — Рука болит, он не знает почему.

Кларк чуть сдвигается с места. На какое-то время тусклые отражения исчезают из ее глаз.

-- Прости меня, Джерри.

--- Хорошо.

Ее силуэт изворачивается, обернувшись лицом в сторону «Биб».

— Мне надо идти.

Но она не уходит и не произносит ни слова. Молчит почти целую минуту.

А потом:

— Кто такая Тень?

Опять тишина.

— Друг. Когда я был маленьким.

— Она много для тебя значит. — Это не вопрос. — Хочешь, чтобы я послала ей сообщение?

— Она умерла, — говорит Фишер, удивляясь тому, что все время знал об этом.

— О.

— Я не хотел. Но у нее были свои мама и папа, понимаешь, и тогда зачем ей понадобились мои? Она вернулась туда, откуда пришла. Вот и все.

— Откуда пришла, — едва слышно жужжит Лени.

— Это не моя вина.

Говорить очень трудно. Раньше было гораздо легче.

Что-то касается его. Лени. Ее ладонь на его руке, и он знает, что это невозможно, но чувствует тепло тела сквозь костюм.

— Джерри?

— Да..

— А почему она не хотела возвращаться в свою семью?

— Говорила, они делали ей плохо. Постоянно говорила об этом. Вот так она и проникла к нам. Пользовалась этим. Прием срабатывал всегда...

Не всегда, напоминает ему Тень.

— А потом она вернулась обратно, — бормочет Лени.

— Я не хотел.

Какой-то звук доносится из вокодера Кларк, и он понятия не имеет, что тот значит.

— Брандер же прав, так. Насчет тебя и детей.

Каким-то образом Фишер понимает, что она его не обвиняет. Просто проверяет.

— Это то, что ты... делаешь, — рассказывает он ей. — Когда действительно кого-то любишь.

— О, Джерри. Ты больной на всю голову.

Цепь щелчков слабо раздается из машины в его груди.

— Они меня ищут, — говорит Кларк.

— Хорошо.

— Будь осторожен, ладно?

— Ты можешь остаться. Здесь.

В ответ — молчание.

— Может, я буду иногда тебя навещать, — наконец жужжит она.

Поднимается в воду и отворачивается.

— Прощай, — говорит Тень.

В первый раз она подает голос с тех пор, как залезла внутрь, но Фишер не думает, что Лени заметила разницу.

А потом Кларк исчезает. На какое-то время.

Но она приходит сюда постоянно. Иногда совсем одна. Он знает, это не конец. А когда Лени станет плавать туда-сюда с остальными, исполняя обязанности, которые раньше что-то значили и для него, то Джерри будет рядом, но там, где его никто не увидит. Проверая. Убеждаясь, что все в порядке.

«Как ее собственный ангел-хранитель. А, Тень?»

Парочка рыб смутно мерцает в отдалении.

«Тень?..»

БАЛЕТ

ТАНЦОР

Неделю спустя на батискафе прибывает замена Фишеру. В отсеке связи уже никто не наблюдает за процессом; машинам наплевать, есть ли у них зрители. Неожиданный лязг эхом разносится по станции, и Кларк стоит совершенно одна в кают-компании, ожидая, когда откроется люк в потолке. Наверху шипит сжатая кислородно-азотная смесь, выдувая морскую воду обратно в бездну.

Люк откидывается. Зеленое сияние изливается в комнату. Он спускается по лестнице, гидрокостюм запечатан, открыто только лицо. Глаза, уже спрятанные за линзами, кажутся невыразительными стеклянными шариками. Но почему-то они не настолько мертвы, насколько должны бы. Что-то пристально смотрит сквозь белые скорлупки, и оно почти светится. Слепые белки сканируют помещение, словно радар. Останавливаются на Лени.

— Ты — Лени Кларк?

Голос чересчур громкий, слишком нормальный. «Мы тут разговариваем шепотом», — только сейчас понимает она.

Они уже не одни. Лабин, Брандер, Каракко появились на краю зрения, просочившись в комнату безразличными привидениями, и ждут, заняв позицию по

краям помещения. Замена Фишера, кажется, даже не замечает их.

— Меня зовут Актон, — говорит он Кларк. — И я принес вам дары из мира небесного. Узрите!

Он протягивает сжатый кулак и открывает его ладонью вверх. Кларк видит пять металлических цилиндров, каждый не больше двух сантиметров в длину. Актон медленно, театрально поворачивается, показывая безделушки остальным рифтерам.

— По одному на каждого. Они вставляются в грудь, рядом с водозаборником.

Над головой стыковочный люк с хлопком закрывается. Позади нее посткоитальная дробь металла о металл возвещает о бегстве скафа на поверхность. Они ждут несколько секунд: рифтеры, новичок, пять новых устройств, которые еще больше растворят их человеческую сущность. Наконец Кларк протягивает руку, дотрагиваясь до одного, и ничего не выражающим голосом спрашивает:

— Что они делают?

Актон резко сжимает пальцы, оглядывает каюту со слепой пронизательностью и отвечает:

— Ну, мисс Кларк, они скажут нам, когда мы умрем.

В отсеке связи он рассыпает цилиндрики по контрольной панели. Лени встает позади него, заполняя помещение. Каракo и Брандер смотрят сквозь открытый люк.

Лабин исчез.

— Программе всего четыре месяца, — начинает Актон, — но они уже потеряли двух человек на «Пикаре», по одному на «Кусто» и «Линке», и Фишер получается пятый. О таких успехах миру явно не хочется громко сообщать, а?

Никто ничего не говорит. Кларк и Брандер стоят невозмутимые и спокойные, Карако переминается с ноги на ногу. Актон проводит пустым блестящим взглядом по всем троим.

— Боже, а тут веселая компания. Вы уверены, что у вас на станции только Фишер в ящик сыграл?

— Эти штуки должны спасти нам жизнь? — спрашивает Кларк.

— Не-а. Настолько сильно там о нас не заботятся. Они помогут нам найти трупы.

Он поворачивается к консоли, играет на ней опытными пальцами. Топографический дисплей вспышкой оживает на главном экране.

— Мммм. — Актон обводит светящиеся контуры пальцем. — Значит, «Биб» у нас по центру, а вот это непосредственно рифт... Господи, да тут немало географии. — Он указывает на группу жестко очерченных зеленых прямоугольников, расположившихся на полпути к краю экрана. — Это у нас генераторы?

Кларк кивает.

Актон берет один из маленьких цилиндров.

— Они сказали, что уже послали вам программное обеспечение для этих штук.

Молчание.

— Ну, думаю, мы и так все выясним, а?

Он тыкает пальцем одну, а потом нажимает на конец цилиндра.

Станция «Биб» начинает громко кричать.

Кларк резко дергается назад и со всего размаху больно врезается головой в трубу на потолке. Станция продолжает выть, бессловесно и отчаянно.

Актон касается консоли; крик замирает, словно гильотинированный.

Лени смотрит на остальных, оглушенная. Те, кажется, не особо удивились. Ну естественно. В первый раз ей становится интересно, что сейчас было бы видно в их обнаженных глазах.

— Прекрасно, — говорит Актон, — теперь мы знаем, что звуковая сигнализация работает. Но вы получаете и визуальный сигнал.

Он указывает на экран: точно посередине, внутри фосфоресцирующей иконки станции, пульсирует алая точка, как сердце под стеклом.

— Работа устройства зависит от миоэлектрического напряжения в груди, — объясняет он. — Оно включается автоматически, если останавливается сердце.

Позади себя Кларк чувствует, что Брандер, похоже, решил уйти и повернулся от люка.

— Возможно, мои представления об этикете несколько устарели... — реагирует Актон.

Его голос неожиданно становится очень тихим. Никто, казалось, этого не замечает.

— ...но я всегда думал, что это крайне невежливо — уходить, когда кто-то с тобой разговаривает.

В его словах нет никакой явной угрозы. Тон Актона кажется даже приятным. Это ничего не значит. Кларк тут же видит все признаки: взвешенные слова, омертвевший голос, неожиданное легкое напряжение всего тела, достигающее критической массы. Что-то знакомое растет под белой поверхностью линз Актона.

— Брандер, — тихо говорит она, — почему бы тебе не остаться еще немного и не дослушать человека?

Звуки движения позади стихают.

Новичок перед ней слегка расслабляется.

Внутри нее что-то находящееся глубже рифта шевелится во сне.

— У нас есть специальный паз для установки, — говорит Актон. — Это займет не больше пяти минут. Руководство Энергосети говорит, что трупные датчики теперь входят в стандартный комплект.

«А я тебя знаю, — думает она. — Точно не помню, но уверена, что уже видела тебя раньше...»

В желудке Кларк завязывается крохотный узелок. Актон улыбается ей, словно отправляя какое-то тайное послание.

Актон собирается принять крещение. Кларк ожидает этого с нетерпением.

Они стоят вместе в воздушном шлюзе, гидрокостюмы теньями льнут к телу. Свежеустановленный выключатель чешется в груди Лени. Она помнит, как в первый раз рухнула в океан вот так, помнит человека, который держал ее за руку, пока она тонула.

Теперь того человека уже нет. Глубокое море сломало и выплюнуло ее. Кларк задается вопросом, не делает ли оно то же самое с Актоном.

Она затапливает шлюз.

Сейчас эти ощущения кажутся почти чувственными; внутренности сжимаются, океан врывается в нее, холодный и неумолимый, как любовник. При температуре четыре градуса по Цельсию Тихий скользит по трубкам в груди, анестезируя те части, которые еще сохраняют чувствительность. Вода поднимается над головой; линзы показывают затопленные стены шлюза с кристальной четкостью.

С Актоном все не так. Он пытается скукожиться, но всего лишь падает на Кларк. Она чувствует его панику, наблюдает за конвульсиями, видит, как подгибаются колени новичка в пространстве слишком узком, чтобы упасть.

«Ему нужно больше места».

Она улыбается про себя и открывает внешний люк. Они падают.

Лени скользит вниз, наружу, по дуге уходя от давящей громады станции. Оставляя позади освещенный прожекторами круг, она исчезает в гостеприим-

ной тьме, не включая фонарь. Чувствует присутствие дна в паре метров под собой. Она снова свободна.

Только спустя некоторое время Лени вспоминает об Актоне и поворачивается в ту сторону, откуда приплыла. Прожекторы «Биб» пятнают тьму грязным светом; станция, угловатая и раздувшаяся, тянется прочь от кабелей, удерживающих ее внизу. Свет изливается из нее слабым ракетным выхлопом. Лицом вниз в этом сиянии, словно прищипленный, лежит на дне Актон.

Лени неохотно подплывает поближе:

— Актон?

Тот не двигается.

— Актон? — Она снова входит в свет, тенью разрезав лежащего новичка на две половины.

Наконец он смотрит на нее.

— Это ссссс...

Его как будто удивляет звук собственного изменившегося голоса.

Новичок прикладывает руку к горлу, жужжит:

— Я не... дышу...

Кларк не отвечает.

Актон снова смотрит вниз. Там что-то лежит, на дне, в нескольких сантиметрах от его лица. Лени подплывает ближе; в иле дрожит крохотное креветкоподобное существо.

— Это что? — спрашивает Актон.

— Какое-то животное с поверхности. Наверное, попало сюда на корпусе скафа.

— Но оно... танцует...

Она видит. Суставчатые ноги сгибаются и складываются, панцирь выгибается дугой, двигаясь под какой-то внутренний безумный ритм. Его жизнь кажется такой непрочной, словно следующий спазм или два разобьют ее на множество кусков.

— Это припадок, — говорит она, чуть помолчав. — Здесь ему не место. От давления нервы работают излишне быстро или вроде того.

— А почему этого не происходит с нами?

«Может, и происходит».

— Имплантаты. Они накачивают нас нейроингибиторами каждый раз, когда мы выходим наружу.

— А, правильно, — тихо жужжит Актон.

Он аккуратно протягивает руку и берет существо в ладонь.

Сминает его.

Кларк бьет его сзади. Новичок отскакивает от дна, рука разжимается; куски панциря и водянистой плоти кружатся в воде. Он загребает ластами, выпрямляется и, ничего не говоря, смотрит на Лени. Его линзы в свете прожекторов сияют желтизной.

— Ты — урод, — очень тихо произносит Кларк.

— Ему же тут не место.

— Нам тоже.

— Оно страдало. Ты сама сказала.

— Я сказала, что нервы работают слишком быстро, Актон. А они передают не только боль, но и удовольствие. Откуда ты знаешь? Может, оно танцевало от того, что ему было охренительно хорошо?

Она отталкивается от дна и с яростью исчезает в бездне. Ей так хочется залезть в тело Актона и вырвать оттуда все, принести в жертву этот кровавый клубок потрохов и механизмов монстрам рифта. Она даже не может вспомнить, чтобы когда-нибудь настолько злилась, и признается себе, что совершенно не знает, почему.

Бульканье и лязг снизу. Кларк смотрит сквозь люк кают-компаний как раз вовремя, чтобы увидеть распадающийся воздушный шлюз. Оттуда выходит спящий вперед Брандер, поддерживая Актона.

У того разодран костюм на бедре.

Он нагибается, снимает ласты. Брандер уже разделся и поворачивается на звук: Кларк спускается по лестнице.

— Он встретился со своим первым монстром. С мешкоротом.

— Это да, я, сука, встретил своего первого монстра, — низким голосом произносит Актон. И Кларк видит, что сейчас будет, за секунду до того, как...

...Актон бросается на Брандера левый кулак как таран наносит один второй третий удар и его противник на земле окровавленный Актон уже заносит ногу для удара когда перед ним становится Кларк поднимает руки для защиты кричит — Стой остановись это не его вина — и каким-то образом она не Актона умоляет а что-то внутри него выходящее наружу и сделает все что только может только Господи пожалуйста вернись откуда пришло...

Оно смотрит сквозь молочные глаза Актона и рычит:

— Эта сука видела, как тварь плыла на меня! Он позволил ей порвать мне ногу!

Кларк качает головой.

— Может, и нет. Ты знаешь, как там темно. Я тут уже дольше всех остальных, и они постоянно подкрадываются ко мне, Актон. Зачем Брандеру причинять тебе вред?

Она слышит, как тот встает на ноги позади нее, и его голос доносится через плечо:

— А вот теперь Брандер очень хочет причинить ему вред...

Лени обрывает его.

— Послушай, я могу все уладить. — Ее слова предназначены Брандеру, глаза не отрываются от Актона. — Может, тебе стоит пойти в медотсек и проверить, все ли в порядке?

Новичок наклоняется вперед, натянутый, как струна. Тварь внутри ждет и наблюдает.

— Этот говнюк... — начинает Брандер.

— Пожалуйста, Майк, — она в первый раз называет его по имени.

Наступает тишина.

— Это с каких пор ты суешься в чужие дела? — спрашивает он из-за спины.

Хороший вопрос. Но шарканье Брандера удаляется прочь, прежде чем она успевает подумать об ответе.

Что-то в Актоне засыпает.

— Тебе тоже надо провериться, — говорит ему Кларк. — Позже.

— Не. Это было не настолько уж плохо. Меня удивило, насколько эта тварь оказалась хилой, после того как я оценил нехеровые размеры этой штуки.

— Она тебе костюм порвала. Если смогла это сделать, то была не настолько слабой, как ты считаешь. По крайней мере, проверься, у тебя может быть рана на ноге.

— Как скажешь. Хотя могу поспорить, Брандеру медик нужен больше, чем мне. — Он сверкает хищной улыбкой и проходит мимо Лени.

— Тебе также неплохо бы поразмыслить о том, как держать свой гнев в узде, — замечает она.

Актон останавливается.

— Ага. Я вроде как немного с ним погорячился.

— В следующий раз, когда ты попадешь в гейзер, он не будет с таким энтузиазмом помогать тебе.

— Ага, — повторяет он. — Я не знаю. Я всегда был слегка... ну ты понимаешь...

Она вспоминает слово, которое кто-то использовал уже после того, как все произошло:

— Импульсивным?

— Точно. На самом деле я не такой плохой. Ко мне просто надо привыкнуть.

Кларк ничего не отвечает.

— В любом случае, я думаю, что должен извиниться перед твоим другом.

«Моим другом».

Она снова остается в одиночестве, пока пытается справиться с этой раздражающей мыслью.

Пять часов спустя Актон все еще в медотсеке. Кларк, проходя мимо открытого люка, заглядывает внутрь: новичок сидит на диагностическом столе, костюм стянут до пояса. Что-то в этой картине неправильно. Она останавливается и заходит.

Актон вскрыл себя. Лени видит, как плоть отслаивается около водозаборника, там, где мясо превращается в пластик, около трубок, которые переносят кровь, и тех, где течет антифриз. В одной руке он держит инструмент, исчезающий в полости, вращающийся наконечник тихо жужжит.

Актон задевает нерв где-то внутри и подскакивает, будто его дернуло током.

— Ты ранен? — спрашивает Кларк.

Он отрывается от процесса и смотрит на нее.

— А, привет.

Она указывает на рассеченную грудную клетку:

— Это мешкорот?..

Актон качает головой:

— Нет. Нет, он только поставил мне синяк на ноге. Я тут небольшой подгонкой занимаюсь.

— Подгонкой?

— Тонкой настройкой. — Он усмехается. — Обживаю оборудование.

Не срабатывает. Улыбка почему-то кажется пустой. Мускулы совершенно привычно растягивают губы, но вся мимика сосредоточена в нижней части лица. Одежные линзы глаза холодом напоминают свежевыпав-

ший снег, незапятнанный топографией следов. Кларк не понимает, почему они не беспокоили ее никогда раньше, и только тут до нее доходит, что она впервые видит улыбку бодрствующего рифтера.

— Это явно необязательная процедура, — замечает Кларк.

— Почему нет? — Улыбка Актона постепенно исчезает.

— Тонкая настройка. Мы, по замыслу, должны самонастраиваться.

— Точно. Вот я себя и настраиваю.

— В смысле...

— Я знаю, что ты имеешь в виду. Я... подстраиваю работу под себя. — Его рука двигается внутри грудной клетки, словно сама по себе, что-то подправляя. — Я считаю, что могу добиться лучших показателей, если выведу настройки чуть-чуть за пределы спецификаций, одобренных начальством.

Кларк слышит краткий, жалкий скрежет металла о металл.

— И как же?

Актон вынимает руку, закрывает дыру плотью.

— Пока я еще точно не уверен.

Берет второй инструмент, запаивает шов на груди, потом, поводя плечами, залезает в костюм и запечатывает его. Теперь он снова целый, как и любой рифтер.

— Дам тебе знать, когда в следующий раз отправлюсь наружу, — говорит он, протискиваясь мимо и небрежно кладя руку ей на плечо.

Она почти не вздрагивает.

Актон останавливается. Он, кажется, смотрит прямо сквозь нее и медленно произносит:

— Ты нервничаешь.

— Да.

— Тебе не нравится, когда тебя касаются.

Его рука лежит на ее ключице, как оскорбление.

Лени вспоминает: у нее такие же доспехи, как и у него. Немного расслабляется.

— Это не на всех распространяется, — врет она. — Только на некоторых людей.

Актон как будто размышляет над тем, какую колкость сказать, решает, достойна ли ее фраза ответа в принципе. Потом убирает руку.

— Неприятная фобия для такого тесного места, — говорит он, отворачиваясь.

«Тесного? Да в моем распоряжении весь чертов океан!»

Но новичок уже поднимается по лестнице.

ИЗвергается очередной гейзер. Обжигающая вода выстреливает из трубы в северной части Жерла, остывает и смешивается с ледяным соленым раствором; микробы бешено светятся пойманным вихрем. Вода полнится несформировавшимся паром, так и не появившимся из-за веса в триста атмосфер.

Актон находится в десяти метрах от дна в потоке мерцающего голубого света.

Она подплывает к нему снизу.

— Наката сказала, что ты все еще тут, — жужжит Лени. — Сказала, ты ждал извержения этой штуки.

Он не удостоивает ее взгляда.

— Правильно.

— Тебе повезло, что гейзер проснулся. Ты мог проторчать тут много дней. — Кларк отворачивается, направляясь к генераторам.

— Полагаю, — произносит Актон, — он иссякнет через минуту или две.

Она резко выворачивается и замирает перед ним.

— Слушай, все эти извержения... — Она роется в памяти, ища подходящее слово. — ...Беспорядочны.

— Угу.

— Их невозможно предсказать.

— Многощетинковые черви могут их предсказывать. Моллюски и короткохвосты могут. А почему я не могу?

— О чем ты говоришь?

— Они могут сказать, когда что-то готово взорваться. Как-нибудь оглянись вокруг, сама увидишь. Они реагируют, прежде чем это случится.

Она оглядывается вокруг. Моллюски ведут себя как моллюски. Черви занимаются своими делами. Короткохвостые ракообразные привычно суетятся на дне.

— Как они реагируют?

— Целесообразно, в конце концов. Эти источники кормят их, но могут и сварить. За несколько миллионов лет местные обитатели научились читать знаки, так?

Гейзер икает. Поток качается, свет меркнет по его краям.

Актон смотрит на запястье.

— Неплохо.

— Повезло, — говорит Кларк, вокодер прячет ее неуверенность.

Гейзер умудряется выжать еще несколько слабых выбросов и затихает окончательно.

Актон подплывает ближе.

— Знаешь, поначалу, когда они послали меня сюда, я думал, это место — настоящая дыра. Думал, подчинюсь, выполню работу и отправлюсь наверх. Но это не так. Ты же знаешь, о чем я, Лени?

«Я знаю».

Но она не отвечает.

— И я так думаю, — замечает он, словно услышав ответ. — Здесь... вроде как красиво, на свой лад. Даже чудовища, когда узнаешь их получше. Мы красивые.

Он кажется почти нежным.

Кларк тралит заводи памяти, отыскивая хоть какую-то защиту.

— Ты не мог знать. Слишком много переменных. Это нельзя вычислить. Тут ничего нельзя вычислить наверняка.

Чужое, нечеловеческое существо смотрит на нее сверху вниз и пожимает плечами.

— Не вычислить? Пожалуй, да. Но познать...

«Нет времени на досужие разговоры, — говорит Кларк сама себе. — Мне надо работать».

— ...это совсем другое дело, — заканчивает Актон.

Она никогда не сказала бы, что он — книжный червь. И вот Актон опять сидит, подключенный к библиотеке. Рассеянный свет просачивается из-под фоновизора, сбегая по щекам.

Последние дни он проводит там немало времени. Почти столько же, сколько снаружи.

Кларк бросает взгляд на плазменный экран, проходя мимо. Тот не светится.

— Химия, — говорит Брандер с другого конца уют-компании.

Она переводит взгляд на него.

Тот тыкает большим пальцем в сторону ничего не замечающего Актона.

— Вот что он там читает. Всякую странную хрень. Скучную настолько, что челюсть вывихнуть можно.

«Этим же и Баллард занималась, прежде чем...»

Кларк подбирает свободный фоновизор с соседнего терминала.

— У-у, с огнем играешь, — замечает Майк. — Мистер Актон очень не любит, когда ему заглядывают через плечо.

«Тогда мистер Актон сидит в приватном режиме, и я все равно ничего не увижу».

Она надевает шлем и подключается. Никакого ограничения доступа нет, Лени легко подсоединяется к его линии. Лазеры устройства вытравливают текст и формулы на сетчатке. Серотонин. Ацетилхолин. Регулирование нейромодуляторов. Брандер прав: это очень скучно.

Кто-то касается ее.

Она не сдергивает с себя фоновизор. Снимает его спокойно. И в этот раз даже не вздрагивает. Не хочет его радовать.

Актон повернулся в кресле лицом к ней, наушники с визорами висят на шее, рука лежит на ее колене.

— Рад, что у нас есть общие интересы, — тихо говорит он. — Хотя это даже не удивительно. Между нами есть определенная... химия...

— Это правда. — Она смотрит, не отводя глаз, прячась в безопасности линз. — К большому сожалению, у меня аллергия на уродов.

Актон улыбается:

— Разумеется, у нас бы ничего не получилось. Возраст не тот.

Он встает и вешает фоновизор на крючок.

— Я тебе чуть ли не в отцы гожусь.

Пересекает кают-компанию и спускается вниз.

— Какой же мудака, — замечает Брандер.

— Он — настоящая сволочь, Фишер таким даже не смог бы стать. Я удивлена, что ты не нарываешься с ним на драку.

Майк пожимает плечами:

— Другая динамика. Актон — просто мудака. А Фишер — гребаный извращенец.

«И не будем упоминать о том, что Фишер никогда не давал сдачи».

Но Лени оставляет эту мысль при себе.

Концентрические круги сияют изумрудом. Станция «Биб» сидит прямо в центре мишени. Периодиче-

ские капли слабого света усеивают экран: трещины и острые скалы, бесконечные илистые равнины, евклидовы контуры человеческого оборудования — все сведены к обычной акустической продолжительности.

Там есть что-то еще, отчасти евклидово, отчасти дарвиновское. Кларк увеличивает изображение. Человеческая плоть слишком похожа на воду для отражения эха, но кости видны довольно отчетливо. Автоматика внутри различается еще яснее, кричит даже при очень слабом сигнале сонара. Лени фокусирует экран, указывая на прозрачный зеленый скелет с часами внутри.

— Это он? — спрашивает Карako.

Кларк качает головой:

— Может быть. Все остальные...

— Это не он.

Лени касается управления. Экран расширяется, максимально охватывая пространство.

— Ты уверена, что его нет в каюте?

— Он покинул станцию семь часов назад. И до сих пор не вернулся.

— Возможно, он прижимается ко дну. Или сидит за скалой.

— Возможно, — судя по голосу, Джуди не особо в это верит.

Кларк откидывается на спинку кресла, затылком касаясь переборки.

— Ну, работу он выполняет хорошо. А когда не на дежурстве, то может плыть куда угодно, я так думаю.

— Да, но это уже в третий раз. И он всегда опаздывает. Слоняется где ему вздумается...

— И что? — Лени неожиданно чувствует себя усталой, трет переносицу большим и указательным пальцами. — Мы тут не по сухопутным расписаниям живем, ты же знаешь. Он честно выполняет свою работу, поэтому не связывайся с ним, а то схлопочешь проблем.

— Фишер, например, постоянно получал за оп...

— Никому не было дела до того, что Фишер опаздывал. Всем нужен был... предлог.

Карако наклоняется вперед и признается:

— Он мне не нравится.

— Актон? А с чего он должен нравиться? Это же псих. Да мы все — психи, помнишь?

— Но он какой-то другой. Я точно знаю.

— Лабин чуть не убил собственную жену на Галапагосах, прежде чем его перевели сюда. У Брандера множество попыток самоубийства.

Что-то меняется в позе Джуди. Кларк не уверена, но ее собеседница вроде как уставилась в пол.

«Задела за живое, похоже».

Она продолжает более мягко:

— Ты же не беспокоишься по поводу всех нас, так ведь? Что такого особенного в Актоне?

— О, смотри.

На тактическом дисплее что-то входит в пространство сонара.

Кларк дает увеличение на новый показатель, тот находится слишком далеко для хорошего разрешения, но жесткую металлическую метку посередине трудно не заметить.

— Актон, — говорит она.

— И... как далеко? — робко спрашивает Карако.

Лени проверяет:

— Около девятисот метров. Не так и плохо, если у него есть «кальмар».

— Нет. Он ими никогда не пользуется.

— Хм. По крайней мере, он вроде бы плывет напрямик. — Кларк смотрит на Карако. — Вы двое когда на смену выходите?

— Через десять минут.

— Тогда ничего страшного. Он опоздает всего минут на пятнадцать. Максимум на полчаса.

Каракo не свoдит глаз с дисплея:

— А что он там делает?

— Не знаю.

Иногда Кларк думает, причем уже далеко не в первый раз, а действительно ли Джуди тут место. Иногда она не понимает совсем очевидных вещей.

— Я вот тут подумала, может, ты сможешь поговорить с ним? — предлагает Каракo.

— С Актоном? Зачем?

— Да ладно. Забудь.

— Хорошо.

Кларк встает с кресла, Джуди отходит от люка, пропуская ее.

— Э... Лени...

Та поворачивается.

— А как насчет тебя?

— Меня?

— Ты сказала, Лабин чуть не убил свою жену. Брандер пытался убить себя. А что сделала ты? В смысле... чтобы соответствовать?

Кларк не сводит с нее глаз.

— В смысле, если это не слишком...

— Ты не понимаешь, — голос Кларк абсолютно ровный. — Дело не в том, сколько ты всего натворил, чтобы попасть на рифт. Дело в том, сколько пережил, сколько перенес.

— Извини. — Каракo с глазами, лишенными даже намека на эмоцию, умудряется выглядеть пристыженной.

Лени немного смягчается:

— В моем случае я просто научилась справляться с тумками. И не сделала ничего такого, чем стоило бы хвастаться, ясно?

«Хотя и продолжаю работать над этим».

Она не понимает, как это могло произойти так быстро. Он пробыл тут всего две недели, но сейчас, стоя

в шлюзе, чуть не разрывается от желания выйти наружу. Комната заполняется водой, Лени чувствует однуединственную судорогу, проносящуюся по телу, и, прежде чем может двинуться, Актон открывает люк, и они падают в бездну.

Он легко выплывает из-под станции по траектории, безо всяких проблем повторяющей ее собственную. Кларк направляется в сторону Жерла. Чувствует Актона рядом, хотя и не видит его. Его головной фонарь не светится, как и у нее. Лени не включает его из чувства уважения к хрупким и изысканным огням, обитающим здесь.

Почему Актон остается во тьме, она не знает.

Он ничего не говорит, пока «Биб» не превращается в грязно-желтое пятно позади.

— Иногда я задаюсь вопросом, почему мы вообще возвращаемся на станцию.

Неужели в его голосе слышится счастье? Как вообще хоть какая-то эмоция способна просочиться сквозь металлический канал, который позволяет людям здесь говорить?

— Я вчера заснул неподалеку от Жерла, — говорит он.

— Тебе повезло, что тебя никто не съел, — отвечает Лени.

— Они не такие плохие. Просто нужно научиться с ними общаться.

Интересно, общается ли он с другими видами с той же тонкостью, как и со своим собственным, но Кларк оставляет этот вопрос при себе.

Какое-то время они плывут сквозь разреженный и живой звездный свет. Впереди мерцает еще одно пятно, слабое и приглушенное: Жерло, идеальная мишень. Прошли месяцы с тех пор, как Кларк в последний раз вспоминала о поводке, который, по идее, должен был вести их туда-сюда, словно слепых троглодитов. Она знает, где тот находится, но никогда им

не пользуется. Здесь, внизу, просыпаются другие чувства. Рифтеры не могут заблудиться.

Кроме Фишера, возможно. Но он потерялся задолго до того, как спустился на глубину.

— А кстати, что же случилось с Фишером? — спрашивает Актон.

Холод зарождается в груди Лени, добирается до кончиков пальцев, прежде чем звук голоса напарника затихает.

«Это совпадение. Совершенно обычный, нормальный вопрос».

— Я спросил...

— Он исчез, — отвечает Кларк.

— Мне так и сказали, — жужжит Актон. — Я думал, у тебя будет чуть больше информации.

— Может, заснул снаружи. И его съели.

— Сомневаюсь.

— Серьезно? И с каких пор ты у нас эксперт, Актон? Ты внизу уже сколько, две недели?

— Всего две недели? А кажется, дольше. Время растягивается, когда ты снаружи, не думаешь?

— Поначалу.

— Ты знаешь, почему Фишер исчез?

— Нет.

— Он пережил свою полезность.

— А, — ее машинные части превращают возглас в полускрип-полурычание.

— Я серьезно, Лени, — механический голос собеседника не меняется. — Ты думаешь, они позволят тебе жить тут вечно? Ты думаешь, они бы вообще позволили людям вроде нас работать здесь, если бы имели выбор?

Она прекращает грести, но тело по-прежнему скользит вперед.

— О чем ты говоришь?

— Головой подумай, Лени. Ты умнее меня, внутри, по крайней мере. Здесь у тебя ключ от города... ключ

от всего этого гребаного дна, а ты по-прежнему изображаешь из себя жертву. — Вокодер Актона неразборчиво журчит — плохо преобразованный смех? Ворчание? А потом слова: — Они на это и рассчитывают, понимаешь?

Кларк снова принимается перебирать ластами, смотрит вперед, на все усиливающееся свечение Жерла.

Но его там нет.

На секунду она теряет ориентацию в пространстве: «Но мы не могли заблудиться, мы же направлялись прямо к нему, может, электричества нет?» — прежде чем замечает знакомый мазок грубого желтого цвета, идущий с направления на четыре часа.

«Как я могла вот так далеко завернуть?»

— Мы на месте, — говорит Актон.

— Нет. Жерло вон там...

Сверхновая вспыхивает перед ней, пропитывая бездну ослепляющим светом. Линзам Кларк нужно какое-то время, чтобы привыкнуть; когда всполохи уходят в глазах, океан превращается в грязно-черный занавес в ярком конусе головного фонаря Актона.

— Не надо, — говорит она. — Когда делаешь это, становится так темно, что вообще ничего не видно.

— Знаю. Сейчас выключу. Просто смотри.

Луч озаряет маленький каменистый выход пласта на поверхность, поднимающийся из ила, не больше двух метров в диаметре. Шероховатые цветы, похожие на звездчатые формочки для печенья, усеивают его поверхность, радиальные лучи аляповато сияют красным и голубым в искусственном свете. Некоторые из них плашмя лежат вдоль скальной поверхности. Другие смяты в застывшие кальцитовые узлы, сомкнутые вокруг чего-то, что Кларк не может разглядеть.

Парочка из них медленно движется.

— Ты привел меня сюда посмотреть на морских звезд?

Она пытается, но неудачно, выжать хотя бы намек на скучающее пренебрежение из вокодера. Внутри же бьется отдаленное испуганное удивление, что он действительно привел ее сюда, что ее можно вот так легко направить, настолько сбить с пути, и она даже ничего не заподозрит.

— Я подумал, ты, возможно, прежде никогда не разглядывала их вблизи, — говорит Актон. — Решил, тебе будет интересно.

— На это нет времени, Актон.

Его руки вошли в конус света и сомкнулись на одной из морских звезд. Медленно оторвали ее от камня; на нижней стороне создания есть какие-то жгутики, прикрепляющие его к поверхности. Усилия Актона освобождают их по несколько за раз.

Он протягивает иглокожее вверх, на обозрение Кларк. Сверху то кажется красноватым камнем, инкрустированным известковыми спикулами. Актон переворачивает звезду. Ее нижняя часть корчится от сотен толстых извивающихся волокон, аккуратными рядами расположенных вдоль каждого луча. И все эти волокна имеют на вершине крохотную присоску.

— Морская звезда, — рассказывает Актон, — это пример абсолютной демократии.

Кларк пристально смотрит на него, спокойно давя в себе отвращение.

— Так они двигаются, — продолжает Актон. — Ходят на этих вот трубчатых ножках. Но самое странное, что у них совсем нет мозгов. Что, в общем, невероятно для демократии.

Ряды извивающихся червей. Лес прозрачных пиявок, слепо ощупывающих воду.

— Поэтому трубчатые ножки никто не координирует, они все двигаются самостоятельно. Обычно никакой проблемы не возникает. К примеру, они всем скопом стремятся к пище. Но нередко треть этих ножек

тянет все тело в каком-то совершенно другом направлении. Это существо — живое воплощение соревнования по перетягиванию каната. Иногда особо упорные не сдаются, и их буквально вырывает с корнем, когда остальные перемещают звезду туда, куда те не хотят идти. Но ведь право большинство, так?

Кларк осторожно протягивает к звезде палец. Полдюжины трубчатых ножек цепляются за него, но сквозь костюм это не чувствуется. Присосавшись, они выглядят почти нежными, хрупкими, словно жилки из молочного стекла.

— Но это все ерунда, — заявляет Актон. — Смотри.

И он разрывает морскую звезду на две части.

Кларк отшатывается, шокированная и разозленная. Но что-то такое чувствуется в позе Актона, в этом едва видимом силуэте, прячущемся за светом фонаря, отчего она останавливается.

— Не беспокойся, Лени. Я не убил ее. Я ее размножил.

Он отпускает порванные половинки. Те, трепеща, листьями падают на дно, оставляя за собой след из сочковых бескровных внутренностей.

— Они регенерируют. Ты не знала? Ты можешь разорвать их на куски, и каждый отрастит себе недостающие части. Конечно, нужно время, но они восстанавливаются. А у тебя на руках остается уже несколько звезд. Этих парней чертовски сложно убить. Понимаешь, Лени? Разорви их на куски, и они вернутся, став гораздо сильнее.

— Откуда ты знаешь обо всем этом? — спрашивает она металлическим шепотом. — Откуда ты взялся?

Он кладет ледяную черную ладонь ей на руку.

— Отсюда. Вот здесь я родился.

Ей это не кажется абсурдным. На самом деле Кларк едва слышит его. Ее разум сейчас не тут, он где-то в другом месте, перепуганный неожиданным осознанием того, что Актон касается ее, и она не против.

Разумеется, секс невероятен. Но он всегда такой. Интимность расцветает в тесном пространстве каюты Кларк. Они не помещаются вдвоем на койке, но как-то справляются. Актон на коленях, потом Лени, извиваются друг вокруг друга в металлическом гнезде, разлинованном трубами, вентилями и пучками оптического кабеля. Они прокладывают курсы по швам и шрамам друг друга, пробуют языками складки металла и бледной плоти, не видя и видя все, скрываясь за роговичными доспехами.

Для Кларк это новый поворот, ледяной оргазм любовника без глаз. В первый раз она не хочет отворачивать лицо, не чувствует угрозы от хрупкой близости; когда Актон попытается снять линзы, она останавливает его прикосновением и шепотом, и, кажется, он все понимает.

После они не могут лежать вместе, потому сидят бок о бок, прислоняясь друг к другу, уставившись на люк в двух метрах впереди. Свет слишком тускл для сухопутников; в глазах Кларк и Актона комната залита бледным свечением.

Он протягивает руку и пальцем касается осколка стекла, торчащего из пустой рамы на стене. Замечает:

— А тут раньше было зеркало.

Кларк покусывает его за плечо:

— Здесь всюду были зеркала. Я... их сняла.

— А зачем? Они бы зрительно немного расширили пространство. Сделали его побольше.

Она показывает. Несколько оборванных проводов, тонких, словно нити, свисают из дыры в раме.

— За ними установили камеры. Мне это не понравилось.

Актон хмыкает:

— Ну тогда я тебя не виню.

Какое-то время они сидят молча.

— Ты там сказал кое-что, снаружи, — начинает она. — Сказал, что родился здесь, внизу.

Актон колеблется, но потом кивает:

— Десять дней назад.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты должна знать. Ты же была свидетелем моего рождения.

Она обдумывает эту фразу.

— Это когда на тебя напал мешкорот...

— Тепло. — Актон ухмыляется своей холодной безглазой улыбкой, обнимает ее одной рукой. — Насколько я сейчас помню, мешкорот стал своего рода катализатором. Считай его акушеркой.

Образ всплывает в ее разуме: Актон в медотсеке, проводит над собой вивисекцию.

— Точная настройка.

— Угу. — Он слегка прижимает ее к себе. — И я должен поблагодарить за это тебя. Это ты подала мне идею.

— Я?

— Ты стала моей матерью, Лен. А моим отцом была эта маленькая креветка, бьющаяся в конвульсиях, которая окончила свои дни столь далеко от родных краев. Она умерла до моего рождения, вообще-то: я убил ее. И тебе это не понравилось.

Кларк качает головой:

— Ты говоришь какую-то ерунду.

— То есть ты не замечаешь никакой разницы? Хочешь сказать, что сейчас я тот же самый человек, который сюда спустился?

— Не знаю. Может, я только сейчас узнала тебя лучше.

— Может. Возможно, я тоже. Не знаю, Лен, мне кажется, я наконец... проснулся, проснулся полностью. Я вижу все иначе. Ты, должно быть, заметила.

— Да, но только когда ты...

«Снаружи».

— Ты что-то сделал с ингибиторами, — шепчет она.

— Немного снизил дозу.

Лени хватает его за руку.

— Карл, эти препараты предохраняют тебя от приступов каждый раз, когда ты выходишь наружу. Будешь с ними химичить, и тебя может скрутить, как только шлюз затопит.

— Я уже похимичил с ними, Лени. Ты видишь во мне хоть какие-то перемены, которые нельзя было бы назвать улучшениями?

Она не отвечает.

— Все дело в потенциале действия, — рассказывает Актон. — Нервы должны накопить определенный заряд, прежде чем смогут выстрелить...

— А на этой глубине они стреляют постоянно. Карл, пожалуйста...

— Тише. — Он нежно прикладывает палец к ее губам, но она отбрасывает его с неожиданной злостью.

— Карл, я серьезно. Без этих лекарств твои нервы замкнут, они сожгут тебя, я знаю...

— Ты знаешь то, что тебе сказали, — Актон резко перебивает ее. — Почему ты хоть раз не попытаешься дойти до чего-нибудь своим умом?

Лени замолкает, уязвленная неодобрением. На кой-ке между ними появляется пространство.

— Я — не дурак, Лени, — тихим голосом говорит Карл. — Я чуть-чуть снизил настройки. На пять процентов. Теперь, когда я выхожу наружу, нервам требуется для активации чуть меньше стимуляции, вот и все. Это... это пробуждает тебя, Лени: я стал понимать многое. Почему-то я чувствую себя более живым.

Она смотрит на него и ничего не говорит.

— Естественно, они говорят, что это опасно. Мы уже напугали их до смерти. Думаешь, они хотят дать нам еще больше преимуществ?

— Они нас не боятся, Карл.

— А должны. — Он снова обнимает ее. — Не хочешь попробовать?

И она неожиданно словно оказывается снаружи, по-прежнему обнаженная.

— Нет.

— Тут не о чем волноваться, Лен. Я уже сыграл роль подопытной свинки. Откройся мне, и я подкручу настройки сам, займет не больше десяти минут.

— Я не хочу, не готова, Карл. По крайней мере, пока. Может, кто-то другой.

Он качает головой.

— Они мне не доверяют.

— Но ты не можешь их за это винить.

— А я и не виню. — Он ухмыляется, показывая зубы, острые и белые, почти как линзы. — Но даже если бы они мне доверяли, то все равно ничего не сделали бы до того, как ты решишь, что все в порядке.

Она смотрит на него:

— Это еще почему?

— Ты здесь главная, Лен.

— Полная чушь. Вот этого тебе точно не говорили.

— А и не надо было. Это же очевидно.

— Я здесь дольше, чем большинство. Как и Лабин. Но всем на это наплевать.

Актон едва заметно хмурится.

— Нет. Не думаю, что дело во времени пребывания на дне. Но ты — лидер этой стаи. Волчица-вожак. Хренова Акела.

Кларк опять качает головой. Она роется в памяти, ищет что угодно, лишь бы оно противоречило абсурдным заявлениям Актона. И ничего не находит.

Ее начинает подташнивать.

Карл прижимает Лени к себе.

— Плохо дело, любимая. Думаю, новый костюм явно сидит кривовато после такой продолжительной карьеры жертвы, а?

Кларк отворачивается и принимается изучать палубу.

— Но, в любом случае, подумай об этом, — шепчет ей на ухо Актон. — Гарантирую, что почувствуешь себя живой вдвойне, не такой, как сейчас.

— А это и так получается, — напоминает ему Кларк. — Каждый раз, когда выхожу наружу. Для этого мне не нужно подкручивать внутренности.

«По крайней мере, не эти внутренности».

— Это совсем другое, — настаивает он.

Лени смотрит на него и улыбается, надеясь, что он не будет на нее давить.

«Неужели он действительно ждет, что я позволю ему вот так меня взрезать?» — думает она, а потом понимает, что, может, когда-нибудь и позволит, если опасение потерять его неожиданно станет слишком большим и подчинит себе все другие страхи. И будет это уже далеко не в первый раз.

Вдвойне живой, значит. Прячась за улыбкой, Кларк размышляет: это будет вдвое больше всей ее жизни. Пока не самая шикарная перспектива.

Сзади идет свет; гонит тень по дну. Она не может вспомнить, сколько пробыла здесь. Чувствует неожиданный холод...

«Фишер?»

...прежде чем верх берет здравый смысл. Джерри не стал бы пользоваться фонарем.

— Лени?

Она разворачивается вокруг своей оси, видит силуэт, парящий в паре метров от нее. Фонарь глазом циклопа сияет у него во лбу. Кларк слышит беззвучное жужжание, искаженный эквивалент того, как Брандер откашливается, прочищая горло.

— Джуди сказала, что ты здесь, — объясняет он.

— Джуди. — Лени хочет задать вопрос, но вокодер по пути теряет интонации.

— Ага. Она вроде как следит за тобой иногда.

Кларк обдумывает эту новость.

— Скажи ей, что я безвредна.

— Дело не в этом, — жужжит он. — Думаю, она просто... беспокоится...

Лени чувствует, как мускулы в уголках рта слегка подергиваются. Думает, что, может быть, сейчас даже улыбнется.

— Значит, предполагаю, мы с тобой на дежурстве, — говорит она спустя секунду.

Головной фонарь качается вверх-вниз.

— Именно. Надо отодрать кучу моллюсков. Заняться квалифицированным трудом.

Она потягивается, невесомая.

— Ладно, пошли.

— Лени...

Кларк смотрит на него.

— А почему ты пришла... я имею в виду, почему именно сюда?

Фонарь Брандера полосит по дну, останавливается на горе из костей и гниющего мяса. В освещенном круге от луча улыбка скелета прошивает себе путь.

— Это ты его убила или что?

— Да, я... — Она замолкает, понимая, что он имеет в виду кита. — Нет, — говорит Лени. — Он умер сам.

Естественно, она просыпается одна. Иногда они пытаются спать вместе, когда после секса слишком лениво выходить наружу. Но койка слишком маленькая. Максимум у них получается лечь по диагонали, привалившись друг к другу: ноги на полу, головами к перборке, шея затекает. Актон нежится на ней, словно на живом гамаке. Если им особо не везет, то в этой позе

засыпают оба. Потом долгие часы приходится бороться с кучей неполадок к теле. В общем, оно того не стоит.

Вот почему она просыпается одна. Но все равно по нему скучает.

Рано. Расписания, переданные из Энергосети, с каждым днем имеют все меньше значения — циркадные ритмы растворяются в бесконечной тьме, медленно сбиваются с установленной фазы — но, судя по расписанию, до начала смены еще несколько часов. Кларк просыпается посреди ночи. Наверное, говорить так на расстоянии месяцев от ближайшего рассвета слишком глупо, но сейчас это кажется особенно правдивым.

В коридоре она на секунду поворачивается в сторону его каюты, но потом вспоминает. Он там никогда не бывает. Карл даже не заходит внутрь — только поесть, поработать или побыть с ней. С тех пор как они сошлись, он практически не спал в своей комнате. Стал похож на Лабина, почти такой же странный.

Карако тихо сидит в кают-компании, не двигаясь, подчиняясь своим внутренним часам. Смотрит, как Кларк направляется в рубку.

— Он вышел около часа назад, — тихо произносит она.

Сонар вылавливает его на расстоянии пятидесяти метров к юго-востоку. Лени идет к лестнице.

— Он тут недавно показал нам кое-что, — говорит Карако ей в спину. — Кену и мне.

Лени оглядывается.

— Гейзер, в дальнем углу Жерла. У него такое странное отверстие с выемками, и он издает поющие звуки, почти...

— Ммм.

— По какой-то причине он очень хотел, чтобы мы узнали о нем. Был очень возбужден. Он... он там снаружи какой-то странный, Лени...

— Джуди, — спокойно спрашивает Кларк, — зачем ты мне об этом рассказываешь?

Карако отворачивается.

— Извини. Я ничего такого не имела в виду.

Лени начинает спускаться по лестнице.

— Просто будь осторожнее, хорошо? — кидает ей вслед Джуди.

Он свернулся клубком, плавая в нескольких сантиметрах над каменным садом, подбородок уткнулся в колени. Естественно, глаза открыты. Кларк дотрагивается до него сквозь два слоя зеркального сополимера.

Карл едва двигается. Его вокодер издает спорадические тикающие звуки.

Лени сворачивается рядом с ним. В чреве ледяной воды они спят до утра.

КОРОТКОЕ ЗАМЫКАНИЕ

«Я не сдамся».

Это было бы так просто. Она могла бы здесь жить, держаться подальше от этой проклятой скрипящей скорлупки, только есть, мыться и делать ту часть работы, которая требует атмосферы. Она могла бы провести всю свою жизнь, паря над морским дном. Лабин так и поступает. Брандер, Карако и даже Наката уже в начале пути.

Лени Кларк знает, что здесь ей не место. Да на самом деле никому из них.

Но в то же время она боится того, что внешняя среда может с ней сделать.

«Я могу кончить как Фишер. Ведь так легко... просто ускользнуть. Если только горячий выброс или сход ила не достанут меня первыми».

Последнее время она очень высоко ценит свою жизнь. Может, от того, что теряет ее? Какой рифтер думает о том, как выжить? Но никуда не денешься: рифт начинает пугать ее.

«Это же хрень. Полная и тотальная хрень».

Кого бы он не испугал?

«Ты. Боишься. Именно. Карла. Того, что позволишь ему сделать с собой».

Прошло уже сколько? Неделя?

«Два дня».

...два дня с тех пор, как она спала снаружи. Два дня с тех пор, как решила заключить себя здесь. Лени выходит наружу работать и возвращается сразу после окончания смены. Никто не упоминает об этой перемене. Может, никто и не заметил; если они не заплывают на станцию после работы, то разбредаются по дну, занимаясь чем хотят, в прекрасном ледяном одиночестве.

Хотя одно она знает точно: Актон заметит. Заметит, станет скучать и пойдет за ней внутрь. А может, попытается уговорить ее выйти, попытается вывести насильно в случае сопротивления. Только он не подаст никаких признаков. Разумеется, она по-прежнему его видит. За едой. В библиотеке. Однажды у них случается секс, во время которого никто не произносит ничего важного. А потом Карл снова исчезает в океане.

Карл не заключал с ней никакого соглашения. Она даже не сказала ему о собственном решении. И все равно Лени чувствует себя преданной.

Он нужен ей. Кларк понимает, что это значит, видит собственные следы, усеивающие дорогу впереди, но чтение знаков и смена курса — это совершенно разные вещи. Ее внутренности сворачиваются от жажды идти то ли к нему, то ли просто наружу, наверняка сказать невозможно. Но пока она на станции, а

Карл в бездне, Лени может сказать, что контролирует ситуацию.

А это прогресс. Или вроде того.

Теперь, свернувшись клубочком в каюте с плотно задраенным люком, она слышит подземное бульканье воздушного шлюза и соскакивает с койки, словно ей дали команду с пульта дистанционного управления.

Шум плоти о металл, гидравлики и пневматики. Голос. Кларк спешит по коридору к выходу.

Он принес внутрь монстра. Удильщика, желеобразный мешок плоти с зубами длиной в половину предплечья Лени. Существо лежит, трепеща, на палубе, внутренности взрывом вырываются через его рот в вакууме земной атмосферы «Биб». Дюжины миниатюрных хвостов, слабо подергиваясь, проклевываются по всему его телу.

Карako и Лабин, чем-то занятые, выглядывают из инженерного шлюза. Актон стоит рядом с добычей; его грудная клетка, все еще раздуваясь, тихо шипит.

— Как ты запихнул его в шлюз? — спрашивает Кларк.

— Правильнее будет поинтересоваться, — подходит Лабин, — зачем?

— И что это за хвосты? — любопытствует Карako. Актон улыбается:

— Не хвосты. Самцы.

Выражение лица Лабина не меняется:

— Точно.

Кларк наклоняется вперед и теперь видит — это не просто хвосты. Некоторые из них имеют добавочные плавники на боках и спине. У других видны жабры. А у парочки даже глаза. Как будто целый косяк маленьких удильщиков вгрызается в большого, одни вошли по челюсти, а другие зарылись так, что торчит лишь хвост.

Ее поражает еще одна мысль, более отвратительная, чем предыдущая. Большой рыбе больше не

нужен рот. Она поглощает маленьких всем телом, словно какой-то гигантский деградирующий микроб.

— Групповой секс на рифте, — поясняет Актон. — Все большие, которых мы видели, это самки. А самцы — вот эти мелкие трахальщики размером с палец. Тут внизу со свиданиями туговато, поэтому они пристают к первой попавшейся женщине, которую могут найти, и вроде как сливаются с ней — их головы поглощаются, кровеносные потоки соединяются. То есть они — паразиты, уловили? Проникают в нее, а потом всю оставшуюся жизнь с нее кормятся. И их тут до хрена, но она больше парней, сильнее и могла бы съесть их заживо, если бы только...

— А он опять сидел в библиотеке, — замечает Карако.

Актон какое-то время пристально смотрит на нее. Потом подчеркнутым жестом тыкает пальцем в раздутый труп, лежащий на палубе.

— Вот это мы. — Потом хватает одного из самцов-паразитов и отрывает его от тела. — А вот это все остальные. Уловили?

— А, — говорит Лабин. — Метафора. Умно.

Карл делает один-единственный шаг к нему:

— Лабин, я ужасно от тебя устал.

— Да ну. — Тот совсем не кажется напуганным и никак не реагирует на угрозу.

Кларк трогается с места; встает не прямо между ними, а немного в стороне, образуя вершину человеческого треугольника. Она понятия не имеет, что делать, если дело дойдет до драки, и не знает, что сказать для ее предотвращения.

Неожиданно она понимает, что даже не уверена, хочется ли ей их останавливать.

— Да ладно вам, парни. — Карако прислоняется к штативу для сушки. — А вы свои проблемы как-то по-другому уладить не можете? Может, вытащите линейку и померяетесь членами? Ну или еще как-то.

Все смотрят на нее с удивлением.

— Берегись, Джуди. Какая-то ты нагловатая стала.

А теперь все дружно переводят взгляд на Кларк.

«Неужели это сказала я?»

Долго, очень долго ничего не происходит. Потом Лабин хмыкает и уходит обратно в мастерскую. Актон смотрит ему вслед и, лишившись непосредственной угрозы, возвращается в шлюз.

Мертвый удильщик дрожит на палубе, топорщась паразитами.

— Лени, он действительно какой-то странный, — говорит Карако, когда шлюз затопляет вода. — Мне кажется, тебе лучше его отпустить.

Кларк только качает головой:

— Куда?

Ей даже удается выдавить из себя улыбку.

Она ищет Карла Актона, но каким-то образом находит Джерри Фишера. Тот грустно смотрит на нее с другого конца длинного туннеля. Их словно разделяет целый океан. Он ничего не говорит, но Лени чувствует его печаль, разочарование. «Ты солгала мне, — говорят ощущения. — Сказала, будешь приходить, видаться со мной, и солгала. Ты совсем про меня забыла».

Он ошибается. Она не забыла про него. Только пыталась.

Кларк не произносит этого вслух, но каким-то образом Джерри улавливает ее мысль. Его отношение меняется: грусть уходит, что-то холодное просачивается на ее место, столь глубокое и старое, что у нее нет слов для его описания.

Что-то чистое.

Сзади кто-то трогает ее за плечо. Она разворачивается, встревоженная, рукой прикрывая живот.

— Эй, успокойся. Это я. — Силуэт Актона вырисовывается на фоне слабого света, идущего от Жерла. Кларк расслабляется, мягко толкает его в грудь и ничего не говорит.

— С возвращением. Давно тебя тут не видел.

— Я... я тебя искала.

— В иле?

— Что?

— Ты там плавала на месте, вниз лицом.

— Я... — Она чувствует отзвук беспокойства, но не может вспомнить, по какому поводу. — Наверное, задремала. Сон видела. Столько времени прошло с тех пор, как я тут спала...

— Четыре дня, кажется. Я по тебе скучал.

— Мог и внутрь зайти.

Актон кивает.

— Пытался. Но я никак не мог протиснуть всего себя сквозь шлюз, а та часть, которая проходила... ну, получалась довольно жалкая замена меня. Если ты помнишь.

— Я не знаю, Карл. Ты знаешь, как я отношусь...

— Да. И я знаю, что на дне тебе нравится так же, как и мне. Иногда мне кажется, что я могу остаться здесь навсегда. — Он замолкает на мгновение, словно взвешивает слова. — Фишер все правильно понял.

Ей становится холодно.

— Фишер?

— Он все еще тут, Лен. И ты об этом знаешь.

— Ты видел его?

— Нечасто. Он довольно пугливый.

— А когда?.. В смысле...

— Только когда я один. И довольно далеко от станции.

Кларк оглядывается по сторонам, ее охватывает необъяснимый страх.

«Конечно, ты не можешь его видеть. Его тут нет. А даже если бы был, то слишком темно для...»

Огромным усилием воли она заставляет себя не включать фонарь.

— Он... Мне кажется, он очень сильно к тебе привязан, Лен. Хотя, думаю, ты об этом и так знаешь.

«Нет. Нет. Не знала. И не знаю».

— Он с тобой разговаривает? — Она не понимает, почему ей так не нравится эта мысль.

— Нет.

— Тогда как?

Актон какое-то время молчит.

— Не знаю. У меня просто такое впечатление. Но он не говорит. Это... Не знаю, Лен. Он там просто слоняется и наблюдает за нами. Не знаю даже, насколько его уже можно считать... нормальным.

— Он наблюдает за нами, — ее жужжание тихое и монотонное.

— И знает, что мы вместе. Я думаю... Думаю, он считает, что это как-то объединяет его и меня. — Актон замолкает на секунду. — Он тебе безразличен, так?

О да. Это всегда начинается столь невинно. «Он тебе безразличен, это так мило», а потом «он тебе нравился?» и затем «ну, ты, наверное, сама сделала что-то, иначе почему он продолжает к тебе клеиться», ну и кончается все стандартным «ты, долбаная шлюха, я тебя...».

— Лени, — говорит Актон, — я ничего не пытаюсь начать.

Она ждет и наблюдает.

— Я знаю, что ничего такого не было. А если бы и было, то сейчас никакой угрозы ваши отношения не представляют.

Такие фразы Кларк тоже слышала.

— Если подумать, это всегда было моей проблемой, — пускается Карл в рассуждения. — Я всегда должен был следовать тому, что говорили мне другие

люди, а они... Люди лгут постоянно, ты же знаешь об этом, Лен. Потому неважно, сколько раз она клянется, что не пудрит тебе мозги, или что даже не хочет пудрить, как ты можешь знать об этом наверняка? Не можешь. Таким образом, предположение по умолчанию только одно: она врет. А поскольку лгут тебе постоянно, то это чертовски хороший повод для... ну для того, что я иногда делаю.

— Карл... знаешь...

— Я знаю, что именно ты мне не врешь. И даже не ненавидишь меня. А это вроде как весомые перемены.

Она касается его щеки.

— Да, это правильное решение. Я рада, что ты мне доверяешь.

— На самом деле, Лен, мне не нужно доверять тебе. Я просто знаю.

— Что ты имеешь в виду? Как?

— Я не уверен. Это как-то связано с переменами.

Он ожидает ее ответа.

— О чем ты говоришь, Карл? — наконец спрашивает она. — Ты хочешь сказать, что можешь читать мои мысли?

— Нет. Ничего такого. Я, ну, больше с тобой идентифицируюсь. Я могу... Это несколько трудно объяснить...

Кларк вспоминает, как он говорил над светящимся гейзером: «Щетинконогие черви могут предсказывать их. Моллюски и короткохвосты могут предсказывать их. Почему я не могу?»

«Он настроен, — соображает она. — На все. Он настроен даже на чертовых червей, вот почему... Он настроен на Фишера...»

Кларк включает языком фонарь. Яркий конус пронзает бездну. Она рассекает им воду вокруг себя. Ничего.

— А другие его видели?

— Не знаю. Кажется, Карако несколько раз поймала его на сонаре.

— Давай вернемся.

— А давай нет. Ненадолго останемся здесь. Проведем ночь.

Она смотрит прямо в его пустые линзы.

— Пожалуйста, Карл. Пойдем со мной. Поспи внутри хотя бы недолго.

— Он неопасен, Лен.

— Дело не в этом.

«По крайней мере, не только в этом».

— А в чем тогда?

— Карл, а тебе не приходила в голову мысль, что ты можешь развить в себе зависимость от этого нервного прихода?

— Да ладно, Лен. На рифте у нас постоянный кайф от нервов. Именно поэтому мы здесь.

— Нам тут нравится, потому что мы больные на всю голову. Но это не значит, что мы должны все менять и усиливать эффект.

— Лени...

— Карл. — Она кладет ему руки на плечи. — Я не понимаю, что с тобой тут происходит. Но оно меня пугает.

Он кивает:

— Я знаю.

— Тогда, прошу тебя, взгляни на это с моей стороны. Попробуй снова спать на станции, хотя бы недолго. Попытайся не проводить каждую минуту бодрствования, карабкаясь по дну океана, хорошо?

— Лени, мне не нравится внутри. Я там меняюсь. Даже тебе я не нравлюсь, когда нахожусь на станции.

— Возможно, я не знаю. Просто... Просто я не понимаю, как общаться с тобой, когда ты такой.

— Когда я не собираюсь избить до полусмерти первого попавшегося под руку? Когда веду себя вполне

рационально? Если бы этот разговор состоялся на «Биб», мы бы уже швыряли друг в друга вещи. — Он замолкает, в его фигуре что-то меняется. — Или ты именно по этому соскучилась?

— Нет. Разумеется, нет, — она даже удивляется этой мысли.

— Ну тогда...

— Пожалуйста. Порадуй меня. Что плохого случится?

Он не отвечает. Но у нее появляется неприятное подозрение, что Карл мог бы.

Ей стоит отдать ему должное. Каждое движение Актона говорит о нежелании, но он первым заплывает в шлюз. Когда же тот опустошается, с ним что-то происходит: воздух врывается в Карла — и словно что-то вытесняет. Лени не может понять, что конкретно, но недоумевает, почему не замечала этого раньше.

В качестве награды она сразу ведет его в каюту. Он трахает ее, прислонив к переборке, жестко, совершенно не скрываясь. Животные звуки эхом разносятся по корпусу. Когда он кончает, ей очень хочется знать, помешал ли шум остальным.

— Кто-нибудь из вас, — спрашивает Актон, — хоть раз подумал, почему тут внизу все так хреново?

Это странное и невероятное событие, редкое, словно сближение планет. Все циркадные ритмы совпали на час или два, поэтому все вылезли пообедать в одно и то же время. Почти все; Лабина нигде не видно, хотя во время любых разговоров он все равно обычно молчит.

— Что ты имеешь в виду? — спрашивает Карако.

— А ты как думаешь? Оглянись вокруг, ради бога! — Карл взмахивает рукой, обводя жестом кают-

компанию. — Тут едва разогнуться в полный рост можно. Куда ни посмотри, везде гребаные трубы и кабели. Мы живем как в чулане для швабр.

Брандер хмурится с ртом, набитым регидратированным картофелем.

— У них было очень жесткое расписание, — предполагает Наката. — Надо было все запустить как можно быстрее. Может, им не хватило времени сделать все настолько приятно, насколько они могли.

Актон фыркает.

— Да ладно, Элис. Это сколько же времени понадобилось бы на программирование дизайна с потолка приличной высоты?

— Я чувствую, что сейчас нам поведают о некоем заговоре, — замечает Майк. — Ну давай, Карл. Почему же Энергосеть выстроила станцию так, что мы постоянно набиваем себе шишки на голове? Может, они хотят вызвать у нас уменьшение роста? Или чтобы мы меньше ели?

Кларк чувствует, как Актон напрягается, словно небольшая ударная волна выталкивается в окружающую атмосферу сокращающимися мускулами, чувствует пульсацию напряжения, рябью идущую по воздуху и разбивающуюся о кожу. Она успокаивающе кладет под стол руку ему на бедро. Конечно, здесь есть просчитанный риск. Если Карл решит, что им управляют, то пойдет вразнос еще больше.

На этот раз он чуть расслабляется:

— Я считаю, они стараются лишить нас равновесия. Думаю, они намеренно спроектировали «Биб» так, чтобы постоянно держать нас в стрессе.

— Зачем? — снова Карако, напряженная, но вежливая.

— Потому что это дает им преимущество. Чем больше мы на грани, тем меньше думаем о том, что могли бы сделать с ними, если бы действительно захотели.

— И что же?

— Джуди, воспользуйся головой. Мы можем вырубить сеть от островов Королевы Шарлотты до самого Портленда.

— Да они просто сменяют источник энергии, — говорит Брандер. — Есть и другие глубоководные станции.

— Точно. И на них работают точно такие же люди, как мы. — Актон наотмашь бьет ладонью по столу. — Ну подумайте! Они не хотят, чтобы мы здесь находились. Они нас ненавидят, мы — психи, которые избивают своих жен и едят детей на завтрак. Если бы не тот факт, что любой другой здесь бы рехнулся...

Лени качает головой:

— Но они могли бы вообще обойтись без нас. Все автоматизировать.

— Аллилуйя. — Актон принимается саркастически аплодировать. — До женщины, наконец, дошло.

Брандер откидывается на спинку стула:

— Успокойся, Актон. Ты работал на Энергосеть раньше? Ты вообще хоть когда-нибудь работал на бюрократическую структуру?

Взгляд Карла сосредотачивается на нем:

— И в чем соль?

Майк не отводит глаз, и на его лице читается намек на усмешку.

— Соль в том, Карл, что ты делаешь чересчур далекоидущие выводы. Ну вот сделали они слишком низкие потолки. Ну да, их дизайнер по интерьерам дерьма не стоит. И что тут нового? Энергосеть тебя не боится. — Он обводит станцию рукой. — Это не какая-то там тонкая, просчитанная психологическая война. «Биб» всего лишь спроектировали некомпетентные идиоты. — Брандер встает и относит тарелку на камбуз. — Не нравятся низкие потолки, оставайся снаружи.

Актон смотрит на Лени, и лицо его лишено хоть какого-то выражения.

— О, я бы хотел этого. Поверь мне.

Он сгорбился над библиотечным терминалом, фоновизор скрывает глаза и уши, плоский экран, как обычно, выключен, чтобы никто не проследил направление его поисков. Как будто что-то в базе данных может быть личным. Как будто Энергосеть не станет дозировать каждый факт, который стоит скрыть.

Она уже научилась не беспокоить его, когда он вот так работает. Карл там охотится и бесится от любой помехи, словно файлы, которые он ищет, каким-то образом убегают, если взглянуть в другую сторону. Она не трогает его. Не проводит нежно пальцем по руке, не пытается размять мышцы на плечах. Теперь нет. Есть ошибки, на которых Лени все-таки учится.

На самом деле он странным образом беспомощен; отрезан от остальной станции, слеп и глух в присутствии людей, которые ему никоим образом не друзья. Брандер может подойти к нему сзади и вонзить нож в спину. Тем не менее все оставляют его в одиночестве. Как будто сенсорное изгнание, сознательно выбранная ранимость — это своего рода бесстыдный вызов, и никому не хватает духу его принять. И поэтому Актон сидит за клавиатурой — поначалу печатая, а сейчас уже пронзая ее пальцами — в своей собственной инфосфере, и его слепоглухое присутствие каким-то образом доминирует над всей кают-компанией, превышая все возможности его физических размеров.

— СУКА!

Он срывает фоновизоры с лица и обрушивает кулак на консоль. Не образуется даже трещинки. Прожигает взглядом помещение, белые глаза пылают и замирают на Накате, копающейся на камбузе. Лени мудро старается на него не смотреть.

— Сволочи, эта база данных такая древняя! Нас засовывают в глубокую черную задницу на месяцы и даже не дают связи с сетью!

Наката разводит руками и нервно говорит:

— Интернет заражен. Они нам отсылают вычищенные загрузки каждый месяц или около то...

— Я, сука, прекрасно это знаю, — голос Актона неожиданно зловеще спокоен.

Элис улавливает намек и благоразумно замолкает.

Он встает. Вся комната словно усыхает вокруг него.

— Мне нужно выбраться отсюда, — произносит он наконец. Делает шаг к лестнице, оглядывается на Кларк. — Идешь?

Та качает головой.

— Поступай как тебе угодно.

Может, Карако. В прошлом та вроде хотела поговорить.

Правда, Лени никогда не реагировала на ее попытки. Но все меняется. Нет больше двух Карлов Актонов. Они были; во всех ее любовниках жило по два человека. Всегда был носитель, некая привлекательная оболочка, чье лицо и имя ничего не значили, так как могли трансформироваться без всякого предупреждения. И, обеспечивая преемственность, за каждой парой мигающих глаз жила тварь, существо, которое никогда не менялось. Но, честно сказать, Лени не знала бы, что делать, если бы это все-таки случилось.

Теперь же все оказалось по-другому: существо вышло наружу. Пока оно не выказывает признаков насилия, но обладает рентгеновским зрением, и от этого все может стать гораздо хуже.

Лени всегда спала с тварью внутри. До недавнего времени она предполагала, что это от недостатка альтернатив.

Она вежливо стучит по люку каюты Карако:

— Джуди? Ты там?

По идее, должна быть: на «Биб» ее нет, на сонаре никаких следов.

Нет ответа.

«Дело может подождать.

Нет. Я и так уже слишком долго ждала.

А как бы я чувствовала себя, если бы?..

Она — не я».

Люк закрыт, но не задраен. Кларк приоткрывает его на пару сантиметров и заглядывает внутрь.

Каким-то образом им это все же удастся. Элис Наката и Джуди Карако переплелись друг с другом на крохотной койке. Их глаза беспокойно мечутся под сомкнутыми веками. Сонник стоит на страже рядом с ними, его щупальца тянутся к их телам.

Кларк позволяет люку с шипением захлопнуться.

«Ладно, все равно глупая была затея. И чего она такого знает?»

Хотя ей действительно интересно, сколько они уже вместе. Она даже ничего не заметила.

— Твой парень не явился, — передает Лабин. — Мы должны были добавить охладителя на «семерку».

Кларк вызывает топографический дисплей.

— Как давно?

— В четыре ноль-ноль.

— Ясно.

Актон опаздывает уже на полчаса. Это необычно, сейчас он из кожи вон лезет, чтобы соблюдать пунктуальность, неохотно уступив Кларк ради групповых отношений.

— На сонаре его не вижу. Если только он не лежит где-нибудь на дне. Повиси на связи.

Она выглядывает из рубки:

— Эй. Кто-нибудь Карла видел?

— Он ушел не так давно, — отзывается Брандер из дежурки. — Кажется, у него работа на «семерке».

Кларк снова включает канал Лабина:

— Его здесь нет. Брандер говорит, он ушел недавно. Продолжаю искать.

— Ладно. По крайней мере, его трупный датчик не сработал.

Кларк не может понять, считает ли Лабин это хорошей или плохой новостью.

На краю зрения какое-то движение. Она отрывается от экрана, в проходе стоит Наката.

— Нашла его?

Кларк отрицательно качает головой.

— Он был в медотсеке перед уходом. Вскрыл себя. Сказал, что чего-то там подкручивает, улучшает...

«О господи».

— Сказал, что снаружи показатели растут, но подробно не объяснил. Сказал, покажет мне позже. Может, что-то пошло не так.

Экран внешней камеры, вид снизу. Изображение мерцает, потом проясняется: на дисплее зубчатый круг света лежит на плоской илистой равнине, рассеянный острыми тенями причальных кабелей. На его границе распростерлась лицом вниз черная человеческая фигура, обхватив голову руками.

Лени врубает ближнюю акустику:

— Карл, Карл, ты меня слышишь?

Он реагирует. Голова поворачивается, смотрит на прожекторы; линзы отражают невыразительное белое сияние в камеру. Его трясет.

— Вокодер, — говорит Наката.

Из колонок несется звук, тихий, повторяющийся, механический.

— Похоже, заело...

Кларк уже в дежурке. Она понимает, что говорит механизм Актона. Понимает, потому что это самое слово снова и снова раздаётся в ее голове.

«Нет. Нет. Нет. Нет. Нет».

Никакой видимой двигательной недостаточности. Он сам смог вернуться; даже замер, когда Кларк пытается ему помочь. Сдирает с себя оборудование и без слов следует за ней в медотсек.

Наката дипломатично закрывает за ними люк.

Теперь он сидит на диагностическом столе с непроницаемым выражением лица. Кларк прекрасно знает процедуру: снять костюм, вытащить линзы. Проверить автономную реакцию зрачка, рефлексy. Уколоть, взять необходимые образцы: газы крови, ацетилхолин¹, гамма-аминомасляная кислота², молочная кислота.

Она садится рядом с ним. Не хочет вынимать его линзы. Не хочет видеть, что скрывается под ними.

— Твои ингибиторы, — наконец выговаривает Лени. — Насколько ты сократил подачу?

— На двадцать процентов.

— Прекрасно. — Она пытается легонько его коснуться. — По крайней мере теперь ты знаешь предел. Просто восстанови подачу до нормы.

Он почти незаметно качает головой.

— Почему нет?

---

¹ *Ацетилхолин* (лат. *Acetylcholinum*) — нейромедиатор. Образующийся в организме (эндогенный) ацетилхолин играет важную роль в процессах жизнедеятельности: он принимает участие в передаче нервного возбуждения в ЦНС, вегетативные узлы, окончания парасимпатических и двигательных нервов. Ацетилхолин связан с функциями памяти. Снижение ацетилхолина при болезни Альцгеймера приводит к ослаблению памяти у пациентов. Ацетилхолин играет важную роль в засыпании и пробуждении.

² *γ-аминомасляная кислота* (ГАМК, GABA) — аминокислота, важнейший тормозный нейромедиатор центральной нервной системы человека и млекопитающих. Аминомасляная кислота является биогенным веществом. Содержится в ЦНС и принимает участие в нейромедиаторных и метаболических процессах в мозге.

— Слишком поздно. Я перешел через какой-то порог. Мне кажется... это уже необратимо.

— Понятно. — Она робко накрывает его руку своей ладонью. Карл не реагирует. — Что ты чувствуешь?

— Я слеп. Глух.

— Но это же не так.

— Ты спросила, что я чувствую, — говорит он по-прежнему без всякого выражения.

— Вот. — Она снимает магнитно-резонансный шлем с крючка.

Актон позволяет закрепить его на черепе.

— Если что-то не в порядке, это должно...

— Что-то не в порядке, Лен.

— Так.

Шлем передает данные на диагностический экран. Кларк обладает теми же медицинскими знаниями, что и все рифтеры, знаниями, вбитыми в мозг машинами, взломавшими ее сны. Но все равно голые данные ничего ей не говорят. Проходит почти минута, прежде чем система выводит заключительный анализ.

— Уровень синаптического кальция очень сильно понижен. — Она осторожно не показывает своего облегчения. — Ну это имеет смысл, я так полагаю. Нейроны слишком много работают и поэтому выдыхаются.

Он, ничего не говоря, смотрит на экран.

— Карл, это нормально. — Лени склоняется к его уху, держа руку на плече. — Это исправится само собой. Просто выставь нормальный уровень ингибиторов. Потребление пойдет вниз, запас восстановится. И никакого вреда.

Актон опять качает головой:

— Не сработает.

— Карл, посмотри на данные. С тобой все будет в порядке.

— Пожалуйста, не касайся меня, — говорит он, не двигаясь с места.

КРИТИЧЕСКАЯ МАССА

Кларк замечает кулак прежде, чем тот бьет ее в глаз. Она отшатывается назад к переборке, чувствуя спиной какую-то выступающую заклепку или вентиль. Мир тонет во взрывах прозрения.

«Он сорвался, — отрешенно думает она. — Я победила». Колени подгибаются, Лени соскальзывает по стене, с глухим стуком оседает на палубу. Не издает ни звука и считает это предметом какой-то странной гордости.

«Интересно, что я сделала? Почему он сошел с катушек?»

Она не может вспомнить. Кулак Актона, кажется, выбил последние несколько минут из головы.

«Только это неважно. Просто старый, привычный танец».

Но в этот раз кто-то решил встать на ее сторону. Слышатся крики, звуки потасовки, тошнотворно-неприятный стук плоти о кость, а той — о металл, и в кои-то веки ничего из этого не принадлежит ей.

— Ах ты, членосос! Да я тебе сейчас яйца оторву!

Голос Брандера. За нее вступился Брандер. Он всегда был галантным. Кларк улыбается, чувствуя во рту привкус соли.

«Естественно, он так и не простил Актону ту стычку из-за мешкорота».

Зрение постепенно проясняется, по крайней мере, один глаз начинает видеть. Она видит перед собой ногу, другую сбоку. Лени поднимает голову: ноги встречаются в промежности Карако. Актон и Брандер тоже находятся в ее каюте; поразительно, как они вообще все сюда поместились.

Карл с окровавленным ртом в тяжелом положении. Брандер держит его за горло, но Актон сжимает его

запястье и прямо на глазах Кларк второй рукой наносит удар ему в челюсть.

— Остановитесь, — бормочет она.

Каракко дважды быстро бьет Карла в висок, голова того резко уходит влево, он рычит, но руку Брандера не отпускает.

— Я сказала, остановитесь!

На этот раз ее слышат. Борьба затихает, останавливается; кулаки все еще подняты, захваты не разжаты, но все в каюте смотрят на Лени.

Даже Актон. Кларк ищет взглядом его глаза, пытается увидеть, что там, за ними. Ничего нет, только сам Карл.

«А ведь тварь там была. Я уверена. Рассчитывала, что из-за нее он влезет в проигрышную схватку, а она свалит...»

Кларк, опираясь на переборку, медленно встает на ноги. Каракко отходит в сторону, помогает ей.

— Я польщена таким вниманием, друзья, — говорит Лени, — и я хочу поблагодарить вас за то, что вы прекратили драку, но думаю, теперь мы сами во всем разберемся.

Джуди кладет ей руку на плечо, защищает.

— Тебе не нужно разбираться с этим дерьмом. — Она не сводит с Актона глаз, источающих злобу даже сквозь линзы. — Никому из нас не нужно.

Уголок рта Карла изгибается в еле заметной окровавленной усмешке.

Кларк переносит прикосновение напарницы, даже не поморщившись.

— Я знаю. И спасибо, что вступились. Но сейчас, пожалуйста, оставьте нас одних.

Брандер не ослабляет хватку на горле Карла.

— Не думаю, что это такая уж хорошая мысль...

— Убери от него свои гребаные руки и оставь нас одних!!!

Они отступают. Кларк зло смотрит им вслед, задраивает люк, чтобы никто не вошел, и поворачивается к Актону, ворча:

— Чертовы любопытные соседи!

Его тело оседает от столь неожиданной уединенности, вся злость и бравада испаряются под взглядом Лени.

— Не хочешь сказать мне, с чего ты повел себя как последний урод?

Карл падает на койку, смотрит в палубу, избегая ее взгляда.

— Ты не понимаешь, когда тебя пытаются развести?

Кларк садится рядом с ним.

— Да. Когда получаешь удар в лицо — это верный признак.

— Я пытаюсь помочь тебе. Я пытаюсь помочь всем вам. — Он поворачивается, обнимает Кларк, тело его дрожит, щека прижата к щеке, лицо устремлено в переборку за ее плечом. — Боже, Лени, мне так жаль. Ты — последний человек во всем этом поганом мире, кому бы я хотел причинить вред...

Она гладит его, ничего не говоря. Знает, Карл не врет. Они никогда не врут. Она до сих пор не может собраться с силами и обвинить хоть кого-то из них.

«Он думает, что сейчас совсем одинок. Думает, что это только его поступок».

Проносится невероятная мысль: «Может, так и есть...»

— Я больше не могу так, — говорит Карл. — Оставаться внутри.

— Будет лучше. Поначалу всегда трудно.

— Боже, Лен. Да ты понятия не имеешь. Ты все еще принимаешь меня за какого-то наркомана.

— Карл...

— Ты думаешь, я не знаю, что такое зависимость? Не могу увидеть разницу?

Она не отвечает.

Он выдавливая из себя еле слышный грустный смешок.

— Я теряю это, Лен. Ты вынуждаешь меня утратить то, что я обрел. Ну почему ты так хочешь, чтобы я был таким, как сейчас?

— Потому что это ты и есть, Карл. А снаружи не ты. Снаружи — искажение.

— Снаружи я — не урод. Снаружи я не заставляю всех вокруг ненавидеть себя.

— Нет. — Она обнимает его. — Если контроль над гневом означает наблюдать, как ты превращаешься в нечто иное, видеть тебя под кайфом все время, то я лучше попытаю счастья с оригиналом.

Актон смотрит на нее:

— Я ненавижу это. Боже, Лен. Ты еще не устала от людей, которые постоянно выбивают из тебя всю дурь?

— А вот это было очень грубо, — тихо замечает она.

— А я так не думаю. Я помню кое-что из того, что увидел снаружи. Как будто тебе нужно... В смысле, боже, Лени, сколько в вас всех ненависти...

Она никогда не слышала, чтобы он говорил нечто подобное. Даже снаружи.

— В тебе она тоже есть, знаешь ли.

— Да уж. Я думал, она делает меня иным. Придает мне... жесткости, крутости, понимаешь?

— Так и есть.

Он качает головой:

— О нет. Только не по сравнению с тобой.

— Не стоит себя недооценивать. Я уж точно не стану бросать вызов всей станции.

— Так и есть, Лен. Я вечно все спускаю на ветер. Трачу вот на такие глупости вроде этой. Но ты... Ты все копишь.

Выражение его лица меняется, только она не совсем понимает, из-за чего. Может, от заботы. Или волнения.

— Иногда ты пугаешь меня больше Лабина. Ты никогда не взрываешься, никого не трогаешь, черт побери, это настоящее событие, если ты хотя бы голос повышаешь, но оно все внутри, растет. И мне кажется, там, внутри, не бездонное пространство. — Он даже умудряется рассмеяться. — Ненависть — прекрасный источник энергии. Если кто-нибудь когда-нибудь... тебя запустит, активирует, ты станешь неудержимой. А сейчас ты просто... токсична. Я думаю, ты даже не подозреваешь, сколько ненависти носишь в себе.

Жалость?

Что-то внутри нее неожиданно холодеет.

— Не надо тут играть в психотерапевта, Карл. Если у тебя нервы работают на повышенных скоростях, это еще не значит, что ты приобрел второе зрение. Настолько хорошо ты меня не знаешь.

«Нет, не знаешь. Иначе ты бы не был со мной».

— Здесь нет. — Актон улыбается, но что-то странное и болезненное продолжает показываться из глубины. — Снаружи я, по крайней мере, могу видеть вещи. А здесь я слеп.

— Ты живешь в стране слепых, — отрывисто бросает Лени. — Это не недостаток.

— Серьезно? Ты бы осталась тут на условии, что бы тебе вырезали глаза? Осталась бы в месте, где твой мозг начал бы гнить кусок за куском, где бы ты из человека превратилась в сраную обезьяну?

Кларк задумывается:

— Если бы с самого начала я была обезьяной, то вполне возможно.

Актон рассматривает ее, и что-то еще, внутри, тоже следит за ней, сонно, одним глазом.

— По крайней мере, я не получаю эндорфины, изборажая жертву, — медленно произносит он. — Тебе следует несколько осторожнее выбирать тех, на кого можно смотреть свысока.

— А тебе, — отвечает Кларк, — надо приберечь благочестивые лекции для тех моментов, когда ты действительно будешь знать, о чем говоришь.

Он встает с койки и пристально изучает ее, кулаки его разжаты.

Кларк не двигается. Чувствует, как все тело напрягается изнутри. Намеренно поднимает голову, пока не упирается взглядом прямо в скрытые белым щитом глаза Актона.

И тварь тут, проснулась. Карл исчез, его нет. Все снова в порядке.

— Даже не пытайся, — произносит Лени. — Я дала тебе порезвиться, помянула старые добрые времена, но если ты снова распустишь руки, то я тебя убью.

В душе она удивляется силе собственного голоса: тот похож на сталь.

Они смотрят друг на друга, и, кажется, проходит целая вечность.

Тело Актона поворачивается на месте и открывает люк. Кларк наблюдает за тем, как оно выходит из каюты; в коридоре дежурит Карако и пропускает его без единого слова. Лени сидит абсолютно неподвижно, потом до нее доносится звук запускающегося шлюза.

«Он не раскрыл меня, поверил в мой блеф».

Только в этот раз она не уверена, что это всего лишь блеф.

Он не видит ее.

Прошло уже несколько дней после ссоры. Даже их расписания теперь разнятся. Сегодня, когда она пыталась заснуть, то слышала, как Актон пришел из без-

дны и взобрался в кают-компанию, словно какое-то морское чудовище. Он появляется время от времени, когда остальные или снаружи, или сидят по каютам. Тогда он запирается в библиотеке, носится в фоновизорах по бесконечным виртуальным улицам, и в каждом его движении видно отчаяние. Как будто ему каждый раз приходится задерживать дыхание, заходя внутрь; однажды Лени видела, как он сорвал шлем с головы и буквально выбежал наружу, словно его грудь сейчас разорвется. Когда она подобрала оставленное оборудование, результаты поиска все еще мерцали в наглазниках. Химия.

А в другой раз он обернулся по пути в шлюз и увидел ее, стоящую в коридоре. И улыбнулся. Даже сказал что-то. Она расслышала «...прости...», но это было не все. Карл не остался.

А сейчас его руки неподвижно лежат на клавиатуре, плечи трясутся. Он не издает ни звука. Лени закрывает глаза, думает, стоит ли подойти к нему. А когда открывает их, в помещении уже никого нет.

Она может точно сказать, куда он направится. Его иконка отцепляется от «Биб» и ползет по экрану, а в той стороне есть только одно.

Когда Лени добирается туда, Карл ползает по спине кита, выкапывая в ней дыру ножом. Линзы Кларк едва справляются, на таком далеком расстоянии от Жерла им не хватает света; Актон режет и пилит в свете головного фонаря, его тень корчится на горизонте мертвой плоти.

Он уже пробурил кратер где-то с полметра диаметром и глубиной. Прорвался сквозь слой ворвани и теперь рассекает коричневые мускулы под ним. Прошли месяцы с тех пор, как это существо упало сюда, и

Кларк удивляется, насколько хорошо оно сохранилось.

«Бездна любит экстремумы, — размышляет она. — Это не скороварка. Это холодильник».

Актон прекращает копать. Просто плавает вокруг, уставившись на дело рук своих.

— Какая глупая идея, — наконец жужжит он. — Я иногда не понимаю, что на меня находит.

Карл поворачивается к ней лицом, от линз отражается желтый свет.

— Прости меня, Лени. Знаю, это место ты почему-то считаешь особенным. Я не хочу его... осквернять.

Она качает головой:

— Ничего. Это неважно.

Вокодер Актона журчит, на воздухе это оказалось бы печальным смехом.

— Я иногда слишком себя переоцениваю, Лен. Когда я внутри и мне плохо, все рассыпается на глазах, я не знаю, что делать, и кажется, будто стоит выйти наружу — и чешуя спадет с глаз. Такая почти религиозная вера. Все ответы. Прямо тут.

— Это нормально, — произносит Кларк, ведь так лучше, чем просто молчать.

— Только иногда ответ ничего особенного тебе не дает, понимаешь? Иногда ответ — это нечто вроде «Забудь об этом. Ты в полной жопе». — Актон смотрит на мертвого кита. — Ты не можешь выключить свет?

Темнота поглощает их, словно одеяло. Кларк тянется сквозь нее и притягивает Карла к себе:

— Что ты хочешь сделать?

Снова механический смех.

— Кое-что, о чем прочитал. Я думал...

Он трется своей щекой о ее.

— Понятия не имею, что я думал. Когда оказываешься внутри, то превращаешься в гребаную жертву

лоботомии, и появляются разные глупые идеи. А когда выбираешься наружу, проходит какое-то время, прежде чем просыпаешься и осознаешь, каким же тупым кретином был. Я хотел изучить надпочечную железу. Думал, это поможет мне противостоять истощению ионов в синаптических соединениях.

— Ты знаешь, как это сделать.

— Ну, в общем, все равно дерьмово получилось. Я там не могу нормально думать.

Она даже не пытается спорить.

— Извини, — жужжит Актон через какое-то время.

Кларк гладит его по спине, словно два куска пластика трутся друг о друга.

— Думаю, я могу тебе все объяснить, — добавляет он. — Если тебе, конечно, интересно.

— Естественно. — Но она понимает, что это ничего не изменит.

— Ты знаешь, что в мозге существует определенный участок, контролирующий движение?

— Да.

— И если, предположим, ты стала пианистом, то часть, управляющая руками, буквально расширяется, занимает большее пространство этого участка из-за повышенной потребности в управлении пальцами. Но вместе с этим что-то теряется. Прилегающие участки переполняются. В результате ты не можешь так же хорошо двигать пальцами ног или изгибать язык, как было до усиленных занятий музыкой.

Актон замолкает. Кларк чувствует его руки, слегка обнимающие ее.

— И я считаю, что нечто подобное случилось со мной, — наконец произносит Карл.

— Каким образом?

— Я думаю, нечто в моем мозгу выросло, натренировалось, распространилось и заполнило остальные части. Но оно функционирует только в окружающей

среде с высоким давлением, понимаешь, именно оно заставляет нервы работать быстрее. Поэтому когда я возвращаются внутрь, то новая часть отключается, а старые вроде как теряются.

Кларк качает головой.

— Мы уже говорили об этом, Карл. В твоих синапсах просто не хватает кальция.

— Это не все. Это вообще больше не проблема. Я поднял уровень ингибиторов. Не полностью, но достаточно. Но у меня все еще есть эта новая часть, а старые я найти не могу. — Она чувствует его подбородок на своей голове. — Мне кажется, я уже не совсем человек, Лен. Если принять во внимание, каким я был, может, это не так уж и плохо.

— А что она делает? Конкретно эта новая часть?

Отвечает он не сразу:

— Это вроде как еще один орган чувств, только он рассеянный. Своего рода интуиция, только очень резкая, четкая.

— Рассеянная, но четкая.

— Ну да. Это проблема — объяснить, что такое запах, человеку без носа.

— Может, это не то, что ты думаешь. Я имею в виду, нечто изменилось, но это не значит, что ты можешь вот просто так... заглянуть в человека. Может, у тебя всего лишь какое-то расстройство настроения. Или галлюцинация. Ты не можешь знать наверняка.

— Я знаю, Лен.

— Тогда ты прав. — Гнев струйкой сочится изнутри. — Ты больше не человек. Ты меньше, чем человек.

— Лени...

— Люди должны доверять друг другу, Карл. Нет ничего особенного в том, чтобы верить тому, кого знаешь. И я хочу, чтобы ты мне верил.

— Но не знал.

Она пытается услышать грусть в этом синтезированном голосе. На «Биб» та, может, и пробились бы на поверхность, но на станции он бы никогда этого не сказал.

— Карл...

— Я не могу вернуться.

— Ты здесь — это не ты. — Она отталкивается прочь, разворачивается и уже едва различает его силуэт.

— Ты хочешь, чтобы я снова стал, — она слышит сомнение в его словах, даже через вокодер, но знает, это не от вопроса, — омерзительным и полным ненависти уродом.

— Не будь дураком. У меня в жизни было немало уродов, поверь мне. Но, Карл, это какой-то слишком дешевый трюк. Ты вышел из волшебного ящика и — опа! — превратился в мистера Хорошего Парня. Зашел — и снова обернулся Ситэкским Душителем¹. В реальности так не бывает.

— Откуда ты знаешь?

Кларк держится на расстоянии, она знает. Реально лишь то, что приносит боль. Реально то, что происходит медленно, мучительно, когда каждый шаг вырезан криками, угрозами и ударами.

Его перемена станет реальна только в том случае, если Карла изменит сама Лени.

Естественно, она не говорит ему об этом, но, разворачиваясь и оставляя его на дне, боится, что говорить и не надо. Он сам все знает.

Она просыпается сразу, напряженная и встревоженная. Повсюду тьма — свет выключен, Лени даже

---

¹ В реальности такого маньяка не существовало. Персонаж придуман Уоттсом.

закрыла датчики на стене — но это близкая, знакомая мгла ее собственной каюты. Что-то стучит в корпус, постоянно и настойчиво.

Снаружи.

Коридор достаточно освещен для глаз рифтера. Наката и Каракто неподвижно стоят в кают-компании, Брандер сидит в библиотеке; экраны не горят, все фоновизоры висят на своих местах.

Звук пробивается и сюда, не такой сильный, как прежде, но хорошо различимый.

— Где Лабин? — тихо спрашивает Кларк. Элис кивает в сторону переборки: «Где-то снаружи».

Лени спускается по лестнице в шлюз.

— Мы думали, ты ушел, — говорит она. — Как Фишер.

Они парят между станцией и дном. Кларк протягивает к нему руку, Карл отшатывается.

— Сколько времени прошло? — Слова выходят слабыми, металлическими вздохами.

— Шесть дней. Может, семь. Я не откладывала... не хотела вызывать тебе замену...

Он не реагирует.

— Мы иногда видели тебя на сонаре, — добавляет она. — Недолго. А потом ты исчез.

Тишина.

— Ты заблудился? — спрашивает она, помедлив.

— Да.

— Но теперь ты вернулся.

— Нет.

— Карл...

— Лени, мне нужно, чтобы ты мне кое-что пообещала.

— Что?

— Обещай мне. Сделай то же, что и я. Другие тоже. Они тебя послушают.

— Ты же знаешь, я не могу...

— Пять процентов, Лени. Можно десять. Если держать выработку ингибиторов на таком низком уровне, то все будет нормально. Обещаешь?

— Зачем, Карл?

— Потому что я не всегда ошибался. Потому что раньше или позже им придется от вас избавиться, и тогда вам понадобится любое преимущество.

— Идем внутрь. Мы можем поговорить об этом внутри, все там.

— Тут странные дела творятся, Лен. За пределами действия сонара они... Я не знаю, что они там делают. И они нам ничего не говорят.

— Пойдем внутрь, Карл.

Он трясет головой и, кажется, уже отвык от этого жеста.

— ...не могу...

— Тогда не думай, что я...

— Я оставил файл в библиотеке. Там все объяснил. Насколько мог в том состоянии, когда был на станции. Обещай мне, Лен.

— Нет. Ты пообещай. Пошли внутрь. Обещай, что мы во всем разберемся вместе.

— Оно слишком многое во мне убило. — Он вздыхает. — Я слишком далеко зашел. Что-то сгорело, и даже здесь я не чувствую себя целым. Но с вами все будет нормально. Пять или десять процентов, не больше.

— Ты мне нужен, — очень тихо жужжит она.

— Нет. Тебе нужен Карл Актон.

— А это еще что значит?

— Тебе нужно то, что он с тобой делал.

Вся теплота покидает ее, остается только медленное, леденящее кипение.

— Это что, Карл? Большое озарение, которое ты получил, пока ходил одержимый духами в грязи? Думаешь, ты меня знаешь лучше, чем я сама?

— Ты знаешь...

— Только это не так. Ты ни хрена обо мне не знаешь и никогда не знал. И у тебя смелости не хватит все выяснить, поэтому ты бежишь во тьму и возвращаешься, изрекая всякую претенциозную чушь.

Она подстрекает его, знает, что провоцирует, но он просто не реагирует. Даже его ярость сейчас была бы лучше, чем это.

— Я сохранил его под именем «Тень», — говорит он.

И она смотрит на него и ничего не может сказать.

— Файл, — добавляет Карл.

— Да что с тобой такое?

Она начинает его бить, лупить изо всех сил, но он не отвечает тем же, даже не защищается да Господи почему ты не дерешься со мной сволочь почему не покончишь с этим ну давай выбей из меня всю дурь а потом нам обоим станет стыдно и мы пообещаем никогда не делать этого снова и...

Только сейчас ее покидает даже гнев. По инерции от нападения они расходятся друг от друга. Лени хватает за причальный кабель. Морская звезда, присосавшаяся к нему, слепо тянется к Кларк кончиком своего луча.

Актон не останавливается, уплывает вдаль.

— Останься, — говорит она.

Он делает нырок и замирает, ничего не отвечая, далекий, еле различимый, серый.

Здесь столько всего невозможно сделать. Нельзя заплакать. Даже закрыть глаза. А потому Лени пронзает взглядом дно, смотрит на собственную тень, уходящую во тьму.

— Зачем ты это делаешь? — спрашивает она, уставшая, и не знает, к кому сейчас обращается.

Его тень наплывает на ее. Механический голос отвечает:

— Это то, что делаешь, когда действительно кого-то любишь.

Лени вскидывает голову вверх, успевая заметить, как Карл исчезает.

Когда она возвращается, на «Биб» царит тишина. Единственный звук — мокрое шлепанье ее ног по палубе. Лени забирается в кают-компанию и, выяснив, что там никого нет, направляется в коридор, ведущий к каюте.

Останавливается.

В отсеке связи на экране светящаяся иконка медленно двигается в сторону Жерла. Дисплей лжет ради пущего эффекта: на самом деле Актон темный и ничего не отражает, светится не больше, чем она сама.

Лени снова думает, не должна ли она остановить его, хотя бы попытаться. Карла никак не одолеть силой, но, может, ей просто не пришли в голову верные слова. Может, если она все сделает правильно, то ей удастся вернуть его, заставить войти на станцию, убедить. Ты — больше не жертва, как-то сказал он. Возможно, теперь Лени превратилась в сирену.

Только слова не приходят.

Он уже почти добрался. Лени видит, как он скользит между огромных бронзовых колонн, а следом завиваются спиралями туманности бактерий. Кларк представляет, как его лицо обращено вниз, изучающее, безжалостное и голодное, и видит — Карл направляется к северному концу Главной улицы.

Лени отключает экран.

Ей не нужно наблюдать за этим. Она понимает, что происходит, а машины отреагируют, когда все кончится. Она не сможет остановить их, даже если попытается, разве только не разобьет тут все в труху. Именно это ей и хочется сейчас сделать. Но Кларк держит себя в руках. Тихая, словно камень, она сидит в командном отсеке, глядя на пустой экран, и ждет, когда взвояет сирена.

Нектон¹

---

¹ *Нектон* — совокупность водных активноплавающих животных, способных передвигаться самостоятельно на значительные расстояния и противостоять силе течения.

1900

4

1901

1902

1903

1904

1905

СУХОПУТНИК

РЕЗКИЙ СТАРТ

Ему снилась вода. Ему всегда снилась вода. Запах мертвой рыбы в гниющих сетях и радужные лужи бензина, которые, мерцая, расплывались от дамбы в Стивстоне, дом, расположенный так близко от берега, что на него с трудом выписывали страховку. Ему снились те времена, когда понятие берега еще означало нечто определенное, даже та грязно-коричневая полоса, где река Фрэйзер кровоточила в пролив Джорджия. Его мать стояла над ним, лучилась улыбкой и словами: «Жизненно важный экологический источник, Ив. Перевалочный пункт для мигрирующих птиц. Фильтр для всего мира». И маленький Ив Скэнлон радовался в ответ, гордый, что он единственный из всех своих друзей — ну не друзей на самом деле, но, возможно, теперь они ими станут — вырастет, ценя природу не понаслышке, прямо здесь, на своем новом заднем дворе. В полутора метрах от линии прилива.

А потом, как обычно, реальный мир ворвался в сон, пинком распахнув двери, и поджарил мать током прямо посреди улыбки.

Иногда он мог отложить неизбежное. Воспротивиться разряду от прикроватного сонника, еще несколько секунд побороться и не возвращаться. Тридцать лет случайных образов искрами проносились в

разуме: падающие леса, раздувшиеся пустыни, ультрафиолетовые пальцы, все глубже погружающиеся в бесплодные моря. Океаны, вползающие на берега. Жизненно важные экологические ресурсы превращались в незаконные лагеря беженцев, а потом в затопляемые приливом зоны.

Ив Скэнлон просыпался, обливаясь потом, со сжатыми зубами, безжалостно выброшенный в реальность.

«О господи, нет. Я вернулся».

В реальный мир.

«Три с половиной часа. Всего лишь три с половиной часа...»

Больше сонник позволить ему не мог. Стадии сна с первой по четвертую давали десять минут каждая. Быстрый сон — тридцать, сжать сами видения не получалось. Семидесятиминутный цикл, по три раза за ночь.

«А ты мог бы сам распоряжаться своим графиком. Все остальные так и делают».

Фрилансеры лично выбирали распорядок работы. За наемных служащих — тех немногих, кто остался, — все решали другие. Ив Скэнлон служил по найму. Он часто напоминал себе о преимуществах: не нужно сражаться за место и выскребать новый контракт каждые шесть месяцев. Ты получал своего рода стабильность. Если хорошо исполнял обязанности. И продолжал их исполнять. А это, естественно, означало одно: Ив Скэнлон не мог позволить себе спать ночью девять с половиной часов, оптимальных для его вида.

Получается, он обрек себя на рабство ради безопасности. Чуть ли не каждый день Ив ненавидит сделанный им выбор. Может, когда-нибудь эта ненависть станет сильнее страха перед альтернативой.

— Семнадцать пунктов повышенной важности, — сообщил терминал, как только ноги Скэнлона коснулись пола. — Четыре трансляции, двенадцать Интернет-сообщений, один телефонный звонок. Телетранс-

ляции и телефон чисты. Интернет-объекты дезинфицированы на входе с сорокапроцентной вероятностью проникновения вирусов сквозь фильтр.

— Поднять уровень дезинфекции, — приказал Ив.

— Операция уничтожит все зашифрованные вирусы, но также может необратимо повредить около пяти процентов рабочей информации. Я могу просто избавиться от опасных файлов...

— Дезинфицируй их. Что в несрочных?

— Восемьсот шестьдесят три пункта. Триста двадцать семь трансляций...

— Стереть все. — Скэнлон направился в ванную, остановился. — Подожди минуту. Воспроизведи телефонный звонок.

— Это Патриция Роуэн, — начал терминал холодным, отрывистым голосом. — Похоже, у нас проблемы с персоналом глубоководной геотермальной программы. Мне бы хотелось обсудить их с вами. Ваш звонок я направлю напрямую.

«Твою мать».

Роуэн была одним из самых высокопоставленных корпор Западного побережья. С тех пор как его наняли в Энергосеть, она практически не удостоивала его внимания.

— Звонок срочный? — спросил Скэнлон.

— Важный, но не срочный, — ответил терминал.

Сначала он мог позавтракать, может, даже проверить почту. Рефлексы настаивали, чтобы он бросил все и запрыгал дрессированным тюленем, изображая повышенное внимание. Их надо проигнорировать. Он им зачем-то понадобился. Наконец-то. Наконец-то, черт побери.

— Я иду в душ, — сказал он терминалу, сомневаясь, но не повинуюсь. — Не тревожь меня, пока я не выйду.

Его рефлексам это явно не понравилось.

— ... Что «излечение» жертв синдрома множественной личности на самом деле равносильно серийному убийству. Этот вопрос остается спорным в свете недавних открытий, что человеческий мозг потенциально может содержать до ста сорока полностью разумных личностей без значительных сенсорных/двигательных расстройств. Суд также рассмотрит вопрос о том, можно ли считать поощрение к добровольной интеграции множественных личностей — что сейчас является традиционной терапевтической практикой — доведением до самоубийства. Ссылки к следующему пункту идут под тегами «мыслительный процесс» и «юридический процесс».

Рабочий терминал замолк.

«Роуэн хочет меня видеть. Вице-президент, распоряжающийся всей северо-западной концессией Энергосети, хочет видеть меня. Меня».

Мысли раздались во внезапной тишине. Скэнлон только сейчас понял, что терминал замолк.

— Следующий пункт.

— Разбирая дело о разрушении умного геля, суд снял с религиозного фундаменталиста обвинение в убийстве, — прочитал тот. — Сообщение идет под тегами...

«Разве она не говорила, что будет работать со мной? Ведь такая у нас была договоренность, когда я только пришел?»

— «ИИ», «мыслительный процесс», «юридический процесс».

«Да. Именно это она и сказала. Десять лет назад».

— Э-э-э... Резюме, без технических подробностей.

— Жертвой стал умный гель, временно одолженный Научному центру Онтарио для публичной выставки, посвященной искусственному интеллекту. Обвиняе-

мый во всем признался, утверждая, что нейронные культуры, — терминал изменил голос, аккуратно вставив звуковой фрагмент, — оскверняют человеческую душу.

Эксперты, вызванные по ходатайству со стороны защиты, среди которых числился и умный гель, давший показания по сети из университета Рутгерса, засвидетельствовали, что у нейронных культур нет примитивных структур, возникших в ходе эволюции среднего мозга, необходимых для ощущения боли, страха или желания самосохранения. Защита в дальнейшем сделала вывод, что сама концепция «права» создана для защиты индивидуумов от незаконного страдания. Поскольку умные гели не способны на физическое или умственное мучение какой-либо разновидности, то у них нет прав, которые следовало бы защищать, несмотря на уровень их самосознания. Это умозаключение было красноречиво суммировано во время финальной речи защиты: «Даже сам гель не заботится о своей жизни или смерти. Почему о них должны думать мы?» На решение суда подана апелляция. Ссылки на следующие объекты по тегам «ИИ» и «мировые новости».

Скэнлон проглотил пригоршню порошкового альбумина.

— Перечисли экспертов, привлеченных защитой. Только имена.

— Филип Кван. Лили Козловски. Дэвид Чайлдс...

— Стоп.

Лили Козловски. Он знал ее еще по Калифорнийскому университету Лос-Анджелеса. Свидетель-эксперт. Твою же мать. «Да, может, мне следовало целовать побольше задниц в аспирантуре...»

Скэнлон фыркнул.

— Следующий.

— Количество Интернет-вирусов снизилось на пятнадцать процентов.

«Она сказала, проблемы с рифтерами. Интересно...»

— Резюме, без технических деталей.

— За последние шесть месяцев количество вирусных инфекций в Интернете снизилось на пятнадцать процентов благодаря продолжающейся установке умных гелей в критических узлах магистральной линии. Цифровые вирусы практически не способны инфицировать умные гели, поскольку каждый из них имеет уникальную и гибкую системную архитектуру. В свете этих недавно полученных результатов некоторые эксперты предсказывают безопасное возвращение к обычному пользованию электронной почтой к концу...

— А, на хрен. Отмена.

«Давай, Ив. Ты годами ждал, когда эти идиоты признают твои способности. Может, вот оно. Не провали все излишней готовностью».

— Жду, — сказал терминал.

«Только вдруг она не станет ждать? Что, если у нее кончится терпение и она найдет кого-то еще? Что, если...»

— Запроси последний телефонный звонок и ответь. — Скэнлон уставился на останки завтрака, пока шло соединение.

— Администрация, — ответил автомат, казавшийся настолько реальным, словно на том конце сидел человек.

— Ив Скэнлон для Патриции Роуэн.

— Доктор Роуэн занята. Ее симуляция ожидает вашего звонка. Этот разговор записывается с целью повышения контроля качества. — Щелчок, и другой, совершенно настоящий голос произнес:

— Здравствуйте, доктор Скэнлон.

Голос его Повелительницы.

РАЗГРЕБАТЕЛЬ ГРЯЗИ

Оно с грохотом двигается вверх по склону, уходя с донной равнины, и сонар «Биб» засекает его на расстоянии пятисот метров от своего официального диапазона. Аппарат движется со скоростью почти десять метров в секунду, не очень-то быстро для подлодки, но раз эта штука расположена столь близко ко дну, то должна передвигаться на гусеницах. Через шестьсот метров она пересекает зону разбрасывания и, развернувшись, останавливается.

— Это что? — спрашивает Лени Кларк.

Элис играет с фокусом. Неизвестный объект сно-ва начинает ползти по краю зоны со скоростью около метра в секунду.

— Оно кормится, — говорит Наката. — Кажется, полиметаллическими сульфидами.

Кларк обдумывает это предположение.

— Надо проверить.

— Да. Мне сообщить в Энергосеть?

— Зачем?

— Ну, возможно, этот аппарат иностранный. И вполне возможно, незаконный.

Кларк смотрит на нее.

— За несанкционированный доступ в территори-альные воды положены штрафы, — поясняет Наката.

— Элис, ну в самом деле. — Лени качает головой. — Какая разница?

Лабина нигде нет, наверное, спит где-то на дне. Они оставляют ему сообщение. Брандер и Карако сна-ружи, меняют детали на шестерке; от землетрясения во время прошлой смены там треснул корпус и внутрь набились две тысячи килограммов грязи и песка. Правда, остальные генераторы пока могут выбрать

слабину, поэтому Карако и Брандер хватают «кальмаров» и присоединяются к парад.

— Надо выключить все огни, — жужжит Наката, когда они покидают Жерло. — И держаться близко ко дну. Оно может легко испугаться.

Рифтеры следуют по компасу, прожекторы приглушены, мерцая тлеющими угольками сквозь почти непроницаемую даже для линз тьму. Карако подгребаёт к Лени:

— Я после этого направляюсь в далекую синюю высь. Не хочешь присоединиться?

Дрожь вторичного отращения, идущая, разумеется, от Накаты, щекочет внутренности Кларк. Конечно. Обычно именно Элис плавала с Карако каждый день вверх, вдоль линии ретранслятора «Биб». Только две недели назад резко прекратила. Что-то случилось там, на глубинном рассеивающем слое¹, — ничего страшного, по-видимому, но после этого она категорически отказывалась подниматься к поверхности. С тех пор Джуди с изрядной навязчивостью искала себе попутчиков.

Лени отрицательно качает головой.

— А у тебя разве мало работы по выгребанию дерьма из «шестерки»?

Джуди пожимает плечами:

— Другая группа мышц.

— Как далеко вверх ты уже заплываешь?

— Где-то на тысячу. Еще месяц, и я смогу добратсья до поверхности.

---

¹ Глубинный рассеивающий слой — это слой воды, в котором содержится большое количество живых организмов, благодаря чему в нем происходит рассеяние или отражение акустических сигналов. В дневное время глубинный рассеивающий слой (ГРС) фиксируют на глубине от 200 до 700 м (чаще всего 300—450 м), ночью он поднимается на поверхность. ГРС обнаружен практически всюду в открытом океане.

Вокруг них нарастает звук. Это происходит настолько медленно, что Кларк упускает момент, когда впервые обращает на него внимание: грохочущий механический шум, отдаленный звук камней, которые растирали в пыль огромные моляры.

Волнение вспышками распространяется по группе. Кларк пытается удержаться. Она знает, что сейчас будет, они все знают, и это даже близко не столь опасно, как то, с чем рифтеры сталкиваются каждую секунду. Эта штука вообще не опасна —

— если только у нее нет защиты, о которой мы не в курсе, —

— но это звук, да просто размер ее на радаре —

— мы все боимся. Знаем, что бояться нечего, но все, что мы слышим, это скрипение зубов во тьме...

Плохо справляешься даже с собственным страхом, запрограммированным на уровне физиологии. Но когда настроен на остальных, все еще хуже.

Слабый импульс удивления доносится от Брандера, плывущего впереди. Потом от Накаты, идущей следом, буквально за секунду до того, как Лени сама чувствует вялый удар потока. Каракко, уже предупрежденная, практически не реагирует, когда выброс доходит до нее.

Тьма становится почти абсолютной, вода — более вязкой. Они попали в поток, состоящий наполовину из грязи, наполовину из соленой воды.

— След выброса, — вибрирует Майк.

Ему приходится слегка повышать голос, чтобы перекричать звук от кормящейся машины.

Они поворачиваются и следуют по выхлопу вверх, держась его границ больше на ощупь, чем на глаз. Окружающее ворчание разбухает полноценной какофонией, разбивается на дюжину различных голосов: удары молота, приглушенные взрывы, звуки мешалок цемента. Кларк едва может думать в этом подводном

гвалте, почти ничего не слышит от усиливающегося страха четырех отдельных разумов, и неожиданно оно — прямо перед ними, появляется буквально на секунду, огромная сегментированная гусеница, взбирающаяся по шестеренчатому колесу в два этажа высотой, катящаяся в мглистую даль.

— Бог ты мой, охренеть, насколько эта штука огромная! — кричит Брандер, выкрутив вокодер на полную.

Они двигаются вместе, направив «кальмаров» высоко вверх, под углом. Кларк чувствует возбуждение, передающееся от остальных трех пар надпочечников, добавляет свое собственное и отправляет обратно, создавая компенсаторный контур обратной связи. Фонари почти не светятся, обзор не превышает трех метров; даже перед самым лицом Лени мир представляет собой только тень, играющую с тенями, скудно освещенную лучами головных ламп, качающимися в разные стороны.

На секунду под ними мелькает гусеница, суставчатая движущаяся дорога в несколько метров шириной. За ней — долина сваленных в кучу металлических форм, едва заметная, а потом почти тут же исчезающая во мраке: выхлопные отверстия, обтекатели гидролокаторов, каналы расходомеров. Грохот немного затихает, когда они приближаются к центру корпуса.

Большинство завихрений сглаживается до гидродинамических капель. Но чем ближе подходишь, тем больше видно опор для рук. Тлеющий луч фонаря Карако первым упирается в машину; ее «кальмар» неторопливо плывет рядом. Кларк снижает скорость своего аппарата и присоединяется к остальным на корпусе. Пока никакой очевидной реакции на их присутствие нет.

Они собираются вместе, почти касаются друг друга головами, чтобы поговорить в окружающем шуме.

— Откуда это? — спрашивает Брандер.

— Похоже, из Кореи, — жужжит в ответ Наката. — Я не вижу никаких регистрационных пометок, но, чтобы осмотреть весь корпус, понадобится немало времени.

Карако:

— Могу поспорить, мы так ничего и не найдем. Если они рискнули залезть так далеко на чужую территорию, то, наверное, не настолько тупы, чтобы оставить обратный адрес.

Гремящий металлический пейзаж тянет их за собой. Парой метров выше за ними терпеливо следуют едва видные «кальмары» без всадников.

— А оно знает, что мы здесь? — спрашивает Кларк.

Элис качает головой:

— Эта штука поднимает кучу дерьма со дна, поэтому близкие контакты ее не волнуют. Хотя яркий свет может напугать. Это нарушение. Она вполне может ассоциировать свет с тем, что ее поймали.

— Именно. — Брандер отпускает поручень на секунду и дрейфует назад на пару метров, после чего хватает еще одну ручку. — Эй, Джуди, не хочешь отправиться на исследование?

Из вокодера Карако доносится шум статики, Лени чувствует ее смех. Джуди вместе с Брандером черными гремлинами исчезают во мгле.

— Оно слишком быстро движется, — говорит Наката.

Неожиданно наружу пробиваются лучи крохотного пятнышка неуверенности, но она заглушает их словами:

— Когда оно впервые показалось на сонаре, то двигалось слишком быстро. Оно небезопасно.

— Безопасно? — Лени хмурится про себя. — Это же машина, так? Внутри никого нет.

Элис качает головой:

— Она слишком быстро движется для такого сложного рельефа. А вот человек смог бы справиться с управлением.

— Да ладно тебе, Элис. Эти штуки — роботы. К тому же, если бы там внутри кто-то был, мы бы его почувствовали, ведь так? А ты ощущаешь кого-нибудь, помимо нас?

Наката больше, чем остальные, подвержена эффектам точной настройки.

— Я... так не думаю, — говорит она, но Кларк ощущает нерешительность. — Может, я... Это большая машина, Лени. Возможно, пилот просто очень далеко...

Брандер и Карако что-то замышляют. Оба скрылись из виду — даже их «кальмары» исчезли, чтобы быть ближе к хозяевам, — но для Кларк они довольно близко, чувствуется их растущее предвкушение. Она обменивается взглядами с Накатой.

— Лучше посмотреть, что они там затеяли, — решает Лени, и обе плывут вдоль разгребателя грязи.

Спустя несколько секунд напарники появляются перед ними. Они притаились по бокам металлического купола диаметром около тридцати сантиметров, из которого торчит несколько темных выпуклых объектов.

— Камеры? — спрашивает Кларк.

— Нет, — отвечает Карако.

— Фотоэлементы, — добавляет Брандер.

Лени чувствует, куда идет дело, еще до финальной фразы:

— А вы уверены, что это хорошая...

— Да будет свет! — кричит Джуди. Лучи кинжалами вырываются из ее и Брандера фонарей, омывая «рыбьи глаза» светом.

Машина замирает. От инерции Кларк летит вперед, но успевает схватиться за поручень и восстановить равновесие, неожиданная тишина звенит в ушах. После беспрестанного шума ей кажется, что она оглохла.

— Опа! — жужжит Брандер в неподвижности.

Какое-то тиканье доносится сквозь корпус. Один раз, второй, третий.

Потом все рывком вновь приходит в движение. Пейзаж вокруг них вращается, бросает друг к другу в переплетении конечностей. К тому времени, когда они, наконец, разбираются, кто где, машина набирает скорость. Разгребатель грязи рычит, но теперь голос его изменился: никакого ленивого чавканья полиметалла, аппарат по прямой летит к нейтральным водам. Буквально через секунду Кларк цепляется за что-то ради спасения собственной жизни.

— Йиии-хааа! — орет Карако.

— Яркий свет может его испугать? — откликается откуда-то сзади Брандер. — Это уж точно!

Со всех сторон льются эмоции. Лени сжимает хватку и пытается разобраться, где в этом потоке ее чувства. Ликование, приправленное первобытным, головокружительным страхом, — это Брандер и Карако. Наката в восторге чуть ли не против своей воли, только беспокоится больше; и под всем, погребенное где-то очень глубоко, нечто, похожее на чувство... Только чего, понять она не может.

«Недовольства? Несчастья?»

Да вроде бы нет.

«Это я?»

Нет, ощущения не те.

Яркий свет прищипливает тень Кларк к корпусу и исчезает секунду спустя. Лени оглядывается: Брандер каким-то образом оказался над ней, раскачиваясь туда-сюда на канате, волочащемся в воде, — «могу поклясться, там ничего не было» — луч света мечется спятившим маяком. Ленты илистой воды проносятся над палубой, их края извиваются, напоминая иллюстрации турбулентного потока из учебника.

Карако отталкивается от корпуса и улетает назад. Ее силуэт исчезает во мгле, но головной фонарь оста-

ется включенным и начинает вертеться вокруг Майка. Кларк переводит взгляд на Накату, которая все еще цепляется за палубу. Ее, кажется, немного тошнит и явно что-то все сильнее тревожит...

— Оно несчастно! — кричит она.

— Эй, вперед, сурки! — слабо жужжит голос Джуди. — Летите!

«Недовольство. Что-то неожиданное».

«Кто это?» — спрашивает Лени.

— Давайте, вперед! — снова зовет Карако.

«Да какого черта. Все равно держаться уже сил нет».

Кларк разжимает руку и отталкивается; палуба машины проносится внизу. Тяжелая вода сразу сжирает всю энергию толчка. Лени, загребая ластами, набирает высоту, чувствует позади себя ожидание — и в следующую секунду что-то врзается ей в спину, тащит вперед. Имплантаты кренятся в грудной клетке.

— Бог ты мой! — Брандер жужжит ей в ухо. — Лени, хватайся!

Он ловит ее, проплывая мимо. Кларк хватается за канат, к которому привязаны остальные члены команды. Тот толщиной всего с ее палец и слишком скользкий, чтобы на нем висеть. Лени оглядывается и видит, что остальные двое перевязали его вокруг груди, пропустив под мышками так, чтобы руки оставались более-менее свободны. Она старается повторить тот же трюк, выгибая спину, пока Джуди зовет Накату.

Та явно не слишком-то хочет уходить. Они это чувствуют, хотя и не видят ее. Брандер наклоняется туда-сюда, используя собственное тело в качестве руля; вся троица качается по огромной, едва контролируемой дуге с центром в точке привязки фала.

— Давай, Элис! Присоединяйся к человеческому воздушному змею! Мы тебя поймает!

И Наката идет, но по-своему. Она ползет вбок против течения, быстро и легко, пока не находит место, где трос крепится к палубе. Затем позволяет движению машины оттолкнуть ее назад, прямо к остальной группе рифтеров.

Кларк, наконец, привязывается к канату. От скорости тот вонзается в плоть, и становится больно. Воздушным змеем она себя не чувствует. Скорее, наживкой на крючке. Поворачивается к Брандеру и указывает на канат:

— А что это вообще?

— Низкочастотная антенна. Аппарат ее выпустил, когда мы его испугали. Может, на помощь зовет.

— А не дозвется?

— Не на этой стороне океана. Возможно, передает последний сигнал, чтобы его владельцы узнали о случившемся. Вроде как пишет предсмертную записку.

Каракко, привязанная чуть дальше позади, поворачивается, услышав последнюю реплику:

— Предсмертную? Ты же не хочешь сказать, что эти штуки самоуничтожаются?

Неожиданно беспокойство овладевает воздушным змеем. В них врзается Наката.

— Возможно, нам лучше его отпустить, — говорит Кларк.

Элис решительно кивает:

— Оно несчастливо.

Ее тревога проникает в других, словно предупредительный сигнал.

Чтобы выпутаться из антенны, нужно несколько секунд. Она резко проносится мимо, поднимая небольшую волну, похожую на дорожный конус. Кларк кувыркается, позволяет воде себя остановить. Рев машины превращается в ворчание, а потом в еле заметную дрожь.

Рифтеры висят в пустой воде, их окружает тишина.

Каракo направляет сонарный пистолет вниз и стреляет.

— Ничего себе! Мы почти в тридцати метрах от дна.

— «Кальмаров» потеряли? — спрашивает Брандер. — А у этой штуки неплохая скорость.

Каракo поднимает пистолет, производит еще несколько подсчетов:

— Засекла их. А они не так далеко на самом деле. Я... Пойдите-ка.

— Что там?

— Их пять. И они быстро приближаются.

— Кен?

— Похоже на то.

— Ну, молодец, избавил нас от плавания.

— А кто-нибудь...

Все поворачиваются. Наката начинает снова:

— А кто-нибудь еще это почувствовал?

— Что? — встречает Брандер, но Кларк кивает.

— Джуди? — спрашивает Элис.

От той во все стороны исходят лучи нежелания говорить на эту тему:

— Я... Да, вроде было что-то. Но я толком не поняла что. Подумала, это кто-то из вас.

— Да какого, — говорит Брандер. — Грязекопатель? А я думал...

Черный знак появляется посредине их компании. «Кальмар» возникает из глубины медленной ракетой. Когда Лабин его отпускает, тот парит над ними. В паре метров внизу остальные торпеды нетерпеливо покачиваются в режиме ожидания носами кверху.

— Вы тут потеряли, — жужжит Кен.

— Спасибо, — отвечает Брандер.

Кларк концентрируется, пытается настроиться на вновь прибывшего, но делает это чисто для проформы. Он для всех непроницаем. И всегда таким был,

точная настройка ничего в нем не изменила. Никто не знает почему.

— И что происходит? — спрашивает он. — В записке говорилось что-то насчет грязекопателя.

— Он от нас ушел, — рассказывает Каракко.

— И был недоволен, — повторяет Наката.

— Да ну?

— Элис что-то почувствовала, — поясняет Джу-ди. — Лени и я тоже. Вроде того.

— Грязекопатели — беспилотники, — замечает Лабин.

— Там был не человек, — говорит Элис. — Не личность. Но... — Она замолкает.

— Я ощутила его, — поясняет Кларк. — И оно было живым.

Кларк лежит на своей койке. Снова одна. По-настоящему одна. Она помнит, как еще недавно наслаждалась такой вот изоляцией. Кто бы мог подумать, что Кларк станет скучать по чувствам?

«Даже если они принадлежат другим».

И, тем не менее, все так и было. Каждый раз, когда «Биб» принимала ее внутрь, какая-то жизненно важная часть Лени пропадала, словно сон, который помнишь лишь кусками. Воздушный шлюз очищается, тело наполняется воздухом, а восприятие становится плоским и грязным. Остальные просто исчезают. Это так странно: она видит их, слышит так же, как и всегда. Но если закрывает глаза, а рифтеры не двигаются, то понятия не имеет, здесь ли они.

Теперь в ее компании только она сама. Всего лишь один набор сигналов для обработки. Никаких помех.

«Дерьмо полное».

Слепая или голая. Вот такой выбор. И он чуть ее не убил.

«Конечно, это была моя вина. Сама напросилась».

А ведь она могла все оставить, как было, тихо удалить файл Актона, прежде чем о нем бы кто-нибудь узнал. Но оставался долг. Долг перед призраком Твари Снаружи, тем, кто не ругался, не винил и не бил, тем, кто, в конце концов, забрал Тварь Снаружи прочь, туда, где она не могла причинить вреда Лени. Часть Кларк до сих пор ненавидит Актона за это, на каком-то болезненном уровне, где правит бал условный рефлекс; но даже там она думает, что, возможно, он сделал это ради нее. Хочешь не хочешь, но Лени была ему должна.

И потому отплатила. Позвала всех внутрь и проиграла файл. Рассказала, что Карл поведал ей в тот последний раз, и не попросила отказаться от его предложения, хотя отчаянно надеялась, что они так и поступят. Скорее всего, если бы она попросила, рифтеры послушали бы ее. Но один за другим они вскрыли себя и изменили. Майк Брандер из любопытства. Джуди Каракко из скептицизма. Элис Наката побоялась остаться брошенной. А Кен Лабин неудачно по причинам, которые он оставил при себе.

Лени смеживает веки, вспоминает, как правила изменились за одну ночь. Столь тщательно созданный внешний вид неожиданно потерял смысл; пустые глаза и маски ниндзя стали косметической жеманностью, бесполезными, как доспехи.

«Как ты чувствуешь себя, Лени Кларк? Хочешь секса, тебе скучно, ты расстроена? Теперь так легко сказать, хотя твои глаза и скрыты роговичными масками. Ты можешь биться в ужасе. Обмочить от страха костюм, и все будут знать об этом.

Почему ты им рассказала? Почему ты им рассказала? Почему ты им все рассказала?»

Снаружи Кларк наблюдала за тем, как другие менялись. Двигались вокруг нее, ничего не говоря, легко соединяясь друг с другом, помогая или поднося ин-

струменты. Когда ей что-то было нужно, то оно оказывалось рядом, прежде чем Лени успевала об этом попросить. Когда им было что-то нужно от нее, то на парникам приходилось говорить об этом вслух, и безупречная хореография давала сбой. Она чувствовала себя символическим калекой в танцевальной труппе. Задавала себе вопрос, как много они видят, и боялась их об этом спросить.

Но внутри иногда пыталась. Там было безопаснее; в атмосфере нить, соединяющая остальных, распадалась, все снова становились равными. Брандер рассказывал об усиленном восприятии присутствия других; Каракэ сравнивала приобретенные особенности с языком тела. «Вроде косметики для линз», — говорила она, по-видимому, ожидая, что этим успокоит Кларк.

Но именно Элис Наката, наконец, заметила, почти мимоходом, что чувства других людей... отвлекали... и даже расстраивали...

Спустя какое-то время Кларк перенастроилась. Это не так уж плохо. Никаких точных телепатических озарений, без всяких неожиданных предательских выпадов. Больше похоже на ощущение от фантомной конечности, на наследственную память о хвосте, который можно почти ощутить позади себя. И теперь Кларк понимает, что Наката была права. Снаружи чувства других просачиваются в нее, маскируют, размыывают. Иногда она даже забывает, что у нее есть свои собственные.

Кроме того, есть что-то еще, знакомое ядро в каждом из них, темное, корчащееся и злое. Это ее не удивляет. Они даже не говорят о нем. С таким же успехом можно обсуждать тот факт, что у каждого рифтера на руке по пять пальцев.

Брандер занят в библиотеке; Кларк слышит, что Наката с кем-то разговаривает в рубке.

— Согласно последним данным, — сообщает Майк, — они стали снабжать грязекопатели умными гелями.

— Ммм?

— Ну, это довольно старый файл, — признает он. — Было бы прекрасно, если бы Энергосеть загружала нам информацию почаще, и хрен с вирусами. В смысле, мы тут собственноручно предохраняем все Западное побережье от аварий, и они бы не переломились, если...

— Гели, — подсказывает Кларк.

— Точно. В общем, им всегда были нужны нейронные сети в этих штуках, так как они слоняются по довольно сложной топографии — слышала о тех двух грязекопателях, которые шлепнулись в Алеутскую впадину? — и при навигации в тяжелой обстановке без хоть какой-то сети не обойтись. Обычно системы, использующиеся в грязекопателях, основаны на арсениде галлия¹, но даже они не могут сравниться с человеческим мозгом, когда дело касается оценки пространства. Когда они сталкивались с подводными возвышенностями, то буквально ползли. Поэтому их решили поменять на умные гели.

Кларк фыркает:

— Элис говорила, что аппарат двигался слишком быстро для машины.

— Скорее всего. Умные гели сделаны из настоящих нейронов, поэтому, я так полагаю, мы настроились на него так же, как настроены друг на друга. По крайней мере, судя по вашим ощущениям... Элис сказала, что оно не казалось счастливым.

---

¹ *Арсенид галлия* (GaAs) — химическое соединение галлия и мышьяка. Важный полупроводник, третий по масштабам использования в промышленности после кремния и германия. Используется для создания сверхвысокочастотных интегральных схем и транзисторов.

— Так и было, — хмурится Лени. — Но и несчастным я бы его не назвала. Это не было в полном смысле слова эмоцией. Мне кажется, оно, скорее, удивилось. Такое ощущение... отклонения. От того, что ожидалось.

— Черт возьми, а ведь я это почувствовал! — восклицает Брандер. — Только подумал на себя.

Из рубки появляется Наката:

— О замене Карла никаких новостей. Говорят, новые рекруты еще не прошли тренировку. Нехватка кадров.

Шутка уже стала привычной. Новые рекруты Энергосети — это самые медленные ученики с тех пор, как устранили синдром Дауна. Прошло уже четыре месяца, а замены Актону все нет.

Брандер пренебрежительно машет рукой.

— Мы и впятером неплохо справляемся. — Он включает библиотеку и потягивается. — Кстати, Кена никто не видел?

— Он снаружи, — отвечает Наката. — А что?

— У меня с ним следующая смена, надо о времени договориться. А то у него последнее время с ритмом нелады.

— А он далеко? — неожиданно спрашивает Кларк.

Элис пожимает плечами:

— Когда я последний раз проверяла, было метров десять.

Он в пределах. Для точной настройки существуют границы. Например, находясь у станции, нельзя почувствовать того, кто плавает у Жерла. Но на расстоянии десяти метров это сделать очень легко.

— Он же обычно дальше уходит? — Кларк говорит тихо, словно боится, что ее подслушают. — Почти за пределы сонара. Или работает над этим своим странным устройством.

Они не знают, почему не могут настроиться на Лабина. Тот говорит, что для него все остальные тоже

непроницаемы. Как-то месяц назад Брандер предложил ему провериться, провести сеанс МРТ в качестве исследования; Лабин отказался. Сделал он это довольно вежливо, но в голосе его было что-то такое, отчего Майк больше не стал поднимать этот вопрос.

Сейчас Брандер переводит линзы на Кларк с полуулыбкой на лице.

— Я не знаю, Лен. Хочешь назвать его лжецом прямо в лицо?

Она не отвечает.

— А, — Элис нарушает паузу, пока та не стала слишком неловкой. — Тут еще кое-что. Пока замена не прибыла, они посылают к нам еще кого-то. Говорят, для самой обычной оценки. Этого доктора, ну, того самого... вы знаете.

— Скэнлона, — Лени тщательно проговаривает слово, чтобы не выплюнуть его.

Наката кивает.

— И на хера? — взрывается Майк. — То есть им недостаточно, что у нас тут и так рук не хватает, так нам надо еще и смиреннько сидеть, пока этот Скэнлон проведет оценку?

— Они говорят, все будет по-другому. Он просто будет наблюдать. Пока мы работаем. — Наката пожимает плечами. — Говорят, все будет предельно буднично. Никаких собеседований или психотерапевтических сеансов. Ничего такого.

Карако хмыкает:

— И лучше бы это было так. Я скорее позволю вырезать мне второе легкое, чем пойду на еще один прием к этому уроду.

— «Значит, вас постоянно насиловал дрессированный доберман, а мать брала плату за вход, — произносит Брандер голосом, здорово напоминающим Скэнлона. — И как же вы себя чувствовали после этого? Не можете в точности описать?»

— «На самом деле я больше механик», — присоединяется Карако. — Такого он вам не говорил?

— А мне он показался довольно милым, — неуверенно произносит Наката.

— У него работа такая — быть милым, — гримасничает Джуди. — Только у него очень херово получается. — Она переводит взгляд на Кларк: — А ты что думаешь, Лен?

— Думаю, он слишком много значения придавал эмпатии, — спустя мгновение отвечает та.

— Нет, я имею в виду, что нам с ним делать?

Кларк несколько раздраженно пожимает плечами:

— А зачем меня спрашивать?

— Лучше ему мне не попадаться. Говна кусок. — Брандер слепо смотрит в потолок. — И почему они не изобрели гель, чтобы заменить его?

КРИК

ПЕРЕДАЧА/ОФИЦ/210850:2132

Это моя вторая ночь на «Биб». Я попросил участников не изменять своего привычного поведения, поскольку я здесь для того, что наблюдать за самыми обычными рабочими операциями. С удовольствием сообщаю, что мою просьбу почтили вниманием все присутствующие. Это радует, так как минимизирует воздействие «эффекта наблюдателя», но и представляет определенные проблемы: рифтеры не придерживаются каких-либо надежных расписаний. В результате довольно трудно планировать свое время, а одного из работников — Кена Лабина — я не видел с самого прибытия. Тем не менее времени у меня еще много.

Рифтеры кажутся замкнутыми и некоммуникабельными — обычный человек назвал бы их «угрюмыми», — но такое поведение полностью соответствует их профилю. Сама станция поддерживается в хорошем состоянии и действует без каких-либо проблем, несмотря на определенное пренебрежение стандартными протоколами.

Когда на станции отключается свет, до тебя не доносится ни единого звука.

Ив Скэнлон лежит на койке и не слушает. Сквозь корпус не просачивается никаких странных шорохов. Тонкое, призрачное причитание не идет со дна, и нет никакого слабого воя ветра, ведь здесь внизу это невозможно. Может, играется воображение. Шутка стволового мозга, слуховая галлюцинация. Ив не суеверный, ни в малейшей степени; он — ученый. И внизу не стонет призрак Карла Актона.

А теперь, сосредоточившись, Скэнлон почти уверен, что ничего не слышит.

Его в общем-то не слишком беспокоит, что он застрял в каюте мертвеца. В конце концов, а куда здесь еще податься? Не переезжать же к кому-нибудь из вампиров. К тому же Актон пропал уже месяцы назад.

Скэнлон вспоминает, как в первый раз услышал запись. Четыре паршивых слова: «Мы потеряли Актона. Извините». А потом она прервала связь. Сука бессердечная, Кларк. Скэнлон думал, между ней и Карлом что-то произойдет, они совпадали, как кусочки паззла, но по тому сообщению сказать этого было явно нельзя.

«А может, это она, — размышляет Скэнлон. — Может, и не Лабин, в конце концов, а Кларк».

«Мы потеряли Актона». Вот и вся надгробная речь. А перед ним Фишера и Эверитта на «Линке». И Сингх до Эверитта. И...

А теперь здесь Ив Скэнлон, на их месте. Спит в их койке, дышит их воздухом. Считает секунды в темноте и тишине. В темноте...

«Боже, что это было...»

И тишине. Вокруг безмолвие. Ничто не стонет. Совсем ничто.

ПЕРЕДАЧА/ОФИЦ/220850:0945

Мы все млекопитающие, это естественно. Поэтому у всех нас есть циркадный ритм, соответствующий окружающему световому периоду. Уже довольно давно известно, что у людей, оказавшихся в условиях его отсутствия, ритм меняется. Он удлиняется и стабилизируется где-то между двадцати семью и тридцатью шестью часами. Привязанность к обычному двадцатичетырехчасовому рабочему графику обычно не позволяет этому случиться, поэтому мы не ожидали появления такой проблемы на глубоководных станциях. В качестве дополнительной меры я предложил ввести нормальный суточный режим в осветительную систему «БиБ»: лампы запрограммированы на понижение уровня освещенности между десятью часами вечера и семью часами утра каждый день.

Участники программы, по-видимому, решили не обращать на это внимания. Даже «днем» они понижают уровень освещения гораздо ниже рекомендованных мной «ночных» периодов (также они предпочитают постоянно ходить в линзах по очевидным причинам; хотя я и не предсказывал такого поведения, но оно вполне согласуется с их психологическим профилем). В результате рабочие расписания стали крайне гибкими, но это ожидаемо, если принять во внимание, что циклы их сна постоянно смещаются по отношению друг к другу. Рифтеры не поднимаются вовремя, чтобы выполнить

работу: они выходят на смену тогда, когда двое или более человек бодрствуют одновременно. Подозреваю, что иногда они действуют в одиночку. Это нарушение правил безопасности, но мне еще необходимо найти ему подтверждение.

На данный момент подобные привычки, отклонения от нормы не кажутся мне серьезной проблемой. Вся необходимая работа делается вовремя, даже сейчас, когда на станции не хватает персонала. Тем не менее я считаю эту ситуацию потенциально серьезной. Эффективность труда можно увеличить с помощью более жесткого следования стандартному суточному циклу. Если Энергосеть пожелает закрепить эту привязанность, я бы порекомендовал протеогликановую терапию для участников программы. Также можно произвести непосредственные изменения в гипоталамусе; это инвазивная процедура, но последствия подобной операции будет практически невозможно обратить вспять.

Вампиры. Хорошая метафора. Они избегают света и сняли все зеркала. Может, в этом и заключается часть проблемы. У Скэнлона были вполне разумные доводы, когда он рекомендовал такую планировку интерьера станции.

На большей части «Биб» — на всей, на самом деле, за исключением его каюты, — слишком темно, чтобы ходить без линз. Может, вампиры стараются экономить энергию. Задача повышенной важности, когда сидишь рядом с генераторами, вырабатывающими почти одиннадцать тысяч мегаватт. Хотя всем этим людям уже за сорок; они и представить себе не могут мир, где не надо экономить электричество.

«Ерунда какая. Есть логика, а есть вампирская логика. И не надо их смешивать».

Последние два дня, когда Ив покидал каюту, то словно крался по темной улице. Потом сдался и нацепил линзы, как и все остальные. Теперь «Биб» освещена достаточно, но все такое бледное. Почти никаких цветов. Словно из глаз высосали колбочки.

Кларк и Карако опираются на переборку дежурки, наблюдая своими белыми, такими белыми глазами, как он проверяет костюм для погружений. Для Ива Скэнлона не предусмотрено никакой вампирской вивисекции, нет, сэр. Не для такой крохотной экскурсии. Пресс-кольчуга и акриловые полимеры — вот и все.

Он ощупывает перчатку: кольца со связками с булавочную головку. Улыбается:

— Выглядит нормально.

Вампиры просто стоят и смотрят.

«Ну давай же, Скэнлон. Ты же механик. А они — машины, как и все остальные. Их просто надо поднастроить. Ты с ними справишься».

— Очень хорошее оборудование, — замечает он, ставя доспехи вниз. — Конечно, это не слишком-то много по сравнению с железом, которым вы упакованы. Каково это, по своей воле превращаться в рыбу?

— Мокро, — говорит Карако и спустя секунду смотрит на Кларк. Может, ищет одобрения.

Кларк не сводит с него глаз. По крайней мере, он так думает. Чертовски трудно сказать наверняка.

«Успокойся. Они просто стараются довести тебя до паники. Самые обычные тупые игры на доминирование».

Но он знает, тут дело в гораздо большем. Здесь, глубоко внизу, Ив просто не нравится рифтерам.

«Я знаю, кто они такие. Вот почему».

Возьмите дюжину детей. Любых детей. Хорошенько взбейте и смешайте, пока не останется только несколько комков. Двадцать или тридцать лет поддержи-

те на небольшом огне; доведите до медленного кипения. Снимите буйных психопатов, шизоаффективных, людей с синдромом расщепления личности и слейте их. (По поводу Фишера оставались сомнения: ну у кого не было воображаемого друга?)

Дайте остыть. Подавать с дофаминовым гарниром.

Что вы получите? Нечто погнутое, но не сломанное. Нечто, подходящее для трещин, слишком извилистых для всех нас.

Вампиров.

— Прекрасно, — говорит Скэнлон в полной тишине. — Все в порядке. Очень хочется его опробовать.

Не ожидая ответа — не желая показывать досаду от его отсутствия, — он взбирается наверх. Краем глаза замечает, как Лени и Карако обмениваются взглядами. Ив подчеркнуто небрежно оглядывается, но все улыбки исчезают к тому времени, когда он изучает их лица.

«Давайте, дамы. Порадуйте себя, пока можете».

Кают-компания пуста, Ив проходит через нее в коридор.

«У вас еще где-то пять лет, прежде чем вы устареете».

Его каюта — Актона — третья слева.

«Пять лет, прежде чем все это сможет функционировать без вас».

Он открывает люк; оттуда изливается яркий свет, на секунду ослепляя Ива, пока линзы компенсируют воздействие. Скэнлон заходит внутрь, резко захлопывает дверь за собой. И приваливается к ней.

«Твою мать. Тут замков нет».

Потом ложится на койку, пристально смотрит на забитый трубами потолок.

«Может, нам все-таки следовало подождать. Не позволять им торопить нас. Если бы у нас хватило времени с самого начала сделать все правильно...»

Но времени не было. Полная автоматизация отложила бы запуск всей программы на такой срок, которого не выдержали бы аппетиты цивилизации. К тому же вампиры оказались под рукой. На короткой дистанции они бы принесли огромную пользу, а потом их отослали бы домой, и они бы с радостью покинули это место. А кто бы отсюда не сбежал?

Возможность зависимости, привыкания даже не поднималась.

Сама идея казалась безумной. Как может кто-то привыкнуть к месту вроде этого? Какая паранойя овладела Энергосетью, и там так обеспокоились, что люди откажутся покидать станцию? Но Ив Скэнлон — не обычный гражданский, его не одурачить очевидным. Он за пределами антропоморфизма. Он смотрел в эти немертвые глаза, там, наверху, и здесь, а потому знает: вампиры живут по другим правилам.

Может, они тут слишком счастливы. Это один из двух вопросов, для решения которых его сюда послали. Будет хорошо, если рифтеры об этом не прознают, пока он тут, внизу. Они и так его сильно не любят.

Конечно, это не их вина. Они так запрограммированы. У них нет выбора. Вампиры ненавидят его не больше, чем он их.

Пресс-кольчуга лучше хирургии. Это почти единственное, что он может сказать в ее пользу.

Давление сминает все эти крохотные смыкающиеся пластинки, и они, кажется, не перестают сжиматься, пока не останавливаются в микроне от того, чтобы не размолоть тело Ива в кашу. Суставы застывают. Это, естественно, совершенно безопасно. Совершенно. И Скэнлон может дышать воздухом, не находящимся под давлением, когда идет наружу, и никому между тем не пришлось вырезать ему полгруды.

Он снаружи уже пятнадцать минут. Станция буквально в нескольких метрах. Кларк и Брандер сопровождают его в этом первом путешествии, держась на расстоянии. Скэнлон отталкивается ногами, неуклюже поднимаясь со дна. Стальная сетка позволяет плавать так, словно на руки наложены лубки. Вампиры держатся на краю зрения легкими тенями.

Шлем кажется центром вселенной. Куда Ив ни посмотрит, бесконечный вес океана давит на полимер. Небольшой изъём около шейной печати попадает ему на глаза; он не может отвести от него взгляд, чувствуя настоящий ужас, когда трещина толщиной с волос начинает расползаться в поле зрения.

— Помогите! Втащите меня внутрь! — Он начинает бешено загребать в сторону «Биб».

Никто не отвечает.

— Мой шлем! Мой шл... — Трещина уже не растёт, она корчится, извивается, прорезая угол прозрачного пузыря, как... как...

Желтые невыразительные глаза смотрят на него из океана. Черная рука, силуэтом виднеющаяся в ореоле станции, тянется к его лицу...

— А-а-а...

Большой палец опускается на трещину в шлеме Скэнлона. Та размазывается, взрывается; тонкие кровавые ошметки пятном распластываются по полимеру. Нижняя половина волоса отклеивается и, извиваясь, исчезает в воде, свертываясь в кольцо, разворачиваясь...

«Умирая».

Скэнлон пыхтит от облегчения.

«Червяк. Какой-то тупой гребаный круглый червь на лицевом щитке, и я уже подумал, что сейчас умру, подумал...

Господи, каким же дураком я себя сейчас выставил».

Он оглядывается. Брандер, маячащий за его правым плечом, пальцем указывает на останки, прилипшие к шлему.

— Если бы он действительно треснул, то у тебя не осталось бы времени пожаловаться. Ты бы выглядел как этот червяк.

Скэнлон прочищает горло:

— Спасибо. Извини, я... Ну, ты же понимаешь, я тут новенький. Спасибо еще раз.

— Кстати говоря.

Голос Кларк. Или то, что от него осталось после работы машины. Ив размахивает руками, пока не видит ее.

— А сколько ты собираешься нас проверять?

«Нейтральный вопрос. Совершенно уместный. На самом деле тебе надо бы подумать, почему его до сих пор никто не задал...»

— Неделю. — Сердце его снова замедляется. — Может, две. Столько, сколько понадобится, чтобы убедиться, что все идет гладко.

Лени молчит секунду. А потом говорит:

— Ты лжешь.

Это звучит не как обвинение. Простое наблюдение. Может, причина в вокодере.

— Почему ты так говоришь?

Она не отвечает. За нее говорит что-то другое: не совсем стоном, но и не совсем голосом. И не совсем тихо, чтобы не обращать внимания.

Скэнлон чувствует, как бездна просачивается, сбегает холодом по спине.

— Вы это слышите?

Кларк проскальзывает мимо него ко дну, вращаясь, чтобы не выпускать психолога из вида.

— Слышу? Что?

— Это было... — Ив прислушивается. Слабое тектоническое ворчание. Вот и все. — Ничего.

Она отталкивается от поверхности под углом, скользит по воде к Брандеру.

— Мы на дежурство, — жужжит она Скэнлону. — Ты знаешь, как работает шлюз.

Вампиры исчезают в ночи.

«Биб» приветственно сияет. Одиноким и неожиданно разнервничавшийся, Ив отступает к ней.

«Но я не лгал. Я не лгал».

Не было нужды. Пока. Никто не задал правильных вопросов.

И все-таки. Кажется странным, что ему приходится себе об этом напоминать.

ПЕРЕДАЧА/ОФИЦ/230850:0830

Я собираюсь отправиться в свой первый длительный заплыв. По всей видимости, рифтеров попросили поймать рыбу для одного из фармакологических консорциумов. Вашингтон/Рэнд, я думаю. Мне это кажется несколько удивительным... Обычно фармакологов интересуют только бактерии, и для сбора они используют собственных людей, но это задание дает участникам шанс отвлечься от привычной рутины, а мне дарит возможность понаблюдать их в действии. Думаю, что сегодня мне многое предстоит узнать.

Брандер сгорбился в библиотеке, когда психиатр входит в кают-компанию. Пальцы Майка неподвижно лежат на клавиатуре. Фоновизоры висят, неиспользованные, на крючках. Пустые глаза рифтера сосредоточены на плоском экране. Тот черен.

Скэнлон сомневается.

— Я наружу. С Кларк и Карако.

Плечи Майка еле заметно поднимаются и опускаются. Может, вздох. Может, безразличие.

— Остальные около Жерла. Ты будешь один... В смысле, ты будешь управлять вспомогательным судом.

— Ты сказал нам не менять обычную процедуру, — говорит Брандер, не поднимая головы.

— Это правда, Майкл. Но...

Тот встает:

— Ну вот сам и решай. — И исчезает в коридоре.

Скэнлон смотрит ему вслед.

«Естественно, это все пойдет в мой отчет. Однако тебе все равно. Хотя должно быть иначе. И скоро будет».

Ив спрыгивает в дежурку и выясняет, что там никого нет. Он без какой-либо помощи с трудом влезает в доспехи, потратив несколько лишних минут, чтобы убедиться, все ли в порядке со шлемом. Кларк и Карако он догоняет только снаружи; Лени проверяет четверку «кальмаров», парящих над дном. К одному из них привязана канистра для образцов, прочный, устойчивый к перепадам давления гроб в два метра длиной. Карако выставляет на нем нейтральную плавучесть; тот поднимается со дна на пару сантиметров.

Они отплывают без единого слова. «Кальмары» уносят их в бездну; женщины впереди, Скэнлон и канистра позади. Ив оглядывается через плечо. Уютные огни «Биб» размываются, из желтых становятся серыми, потом вообще исчезают. Неожиданно решив подстраховаться, он переключает каналы акустического модема. Вот: приводной маяк. Тут, внизу, никогда не потеряешься, пока слышишь его.

Кларк и Карако идут без света. Даже прожекторы на «кальмарах» не горят.

«Ничего не говори. Ты же не хочешь, чтобы они изменили привычкам, помнишь? Да они и не изменят».

Краем глаза он замечает непродолжительные вспышки какого-то тусклого света, но они всегда исчезают, прежде чем Ив успевает перевести на них взгляд. После кажущихся бесконечными нескольких минут яркое размазанное пятно появляется прямо по курсу, а потом оно разваливается набором медных маяков и темных угловатых небоскребов. Вампиры избегают света, огибают его по дуге. Скэнлон и груз беспомощно следуют за ними.

Они направляются прочь от Жерла, на границу между светом и тьмой. Карако отпирает канистру, а Кларк колонной вздымается над ними; в правой руке она держит какой-то предмет, но Ив не видит, что там. Лени протягивает объект вверх, словно демонстрируя его невидимой толпе.

Он тараторит.

Поначалу словно раздается звон от очень громкого москита. А потом частоты снижаются до низкого рычания, снова скользят вверх рваным высоким криком.

А затем, наконец, Кларк включает фонарь.

Она висит, как будто возносясь на кресте, ее рука нует в бездну, свет, идущий от головы, рассекает воду, как... как...

«...обеденный колокол», — понимает Скэнлон, когда что-то нападает на нее из темноты, почти столь же большое, и, господи, какие у этой твари зубы...

Нечто заглатывает ногу Лени до самой промежности. Кларк относится к этому совершенно спокойно и наносит удар дубинкой, словно по волшебству появившейся у нее в руке. Тварь раздувается и рвется в нескольких местах; шматки жира пробиваются серебряными грибами сквозь плоть, дрожа, поднимаются к небу. Она бьется, ее пищевод чудовищными ножнами обхватывает ногу Кларк. Вампириша наклоняется и расчленяет монстра голыми руками.

Карако все еще возится с канистрой, но тут поднимает голову:

— Эй, Лен, им нужен нетронутый образец.

— Не тот вид, — жужжит Кларк. Вода вокруг нее полна рваным мясом и мелькающими падальщиками. Лени не обращает на них внимания, медленно поворачивается, сканируя бездну.

Карако:

— Сзади тебя, на четыре часа.

— Ясно, — говорит Кларк, встречая новую цель.

Ничего не происходит. Разорванный труп, все еще дергаясь, дрейфует ко дну, мусорщики мелькают вокруг него со всех сторон. Голосовая коробка в руке Лени булькает и ноет.

«Как...»

Скэнлон уже двигает языком во рту, готовый задать вопрос вслух.

— Не сейчас, — останавливает его Джуди, прежде чем психиатр успевает издать хотя бы звук.

«Тут же ничего нет. По какому признаку они это вычисляют?»

Оно приходит быстро, неуклонно, именно оттуда, куда смотрит Кларк.

— А вот этот сойдет.

Приглушенный взрыв слева от Скэнлона. Тонкий инверсионный след пузырей полосой проходит от Карако к монстру, связывая обоих за секунду. Тварь дергается от внезапного столкновения. Кларк отплывает в сторону, а та бьется, проносясь мимо, дротик Джуди завяз у нее в боку.

Фонарь Лени выключается, приманка замолкает. Карако складывает транквилизаторную винтовку и плывет к напарнице. Женщины передвигают добычу к канистре. Рыба пытается укунить их, слабея и судорожно подергиваясь. Ее заталкивают в гроб и запечатывают крышку.

— Проще простого, — жужжит Джуди.

— Откуда вы знали, что она придет? — спрашивает Скэнлон.

— Они всегда приходят, — объясняет Карако. — Их обманывает звук. И свет.

— Я имею в виду, откуда вы знали точное направление? Заранее?

Секундное молчание.

— Через какое-то время такие вещи просто чувствуешь, — наконец отвечает Кларк.

— Да, — добавляет Карако, — и еще вот это помогает. — Она поднимает сонарный пистолет и засовывает его за пояс.

Конвой перестраивается. Для монстров есть заранее предписанная точка выброски в ста метрах от Жерла (Энергосеть никогда не позволяла посторонним слишком далеко забираться в ее владения). Вампиры снова предпочитают тьму свету, Скэнлон за ними. Они путешествуют по миру, полностью лишенному формы, за исключением прокручивающегося в свете фонаря Ива круга грязи. Неожиданно Кларк поворачивается к напарнице.

— Я пойду, — жужжит она и исчезает в пустоте.

Психиатр прибавляет «кальмару» скорости и договаривает Джуди:

— Куда это она?

— Мы пришли, — говорит Карако.

Они останавливаются. Женщина отплывает в сторону к торпеде на автопилоте и касается контрольной панели; замки открываются, ремни втягиваются внутрь. Канистра плывет свободно. Рифтер выставляет плавучесть на минимум, и сосуд падает на кучу кольчатых червей в домиках.

— Лен... Э, Кларк, — напоминает Скэнлон.

— Им нужны лишние руки у Жерла. Она отправилась на помощь.

Ив проверяет канал связи. Естественно, с ним все в порядке, иначе он бы никого не слышал. И это значит, что Кларк и остальные вампиры у Жерла пользуются другой частотой. Еще одно нарушение протокола безопасности.

Но он не дурак и все понимает. Они поменяли каналы, потому что здесь посторонний. Стараются держать его подальше от своих дел.

«Ну как обычно. Сначала этим занималась долбаная Энергосеть, теперь вот эти...»

Сзади раздается звук. Слабый электрический писк. Шум от запускающегося «кальмара».

Скэнлон разворачивается:

— Карако?

Луч от его фонаря проносится по канистре, торпеде, дну, воде.

— Карако? Ты здесь?

Канистра. «Кальмар». Ил.

— Эй!

Пустая вода.

— Эй, Карако! Какого черта...

Еле слышное биение совсем близко.

Он пытается посмотреть одновременно во все стороны. Одна нога наталкивается на гроб.

Тот качается.

Ив прижимается шлемом к его поверхности. Да. Что-то внутри, приглушенное, влажное. Бьется. Старается выбраться.

«Оно не сможет. Ни за что. Просто там умирает, вот и все».

Он отталкивается прочь, взмывает в толщу воды. Чувствует себя почти голым. Ноги словно онемели, он загребает ими, возвращается на дно. Стало чуть лучше.

— Карако? Ну хватит, Джуди...

«Боже, она меня тут бросила. Просто взяла и бросила меня тут, сука».

Совсем близко от него слышится стон.
Прямо внутри шлема.

ПЕРЕДАЧА/ОФИЦ/230850:2026

Сегодня я сопровождал снаружи Джуди Карако и Лени Кларк и стал свидетелем нескольких событий, которые меня обеспокоили. Обе участницы плыли сквозь неосвещенные территории без включенных фонарей и много времени проводили в отдалении от своих напарников; в какой-то момент Карако просто оставила меня на дне без всякого предупреждения. Такое поведение создает потенциальную угрозу жизни, хотя, естественно, я сумел вернуться на станцию, используя приводной маяк.

Мне еще предстоит найти объяснение этому инциденту. Вамп... Остального персонала в настоящий момент на станции нет. Двух или трех я вижу на сонаре; предполагаю, что остальные скрыты придонными помехами. Опять же, это пример крайне небезопасного поведения.

Подобное безрассудство, по-видимому, здесь типично. Оно подразумевает относительное безразличие к личному благополучию и полностью соотносится с тем психологическим профилем, который я составил в начале программы рифтеров. (Единственная альтернатива этому объяснению заключается в том, что участники просто не оценивают здраво опасности, таящейся в окружающей среде, что вряд ли возможно.)

Также подобное поведение соответствует генерализованной посттравматической зависимости от враждебного окружения. Это, разумеется, не является доказательствами как таковыми, но некоторые мои наблюдения, если собрать их вместе, могут стать причиной для беспокойства. Майкл Брандер, например, имеет богатую историю зависимостей: от кофеина и симпа-

томиметиков до лимбического замыкания. Как известно, он провез на станцию довольно внушительный запас пластырей фенциклидина¹; я только что нашел их в его каюте и был удивлен, что те почти не использованы. С психологической точки зрения фенциклидин не вызывает зависимости — наркоманы, сидящие на экзогенных препаратах, сразу исключались из программы, — но то, что Брандер имел привычку употреблять химические средства и здесь, внизу, от нее избавился, факт. Надо выяснить, чем же он ее заменил.

Дежурка.

— А вот и ты. И куда же ты ушла?

— Надо было заменить картридж. Плохая сульфидная головка.

— Ты могла бы мне сказать. По идее, я должен был сопровождать тебя во время работы, помнишь? А ты просто оставила меня там.

— Ты вернулся.

— Это... Не в этом дело, Джуди. Нельзя оставлять кого-то на дне океана без единого слова. А что, если бы со мной что-нибудь случилось?

— Мы постоянно выходим наружу одни. Это часть работы. Смотри, куда ступаешь, тут скользко.

— Процедуры безопасности — это тоже часть работы. Даже для тебя. И особенно для меня, Джуди. Здесь я как рыба, выброшенная на берег, хе-хе. Тебе не следует думать, что я тут все знаю.

— ...

---

¹ Фенциклидин — производное циклогексилamina. Широко используется в ветеринарии для кратковременного обездвижения крупных животных. Отмечено, что он вызывает диссоциированную анестезию. Фенциклидин легко синтезировать. Лица, употребляющие фенциклидин, в первую очередь молодежь и полинаркоманы.

— Извини?

— У нас мало людей, помнишь? Мы не можем постоянно работать в парах. А ты — большой, сильный мужчина... ну, в общем, ты — мужчина, в любом случае. Я не думала, что с тобой надо нянчиться...

— Блин! Моя рука!

— А я говорила тебе быть осторожнее.

— Черт. Сколько весит эта штука?

— Около десяти кило без налипшей грязи. Думаю, мне надо было ее отмыть.

— Думаю, да. Кажется, одна из головок проколола мне руку. Вот же дрянь, у меня кровь течет.

— Извини.

— Ага. Ладно, послушай, Карако. Прошу прощения, если перспектива нянчиться со мной столь дурно на тебя влияет, но если бы вы внимательнее относились друг к другу, то Актон с Фишером могли бы выжить, понимаешь? Всего-то немного понянчиться, и... Ты это слышала?

— Что?

— Снаружи. Этот... стон или что-то вроде...

— ...

— Да ладно, Ка... Джуди, ты должна была это слышать.

— Может, корпус сместился.

— Нет, я что-то слышал. И уже не в первый раз.

— Я ничего не слышала.

— Ты дол... Куда ты идешь? Ты же только что пришла! Джуди...

Лязг. Шипение.

— ...не уходи...

ПЕРЕДАЧА/ОФИЦ/250850:2120

Я попросил каждого из участников пройти самую обычную проверку под медицинским сканером — точ-

нее, большинство из них, а также попросил передать мое пожелание Кену Лабину, которого я видел лишь несколько раз, но поговорить мне с ним так и не удалось (я дважды пытался вступить с мистером Лабиным в беседу, но безуспешно). Участники, разумеется, знают, что медицинское сканирование не требует физического контакта с моей стороны, и они вполне могут провести его, когда им удобно, причем даже в мое отсутствие. Тем не менее, хотя никто не отказал мне прямо, я наблюдаю примечательное отсутствие энтузиазма в отношении непосредственного исполнения просьбы. Совершенно очевидно (и это опять же совпадает с составленным мною профилем), что они считают ее своего рода вторжением и будут всячески избегать, если представится такая возможность. На данный момент я сумел провести процедуру только на Элис Накате и Джуди Карако. Я прикрепляю их файлы к этому сообщению; на каждом заметно повышенное содержание в крови дофамина и норэпинефрина, но я не могу установить, произошел их выброс до или после дежурства. Уровни гамма-аминомасляной кислоты и других ингибиторов также слегка повышены, но это последствия погружения пациентов (произошедшего меньше чем за час до проведения процедуры).

Другие пока не смогли «найти время» для осмотра. Я же обратился к архивным записям медицинского отсека. Неудивительно, что различные физические ранения здесь обычны, хотя в последнее время их стало гораздо меньше. Тем не менее нет зафиксированных травм головы, по крайней мере, ничего, что заслуживало бы использования томографа. Это ограничивает мои данные по химии мозга только той информацией, которую по своей воле предоставят мне сами участники,— и ее пока крайне мало. Если тенденция не изменится, то основа моего анализа будет базироваться на поведенческих наблюдениях. Как бы средневеково это ни звучало.

«Кто это может быть? Кто?»

Когда Ив Скэнлон впервые рухнул в бездну, то у него было только два вопроса. Сейчас он ищет ответ на второй, лежа в каюте, скрываясь от «Биб» за щитом из фоновизора и своей личной информационной базы в кармане рубашки. Пока он, к счастью, ослеп и не видит труб и конденсации.

Хотя и не оглох. К несчастью. Время от времени он слышит шаги, или приглушенные голоса, или — это, правда, версия — отдаленный крик чего-то непредставимого, но страдающего от боли; но тогда он начинает говорить чуть громче в приемник, топит неприятные звуки в грубых командах, передвигая страницы вверх, связывая файлы, отыскивая ключевые слова. Записи персонала танцуют перед его глазами, и Скэнлону почти удается забыть, где он находится.

Его интерес конкретно к этому вопросу не санкционировался работодателями.

«Хотя они о нем знали — о да, сэр, они знали. Они просто не думали, что я в курсе».

Роуэн и ее дружки — такие идиоты и сволочи. Лгали ему с самого начала. Скэнлон не понимает, почему. И он бы даже смирился с этим, если бы с ним говорили честно. Как будто Ив сам не мог сообразить, что к чему.

А ведь это, черт побери, очевидно. Существует множество способов создания вампиров. Обычно ты берешь кого-нибудь больного на всю голову и тренируешь его. Но почему нельзя взять кого-то обученного, а потом промыть ему мозги? Это будет даже дешевле.

Из охоты на ведьм можно узнать многое. Вся эта истерия подавленных воспоминаний в 1990-х, например: куча народу неожиданно стала вспоминать об изнасилованиях, или о том, что их похитили пришельцы, или о том, что их милая старая бабушка тушила в котле маленьких детей. Это не требовало особых уси-

лий, никому не понадобилось физически перепаявать синапсы; мозг настолько доверчив, что перестроит себя сам, если его уговорить. Сейчас для таких вещей нужна всего-то пара недель гипнотерапии. Правильные предположения, доставленные правильным способом, могут вдохновить воспоминания, и те выстроятся сами из кусочков да обрывков. Что-то вроде нейрологического каскадного эффекта. А если ты думаешь, что подвергся насилию, то почему бы тогда психике этому не соответствовать?

Хорошая идея. И кто-то о ней уже подумал, по крайней мере, именно об этом Скэнлон слышал от Меззича пару недель назад. Ничего официального, естественно, но в системе уже может быть несколько прототипов. Кто-то здесь, на «Биб», вполне может оказаться ходячим свидетельством Синдрома Внедренной Ложной Памяти. Может, Лабин. Может, Кларк. Да кто угодно, на самом-то деле.

«Они должны были мне сказать».

Они сказали ему, конечно. Сказали ему, когда он только начал, что Ив отправится на первый этаж. «У тебя будет доступ почти ко всему, — вот что обещала Роуэн. — К дизайну, срокам и всем мероприятиям». Они даже предложили ему автоматическое соавторство на все незасекреченные публикации. Твари гребаные. Ив Скэнлон вроде как должен был быть равным им. А потом его заперли в крохотной комнатухе, где он болтал с рекрутами, пока на тридцать пятом хреновом этаже принимали все решения.

Самая обыкновенная корпоративная ментальность. Знание — это сила. Корпы никогда ничего и никому не говорили.

«Каким же я был идиотом, что так долго им верил. Посылал наверх рекомендации, ждал, пока выполнят хоть какое-то обещание. И вот какую мне бросили кость. Запихнули на дно этого долбаного океана с ку-

чей психопатов-посттравматиков, так как никто другой пачкаться не хотел. Твою же мать, я действительно настолько далеко от курса дел, что приходится вымаливать слухи из какого-то бывшего охранника вроде Меззича?»

И все-таки. Ему интересно, кто же это. Может, Брандер или Наката. У нее в досье образование по геотермальной технике и машинам, действующим в условиях высокого давления, а еще степень по системной экологии и диплом по геномике. Многовато знаний для среднего вампира. Если предположить, что такое понятие вообще есть.

«Так, секунду. А почему я должен верить этим файлам?»

В конце концов, если Роуэн держит весь проект под полой, то с ее стороны было бы глупо оставлять улики прямо в досье персонала Энергосети.

Скэнлон размышляет над этим вопросом. Предположим, файлы изменили. Может, ему нужно проверить как раз наименее вероятных кандидатов. Он приказывает вывести список по возрастанию полученного образования. Лени Кларк. Вышибли с подготовительных медицинских курсов, базовое образование виртуального техника. Энергосеть вытащила ее прямо из Гонгкуверского аквариума. Отдел связей с общественностью.

«Очень интересно. Кто-то с социальными навыками Лени Кларк работал в пиар-отделе? Едва ли. Интересно, если... Господи, опять оно».

Ив Скэнлон срывает очки и вперивается в потолок. Едва слышный звук просачивается сквозь корпус.

«А я уже, оказывается, почти к нему привык».

Тот вздохом пронизывает переборку, затихает, умирует. Скэнлон ждет. Понимает, что задержал дыхание.

Вот. Что-то очень далеко. Что-то очень...

«Одинокое. Оно кажется таким одиноким».

Он знает, каково это.

В кают-компании пусто, только что-то отбрасывает слабую тень из люка рубки. Тихий голос изнутри, вроде бы Кларк. Скэнлон несколько секунд подслушивает. Она перечисляет нормы расхода припасов и недавно сломавшиеся части оборудования. Рутинный звонок в Энергосеть, судя по всему. Лени дает отбой, прежде чем психиатр заходит внутрь.

Она сидит, сторбившись, в кресле, на расстоянии вытянутой руки стоит чашка кофе. Какое-то время Скэнлон и Кларк смотрят друг на друга, ничего не говоря.

— Тут еще кто-нибудь есть? — интересуется Ив.

Она качает головой.

— Мне показалось, я что-то слышал минуту назад.

Женщина поворачивается обратно к консоли. Несколько иконок сверкают на главном дисплее.

— Чем ты занята?

Она делает неопределенный жест рукой.

— Управляю аппаратом. Думала, тебе это понравится, смена деятельности.

— О, но я сказал...

— Не изменять рутине, — прерывает его Кларк. Она кажется уставшей. — А ты всегда ожидаешь слепого подчинения от своих подопытных?

— Тебе кажется, что я именно это имею в виду.

Она почти неслышно хмыкает, все еще не поворачиваясь к нему лицом.

— Послушай, — говорит Скэнлон, — ты уверена, что не слышала чего-то похожего на... на...

«На привидение, Кларк? Слово бедный мертвый Актон стонет, наблюдая, как его останки гниют где-то на разломе?»

— Не беспокойся об этом.

«Ага».

— Так ты все-таки что-то слышала.

«И она знает, что это. Они все знают».

— То, что я слышала, — это моя проблема.

«Намек уловил, Скэнлон?»

Но идти некуда, только обратно, к себе в каюту. А перспектива остаться одному... Почему-то даже компания вампириши сейчас смотрится предпочтительней.

Она снова поворачивается к нему лицом.

— Что-то еще?

— Не совсем. Я просто заснуть не могу. — Скэнлон выдает обезоруживающую улыбку. — Может, к давлению не привык.

«Вот так. Успокой ее. Признай ее превосходство». Лени молча смотрит на него.

— Я не понимаю, как вы его выносите месяц за месяцем, — добавляет Ив.

— Нет, знаешь. Ты же психиатр. Ты нас выбрал.

— На самом деле я больше механик.

— Разумеется, — говорит она без всякого выражения. — Это твоя работа — держать вещи сломанными.

Скэнлон отворачивается.

Кларк встает и направляется к люку, по-видимому, совершенно позабыв о своих обязанностях по приходу. Ив отходит в сторону. Она проходит мимо, каким-то образом сумев избежать физического контакта в столь тесном помещении.

— Послушай, — выпаливает он, — а ты не можешь мне быстренько показать стандартную процедуру осмотра? Мне это оборудование почти незнакомо.

Слишком очевидно. Ив знает, что она все понимает, видит насквозь слова, еще даже не вылетевшие из его рта. Но это же разумная просьба от человека в его положении. Обычная оценка действий, всего-то.

Кларк разглядывает его, чуть склонив голову набок. Кажется, на ее, как обычно, ничего не выражающем лице мелькает легкая улыбка. В конце концов Лени снова садится в кресло.

Кликает по меню:

— Это Жерло.

Скопление светящихся прямоугольников гнездится на фоне из контурных линий.

— Термальные датчики.

Изображение взрывается психоделически обманчивыми цветами, красные и желтые горячие пятна пульсируют на неравных расстояниях вокруг главной трещины.

— Когда наблюдаешь, обычно на термальную картину не отвлекаешься, — объясняет Кларк. — А когда ты снаружи, то рано или поздно выучиваешь все сам.

Психоделия выцветает до обычного серого с зеленым.

«А что, если кого-то там застанет врасплох, и у тебя не будет показаний, чтобы понять, куда они вляпались?»

Скэнлон не говорит этого вслух. Еще одно нарушение.

Кларк просеивает информацию, находит парочку буквенно-цифровых иконок.

— Элис и Кен.

Еще один красный выброс возникает в верхнем левом углу экрана.

«Нет, минуто, она же выключила термальные данные...»

— Эй, — говорит Ив, — это же трупный датчик...

«И никакой сирены. Почему нет сирены?»

Его глаза мечутся по наполовину знакомой консоли.

«Где оно, где... сука...»

Сирену отключили.

— Смотри! — Скэнлон тыкает пальцем в дисплей. — Ты что...

Кларк почти лениво переводит на него взгляд и, кажется, ничего не понимает.

Он направляет большой палец вниз.

— Там только что кто-то умер!

Она смотрит на экран, медленно качает головой.

— Нет...

— Ты, сука тупая, ты сирену вырубил!

Он бьет кулаком по иконке управления. Станция начинает выть. Скэнлон отпрыгивает назад, ошарашенный, налетает на переборку. Кларк наблюдает за ним, слегка нахмурившись.

— Да что с тобой такое? — Он хватается ее за плечи. — Сделай же что-нибудь! Вызови Лабина, вызови...

Сирена оглушает. Он трясет Лени, трясет сильно, вытаскивает из кресла...

И слишком поздно вспоминает: «Кларк трогать нельзя».

Что-то происходит с ее лицом. Оно словно сминается, прямо здесь, у него на глазах. Ледяная королева Лени Кларк неожиданно исчезает. На ее месте остается всего лишь забитый слепой маленький ребенок, тело трясется, рот двигается, произнося одно и то же, снова и снова, но из-за орущей тревоги слов не слышать, только губы говорят: «Прости меня прости меня прости меня...»

И все это за те несколько секунд, прежде чем она превращается в кристалл.

Лени как будто твердеет от звука, от атаки Скэнлона. Ее лицо становится совершенно пустым. Она поднимается из кресла, на несколько сантиметров выше, чем должна быть. Рука хватается психиатра за горло и толкает.

Он вываливается в кают-компанию, глупо машет руками. Рядом падает стол; Ив опирается на него, сохраняя равновесие.

Неожиданно на «Биб» снова становится тихо.

Скэнлон делает глубокий вдох. На краю зрения появляется другой вампир, стоит безучастно в пасти коридора. Ив не обращает на него внимания. Прямо перед ним Лени Кларк снова сидит в кресле, повернувшись к нему спиной. Он проходит внутрь.

— Это Карл, — произносит она, прежде чем психиатр успевает заговорить.

Требуется секунда, чтобы осознать информацию: «Актон».

— Но... это же было месяцы назад. Вы потеряли его.

— Потеряли. — Лени медленно дышит. — Он полез в гейзер. Произошло извержение.

— Извини. Я действительно не знал.

— Ну да, — ее голос напряжен из-за контролируемого безразличия. — Тело далеко внизу... Мы не можем его вытащить. Слишком опасно. — Она поворачивается к нему, невероятно спокойная. — Но трупный датчик работает. И будет орать, пока батарея не выдохнется. Поэтому нам пришлось отключить систему.

— Я вас не виню, — тихо произносит Скэнлон.

— Только представь, насколько твое одобрение меня утешает.

Он поворачивается, чтобы уйти.

— Подожди, — окликает она его. — Я могу увеличить картинку для тебя. Показать то место, где он умер. В максимальном разрешении.

— Это не нужно.

Она стучит по кнопкам.

— Да нет проблем. Естественно, тебе интересно. Какой механик не захочет узнать спецификации собственного творения на деле?

Она лепит дисплей, словно скульптор, доводит до совершенства, проникает все дальше, пока на нем не

остается ничего, кроме еле заметных зеленых линий и красной пульсирующей точки.

— Его заклинило в сопутствующей расщелине. Похоже, он там довольно плотно сидит даже сейчас, когда вся плоть сварилась. Не знаю, как он умудрился туда проникнуть, пока еще был цел.

В ее голосе нет никакого расстройства. Так можно рассказывать о друге на каникулах.

Скэнлон чувствует ее взгляд на себе, но не отводит глаз от экрана.

— А Фишер, что с ним случилось?

Краем глаза: она напрягается, но в результате лишь пожимает плечами.

— Кто знает? Может, его Арчи съел.

— Арчи?

— Арчи Зубастый.

Скэнлону незнакомо это имя, в файлах его нет, насколько он помнит. Он размышляет, но решает не переспрашивать.

— А трупный датчик Фишера хоть сработал?

— У него такого не было. Бездна может убить тебя сотней разных способов, Скэнлон. И не оставляет следов.

— Я... Я прошу прощения, если расстроил тебя, Лени.

Уголок ее рта едва заметно дергается.

И он не врёт. Хотя это и не его вина. Ему так хочется сказать: «Это не я сделал тебя такой. Не я превратил тебя в мусор, в кого-то другого. Я пришел потом и нашел тебе применение. Дал цель, причем гораздо большую, чем ты когда-либо имела. Разве это так плохо?»

Но Ив не решается спросить вслух, а потому уходит. И когда Кларк на мгновение прикасается пальцем к экрану, где светится точка Актона, он притворяется, что ничего не заметил.

ПЕРЕДАЧА/ОФИЦ/260850:1352

Недавно у меня был интересный разговор с Лени Кларк. Хотя она ничего не признала — у нее очень хорошие методы защиты, и она прекрасно прячет свои чувства от посторонних, — мне кажется, у нее с Карлом Актоном была сексуальная связь. Это обнадеживающее открытие, поскольку в моих оригинальных прогнозах было прописано, что такие отношения между ними непременно возникнут (у Кларк довольно богатая история взаимоотношений с лицами, страдающими синдромом эпизодического нарушения контроля). И это прибавляет эмпирической уверенности другим прогнозам, связанным с предсказаниями поведения рифтеров.

Также я выяснил, что Карл Актон не просто исчез, а погиб при извержении гейзера. Я не знаю, что он там делал — на этот счет я продолжаю расследование, — но само его поведение кажется в лучшем случае глупым, а то и откровенно суицидальным. Самоубийство не соответствует его профилям согласно ДСМ и методу выборки переживаний¹, которые были вполне точными, когда составлялись впервые. Следовательно, подобное поведение подразумевает, что с Актоном произошло базовое изменение личности. И это вполне вписывается в сценарий зависимости от травматического опыта. Тем не менее нельзя исключить и возможность органического поражения мозга. Мой поиск в медицинских записях не выявил каких-либо травм

---

¹ ДСМ (DSM) — диагностический и статистический справочник-классификатор психических расстройств. Метод выборки переживаний — психологическая техника наблюдения, когда пациенты через определенные промежутки времени записывают, с кем они находятся, что с ними происходит и какие эмоции по этому поводу они переживают.

головы, но там есть информация только о живых участниках программы. Возможно, Актон был... другим...

О. Я выяснил, кто такой Арчи Зубастый. И не в личных делах рифтеров. В библиотеке. *Architeuthis*¹: гигантский кальмар.

А я-то думал, она шутит.

КАМЫШИ

В такие времена кажется, что мир был черным всегда.

Это, конечно, не так. Джоэл Кита замечает оттенок рассеянного голубого цвета в верхнем иллюминаторе буквально десять минут назад, перед тем как они проваливаются сквозь глубокий рассеивающий слой; ему говорили, что теперь тот изрядно истончал, но все равно впечатлял. Светящиеся сифонофоры и рыбы-фонари, да и не только они. Все равно красиво.

Но он остался в тысяче метров над головой. Тут же нет ничего, кроме тонкой вертикальной черты кабеля от передатчика «Биб». Скаф с легкой руки Джоэла лениво вертится, носовые струи рассекают воду уходящим вниз штопором. Линия передатчика появляется перед главным иллюминатором примерно каждые тридцать секунд, отсчитывая время. Яркая и прямая в непроглядной тьме.

А кроме нее, ничего. Чернота.

Маленький монстр стучается о борт. Игольчатые зубы такие длинные, что пасть не закрывается, тело, как у угря, усеянное светящимися фотофорами,—

---

¹ *Арчи Зубастый* — достаточно распространенная игра слов. По-английски латинское имя «*Architeuthis*» можно прочитать как «*Archie Toothy*», то есть «Арчи Зубастый».

пятнадцать, двадцать сантиметров максимум. Он настолько маленький, что даже не издает звука при ударе, а потом исчезает, по спирали уходя вверх.

— Рыба-гадюка, — говорит Джарвис.

Джоэл оглядывается на пассажира, сторбившегося рядом с ним, чтобы насладиться тем, что в шутку можно было назвать «видом». Джарвис работает как-то там клеточным физиологом в университете Вашингтона/Рэнд, и здесь он, чтобы забрать таинственный пакет в обыкновенной коричневой бумаге.

— Много таких видел? — спрашивает он.

Джоэл отрицательно качает головой:

— Не так глубоко. Это довольно необычно.

— Ну, вся эта территория необычная. Вот почему я здесь.

Кита проверяет тактические данные, подправляет транцевую плиту.

— Рыбы-гадюки не должны вырастать больше той, которую ты только что видел, — замечает Джарвис. — Но где-то в 1930-х годах парень по фамилии Биб, в его честь назвали эту станцию... В общем, он клялся, что видел одну длиной больше двух метров.

Джоэл недоверчиво мычит:

— Не знал, что тогда люди спускались на такую глубину.

— Ну да, они только начали. И все думали, что глубоководные рыбы — это вот такие крохотные карлики, поскольку ничего другого в сети не попадалось. Но потом Биб видит огромную распоротую рыбу-гадюку, и люди начинают думать: эй, а может, мы ловим маленьких только потому, что большие обгоняют траулеры? Может, глубокий океан на самом деле кишит гигантскими монстрами?

— Не кишит, — отвечает Джоэл. — По крайней мере, я их не видел.

— Да, так думает большинство людей. Время от времени на берег выбрасывает что-нибудь очень

странное. Ну и, разумеется, есть Мегарот. И совершенно заурядный гигантский кальмар.

— Они так глубоко не заходят. Могут поспорить, что и остальные гиганты тоже. Еды мало.

— Если не считать источников.

— Если не считать источников.

— На самом деле, — поправляет его Джарвис, — если не считать вот этого источника.

Линия передатчика проносится мимо молчаливым метрономом.

— Ага, — через какое-то время говорит Джоэл. — А почему так?

— Мы до сих пор не уверены. И работаем над проблемой. Я именно ею сейчас и занимаюсь. Собираюсь упаковать одного из этих чешуйчатых монстров.

— Ты шутишь. Как? Забьем до смерти скафом?

— На самом деле его уже упаковали. Рифтеры постарались пару дней назад. Нам всего лишь надо его подобрать.

— Да я бы и сам мог справиться. Ты тут зачем?

— Надо проверить, все ли правильно они сделали. Как-то не хочется, чтобы канистра взорвалась на поверхности.

— А что за дополнительный баллон ты привязал к скафу? Который с наклейками «Биологически опасно» по всему корпусу?

— А, этот, — говорит Джарвис. — Чтобы стерилизовать образец.

— Ну-ну. — Джоэл пробегает глазами по панелям управления. — А у тебя на суше, наверное, немало веса.

— Это почему?

— Я совершил множество рейсов к Чэннеру. Фармацевтические погружения, доставка припасов на «Биб», экотуризм. Недавно доставил на станцию какого-то корпа, он сказал, что останется там на месяц или около того. Три дня назад Энергосеть звонит мне и го-

ворит, что его надо забрать. Я в спешке собираюсь, а мне и говорят, что рейс отменен. Без всяких объяснений.

— Довольно странно, — замечает ученый.

— Ты первый, кого я отвожу на Чэннер за последние три недели. Причем это не только у меня, но вообще у всех, насколько я знаю. Так что веса у тебя на суше достаточно.

— Нет, на самом деле. — Физиолог пожимает плечами в полумраке. — Я — всего лишь научный сотрудник. Еду, куда отправят, так же, как и ты. Сегодня мне приказали нырнуть на дно и забрать контейнер с рыбой.

Джоэл смотрит на него.

— Ты спрашивал, почему они такие большие, — говорит Джарвис, резко сменяя тему. — Мы думаем, это какая-то эндосимбиотическая инфекция.

— Да ну.

— Скажем, для некоторых микробов проще жить внутри рыбы, чем снаружи, в океане. Осмотический стресс меньше. И когда они внутри, то качают больше АТФ, чем это нужно носителю.

— АТФ, — произносит Джоэл.

— Высокоэнергетическое фосфатное соединение. Клеточная батарейка. В общем, они выбрасывают эту дополнительную АТФ, и рыба-носитель может использовать ее в качестве энергии для дополнительного роста. Вполне возможно, что на источнике Чэннера есть какой-то уникальный паразит, который поражает костистых рыб и дает им такой серьезный рывок в росте.

— Как-то жутковато.

— На самом деле такое происходит постоянно. Каждая из твоих клеток, к примеру, это колония. Ну ты понимаешь, ядро, митохондрии, хлоропласты, если ты — растение...

— Я — не растение.

Лица богатеньких туристов проносятся в памяти Джозла.

«А вот о некоторых людях так не скажешь».

— ...все они были свободно живущими микробами, развивающимися самостоятельно. Пару миллиардов лет назад их что-то съело, но переварить толком не сумело, и потому они продолжают жить внутри цитоплазмы. По ходу дела они заключили договор с клеткой-носителем, взяли на себя уборку по дому и все такое, оплачивая ренту. И вуаля: твоя современная эукариотическая клетка.

— Так, а что случится, если этот паразит Чэннера проникнет в человека? Мы все вырастем под три метра?

Вежливый смешок.

— Нет. Люди прекращают расти, когда достигают взрослого состояния. Как и большинство позвоночных. С другой стороны, рыбы растут всю свою жизнь. А глубоководные рыбы... они вообще ничего не делают, только растут, если ты понимаешь, что я имею в виду.

Джозл вскидывает брови в недоумении.

Джарвис, словно сдаваясь, поднимает руки:

— Знаю, знаю. Твой мизинец больше чуть ли не любой глубоководной рыбы. По крайней мере, обычной. Но это всего лишь означает, что у них мало топлива. Когда они наполняют бак, то, поверь мне, всю энергию пускают в рост. А зачем тратить калории и плавать туда-сюда, когда все равно ничего не видно? В темной окружающей среде хищникам гораздо разумнее просто сидеть и ждать. А если вырастешь достаточно большим, то, возможно, станешь не по зубам другим местным обитателям, понимаешь?

— Ммм.

— Естественно, вся наша теория базируется на парочке образцов, которых вытянули без всякой защиты от изменений температуры и давления, — фыркает Джарвис. — Могли их с тем же успехом в бумажном

пакетике послать. Но в этот раз мы все сделаем правильно... Эй, а это не свет я там внизу вижу?

Под скафом, на дне, размазанным пятном разливается смутное желтое сияние. Джоэл вызывает топографический дисплей. «Биб», геотермальная установка, расположенная непосредственно в зоне рифта, издает устойчивое зеленое эхо на все 340 градусов. И слева от нее, примерно в ста метрах от самого восточного генератора, что-то испускает неповторимый акустический сигнал с четырехсекундным интервалом.

Джоэл задает команду горизонтальному рулю. Челнок вырывается из траектории спирального спуска и отходит к северо-востоку. Станция «Биб», так и оставшаяся ярким пятном, затухает позади.

В прожекторах батискафа неожиданно появляется океанское дно: костяно-серая липкая грязь проносится мимо, периодически попадают скальные поверхности, огромные расплюснутые пастилки лавы и пемзы. В кокпите сверкающая точка света медленно приближается к центру топографического дисплея.

Сверху на них что-то нападает; глухой влажный звук от столкновения эхом проносится по корпусу. Джоэл смотрит сквозь верхний иллюминатор, но ничего не видит. Еще несколько нерешительных ударов. Скаф неумолимо, с шумом движется вперед.

— Вон там.

Оно выглядит как спасательная капсула, почти два метра в длину. На панели, расположившейся на закругленном конце, подмигивают датчики. Канистра покоится на ковре из огромных червей с трубчатыми домиками, чьи легкие короны полностью раскрыты, фильтры кормят хозяина. Джоэл думает о малыше Моисее, который лежит в своей корзине на куче мутировавших камышей.

— Подожди минуту, — говорит Джарвис. — Выруби свет.

— Зачем?

— Он же тебе не нужен, так?

— В общем, нет. Я могу идти по приборам, если захочу. Но почему...

— Просто выключи, хорошо? — Джарвис, болтавший всю дорогу, неожиданно становится страшно деловитым.

Тьма заливаёт кокпит, чуть отступая перед сиянием датчиков. Джоэл хватает фоновизор с крючка слева. Дно снова появляется перед ним благодаря находящимся внизу корпуса фотоусилителям, в сине-черной гамме.

Джоэл останавливает скаф прямо над канистрой, слушает, как лязгают и трещат захваты, спускающиеся под палубой; металлические когти синевато-серого цвета появляются в поле его зрения.

— Опрыскай ее, прежде чем брать, — говорит Джарвис.

Джоэл, не глядя, набирает контрольные коды. В фоновизорах он видит, как из баллона Джарвиса вытягивается рыльце, тощей коброй зафиксировавшись на цели.

— Давай.

Форсунка эякулирует серо-голубой жижей, разбрызгивает ее по всей канистре, захватывая бентос по обе стороны. Черви тут же заползают обратно в свои трубки и закрывают двери; весь лес метелочек исчезает в одно мгновение, оставив после себя только кучу запечатанных домиков.

Рыльце плюется ядом.

Одна из трубок неуверенно открывается. Что-то темное и жилистое вырывается оттуда, извиваясь. Серый завиток обволакивает его; оно безжизненно оседает, свешиваясь через порог собственной норы. Начинают открываться другие домики. Беспозвоночные трупы вываливаются всем напоказ.

— А что это за вещество? — шепчет Джоэл.

— Цианид. Ротенон. Еще какие-то вещества. Тот еще коктейль.

Рыльце еще какое-то время извергает отраву, а потом иссыхает. Кита на автомате втягивает его внутрь.

— Ладно, — командует Джарвис. — Хватай канистры и отправляемся домой.

Джоэл не двигается.

— Эй, — окликает его физиолог.

Пилот встряхивает головой, начинает возиться с машиной. Скаф протягивает руки в металлическом объятии, вытягивает двухметровый гроб со дна. Джоэл срывает с головы фоновизор и берет управление на себя. Они начинают подниматься.

— Это была основательная зачистка, — замечает он спустя некоторое время.

— Да. Образец нам немало стоил. И не очень хочется его чем-то заразить или испортить.

— Понятно.

— Можешь включить свет, — говорит Джарвис. — Когда мы будем на поверхности?

Джоэл врубает прожекторы:

— Двадцать минут. Полчаса.

— Надеюсь, пилот подъемника не слишком заскучал, — физиолог снова дружелюбен и болтлив.

— А там нет пилота. Только умный гель.

— Серьезно? Лучше бы ты мне этого не говорил, — хмурится Джарвис. — Страшноватые штуки эти гели. Ты знаешь, что один из них задушил кучу народа в Лондоне пару лет назад?

Кита уже хочет сказать, что знает, но у пассажира опять приступ болтливости:

— Нет, серьезно. Он там управлял системой подземки — никаких нареканий, идеальный работник, а потом однажды эта штука просто забыла запустить вентиляторы, когда было надо. Поезд заезжает на пятнадцать

метров под землю, пассажиры выходят, воздуха нет, бум!

Джоэл уже слышал эту историю. Коронная фраза как-то связана со сломанными часами, если он все помнит точно.

— Эти штуки вроде как учатся на собственном опыте, правильно? — продолжает Джарвис. — Ну и все думали, что зельц научился запускать вентиляторы по какому-то очевидному признаку. Жару тела, движению, уровню углекислого газа, ну ты понимаешь. В результате выяснилось, что эта хрень просто смотрела за часами на стене. Прибытие поезда совпадало с предсказуемым набором паттернов на цифровом дисплее, поэтому она включала вертушки, когда видела один из них.

— Ага. Точно. — Джоэл качает головой. — А какие-то вандалы часы разбили. Или что-то вроде того.

— Эй, так ты знаешь эту историю?

— Джарвис, этой истории уже лет десять. Это было, когда эти штуки только ставили. Гели уже до молекулы перебрали с тех пор.

— Да ну? И с чего ты так уверен?

— Потому что зельц управляет подъемником уже большую часть года, и у него была куча возможностей серьезно облажаться. Но он не облажался.

— Так тебе нравятся эти штуки?

— Совсем охренел, что ли? — говорит Кита и думает о Рэе Стерикере. И о себе. — Мне бы они нравились гораздо больше, если бы все-таки допускали ошибки, понимаешь?

— Ну, мне они не нравятся, и я им не доверяю. И тебе надо бы поинтересоваться, что там у них на уме.

Джоэл кивает, отвлекшись на историю Джарвиса. Но потом снова возвращается к мертвым червям и необъявленным официально зонам, запрещенным для

погружения, и неизвестной канистре, пропитанной достаточным количеством яда, чтобы убить целый гребаный город.

«Мне очень интересно, что у всех нас на уме».

ПРИЗРАКИ

Оно отвратительно.

Около метра в диаметре. Может, было меньше, когда Кларк начала над ним работать, но теперь это настоящий монстр. Скэнлон вспоминает дни в виртуальной школе: морская звезда, по идее, должна располагаться в одной плоскости. Плоские диски с руками. Но не этот. Кларк нарастила куски со всех углов и сделала ползущий гордиев узел, некоторые части которого красные, другие — пурпурные, третьи — белые. Ив думает, что до изменений первоначальное тело имело оранжевый цвет.

— Они регенерируют, — Лени жужжит у его плеча. — И у них крайне примитивная иммунная система, поэтому нет никаких проблем с отторжением ткани. Поэтому их легче подлатать, если что-то идет не так.

«Подлатать». Как будто она что-то улучшает.

— Значит, морская звезда сломалась? — спрашивает Скэнлон. — А что с ней было не так?

— Ее поцарапало. На спине был большой порез. А поблизости оказалась еще одна звезда, порванная на куски. Даже я не смогла бы ей помочь, но решила, что могу использовать ее части, чтобы подлатать этого маленького парня.

Этого маленького парня. Он сейчас тащит себя медленными, жалкими кругами, оставляя запутанный след в грязи. Волокна грибков-паразитов тянутся из рваных, толком не заживших швов. Асимметрично

привитые дополнительные конечности цепляются за камни; тело кренился из-за постоянной нестабильности.

Кларк, похоже, всего этого не замечает.

— Сколько... в смысле, сколько ты этим занимаешься?

Голос Ива поразительно ровный; он уверен, в нем нет ничего, кроме дружелюбного интереса. Но каким-то образом она все понимает. Молчит секунду, а потом переводит на него свои глаза умертвия и произносит:

— Разумеется, тебя от этого тошнит.

— Нет, я просто... ну, заморожен, можно сказать, я...

— Ты испытываешь отвращение. А не стоит. Разве не таких действий ты ждешь от рифтеров? Разве не поэтому нас вообще сюда послали?

— Я знаю, о чем ты думаешь, Лени, — Скэнлон искренне старается избежать тяжелого разговора. — Ты думаешь, мы просыпаемся каждое утро и спрашиваем себя: «А как бы нам сегодня нагнуть собственных работников?»

Она смотрит на морскую звезду.

— Мы?

— Энергосеть.

Кларк парит в воде, пока ее домашний монстр медленно бьется в конвульсиях, пытаясь выправиться.

— Мы не злые, Лени, — говорит Скэнлон спустя какое-то время.

Если бы она сейчас посмотрела на него, то увидела бы в шлеме честное лицо. Он годами тренировался делать такое выражение.

Но когда Кларк, наконец, переводит на него взгляд, то, кажется, ничего не замечает.

— Не льсти себе, Скэнлон. Ты даже в самой малой степени не контролируешь то, чем являешься.

ПЕРЕДАЧА/ОФИЦ/280850:1043

Нет сомнения в том, что способность существовать здесь происходит из свойств, которые при других обстоятельствах можно было бы определить как «дисфункциональные». Они не только позволяют проводить длительное время на рифте; они также могут усиливаться вследствие его воздействия. У Лени Кларк, к примеру, сформировался невроз увечий, которого у нее не было до прибытия на станцию. Ее увлечение животным, которое можно легко «починить», если оно сломано, имеет вполне очевидные корни, несмотря на ряд ужасающе неумелых попыток «ремонта». Джудит Каракко, которая до своего ареста постоянно бегала, теперь, словно одержимая, плавает вверх-вниз вдоль линии передатчика «БиБ». Остальные участники тоже, скорее всего, развили соответствующие привычки.

Пока я не могу сказать, указывает ли подобное поведение на физиологическую зависимость. Если так и есть, то, согласно моим наблюдениям, наиболее далеко по этому пути зашел Кеннет Лабин. Во время разговоров с некоторыми участниками я узнал, что он время от времени спит снаружи, что по любым стандартам не может считаться здоровым поведением. Я бы смог лучше понять причины этого, если бы имел больше данных относительно прошлого Лабина. Разумеется, в имеющемся у меня досье отсутствуют некоторые крайне важные детали.

Что касается непосредственных обязанностей, то участники неожиданно хорошо работают в команде, принимая во внимание тот психологический багаж, который несет каждый из них. Дежурные смены проводятся с практически необъяснимым чувством координации. Кажется, что они отрепетированы заранее. Как будто...

Конечно, это субъективное впечатление, но мне кажется, что у рифтеров действительно есть некое повышенное восприятие друг друга, по крайней мере, когда они находятся снаружи. Также они, возможно, остро чувствуют мои эмоции — или же делают крайне проницательные замечания о состоянии моего разума.

Нет. Слишком... слишком...

Слишком легко неправильно интерпретировать. Если гаплоиды на берегу это прочитают, то могут подумать, будто вампиры берут верх. Скэнлон удаляет последние несколько строчек, размышляя над альтернативами.

Для его подозрений существует одно слово. Оно описывает человеческий опыт в камере сенсорной депривации, или в виртуальной реальности с изолированным входом данных, или — в самых экстремальных случаях — когда кто-то перерезает сенсорные кабели центральной нервной системы. Оно очерчивает состояние лишения чувств, когда целые отделы мозга отключаются из-за нехватки внешних данных. И слово это «Ганцфельд».

В Ганцфельде очень тихо. Обычно височные и затылочные доли кишат информацией, поступающей извне, и сигналы эти настолько сильны, что затопливают любое сопротивление. Когда же они умолкают, то разум иногда способен различить даже слабейшие шепоты во тьме. Например, он воображает сцены, которые имеют любопытное сходство с теми, что сияют на экране телевизора в какой-нибудь отдаленной комнате. Или чувствует приглушенное эмоциональное эхо, знакомое, но каким-то образом полученное не из первых рук.

Статистика предполагает, что эти ощущения нельзя отнести полностью на счет воображения. Эксперты

предыдущего десятилетия — люди, похожие на Ива Скэнлона, которым просто не повезло родиться в правильном месте и в правильное время, — даже нашли, откуда конкретно приходят эти шепоты.

Оказалось, протеиновые микротрубочки, пронизывающие каждый нейрон, действуют как приемники для определенных слабых сигналов на квантовом уровне. Оказалось, сознание само по себе — квантовый феномен. В определенных обстоятельствах разумные системы могут взаимодействовать напрямую, минуя обыкновенного сенсорного посредника.

Не самый плохой результат для чего-то, что началось сто лет назад с половинок шариков для пинг-понга, примотанных к глазам.

Ганцфельд. Вот билет. Не говори о легкости, с которой эти создания смотрят сквозь тебя. Забудь про цель; расчлени процесс.

Возьми над ним контроль.

Мне кажется, здесь работает своего рода эффект Ганцфельда. Темное невесомое глубоководное окружение, возможно, истощает чувства настолько, что резко увеличивает отношение сигнал/шум¹. Согласно моим наблюдениям, можно предположить, что женщины могут быть более чувствительны к этому, чем мужчины, что соответствует бóльшим размерам их мозолистого тела и следующему из этого преимуществу в скорости обработки внутрикортикальных процессов.

Что бы ни было причиной этого феномена, на меня оно еще не повлияло. Возможно, для этого просто нужно время.

---

¹ *Отношение сигнал/шум* — безразмерная величина, равная отношению мощности полезного сигнала к мощности шума.

А, и еще одно. Я так и не нашел ни одной записи о том, что Карл Актон пользовался медицинским сканером. Я спросил об этом Кларк и Брандера; никто из них не смог вспомнить, что Актон действительно пользовался машиной. Принимая во внимание количество зафиксированных травм у других участников, мне это кажется удивительным.

Ив Скэнлон сидит за столом и заставляет себя есть. Рот его полностью сух. Он слышит, как вампиры двигаются внизу, потом идут по коридору, шевелятся прямо за спиной. Он не поворачивается. Нельзя показывать слабость. Нельзя выдавать, насколько он неуверен в себе.

Сейчас-то он знает, вампиры — они как собаки. Могут почуять страх.

Голова полна сэмплированных звуков, крутящихся бесконечными петлями. «У тебя тут друзей нет, Скэнлон. Не надо превращать нас во врагов». Это Брандер, пять минут назад, прошептавший на ухо Иву, прежде чем спрыгнуть в дежурку. И Карако — «клик, клик, клик» — кухонным ножом по столу, пока он даже собственных мыслей расслышать не мог. Наката, этот ее глупый смех. И Патриция Роуэн, где-то в воображаемом будущем, усмехается: «Ну, если вы даже самое обычное задание не смогли выполнить, не поднимая бунт, неудивительно, что мы вам не доверяем...»

Или иной вариант в другой реальности, краткий звонок в Энергосеть: «Мы потеряли Скэнлона. Извините».

А под всем этим протяжный, пустой, ледяной звук, ползущий, скользя, по полу его мозга. Эта тварь. Вещь, о которой никто не говорит. Голос в бездне. Сегодня оно звучало так близко, что бы это ни было.

Хотя все его переживания для вампиров не имеют никакого значения. Они запечатывают костюмы, под-

бирают ласты, вываливаются наружу по одному и по двое, оставляют его. Они идут туда, к этому стонущему существу.

Скэнлон думает, перекрикивая голоса в голове, сможет ли оно залезть внутрь. Не та ли сегодня ночь, когда они приволокут эту тварь с собой.

Вампиры ушли. Не осталось никого. Через какое-то время даже звуки в голове психиатра затухают. Почти все.

«Безумие. Я не могу здесь просто сидеть».

Только одного голоса он сегодня не слышал. Кларк во время фиаско сидела и молчала, наблюдая. Прекрасно, они прислушиваются к ней. Говорит она редко, но, когда делает это, все обращают внимание. Скэнлону интересно, о чем Лени беседует с ними, когда его нет рядом.

«Не могу я просто сидеть здесь. И ведь все не так плохо. И никто мне прямо не угрожал...

У тебя тут друзей нет, Скэнлон.

...по крайней мере, не прямо».

Ив старается понять, где же допустил ошибку. Предложение казалось вполне разумным. Возможное сокращение периодов пребывания под водой не должно было настолько оттолкнуть их. И даже если они привыкли, привязались к этому проклятому месту, это же всего лишь предложение. Скэнлон из кожи вон вылез, пытаясь не допустить угрожающих интонаций. Может, они разозлились на его замечание о безопасности по отношению к технике безопасности? Но это же старые новости; они не только знали об этом, но и чуть ли не бравировали своим пренебрежением правилами.

«Да кого я обманываю? Не тогда я их потерял. Про Лабина не надо было упоминать, использовать в качестве примера».

Тогда это, естественно, казалось крайне разумным. Скэнлон знает, что Кен — аутсайдер, даже здесь. Ив — не идиот, читать знаки способен даже за линзами. Лабин отличается от остальных вампиров. Использование его в качестве примера было самой безопасной вещью на свете. Козлы отпущения — уважаемая часть терапевтического арсенала уже сотни лет.

«Слушайте, вы хотите кончить как Лабин? Да он снаружи спит, ради всего святого!»

Скэнлон обхватывает голову руками.

«Откуда я мог знать, что они все спят?»

Может, и должен был. Должен был больше внимания уделить показаниям сонара. Или засечь, когда они заходили в каюты, посмотреть, сколько времени проводили внутри. Он знает, что еще многое мог сделать.

«Может, я действительно облажался. Если бы только...

Боже, а вот это совсем близко. Что если...

Заткнись! Просто заткнись, сволочь!»

Возможно, тварь видно на сонаре.

Скэнлон набирает полную грудь воздуха и ныряет в отсек управления. Он прошел курс общей тренировки, знает подход к оборудованию, да и управление там практически интуитивное. В неохотных уроках Кларк Ив на самом деле не нуждался. Несколько секунд — и психиатр выводит на экран тактический вид: вампиры бусинами висят на невидимой нити, растянутой между «Биб» и Жерлом. Еще одна точка на западе направляется к Жерлу. Наверное, Лабин. Случайная топография. Ничего интересного.

Пока он смотрит, четыре иконки, расположенные ближе всего к станции, на пиксель или два придвигаются к Главной улице. Пятая далеко сзади, почти на таком же расстоянии от основной группы, как и Кен. Почти у Жерла уже.

«Минуту».

Вампиры: Брандер, Карako, Кларк, Лабин, Нака-та. Так, все правильно.

Иконки: один, два, три, четыре, пять...

«Шесть».

Скэнлон не может отвести глаз от экрана.

«Твою же мать».

Телефонная линия станции организована по старинке: прямая линия, даже не пропущенная через телеметрию и серверы связи. Почти викторианская в своей простоте, гарантия того, что она останется целой при сбое всех систем, если не считать взрыва. Скэнлон никогда раньше ей не пользовался. А зачем? В тот момент, когда он позвонит домой, он признает, что не может справиться самостоятельно.

Теперь же он ударяет по клавише вызова, ни секунды не сомневаясь:

— Это Скэнлон, из Отдела по управлению кадрами. У меня...

На линии ни звука.

Он пытается снова. Все мертво.

«Дерьмо, дерьмо, дерьмо».

Хотя почему-то Ив даже не слишком удивлен.

«Я могу позвать вампиров. Приказать им вернуться. У меня есть власть».

Мысль потрясает, только ненадолго.

По крайней мере, хоть Голос, кажется, затих. Скэнлон вроде слышит его, если хорошенько сконцентрироваться, но тот настолько слаб, что вполне может быть причудами воображения.

«Биб» давит со всех сторон. Скэнлон с надеждой смотрит на тактический дисплей. «Один, два, три, чет...

О, сука».

Он не помнит, как вышел наружу. Помнит, как с трудом надел пресс-кольчугу, взял сонарный пистолет,

и теперь уже на дне, под «Биб». Он берет пеленгатор, проверяет его. Проверяет снова. Ничего не меняется.

Ив ползет прочь от света в сторону Жерла. Борется с собой, кажется, бесконечность, побеждает; головной фонарь потушен. Нет смысла объявлять о своем присутствии.

Скэнлон плывет вслепую, обнимая дно. Время от времени сверяется с пеленгатором, вновь устанавливает курс. Психиатр зигзагами перемещается по океанскому илу, и в конце концов бездна начинает светиться перед ним.

Впереди что-то стонет.

Оно больше не кажется одиноким. Оно звучит холодно, голодно и совершенно не по-человечески. Скэнлон замирает, словно ночное существо, пойманное в свете фонарей.

Через какое-то время звук утихает.

Жерло смутно мерцает, может, в двадцати метрах впереди. Оно кажется призрачным собранием зданий и буровых вышек под светом луны. Тусклый медный свет льется от прожекторов, висящих на генераторах. Скэнлон кружит в темноте, не выходя на видное пространство.

Слева что-то движется.

Чужой вздох.

Ив прижимается ко дну, закрывает глаза.

«Ну повзрослей, Скэнлон. Что бы это ни было, оно не сможет нанести тебе вреда. Кольчугу ничто прокусить не может.

Ничто из плоти и крови».

Он отказывается заканчивать мысль. Открывает глаза.

Когда оно двигается снова, Скэнлон смотрит прямо на него.

Черная струя, вырывающаяся из трубы в камне на дне. И в этот раз она не вздыхает — стонет.

Гейзер. И всего-то. В таком погиб Актон.

«Может, именно в этом...»

Извержение иссякает. Звук истекает шорохом.

Гейзеры не должны издавать звуков. Не таких, по крайней мере.

Скэнлон подходит к краю жерла. Пятьдесят градусов по Цельсию. Внизу, прикрепленное на расстоянии где-то двух метров, виднеется какое-то устройство. Его собрали из частей, которые, по идее, никогда не должны были сойтись вместе: ротативных лезвий, вращающихся в остаточном потоке, перфорированных цилиндров, труб, закрепленных под случайными углами. Гейзер забит мусором.

И каким-то образом вода проникает сквозь него и начинает петь. Не призрак. Не чужеродный призрак, в конце-то концов. Просто... «музыка ветра». Облегчение проносится по телу Ива химической волной. Он расслабляется, впитывая это чувство, пока не вспоминает: «Шесть иконок. Шесть».

И он стоит тут, залитый светом прожекторов, на полном обозрении.

Скэнлон отступает в темноту. Машина, таящаяся за его кошмарами, раскрытая и такая обыденная, подпитывает его уверенность. Он возобновляет осмотр. Жерло медленно вращается справа смутной монохромной графикой.

Что-то брезжит впереди, парит над скалой, покрытой перистыми червями. Ив подбирается ближе, прячется за удачно подвернувшимся большим камнем.

Вампиры. Двое.

Только выглядят по-разному.

Обычно на дне они кажутся одинаковыми, их почти невозможно различить. Но сейчас Скэнлон уверен, что одного из них никогда не видел. Тот повернут к нему спиной, но есть в нем что-то такое — слишком высокий, тощий. Двигается незаметными всплесками,

дергается, почти как птица. Рептилия. И что-то несет под мышкой.

Скэнлон не может сказать, какого оно пола. Но второй вампир, кажется, женщина. Они висят в воде на расстоянии нескольких метров друг от друга, лицом к лицу. Время от времени она начинает жестикулировать, двигается слишком неожиданно, и другой отпрыгивает в сторону, недалеко, словно испугавшись.

Ив щелкает голосовыми каналами. Ничего. Через какое-то время женщина протягивает руку и почти робко дотрагивается до рептилии. Что-то почти нежное — но совершенно чужое — чувствуется в том, как она это делает. Потом разворачивается и уплывает во тьму. Рептилия остается, медленно вращаясь вокруг своей оси. Становится видно ее лицо.

Печать капюшона открыта. Оно настолько бледное, что Скэнлон едва может различить, где кончается кожа и начинаются линзы; кажется, что у этого создания нет глаз.

Вещь под мышкой — истерзанные останки одной из чудовищных рыб Чэннера. Прямо на глазах у Ива рептилия подносит их ко рту и отрывает кусок. Глотает.

В отдалении стонет голос в Жерле, но она, похоже, не замечает этого.

На униформе видно обыкновенное лого Энергосети, отпечатанное на плече. Вполне обычная бирка с именем под ним.

«Кто?..»

Пустое слепое лицо осматривает убежище Скэнлона, даже не остановившись. Потом рептилия отворачивается.

Она тут совершенно одна. И не кажется опасной.

Скэнлон вжимается в камень, отталкивается. Сопротивление воды сразу замедляет движение. Рептилия не видит его. Ив загребает ластами. Всего в паре метров от существа он неожиданно вспоминает.

«Эффект Ганцфельда. А что, если здесь тоже есть эфф...»

Она поворачивается, уставившись прямо на него.

Психиатр бросается вперед. Доля секунды — и он бы даже близко не подобрался, но ему улыбается удача: он успевает схватить рептилию за ласт, когда та хочет уплыть. Существо отбивается второй ногой, падает по шлему. Потом ниже; сонарный пистолет Скэнлона, крутясь, падает на дно.

Ив удерживает рептилию. Она набрасывается на него с кулаками, не издавая ни звука. Скэнлон едва чувствует толчки сквозь кольчугу. Он наносит удар в ответ с привычным отчаянием ребенка, загнанного хулиганами в угол, слабая самозащита — единственная цель.

Пока вдруг его не озаряет, что та работает.

Он сейчас столкнулся не с грозой двора. И не расплачивается за неосторожный взгляд на какого-нибудь австралопитека в местном наркобаре. Он дерется с костистым маленьким уродом, который хочет удрать. От него. И этот парень — откровенный слабак.

В первый раз за всю свою жизнь Ив Скэнлон одерживает победу в драке.

Кулак превращается в кольчужную булаву. Враг дергается, сопротивляется. Психиатр хватается за него, выворачивает, локтем удерживает добычу. Жертва бьется, совершенно беспомощная.

— Никуда ты не пойдешь, дружок, — наконец-то шанс использовать этот тон легкого презрения, который он тренировал с семилетнего возраста. Звучит прекрасно. Уверенно, как у человека, который все держит под контролем. — Пока я не выясню, что ты за хрень...

Свет гаснет.

Все Жерло погружается во тьму, неожиданно и без всякой суеты. Еще пару секунд на веках играют острые вспышки; наконец очень далеко от себя Ив различает слабое серое сияние. «Биб».

Прямо на его глазах умирает и оно. Существо в его руках застывает.

— Отпусти его, Скэнлон.

— Кларк?

Должно быть, Кларк. Вокодеры не скрывают всего, есть крохотные различия, которые Ив уже начинает распознавать.

— Это ты? — Он включает фонарь на голове, но, куда ни поворачивается, нигде ничего нет.

— Ты ему руки ломаешь, — произносит голос.

«Кларк. Точно она».

— Я не настолько — «сильный» — неуклюжий, — отвечает Скэнлон бездне.

— Неважно. Его кости декальцинированы. — Секунда тишины. — Он очень хрупкий.

Ив слегка ослабляет хватку. Вертится туда-сюда, пытаюсь заметить хоть что-нибудь. Что угодно. На глаза попадает только плечевая бирка пленника.

Фишер.

«Но он же пропал, — психиатр подсчитывает, — семь месяцев назад!»

— Отпусти его, членосос! — Новый голос. Брандер. — Сейчас же. Или я убью тебя, сволочь.

«Брандер? Он действительно защищает педофила? Как, черт побери, такое возможно?»

Сейчас это не имеет значения. Есть другие вещи, о которых стоит беспокоиться.

— Где вы? — зовет их Скэнлон. — Чего вы боитесь?

Он не ожидает, что такая очевидная подначка срывает. Просто растягивает время, стараясь отсрочить неизбежное. Не может отпустить Фишера, ведь, если это случится, у него не останется никакого выбора.

Слева что-то двигается. Скэнлон разворачивается: суeta от движения, вроде бы чьи-то ноги мелькнули в луче. Слишком много для одного человека. А потом ничего.

«Он хотел это сделать, — понимает Ив. — Брандер только что попытался меня убить, но его оттащили. Пока».

— Последний шанс, Скэнлон, — снова Кларк, близкая и невидимая, словно бормочет прямо в ухо. — Нам не нужно тебя даже трогать, понимаешь? Можем просто оставить тебя здесь. Не отпустишь его в следующие десять секунд, и, клянусь, ты никогда не найдешь дорогу обратно на станцию. Раз.

— А если найдешь, — добавляет другой голос, Скэнлон не знает, кому тот принадлежит, — мы будем тебя там ждать.

— Два.

Он проверяет панель в шлеме, расположенную вокруг подбородка. Вампиры вырубили приводной маяк.

— Три.

Проверяет компас. Датчик не может успокоиться. Неудивительно, магнитная навигация на рифте — дурацкая шутка.

— Четыре.

— Ладно, — пытается Ив. — Оставьте меня здесь. Мне наплевать. Я могу...

— Пять.

— ...просто отправиться на поверхность. В этом костюме можно протянуть много дней.

«Уверен? Как будто они позволят тебе уплыть с их... А что для них Фишер? Домашний зверек? Талисман? Любимец?»

— Шесть.

«Модель для подражания?»

— Семь.

«Боже, Боже».

— Восемь.

— Пожалуйста, — шепчет он.

— Девять.

Ив раскидывает руки в стороны. Джерри уплывает во тьму.

Останавливается.

Разворачивается и висит в воде, на расстоянии метров пяти.

— Фишер? — Скэнлон оглядывается. У него такое чувство, что сейчас они двое — единственные оставшиеся частицы во всей вселенной. — Ты меня понимаешь?

Он протягивает руку. Тот дергается нервной рыбой, но не уплывает.

Ив осматривает бездну и кричит:

— Вы вот такими хотите стать?

Никто не отвечает.

— Вы хоть понимаете, что семь месяцев сенсорной депривации сотворят с вашим разумом? Думаете, он сейчас хоть чем-то напоминает человека? Хотите провести остаток жизни, копаясь в иле, пожирая червей? Вы этого хотите?

— Мы хотим, — жужжит что-то во тьме, — чтобы нас оставили в покое.

— Этого не произойдет. И неважно, что вы сделаете со мной. Вы не останетесь здесь навсегда.

Никто не хочет спорить с ним. Фишер продолжает парить перед Ивом, склонив голову набок.

— Послушай, К... Лени, Майк. Вы все. — Луч фонаря бьется из стороны в сторону, освещая пустоту. — Это всего лишь работа. Это не образ жизни.

Только Скэнлон знает, что врет. Все эти люди были рифтерами задолго до того, как появилась такая должность.

— Они придут за вами, — говорит он еле слышно, не понимая — угроза это или предупреждение.

— А может, нас тут уже не будет, — в конце концов отвечает бездна.

«Боже».

— Слушайте, я не знаю, что тут происходит, но вы не можете по-настоящему хотеть остаться здесь. Да никто в здравом... в смысле... Да господи, где вы?

Нет ответа. Только Фишер рядом.

— Так не должно было быть, — умоляет Скэнлон.

А потом:

— Я не хотел... В смысле, я не...

А потом только:

— Простите меня, простите...

И больше ничего, кроме темноты.

В конечном итоге свет возвращается. «Биб» ободрающе пищит на установленном канале. Джерри Фишер исчез; Скэнлон не знает, когда тот уплыл.

Не знает, тут ли еще остальные. Плывет на станцию в одиночестве.

«Они, скорее всего, даже не слышали меня. Не настоящему».

Что прискорбно, так как в итоге он говорил им чистую правду.

Ему так хочется их пожалеть. И ведь это просто: они прячутся во тьме, скрываются за своими линзами, словно фотоколлаген, — это какой-то вид общей анестезии. Они дают другим людям право себя жалеть. Только как это делать, если они каким-то образом лучше тебя? Как жалеть того, кто пусть и болезненно, но счастлив?

Как жалеть того, кто пугает тебя до смерти?

«И к тому же они меня победили. Я не могу их контролировать. Совсем. Был ли у меня выбор хоть раз с тех пор, как я сюда спустился?»

Естественно. Я отдал им Фишера, а они подарили мне жизнь».

На секунду Скэнлон задается вопросом, как отразить произошедшее в официальном отчете и не выглядеть полным идиотом.

Но потом ему становится совершенно на это наплевать.

ПЕРЕДАЧА/ОФИЦ/300850:1043

Недавно я встретил свидетельство того... что, как мне кажется...

Поведение персонала станции «Биб» явно...

Недавно я участвовал в характерном споре с персоналом. Мне удалось избежать непосредственной конфронтации, хотя...

Да пошло оно на хер.

До прибытия скафа двадцать минут, и, кроме Ива Скэнлона, на станции никого нет.

Так уже несколько дней. Вампиры больше не заходят внутрь. Может, специально его игнорируют. Может, вернулись к своему естественному состоянию. Он не знает.

В принципе, никакой разницы. Сейчас обеим сторонам нечего сказать друг другу.

Челнок на подходе. Скэнлон собирается с силами: когда они придут, он не будет прятаться в каюте. Будет сидеть в кают-компании, у всех на виду.

Он вздыхает, задерживает дыхание, слушает. «Биб» трещит, капает вокруг. Больше никаких признаков жизни.

Он встает с матраса и прижимает ухо к переборке. Ничего. Приоткрывает люк каюты на пару сантиметров, выглядывает наружу.

Ничего.

Чемодан упакован уже много часов назад. Он ставит его на палубу, резко распахивает люк и решительно идет по коридору.

Психиатр замечает тень еще до того, как заходит в кают-компанию, — смутный силуэт на фоне переборки. Ему хочется развернуться и бежать в каюту, но те-

перь уже гораздо меньше, чем прежде. Большая часть его просто устала. Скэнлон делает шаг вперед.

Лабин ждет — стоит, безмолвный, у лестницы. Смотрит на сухопутника глазами цвета чистой слоновой кости.

— Я хотел сказать до свидания, — говорит он.

Ив смеется. Не может сдержаться.

Кен бесстрастно наблюдает за ним.

— Прошу прощения. — Скэнлон даже не удивляется. — Просто... Вы вообще-то даже не сказали мне «привет», помните?

— Да. Это так.

Почему-то в этот раз от него не исходит угрозы. Психиатр не может понять, почему; история Лабина по-прежнему полна дыр, а Галапагосы все еще кишат слухами, даже остальные вампиры держатся подальше от него. Но сейчас этого почти не видно. Кен просто стоит здесь, переминаясь с ноги на ногу, и кажется почти ранимым.

— Значит, они собираются вытаскивать нас наверх раньше, чем предполагалось, — говорит он.

— Честно, я не знаю. Это не мое решение.

— Но они послали вас сюда... чтобы уготовить путь. Как Иоанна Крестителя.

Очень странная аналогия, особенно из уст Лабина. Скэнлон ничего не отвечает.

— Вы знаете... А они разве не понимали, что мы не захотим возвращаться? Разве они не рассчитывали на это?

— Все было не так. — Но сейчас Ив больше, чем когда-либо прежде, хочет знать, что известно Энергосети.

Кен откашливается. Ему явно хочется что-то сказать, но он молчит.

— Я нашел музыку ветра, — наконец нарушает тишину Ив.

— Да.

— Эта штука так сильно меня пугала.

Рифтер качает головой:

— Она не для этого создана.

— А для чего тогда?

— Это... хобби на самом деле. У нас всех есть хобби. Лени возится со своей звездой. Элис — со снами. У этого места есть особенность: оно берет уродливые вещи и подсвечивает их так, что они кажутся почти красивыми. — Он пожимает плечами. — Я вот строю памятники.

— Памятники...

Лабин кивает:

— Музыка воды предназначалась для Актона.

— Понятно.

Что-то с лязгом падает на «Биб». Скэнлон подпрыгивает.

Лабин не реагирует.

— Я думаю построить еще один. Для Фишера, может быть.

— Памятники для мертвых. А Фишер еще живой.

«По крайней мере технически».

— Ладно. Тогда я построю его для вас.

Верхний люк распаивается, Ив хватает чемодан и начинает взбираться по лестнице, хватаясь одной рукой.

— Сэр...

Скэнлон смотрит вниз, удивленный.

— Я... — Лабин останавливается. — Мы могли обращаться с вами лучше.

Каким-то образом психиатр понимает, что Кен хотел сказать не это. Он ждет, но Лабин больше ничего не говорит.

— Спасибо, — отвечает Скэнлон и уходит из «Биб» навсегда.

Комната, в которую он поднимается, неправильная. Психиатр оглядывается, дезориентированный: это не

обычный челнок. Пассажирский отсек слишком маленький, стены усеяны рядами форсунок. Кокпит задраен. Странное лицо смотрит сквозь стекло, когда нижний люк захлопывается.

— Эй...

Оно исчезает. Помещение резонирует от звука отлипающих металлических ртов. Легкий крен — и скаф поднимается, свободный.

Тонкий аэрозоль туманом струится из форсунок. Глаза Скэнлона начинает щипать. Незнакомый голос успокаивает его, раздаваясь из громкоговорителя кабины. Не стоит беспокоиться, сэр. Это всего лишь обычная предосторожность.

Все в полном порядке.

НЕВОД

ЭНТРОПИЯ

«Возможно, ситуация выходит из-под контроля», — думает Кларк.

Остальным, похоже, наплевать. Она слышит, как Лабин и Каракко разговаривают в кают-компании, как Брандер поет в душе («Как будто над нами мало измывались в детстве»), и завидует их беззаботности. Все ненавидели Скэнлона, ну не то что ненавидели, строго говоря, слово какое-то слишком сильное, но было в отношении к нему нечто вроде...

Презрения...

Да, именно. Презрения. На поверхности психиатр проработал каждого. Что бы ты ему ни говорил, он кивал, издавал эти еле слышные ободряющие хмыканья и делал все, убеждая, что находится на твоей стороне. Только вот никогда с тобой не соглашался, естественно. Не нужно никакой точной настройки, и так все понятно: у каждого рифтера в прошлом было слишком много Скэнлонов, официально сочувствующих одноразовых друзей, которые мягко убеждали вернуться домой, снять обвинения, аккуратно притворялись, что все происходит исключительно в твоих интересах. Там психиатр был просто еще одним снисходительным уродом с крапленой колодой карт, и если судьба ненадолго забросила его к рифтерам, то кто мог их винить, что они немного над ним посмеялись?

«Но мы могли его убить.

Он же сам все начал. Напал на Джерри. Держал его в заложниках.

Как будто Энергосеть сделает на это скидку...»

Пока Кларк держала все сомнения при себе. Она не боялась, что ее никто не слушает. Как раз наоборот. Лени не хотела менять их образ мыслей. Сплачивать войска. Инициатива — это прерогатива лидеров, а она не хотела никакой ответственности. В последнюю очередь Кларк хотела становиться...

«Лидером этой стаи. Волчицей-вожаком. Хреновой Акелой».

Актон умер много месяцев назад, но все еще смеялся над ней.

Ладно. Ив был в худшем случае помехой. В лучшем — забавным развлечением. «Твою мать, — как-то сказал Брандер. — Вы на него уже настроились? Могу поспорить, Энергосеть его вообще ни во что не ставит». Они нужны Сети, и она не вытащит затычку только потому, что несколько рифтеров подшутили над таким придурком, как Скэнлон. И это разумно.

И все-таки Кларк не может не думать о последствиях. В прошлом ей никогда не удавалось их избежать.

Брандер наконец вылез из душа; его голос доносится из кают-компаний. Душ здесь — это настоящая блажь, едва ли нужная, когда живешь в самопромыываемом, полупроницаемом гидрокостюме, но все равно остается чистым, горячим, гедонистическим удовольствием. Кларк хватается полотенце с полки и взбирается по лестнице, пока никто не занял кабинку.

— Эй, Лен, — Карако, сидя за столом с Брандером, машет ей. — Ты посмотри на его новый вид.

Майк без костюма, в футболке. Даже линзы не надеты.

Радужки у него карие.

— Ух ты. — Кларк не знает, что еще сказать.

Эти глаза такие странные. Она оглядывается по сторонам, ей отчего-то не по себе. Лабин лежит на диване, наблюдая.

— Что думаешь, Кен?

Тот качает головой:

— И почему ты хочешь выглядеть как сухопутная крыса?

Брандер пожимает плечами:

— Понятия не имею. Просто захотелось дать глазам отдых на пару часов. Думаю, это от того, что Скэнлон тут постоянно без костюма ходил.

Конечно, никто даже не думал о том, чтобы снять линзы в присутствии психиатра.

Карак преувеличенно вздрагивает:

— Пожалуйста. Скажи мне, что он не стал твоей новой моделью для подражания.

— Он и старой-то не был.

Кларк не может к этому привыкнуть:

— А тебя это не беспокоит?

«Ходить вот так, голым?»

— На самом деле одна вещь меня беспокоит. Я ни черта не вижу. Может, кто-нибудь свет включит?..

— Ну ладно, — Карак возобновляет прерванный разговор. — Ты сюда почему спустился?

— Тут безопасно, — отвечает Майк, мигая из-за персональной тьмы.

— Ну да.

— Безопаснее, в любом случае. Ты же не так давно была там, наверху. Разве не заметила?

— Я думаю, что там все несколько искажено. Вот почему я здесь.

— А ты никогда не думала, что ситуация становится, ну, скажем, довольно шаткой?

Карак пожимает плечами. Кларк, представив горячие иглы воды, делает шаг в сторону коридора.

— В смысле, посмотри, как быстро меняется Интернет, — продолжает Брандер. — Еще не так давно

ты мог, сидя у себя в гостиной, добраться до любой точки мира, помнишь? Любой мог связаться с кем угодно, как хотел.

Кларк поворачивается. Она вспоминает те дни. Правда, смутно.

— А что насчет вирусов?

— А их тогда не было. Ну или были, но очень простые. Они не умели себя переписывать, не могли справиться с разными операционными системами и поначалу казались просто локальным неудобством.

— Но были же законы, которым нас учили в школе, — говорит Каракко.

Лени припоминает:

— Взрывное видообразование. Законы Брукса.

Майк поднимает вверх палец:

— Самовоспроизводящиеся информационные последовательности эволюционируют как сигмоидная функция от уровня ошибок репликации и времени генерации. — Два пальца. — Эволюционирующие информационные последовательности уязвимы для паразитизма со стороны последовательностей-конкурентов с сигмоидной функцией более короткой длины волны. — Три. — Под давлением со стороны паразитов последовательности порождают случайные протоколы обмена подпоследовательностями, являющимися функциями от соотношения длин волн сигмоидных функций хозяина и паразита. Ну или как-то так.

Каракко смотрит на Кларк, потом опять на Брандера:

— Что?

— Жизнь эволюционирует. Паразиты эволюционируют. Секс эволюционирует, чтобы им противостоять. Перемешивает гены, чтобы захватчикам приходилось стрелять по движущейся мишени. Все остальное — разнообразие видов, зависимость от плотности населения — следует из этих трех законов. Если самореплицирующаяся последовательность переходит через некий рубеж, то дальше происходит термоядерная реакция.

— Жизнь взрывается, — бормочет Кларк.

— Информация взрывается. Органическая жизнь, — просто слишком медленный пример. В Интернете все происходит гораздо быстрее.

Карако качает головой:

— И что такого? Ты хочешь сказать мне, что спустился сюда, спасаясь от сетевых вирусов?

— Я спустился сюда, спасаясь от энтропии.

— Думаю, — замечает Кларк, — ты подцепил одно из расстройств языка. Дислексию или вроде того.

Но Брандер уже рванул вперед:

— Ты слышала фразу «возрастание энтропии»? Все постепенно разваливается. Можно отсрочить этот процесс, но для этого нужна энергия. Чем сложнее система, тем больше ресурсов ей требуется, чтобы остаться целой. До нас мир питался от солнца, растения были словно маленькими солнечными батарейками, на которых все остальное могло расти. Теперь же мы живем в обществе с экспоненциальной кривой сложности, вдобавок в нем есть Интернет, и его кривая еще круче, так? Поэтому все человечество забилося в разогнавшуюся машину, которая стала настолько сложной, что в любой момент может разлететься. И способна это предотвратить лишь та энергия, которую поставляем мы.

— Плохие новости, — говорит Карако, хотя Кларк думает, что она действительно поняла, в чем дело.

— На самом деле хорошие. Им всегда будет нужно все больше энергии, поэтому им всегда будем нужны мы. Даже если когда-нибудь разберутся с ядерным синтезом.

— Ну да, но... — Карако неожиданно хмурится. — Если ты говоришь, что кривая экспоненциальна, то однажды она упрется в стену, так? Кривая пойдет вверх и потом резко обрушится вниз.

Брандер кивает:

— Угу.

— Получается замкнутый круг, бесконечность. Невозможно удержать мир от распада, неважно, сколько энергии в него закачаешь. Ее никогда не будет достаточно. Раньше или позже...

— Раньше, — говорит Майк. — Вот поэтому я и сижу здесь. Как я и сказал, тут безопаснее.

Кларк переводит взгляд с Брандера на Карако, потом обратно.

— Это полная ерунда.

— Это почему? — Майк, похоже, совсем не оскорбился.

— Потому что мы бы уже слышали об этом. Особенно если твоя теория основана на каком-то физическом законе, который всем известен. Они не смогли бы держать такое под спудом, люди сами бы обо всем догадались.

— О, я полагаю, они догадались, — мягко говорит Брандер, улыбаясь обнаженными карими глазами. — Просто предпочитают поменьше думать о проблеме.

— И откуда ты все это взял? — спрашивает Карако. — Из библиотеки?

Он качает головой:

— Степень получил. Системная экология, искусственная жизнь.

Лени кивает:

— Я всегда знала, ты слишком умный, чтобы быть рифтером.

— Эй, самое разумное сейчас — это как раз быть рифтером.

— Значит, ты решил сюда отправиться? Сам вызвался?

Брандер хмурится:

— Естественно. А ты что, нет?

— Мне позвонили. Предложили новую высокооплачиваемую возможность, даже сказали, что я смогу получить обратно старую работу, если ничего не получится.

— А где ты раньше работала? — интересуется Джуди.
— В отделе по связям с общественностью. В основном, на гонквариумные франчайзы.

— Ты?

— Возможно, я не слишком хорошо с ней справлялась. А ты?

— Я? — Каракo закусывает губу. — Это была вроде как сделка. Один год с возможностью продления вместо обвинения. — Уголок ее рта дергается. — Цена мести. Она того стоила.

Брандер откидывается на спинку стула:

— А что с тобой приключилось, Кен? Как ты сюда...

Кларк поворачивается, следуя за взглядом Майка. Диван пуст. Она слышит, как в конце коридора захлопывается дверь душа.

«Твою мать».

Хотя ждать придется недолго. Лабин внутри уже четыре часа и поэтому скоро уйдет. А горячей воды предостаточно.

— Им нужно отрубить всю эту чертову сеть ненадолго, — раздается голос Каракo позади. — Вытащить вилку из розетки. Вирусы такого явно не переживут, могу поспорить.

Майк смеется, довольный в своей слепоте:

— Может, и нет. Только мы тоже не сможем.

КАРУСЕЛЬ

Она пристально изучает экран уже две минуты и все еще не может понять, что же имела в виду Наката. Хребты и трещины бегут по дисплею длинными зелеными морщинами. Жерло привычно отражает эхо, особенно много звуков в центре, поскольку Элис выставила диапазон на максимум. Периодически крохот-

ный сигнал появляется на Главной улице: Лабин лениво проводит скучное дежурство.

Кроме этого, ничего.

Лени закусывает губу:

— Я не вижу никаких...

— Подожди. Я знаю, что видела это.

Брандер заглядывает из кают-компаний:

— Что видела?

— Элис говорит, что засекла какую-то активность по направлению на триста двадцать градусов.

«Может, это Джерри», — размышляет Кларк, но Наката не подняла бы тревогу из-за него.

— Да оно недавно... Вот! — Элис тыкает пальцем в экран, доказывая свою правоту.

Какой-то объект мелькает на периферии обзора «Биб». Из-за расстояния и рассеивания сигнала предмет кажется размытым, но, чтобы отразить звуковую волну на такой дистанции, он должен иметь в составе очень много металла. Прямо на глазах Кларк контакт затухает.

— Это не один из нас.

— А оно большое. — Брандер щурится, рассматривая экран; линзы сверкают отраженным светом сквозь белые прорези век.

— Грязекопатель? — предполагает Лени. — Может, подлодка?

Майк хмыкает.

— О, вот и оно снова, — говорит Наката.

— Они, — поправляет Брандер. Два почти неразличимых сигнала дразнятся по краям дисплея. Два крупных неопознанных объекта, эхо от которых сейчас едва различимо звучит в придонном шуме, а потом снова в нем тонет.

Оба исчезают.

— Эй, — указывает Кларк.

На сейсмодисплее рябь толчков, датчики фиксируют волну, идущую с северо-запада. Наката вбивает

команду, запускает ретроспективный анализ, вычисляя эпицентр. Направление — триста двадцать градусов.

— По расписанию там ничего не запланировано, — говорит она.

— Ничего, о чем бы нам потрудились сообщить. — Лени трет переносицу. — Так кто пойдет?

Брандер кивает. Элис качает головой.

— Я жду Джуди.

— О, это правильно. У нее же сегодня вся дистанция? До самой поверхности и обратно?

— Да. Она должна вернуться где-то через час.

— Хорошо. — Брандер уже спускается вниз. Кларк тянется к пульта через плечо Накаты и включает внешний канал. — Эй, Кен. Просыпайся.

«Я говорю себе, что знаю это место, — размышляет она. — Называю его своим домом.

Ничего я не знаю».

Брандер плывет под ней, освещенный снизу пылающим дном. Мир исходит пеленой цвета, голубизной, желтизной и зеленью столь чистыми, что на них почти больно смотреть. Пыль фиолетовых звезд сталкивается и разлетается по земле; косяк восхитительно сверкающих креветок.

— Здесь кто-нибудь... — начинает Кларк, но чувствует удивление и изумление, исходящие от Майка.

Очевидно, он ничего подобного раньше не видел. И Лабин...

— В первый раз здесь, — громко отвечает Кен, темный, как всегда.

— Роскошно, — говорит Брандер. — Мы здесь уже столько времени и даже не знали, что это место существует...

«Возможно, Джерри знал». Время от времени сонар «Биб» засекает кого-то в этом направлении, когда

все остальные уже отчитались. Не на таком расстоянии, конечно, но, кто знает, как далеко теперь забирается Фишер или то, чем он стал?

Брандер ныряет вниз от «кальмара», протянув вперед руку. Кларк смотрит, как он подбирает что-то со дна. Слабое покалывание на секунду обволакивает ее разум — это неопределяемое ощущение чужого разума, работающего рядом, — а потом она проплывает мимо, ее «кальмар» несет Лени дальше.

— Эй, Лен, — жужжит Брандер за ней. — Посмотри-ка.

Она отпускает дроссель и поворачивает. У Майка на ладони лежит стеклянное суставчатое существо, немного похожее на ту креветку, которую когда-то нашел Актон.

— Не причиняй ему вреда, — говорит она.

Маска Брандера взирает на нее:

— С чего бы я должен причинить ему вред? Я просто хочу, чтобы ты посмотрела на его глаза.

Что-то непонятное чувствуется в излучении Майка. Словно он немного рассинхронизирован сам с собой, как будто его мозг транслирует волны на двух частотах одновременно. Кларк трясет головой. Ощущение проходит.

— Но у него нет глаз, — осматривает она существо.

— Есть. Просто не на голове.

Он переворачивает его, большим и указательным пальцами кладет на спину. Ряды конечностей — то ли ног, то ли жабр — бесполезно цепляются, пытаются ухватиться. Посреди них, там, где суставы встречаются с телом, на Лени смотрит линия крошечных черных сфер.

— Странно, — удивляется Кларк. — Глаза на животе.

И она снова чувствует это странное, почти призматическое ощущение расколотого сознания.

Брандер отпускает животное.

— Это разумно. Смотри, тут весь свет исходит ото дна. — Неожиданно он смотрит на Кларк, излучая волнение. — Эй, Лен, ты как себя чувствуешь?

— Да нормально.

— Ты кажешься какой-то...

— Разделенной, — произносят они одновременно.

Понимание. Она не знает, сколько тут идет от нее, а сколько исходит от Брандера, но неожиданно они оба понимают.

— Здесь есть кто-то еще, — совсем без надобности поясняет он.

Кларк оглядывается. Кен. Но она его не видит.

— Твою мать. Думаешь, это он? — Брандер тоже осматривает воду. — Думаешь, наконец-то начал встраиваться?

— Не знаю.

— А кто еще это может быть?

— Майк. Лени, — голос Лабина, слабый, откуда-то спереди.

Кларк смотрит на Брандера. Тот — в ответ.

— Мы здесь, — кричит он, повышая громкость.

— Я нашел, — отвечает Кен, невидимый и далекий.

Кларк отталкивается ото дна и хватает «кальмара». Брандер рядом с ней, сонарный пистолет щелкает и потрескивает:

— Засек его. Нам туда.

— А что там еще?

— Без понятия. Что-то большое. Три-четыре метра. Металлическое.

Кларк проворачивает дроссель, Брандер следует за ней. Внизу разворачивается буйство цвета.

— Вон там.

Впереди сетка зеленого света разделяет дно на квадраты.

— Что за?..

— Лазеры, — говорит Брандер. — По-моему.

В нескольких сантиметрах над дном светящимся изобилием прямых углов парят изумрудные линии. Под ними вдоль камней бегут желтовато-серые металлические трубы; крохотные призмы через регулярные интервалы прорывают их поверхность. В каждой есть щель, из которой выбиваются четыре луча когерентного света, и еще четыре, и еще. Проволочная шахматная доска, наложенная на скалистое дно.

Рифтеры двигаются в двух метрах над сетью.

— Я не уверен, — скрежещет Брандер, — но мне кажется, это один луч. Просто отраженный от самого себя.

— Майк...

— Вижу.

Поначалу это всего лишь размытая зеленая колонна, медленно проявляющаяся в отдалении. Но приближение приносит с собой ясность: лучи, рассекающие поверхность океана, смыкаются в круге, изгибаются вертикально вверх, образуют сверкающие прутья цилиндрической клетки. Внутри нее прямо из дна растет толстый металлический побег. На его вершине виднеется большой диск, расцветая индустриальным зонтиком, откуда исходят спицы лазерного света, бесконечно отражаясь от дна.

— Это как... как карусель, — жужжит Кларк, вспомнив старую картинку из еще более давних времен. — Без лошадей...

— Не блокируйте лучи, — раздается голос Лабина, он висит с другой стороны от сооружения, направив на него сонарный пистолет. — Они слишком слабые и вреда не принесут, если только не попадут в глаз, но лучше не вмешиваться в то, что они делают.

— И что же? — спрашивает Брандер.

Лабин не отвечает.

«Ради всего...»

Но волнение Кларк только отчасти вызвано механизмом, стоящим перед ней. С толку сбивает другое,

усиливающееся чувство: ощущение чужого разума: не ее, не Брандера, но, тем не менее, чего-то знакомого.

«Кен? Это ты?»

— Мы не это видели на сонаре. — Лени чувствует неуверенность Майка даже в его словах. — Что бы там ни было, оно двигалось.

— Объект, который мы засекли, скорее всего, посадил эту штуку, — жужжит Лабин. — И уже давно ушел.

— Но что это... — Голос Брандера затихает, превращаясь в механический хрип.

Нет. Это не рифтер. Сейчас она это понимает.

— Оно думает, — говорит Лени. — Оно живое.

Кен вытаскивает еще один инструмент. Кларк не видит показателей, но сквозь воду до нее доносится красноречивый треск.

— И радиоактивное, — подытоживает Лабин.

Сквозь бесконечную тьму, раскинувшуюся между «Биб» и Землей Карусели, до них доносится голос Накаты.

— ...Джуди... — шепчет он, слабый настолько, что почти не разобрать. — ...рассеивающий слой...

— Элис? — Кларк выворачивает вокодер настолько, что может повредить уши. — Мы тебя не слышим. Повторить можешь?

— ...просто... нет сигнала...

Лени едва разбирает слова, но каким-то образом чувствует в них страх.

Небольшой толчок дрожью проносится мимо, вздымая клубы ила и топя сигнал Накаты. Лабин заводит «кальмар» и уносится прочь. Кларк и Брандер следуют за ним. Где-то там, во тьме, «Биб» приближается децибельными отрезками.

Следующие слова они умудряются разобрать сквозь шум:

— Джуди пропала!

— Пропала? — отзывается Майк. — Куда пропала?

— Просто исчезла! — Голос мягко шипит словно отовсюду. — Я говорила с ней. Она находилась наверху, над глубинным рассеивающим слоем, была... Я ей сообщила о сигнале, который мы засекли, и она сказала, что тоже заметила какое-то движение, а потом пропала...

— Ты проверила сонар? — хочет знать Лабин.

— Да! Разумеется, я проверила сонар! — Слова Накаты все яснее. — Как только ее отрезало, я все проверила, но ничего не увидела. Может, там что и было, но рассеивающий слой сегодня очень плотный, и я не уверена. Прошло уже пятнадцать минут, а она по-прежнему не выходит на связь...

— Сонар ее в любом случае не уловил бы, — мягко говорит Брандер. — Он не пробьется через ГРС.

Лабин не обращает на него внимания.

— Послушай, Элис. Она сказала тебе, что увидела?

— Нет. Просто какое-то движение, а потом я больше ничего от нее не слышала.

— Насколько велика зона контакта сонара?

— Не знаю! Оно там было на секунду буквально, а слой...

— Это могла быть подлодка? Элис?

— Я не знаю, — голос плачет, бесплотный и страдающий. — Да и зачем? Кому это надо?

Никто не отвечает. «Кальмары» плывут вперед.

ЛИНЬКА

Они выбрасывают ее из воздушного шлюза, все еще запутанную в сеть. Она знает, в таких условиях лучше не драться, но ситуация скоро может изменить-

ся. Думает, что, может, они решат отравить ее газом. Иначе почему не снимают шлемы, задраив люк? И что насчет этого слабого шипения, которое длилось еще несколько секунд после продува? Намек, конечно, тонкий, но, проведя год на рифте, наизусть выучиваешь всю гамму звуков воздушного шлюза. С этим что-то было не так.

Неважно. Поразительно, сколько кислорода можно вытащить электролизом из того малого количества воды, что хлупает в грудных трубопроводах. Карак может задерживать дыхание, пока рак на горе не свистнет, что бы, черт побери, это ни значило. И теперь они, наверное, думают, что в этой импровизированной газовой камере она лежит без сознания, или под кайфом, или просто очень спокойная. Возможно, теперь похитители вытащат ее из этой идиотской сети.

Она ждет, обмякнув. Вскоре слышится мягкий электрический треск, и пути спадают, клейкие молекулы лишаются поляризации, прямо как «липучка», льющая к кошачьей шерсти. Джуди смотрит сквозь стеклянные немигающие линзы — по ним им ничего не прочитать — и насчитывает троих. Может, еще несколько за спиной.

Это зомби или кто-то вроде того.

Их кожа словно сгнила от желчи. Ногти почти сливаются с пальцами. Лица слегка искажены, размыты желтоватыми растянутыми мембранами. Мягкие темные овалы выступают сквозь пленку на месте ртов.

«Тела в презервативах, — доходит до Карак. — Это что такое? Они думают, я заразная?»

И через какое-то мгновение:

«А нет?»

Один из них наклоняется к ней, держа в руке что-то вроде пистолета.

Она наносит резкий удар рукой. Лучше бы лнуть, конечно, — в ногах больше силы, — но уроды, приво-

локшие ее сюда, не позаботились снять с нее ласты. Кулак с чем-то сталкивается: похоже на нос. Нос под латексом. Приятный хруст. Кто-то сейчас сильно пожалел о своей самонадеянности.

Наступает секунда потрясенной тишины. Карако использует ее, перекачивается на бок и резко поднимает ногу назад, вонзив пятку кому-то под колено. Кричит женщина, удивленное лицо оказывается рядом с ней, пятно рыжих волос прилипло к щеке, и Джуди нагибается, чтобы снять эти длинные клоунские ласты...

Наконечник электрического стрекала висит в десяти сантиметрах от ее носа. Он не колеблется даже на миллиметр. После секундного замешательства — «а насколько далеко я могу зайти, в любом случае?» — Карако замирает.

— Встать, — говорит мужчина с шокером.

Сквозь презерватив комбинезона ей едва видны тени там, где должны быть его глаза.

Она медленно снимает ласты и встает. Разумеется, у нее не было ни единого шанса. Да она всегда понимала это. Карако для чего-то нужна им живой, иначе они не стали бы заморачиваться и брать ее на борт. Джуди же, в свою очередь, хочет ясно дать понять, что эти сволочи ее не запугают, неважно, сколько их будет вокруг.

Катарсис есть даже в проигранной битве.

— Успокойтесь, — говорит мужчина, один из четверых, как она видит сейчас, включая того, кто выходит из помещения с красным пятном, расплывающимся под оболочкой. — Мы не хотим причинить вам вред. Но вам нужно знать, что лучше не стоит пытаться сбежать отсюда.

— Сбежать?

Их одежда — вся — единообразна, но это не униформа: свободно сидящие белые комбинезоны, судя по виду, явно одноразовые. Никаких лейблов. Ника-

ких бирок с именами. Карако принимается осматривать саму подлодку.

— Сейчас мы намереваемся снять с вас гидрокостюм, — продолжает обладатель стрекала. — И хотим провести быстрый медицинский осмотр. Ничего особенно инвазивного, уверяю вас.

Не очень большое судно, судя по кривизне переборки. Но быстрое. Карако поняла это сразу, как только оно появилось из мглы. Тогда она не слишком многое заметила, но этого было достаточно. У лодки есть крылья. Она может перегнать касатку на стероидах.

— Кто вы такие, парни? — спрашивает Джуди.

— Мы будем очень благодарны вам за сотрудничество, — говорит владелец стрекала, словно она и рта не раскрывала. — А потом вы, может быть, скажете нам, от чего пытались сбежать посередине Тихого океана.

— Сбежать? — фыркает Карако. — Я тренировалась, ты, идиот.

— Ясно. — Он засовывает шоковый жезл в кобуру на поясе, одну руку держа на рукоятке.

Снова появляется пушка, только держит ее другой человек. Она похожа на помесь степлера и пробника цепей. Рыжая плотно прижимает ее к плечу Карако. Та еле подавляет желание отпрянуть. Слабое электрическое покалывание — и гидрокостюм разваливается на куски. Потом на руках. Затем доходит очередь до ног. Торс лопается панцирем линяющего насекомого и падает на пол от разряда электричества. Она встает, практически освеженная, окруженная незнакомцами. Из зеркала на переборке на нее смотрит обнаженная мулатка. Каким-то образом, даже голая, Джуди кажется сильной. Глаза сверкают белизной на темном лице, холодные и неуязвимые. Она улыбается.

— Все оказалось не так плохо, не правда ли? — В голосе рыжей слышится вышколенная доброта. «Словно я только что не уронила ее на палубу».

Они ведут ее по коридору к столу в маленьком медотсеке. Рыжая кладет запечатанную в мембрану, чуть липкую ладонь на руку Карако; та, дернувшись, сбрасывает ее. Помимо нее в комнате остается место еще только для двоих, но набиваются трое: рыжая, владелец шокера и какой-то маленький круглощекий мужчина. Карако смотрит ему в лицо, но под кондомом ничего толком не разглядеть.

— Надеюсь, вам из этой штуки видно лучше, чем мне сквозь нее, — говорит она.

Мягкое фоновое жужжание, слишком однообразное, чтобы услышать незаметное увеличение частоты. Чувство неожиданного ускорения; Джуди слегка шатается, она хватается за стол.

— Если бы вы могли просто лечь, мисс Карако...

Они кладут ее на стол. Круглолицый мужчина прикрепляет несколько датчиков к стратегическим точкам вдоль тела и начинает собирать анализы, крохотные кусочки кожи.

— Нет, это нехорошо. Совсем. — Кантонский акцент. — Очень низкий эпителиальный тургор¹, гидрокостюм надо носить, а не жить в нем.

Прикосновение его пальцев к коже; как и у рыжей, тонкая липкая резина.

— А теперь посмотрите на себя. Половина сальных желез не работает, уровень витамина К² низкий, вы не принимали ультрафиолетовых ванн, ведь так?

---

¹ *Тургор кожи* — способность кожи растягиваться, и сжиматься, и возвращаться в исходное состояние. В этом смысле тургор является синонимом эластичности, растяжимости кожи. В более узком значении тургор означает степень сопротивляемости кожи к деформации в зависимости от возраста и гидратационного статуса (объема жидкости) организма.

² Рифтеры должны принимать пищевые добавки с повышенным содержанием витамина К, чтобы предотвратить процесс разрушения костной ткани под влиянием относительной невесомости, в которую они попадают, выходя со станции.

Карак не отвечает. Мистер Кантон продолжает собирать образцы с левой части тела. С другой стороны стола рыжая, по ее мнению, ободряюще улыбается, правда, ухмылку наполовину скрывает овальный мундштук.

У ног Джуди, прямо перед люком, неподвижно стоит владелец шокера.

— Ну да, слишком много времени проведено в гидрокостюме, — говорит мистер Кантон. — Вы его вообще снимали? Снаружи, например?

Рыжая доверительно наклоняется к ней:

— Джуди, это важно. Могут быть осложнения со здоровьем. Нам очень важно знать, не открывала ли ты костюм снаружи. Например, в какой-нибудь экстренной ситуации.

— Например, если ваш костюм был поврежден. — Мистер Кантон закрепляет какое-то окулярное устройство на мембране около левого глаза, смотрит Карак в ухо. — Вот у вас шрам на ноге. Довольно большой.

Рыжая проводит пальцем вдоль складки на икре:

— Да. Одна из этих гигантских рыб, я полагаю?

Карак смотрит на нее:

— Полагайте.

— Рана, похоже, была глубокая, — снова мистер Кантон. — Так?

— Что так?

— Это сувенир от одного из этих знаменитых монстров?

— У вас нет моих медицинских записей?

— Будет гораздо легче, если вы избавите нас от необходимости заглядывать в них, — объясняет рыжая.

— Вы торопитесь?

Владелец стрекала делает шаг вперед:

— Не очень. Мы можем подождать. Но пока, может, мы снимем эти линзы?

— Нет. — Мысль об этом пугает Джуди до глубины души, она сама не знает, почему.

— Вам они больше не нужны, мисс Карако. — Улыбка, цивилизованный оскал зубов. — Вы можете расслабиться. Вы отправляетесь домой.

— Да пошли вы. Они остаются. — Джуди садится, чувствуя, как датчики отрываются от плоти.

Неожиданно ее руки оказываются зажатые. Мистер Кантон с одной стороны, рыжая — с другой.

— Да пошли вы, суки.

Джуди делает выпад ногой, та проходит понизу, цепляется за стрекало и выбивает его из кобуры. Оно падает прямо на палубу. Его владелец выпрыгивает из отсека, оставив оружие позади. Руки Карако неожиданно становятся свободными. Мистер Кантон и рыжая отступают, прижимаясь к стенам комнаты, словно отчаянно пытаясь избежать физического контакта...

«И вам стоит, — думает она, усмехаясь. — Не надо тут играть со мной в силовые игры, козлы...»

Китаец качает головой, одновременно с грустью и неодобрением. Тело Джуди жужжит, прямо до костей, и вскоре оседает.

Она падает на неопределенную подушку, нервы поют в нейроиндукционном поле стола. Пытается двинуться, но все моторные синапсы закоротило. Машины в груди дергаются и заикаются, слушая приказы, интерпретируя статику.

Легкое сдувается под собственным весом. У Карако не хватает сил, чтобы наполнить его снова.

Они привязывают ее. Запястья, щиколотки, грудь стянуты, припилены к столу. Она не может даже моргнуть.

Жужжание прекращается. Воздух врывается в горло и наполняет легкие. Как приятно снова задышать.

— Как там ее сердце? — властитель жезла.

— Хорошо. Пришлось немного подкорректировать дефибриллятором, но сейчас все в порядке.

Мистер Кантон склоняется над ее головой; личи-
ночная кожа натянута на человеческое лицо:

— Все хорошо, мисс Карако. Мы здесь для того,
чтобы помочь вам. Вы меня понимаете?

Она пытается заговорить. Это трудно.

— Ухх...хххоод...

— Что?

— Эт...то работа Скэнлона. Да? Чертова месть.

Мистер Кантон смотрит на кого-то за пределами
поля зрения Джуди.

— Корпоративный психиатр. — Голос рыжей. — Он
неважен.

Китаец снова переводит взгляд вниз:

— Мисс Карако, я не понимаю, о чем вы говорите.
Сейчас мы собираемся вынуть ваши линзы. Если вы
будете сопротивляться, это может вам повредить. Про-
сто расслабьтесь.

Руки держат ее голову в одном положении. Карако
плотно зажмуривается; они силой разжимают левый
глаз. Она смотрит на какой-то огромный шприц с ди-
ском на конце. Тот прикасается к линзе, связывается
с ней, издав легкий всасывающий звук.

Та отрывается. Свет кислотой вливается внутрь.

Джуди выворачивает голову в другую сторону и за-
жмуривает глаз. Даже просачиваясь сквозь веко, лучи
обжигают оранжевым огнем, вызывающим слезы.
А они хватают ее снова, поворачивают голову лицом
вперед, мнут...

— Выруби свет, идиот! Она же фоточувствительна!
«Рыжая?»

— ...Извини, он и так приглушен, я думал....

Свет затухает. Веки темнеют.

— Ее зрачки не работали почти год, — отрезает
женщина. — Дай ей возможность адаптироваться, ра-
ди бога.

«Это она тут главная?»

Шаги. Грохот инструментов.

— Простите, мисс Карako. Мы приглушили свет, так лучше?

«Уходите. Оставьте меня».

— Мисс Карako, прошу прощения, но нам по-прежнему надо удалить вторую линзу.

Она зажмуривается изо всех сил, но они все равно вытягивают ее. Ремни вокруг тела ослабевают, падают. Она слышит, как люди уходят.

— Мисс Карako, мы выключили свет, вы можете открыть глаза.

«Да наплевать мне на ваш херов свет».

Она сворачивается клубком на столе и закрывает лицо руками.

— А сейчас она уже вроде не такая крутая, а?

— Заткнись, Бертон. Ты иногда такой урод, знаешь об этом?

Герметичный люк с шипением захлопывается. Плотная близкая тишина оседает на барабанных перепонках.

Электрический треск.

— Джуди, — голос рыжей, но в этот раз не рядом, а из какого-то динамика. — Мы не хотим, чтобы процедура прошла хуже, чем нужно.

Карako крепко прижимает колени к груди. Чувствует там шрамы, набухшую сетку старой ткани еще из тех времен, когда они ее вскрыли. Не размыкая век, она проводит пальцами по бугоркам.

«Я хочу свои глаза обратно».

Но теперь у нее остались только эти голые, мясистые штуки, которые любой может увидеть. Она открывает их, веки размыкаются крохотной щелочкой, смотрит сквозь пальцы. Никого нет.

— Нам нужно кое-что узнать, Джуди. Для вашего же блага. Нам надо узнать, как вы все выяснили.

— Что выяснила? — кричит она, не убирая рук от лица. — Я просто... тренировалась...

— Все в порядке, Джуди. Спешки нет. Вы сейчас можете отдохнуть, если хотите. Одежда в ящике, справа от вас.

Каракро качает головой. Ей наплевать на одежду, ей приходилось ходить голой перед чудовищами гораздо страшнее этих. Это всего лишь кожа.

«Я хочу обратно свои глаза».

АЛИБИ

В динамике ничего.

— Вы слышите? — спрашивает Брандер, выждав пять секунд.

— Да. Да, разумеется. — Линия жужжит какое-то время. — Просто это несколько неожиданно, вот и все. Это... очень плохие новости.

Кларк хмурится, но ничего не говорит.

— Может, ее отнесло течением в термоклине¹, — предполагает динамик. — Или она попала в циркуляцию Ленгмюра². Вы уверены, что она все еще не над рассеивающим слоем?

---

¹ *Термоклин* — слой воды в океане или море, в котором вертикальный градиент температуры повышен по сравнению с градиентами выше- и нижележащих слоев.

² *Циркуляции Ленгмюра* — упорядоченные циркуляции, развивающиеся в верхних слоях водоемов между двумя параллельными полосами, выстроенными примерно в направлении ветра, так называемыми ветровыми полосами. Вблизи поверхности частицы воды движутся (конвергируют) в направлении ветровых полос и там опускаются, образуя так называемый даунвеллинг (от англ. *down welling*). Между полосами частицы, наоборот, поднимаются, образуя апвеллинг (от англ. *upwelling*) и дивергируют. На глубине проникновения циркуляции картина меняется на противоположную. Таким образом, две соседние ветровые полосы (полосы конвергенции) ограничивают двумерную циркуляционную ячейку, состоящую из двух разнонаправленных вихрей.

— Естественно, мы увер... — вмешивается Наката и останавливается.

Кен предупреждающе кладет руку ей на плечо.

Наступает тишина.

— Там ночь наверху, — наконец произносит Брандер.

Глубинный рассеивающий слой поднимается с темнотой, распространяется тонкой средой по поверхности, пока дневной свет не прогоняет его вниз.

— И мы смогли бы услышать ее по голосовому каналу, даже если сигнал сонара не смог бы пробиться. Может, нам стоит самим подняться и осмотреться.

— Нет. Это не нужно, — отвечает динамик. — Это может быть опасно, пока мы не выясним, что случилось с Карако.

— То есть мы даже не станем ее искать? — Наката смотрит на остальных с яростью и изумлением. — Она может быть ранена, может быть...

— Извините меня, мисс...

— Наката! Элис Наката. Я поверить не могу...

— Мисс Наката, мы ее ищем. Мы уже собрали поисковую группу, чтобы прочесать поверхность. Но вы находитесь посередине Тихого океана. У вас просто нет ресурсов, чтобы охватить нужный объем. — Глубокий вздох, безупречно перенесенный по четыремстам километрам оптоволокну. — С другой стороны, если мисс Карако способна двигаться, то она, скорее всего, попытается вернуться на «Биб». Если вы хотите отправиться на поиски, то лучше всего оставайтесь ближе к дому.

Наката беспомощно оглядывается вокруг. Лабин стоит совершенно бесстрастный, после чего прижимает палец к губам. Брандер переводит взгляд с одного на другую.

Лени отворачивается.

— И у вас нет никаких идей, что с ней могло произойти? — спрашивает Энергосеть.

Майк скрипит зубами:

— Я уже говорил, был какой-то сонарный всплеск. Без подробностей. Мы думали, что вы сможете что-то нам сообщить.

— Извините. Мы ничего не знаем. Прискорбно, что она так далеко уплывала от станции. Океан — это... небезопасное место. Вполне возможно, ее схватил кальмар. Она была как раз на такой глубине.

Голова Накаты трясется.

— Нет, — шепчет Элис.

— Не волнуйтесь и звоните, если что-то прояснится, — увещевает динамик. — Мы сейчас составляем план поисков, так что если у вас нет никаких других новостей...

— Есть, — говорит Лабин.

— О?

— В паре километров к северо-западу отсюда есть автоматическая установка. Она появилась недавно.

— Действительно?

— Вы о ней не знаете?

— Повисите на линии, я проверяю. — Динамик замолкает на короткое время. — Все, засек. Господи, а она расположена далеко от вашего двора. Удивительно, что вы ее вообще нашли.

— Что это? — спрашивает Лабин.

Кларк наблюдает за ним, волосы на ее шее шевелятся.

— Тут говорят, что это сейсмологическое устройство. Офис Системных операций поставил ее там для изучения естественной радиации и тектоники. Вам следует держаться подальше от нее, она немного горячая, там есть определенное число калибровочных изотопов.

— Неэкранированных?

— Похоже на то.

— А от этого автомата не сжарится? — хочет знать Лабин.

Наката смотрит на него с открытым ртом, разозленная.

— Да кому это важно! Джуди пропала!

Она уловила смысл. Кен практически не разговаривает с остальными рифтерами; для него такой диалог с сухопутниками — настоящая болтовня.

— Тут говорится, что там есть оптический процессор, — говорит динамик после краткой паузы. — Радиация ему не помеха. Но я думаю, что искусственный интеллект... Мисс Наката права: вашей главной целью...

Лабин перегибается через Брандера и отрубает связь.

— Эй, — жестко реагирует Майк.

Элис смотрит на Кена слепым яростным взглядом и исчезает в люке. Кларк слышит, как она уходит в каюту и задраивает люк. Брандер смотрит на Лабина:

— Может, до тебя не дошло, Кен, но, возможно, Джуди погибла. Мы тут вроде как немного расстроенны по этому поводу. Особенно Элис.

Тот кивает без всякого выражения.

— Поэтому мне интересно, почему ты выбрал именно этот момент, чтобы допросить Энергосеть о технических спецификациях какой-то долбаной сейсмической установки.

— Это не сейсмическая установка.

— Да ну? — Брандер встает, вывернувшись из консольного кресла. — И какого же...

— Майк, — говорит Кларк.

— Что?

Она качает головой:

— Они сказали про оптический процессор.

— Да какая к хре... — Брандер замирает на полуслове.

Злость исчезает с его лица.

— Не гель, — поясняет Лени. — Чип. Вот что они сказали.

— Но зачем им врать? Когда мы можем просто отправиться туда и почувствовать...

— Они не знают, что мы на это способны, помнишь? — Она позволяет себе немного улыбнуться, словно делясь общим секретом с друзьями. — Они ничего о нас не знают. У них есть только наши досье.

— Уже нет, — напоминает ей Брандер. — Теперь они схватили Джуди.

— Они и нас схватили, — добавляет Лабин. — Поместили в карантин.

— Элис. Это я.

Мягкий голос сквозь жесткий металл:

— Заходи...

Кларк открывает люк, заходит внутрь.

Наката поднимает голову с матраса, когда дверь со вздохом захлопывается. Миндалевидные глаза, темные и встревоженные, влажным отблеском сверкают в пригашенном свете. Рука поднимается ко лбу:

— О, извини. Я сейчас...

Она роется в ящике около изголовья койки, где линзы плавают в пластиковых сосудах.

— Эй, нет проблем. — Кларк протягивает руку и останавливает ее буквально в сантиметре от Накаты. — Мне нравятся твои глаза. Я всегда... в общем...

— Да нечего мне тут прохлаждаться, в любом случае, — говорит Элис, поднимаясь. — Я должна быть снаружи.

— Элис...

— Я не собираюсь позволить ей там исчезнуть. Ты идешь?

Лени вздыхает:

— Элис, в Энергосети правы. Слишком большая зона поисков. Если она еще там, то знает, где нас искать.

— «Если?» А где еще она может быть?

Кларк изучает палубу под ногами, обдумывая возможности, и наконец говорит:

— Я... Я считаю, ее забрали сухопутники. Думаю, они и нас заберут, если мы последуем за ней.

Наката пристально смотрит на Лени своими беспокойными человеческими глазами:

— Почему? Почему они это сделали?

— Не знаю.

Элис оседает на койку, Кларк садится рядом.

Какое-то время обе молчат.

— Мне жаль, — в конце концов произносит Лени, не зная, что еще сказать. — Нам всем жаль.

Наката смотрит в пол, глаза ее сверкают, но слез нет. Шепчет:

— Не все. Кена, кажется, больше интересуется...

— У Кена есть причины. Они нам лгали, Элис.

— Они всегда нам лгали, — она говорит тихо, не поднимая глаз. А потом: — Я должна была быть там.

— Зачем?

— Я не знаю. Если бы мы там были вдвоем, возможно...

— Тогда мы бы потеряли вас обеих.

— Ты не знаешь наверняка. Может, это были даже не сухопутники, может, она столкнулась с чем-то... живым.

Кларк молчит. Вспоминает те же истории, что и Наката. Подтвержденным сообщениям о людях, съеденных Арчи, уже сто лет. Естественно, их было не слишком много: люди и гигантские кальмары редко пересекаются. Даже рифтеры плавают слишком глубоко для таких встреч.

Как правило.

— Вот почему я перестала плавать наверх вместе с ней, ты знала об этом? — Наката передергивается, вспоминая. — Мы наткнулись на что-то живое, там, в срединных слоях. Оно было ужасно. Какая-то тварь

вроде медузы, мне кажется. Она пульсировала, у нее были такие тонкие водянистые щупальца, почти невидимые, просто висящие в воде. И куча... желудков. Похожих на толстых конвульсирующих слизняков. Каждый имел свой собственный рот, и все они открывались и закрывались...

Лени кривится:

— Звучит мило.

— Поначалу я даже не заметила ее. Она была почти прозрачной, я врезалась прямо в нее, и существо принялось отбрасывать свои части. Главное тело тут же полностью потемнело и втянулось в себя, стало пульсировать, а все эти выпущенные желудки, рты, щупальца остались позади, они все светились, извивались, словно от боли...

— После такой встречи я думаю, что тоже не стала бы туда плавать.

— Самое странное то, что я вроде бы завидовала этой штуке, по-своему. — В глазах Накаты стоят готовые излиться слезы, но голос не меняется. — Наверное, хорошо уметь... отрезать от себя части, которые тебя выдают.

Кларк улыбается, представляя:

— Да.

Неожиданно для себя она только сейчас понимает: всего лишь несколько сантиметров отделяют ее от Элис. Они почти соприкасаются друг с другом.

«Сколько я уже сижу здесь?»

Лени отодвигается по привычке.

— Джуди так не считала, — Наката. — Ей было жалко части. Она почти разозлилась на основное тело, представляешь? Сказала, что то — слепая тупая масса. Как она там выразилась? «Типичная хренова бюрократия, чуть что, и она сразу приносит в жертву то, что ее кормит». Вот так.

Кларк улыбается:

— Очень похоже на Джуди.

— Она никогда ничего никому не спускает. Всегда отвечает. Мне это в ней нравится, сама-то я так никогда не делаю. Когда дела идут плохо, я просто... — Элис кидает взгляд на маленькое черное устройство, прикрепленное к стене рядом с подушкой. — Вижу сны.

Лени кивает, но ничего не говорит. Не может припомнить, когда еще Элис была такой болтливой.

— Это настолько лучше виртуальной реальности, у тебя гораздо больше контроля. А в виртуале ты всего лишь торчишь в чьих-то чужих снах.

— Я тоже такое слышала.

— А ты что, никогда не пробовала?

— Осмысленные сновидения? Пару раз. Так и не врубилась.

— Нет?

Кларк пожимает плечами:

— В моих снах не слишком много... деталей. — «А иногда слишком много». Она кивает в сторону машины Накаты: — Эти штуки пробуждают меня до такой степени, что я понимаю, насколько все вокруг туманно. А когда все-таки появляются какие-то детали, то это обычно что-то совсем глупое. Черви, ползущие под кожей, или типа того.

— Но ты можешь их контролировать. В этом весь смысл. Ты можешь все изменить.

«В твоих снах, возможно».

— Но тебе сначала надо все увидеть, что для меня несколько портит эффект. А по большому счету, там одни большие смутные провалы.

— А. — Призрачная улыбка. — Для меня это не проблема. Мир кажется мне слишком туманным даже наяву.

— Ну, — робко улыбается Кларк в ответ. — Как тебе удобно.

Опять тишина.

— Я просто хочу знать, — наконец говорит Наката.

— Понимаю.

— Ты знаешь, что произошло с Карлом. Это было плохо, но ты знала.

— Да.

Наката смотрит вниз. Кларк следит за ее взглядом и замечает, что накрыла руками ладони Элис. Похоже, это какой-то жест поддержки. Чувствуется вполне нормально. Она нежно сжимает их.

Наката поднимает голову. Обнаженные темные глаза почему-то все еще удивляют.

— Лени, она не отрицала меня. Я уходила в себя, смотрела сны, а иногда просто сходила с ума, и она со всем мирилась. Она понимала. Понимает.

— Мы — рифтеры, Элис. — Кларк сомневается, но решает рискнуть: — Мы все понимаем.

— Кроме Кена.

— Знаешь, я думаю, Кен понимает больше, чем нам кажется. И не считаю, что он ничего не чувствует. Он на нашей стороне.

— Лабин очень странный. Он здесь не по тем же причинам, что и мы.

— А по каким же?

— Они засунули нас сюда, потому что здесь нам место, — Наката шепчет. — А Кена, мне кажется... они просто не осмелились отправить его куда-то еще.

Брандер идет вниз, когда Лени возвращается в кают-компанию.

— Как Элис?

— Видит сны. С ней все в порядке.

— Никто из нас не в порядке, — отвечает Майк. — Наше время сочтено, если тебе интересно мое мнение.

Кларк хмыкает:

— Где Кен?

— Ушел. И больше не вернется.

— Что?

— Он ушел. Как Фишер.

— Ерунда. Кен — не Фишер. Он совершенно на него не похож.

— Мы знаем это. — Брандер тычет большим пальцем в сторону потолка. — Они — нет. Он ушел. По крайней мере, Кен хочет, чтобы такую историю мы продали навверх.

— Зачем?

— Ты думаешь, эта сволочь сказала мне? Я согласился ему подыграть, но могу тебе сказать, что уже начинаю уставать от такого маразма. — Майк спускается еще на пролет, оглядывается. — Я и сам иду наружу. Хочу проверить карусель. Думаю, там сейчас идут серьезные наблюдения.

— Против компании не возражаешь?

Брандер пожимает плечами:

— Нет.

— На самом деле, — замечает Кларк, — теперь нам не слишком-то подходит слово «компания», правда? Может, нам лучше стать... как их там...

— Союзниками?

Она кивает:

— Союзниками.

КАРАНТИН

ПУЗЫРЬ

Уже неделю мир Ива Скэнлона — это прямоугольник шесть на восемь метров. За все это время он не видел ни единой живой души.

Зато полно призраков. Лица скользили по рабочей станции, полные радостной заботы о его комфорте, дите, осведомлялись, не слишком ли неприятной была последняя желудочно-кишечная проба. Встречались и полтергейсты. Иногда они овладевали медицинским телеоператором, свисающим с потолка, заставляли его плясать, колоть, красть обрывки плоти с тела Скэнлона. Они говорили столь многими голосами, но в их словах было так мало смысла.

— По-видимому, все будет прекрасно, доктор Скэнлон, — как-то произнес телеоператор, говорящий экзоскелет. — Обыкновенный предварительный доклад из Вашингтон/Рэнд, какой-то новый патоген на рифте, скорее всего, доброкачественный...

Или приятным женским голосом:

— У вас прек... хорошее здоровье; я уверена, вам не о чем беспокоиться. И все-таки вы знаете, насколько осторожными приходится быть в наши дни. Даже угорь может мутировать в чуму, если ему позволить, хе-хе-хе... А теперь еще пару сантиметров...

Спустя несколько дней Ив прекратил спрашивать.

Что бы там ни было, он понимал — это серьезно. В мире обитала масса опасных микробов, новые плодились случайно, старые вырывались из темных уголков планеты, а обычные мутировали в невиданные ранее формы. Скэнлон уже попадал пару раз в карантин. Да многие попадали. Обычно в процессе участвовали люди в телесных презервативах, сестры, обученные поддерживать дух своевременной шуткой. Он никогда не слышал о ситуации, когда все операции осуществлялись с помощью дистанционного управления.

Может, все дело в безопасности. Энергосеть не хотела, чтобы новости просочились наружу, поэтому минимизировала количество задействованного персонала. А может... может, потенциальная угроза оказалась настолько велика, что они не хотели рисковать живыми техниками.

Каждый день Скэнлон обнаруживал какой-нибудь новый симптом. Одышка. Головные боли. Тошнота. Он был достаточно проницателен и задавал себе вопрос, реален ли хоть один из них.

Со все возрастающей частотой ему приходила в голову мысль, что он не выберется отсюда живым.

Нечто похожее на Патрицию Роуэн призраком маячило на экране время от времени, задавая вопросы о вампирах. Даже не призраком на самом деле. Симуляцией, замаскированной под плоть и кровь. Ее машинная природа проявлялась в еле заметных повторях, подражательных разговорных циклах, фиксации на ключевых словах в ущерб концепциям. Оно интересовалось, кто там был за главного? У Кларк больше веса, чем у Лабина? А у Брандера? Как будто кто-то мог проникнуть в суть этих искаженных фантастических созданий с помощью пары неумелых вопросов. Сколько лет понадобилось Скэнлону, чтобы достичь своего уровня компетенции?

Ходили слухи, что Роуэн не любила телефонных разговоров в реальном времени. Корпы всегда психовали по поводу безопасности и всего с ней связанного. И все равно это злило Ива. В конце концов, он оказался здесь по ее вине. Что бы Скэнлон ни подцепил на рифте, это произошло из-за ее приказа туда спуститься, а теперь к нему посылают кукол? Неужели она считает его настолько не имеющим значения?

Конечно, психиатр никогда не жаловался. Его агрессия была страстно пассивной. Вместо этого игрался с симуляцией. Ту было легко одурачить, ее запрограммировали искать определенные слова и сочетания в ответах на каждый поставленный вопрос. Как обученная собака, она хватала отдельные термины или бросалась за каждым правильным набором команд. Лишь когда она возвращалась домой, зажав в челюстях какую-нибудь совершенно бесполезную мелочь, ее хозяин понимал, насколько двусмысленными могут быть некоторые ключевые фразы...

Он потерял счет тому, сколько раз отправлял ее назад со ртом, набитым мусором. Она продолжала возвращаться, но ничему не училась.

Ив похлопал по телеоператору:

— Знаешь, а ты, скорее всего, умнее этого двойника. Правда, мало говоришь, но, по крайней мере, свой фунт плоти урываешь с первого раза.

Сейчас-то Роуэн осознала, что он делает. Может, это такая игра. Возможно, со временем она признает поражение и придет на встречу лично. Только из-за этой надежды он продолжал играть. Без нее он бы сдался и стал сотрудничать просто от скуки.

В первый день карантина Ив попросил одного из призраков принести ему сновидца, но получил отказ. Нормальный циркадный метаболизм был необходим

для одного из тестов, сказали ему; они не хотели, чтобы его ткани мухлевали. Несколько дней после этого Скэнлон вообще не мог заснуть. Потом рухнул в бездну без снов на двадцать восемь часов. А когда проснулся, то все тело болело от незапомнившейся волны микрохирургических ударов.

— Нетерпеливый маленький ублюдок, вот ты кто! — пробормотал он телеоператору. — Не мог подождать, пока я проснусь? Надеюсь, у тебя все прошло хорошо.

Ив говорил тихо, на случай, если в комнате установили микрофоны. Никто из призраков рабочей станции, похоже, ничего не смыслил в психологии; все они были физиологами и обыкновенными операторами-программистами. Если бы они слышали, что он говорит с машиной, то решили бы, что пациент рехнулся.

Теперь он спал по девять часов ежедневно. Непредсказуемые атаки барабашек иногда добавляли час сверху. Отчеты о работе команд и индустриальные профили психологической диагностики, ни один из которых не приходил с «Биб», регулярно появлялись на терминале: это еще пять или шесть часов.

В остальное время он смотрел телевизор.

А там происходили странные вещи. Непонятный подводный взрыв на Среднеатлантическом хребте, достаточно большой для ядерной бомбы, но официально подтверждения он так и не получил, и никто за него не взял на себя ответственность. Израиль и Танака-Крюгер возобновили свои ядерные испытательные программы, но об этом конкретном инциденте никто не знал. Обыкновенные протесты от корпораций и правительств. Дальше вещи приняли еще более серьезный оборот. Буквально на следующий день выяснилось, что несколькими неделями ранее Н'АмПасифик¹ отве-

---

¹ Североамериканско-Тихоокеанский конгломерат.

тил на относительно безобидную попытку пиратства со стороны корейского грязекопателя тем, что разнес его на куски прямо в воде.

Региональные новости тоже беспокоили. Около трехсот человек погибло от взрыва зажигательной бомбы, которая разнесла большую часть судоверфи «Урчин» в Портленде. Для двух часов ночи это был довольно высокий показатель смертности, но здания примыкали к Полосе, и пожар унес жизни немалого числа беженцев. Мотивы неизвестны. Определенная схожесть с гораздо меньшим взрывом, произошедшим несколько недель назад за сто километров к северу, в пригороде Кокитлама. Там причиной посчитали очередную войну банд.

И, кстати говоря, о Полосе: опять волнения среди беженцев, навеки заблокированных на побережье. Обычное разумное решение заурядных муниципальных образований. Береговая линия — единственная доступная недвижимость в наши дни, и, к тому же, вы представляете, сколько будет стоить конструкция канализации для семи миллионов человек, если пустить их внутрь континента?

Еще один карантин, в этот раз из-за какой-то немагоды, сбежавшей из истоков Ивиндо. Новостей из Северо-Тихоокеанского региона нет. От Хуан де Фука ничего.

Спустя две недели заключения Скэнлон понял, что воображаемые им симптомы полностью исчезли. На самом деле он почему-то чувствовал себя лучше, чем когда-либо за многие годы. Но они все еще держали его под замком. Тесты не прекращались.

Через какое-то время первоначальный жгучий страх утих, превратившись в хроническую тупую боль в животе, столь расплывчатую, что Ив едва ее чувствовал. А однажды он проснулся с ощущением почти лихорадочного облегчения. Неужели он действительно

думал, что Энергосеть будет держать его в заточении вечно? Неужели превратился в такого параноика? О нем хорошо заботились. Следовательно, он был для них важен. Поначалу он этого не понял. Но вампиры все еще оставались проблемой; иначе Роуэн не гоняла бы свою марионетку через рабочую станцию. И Энергосеть выбрала Скэнлона для изучения этого вопроса, поскольку они знали: лучше человека для такой работы не сыскать. Теперь же они просто защищают свои инвестиции, удостоверяются, что он полностью здоров. Ив громко рассмеялся над своим прежним, паникующим «я». Беспокоиться совершенно не о чем.

К тому же сейчас он в курсе новостей. Здесь гораздо безопаснее.

КЛИЗМА

Говорил он с ним только по ночам, разумеется.

После дневных анализов и сканирований, когда тот висел, свернутый на потолке, с приглушенными огнями. Ив не хотел, чтобы призраки подслушивали. Его не слишком смущали доверительные разговоры с машиной. Скэнлон чересчур много знал о человеческом поведении, чтобы беспокоиться о столь безобидных причудах. Одинокие пользователи всегда влюблялись в виртуальные симуляции. Программисты привязывались к собственным созданиям, вселяя воображаемую жизнь в каждый полностью предсказуемый ответ. Господи, люди с подушками разговаривали, когда у них не было выбора. Мозг не проведешь, но сердце радовалось обману. Это совершенно естественно, особенно в длительной изоляции. Абсолютно не о чем беспокоиться.

— Я им нужен, — сказал Скэнлон, когда окружающее освещение понизилось настолько, что практиче-

ски ничего не стало видно. — Я знаю вампиров. Знаю лучше, чем кто-либо. Я жил с ними. И выжил. Эти же... эти сухопутные крысы только используют их. — Он посмотрел наверх.

Телеоператор висел там летучей мышью в мутном свете и не отвечал; почему-то именно это успокаивало больше всего.

— Я думаю, Роуэн сдастся. Ее кукла сказала, что она попытается и найдет время.

Нет ответа.

Скэнлон качает головой, обращаясь к спящей машине:

— Я теряюсь, ты знаешь? Превращаюсь в чистый спинной мозг, вот что я делаю.

Последние дни он нечасто в этом себе признавался. И явно не с тем чувством ужаса и неуверенности, что испытывал неделю назад. Но, пройдя за последнее время через столько испытаний, он считал вполне естественным, что произойдут какие-то изменения. Вот он здесь, сидит в карантине, возможно, подхватил какую-то неизвестную заразу. До этого он прошел через то, от чего большинство людей сдвинулось бы по фазе. А до этого...

Да, он через многое прошел. Но Ив был профессионалом. Он все еще мог повернуться и пристально взглянуть в самого себя. Лучше, чем остальные люди. В конце концов, всех иногда обуревали приступы сомнений и неуверенности. Тот факт, что он был достаточно силен, чтобы признать это, не делал его уродом. Скорее наоборот.

Скэнлон всмотрелся в дальний конец комнаты. Окно изоляционной мембраны, растянувшееся на верхней половине стены, вело в маленькую темную комнату, пустовавшую с самого его прибытия. Скоро там будет стоять Патриция Роуэн. Снимет сливки с прозрений Скэнлона и, если еще не поняла, насколько он

ценен, то убедится в этом, когда поговорит с ним. Долгое ожидание признания скоро закончится. Дела скоро совершат крутой поворот к лучшему.

Ив протянул руку и дотронулся до дремлющего металлического когтя.

— Ты мне больше нравишься таким, — заметил он. — Такой ты менее... враждебен. Интересно, кем ты будешь говорить завтра...

Говорил словно какой-то новичок только что из школы. И действовал так же. Хотел, чтобы он сбросил штаны и наклонился.

— Иди в задницу, — поначалу отреагировал Скэнлон, войдя в образ.

— Есть у меня такое намерение, — ответил аппарат, покачивая зондом в виде карандаша, расположившимся на конце руки. — Давайте, доктор Скэнлон. Вы знаете, это для вашего же блага.

На самом деле он об этом не знал. Потом спрашивал себя, не терпел ли он эти унижения только благодаря подавленному садизму этого говнюка, направленному в ложное русло. Еще несколько месяцев назад от таких процедур Ив сошел бы с ума. Но он наконец увидел свое место во вселенной и выяснил, что может позволить себе быть терпимым. Низость других более не беспокоила его так, как ранее. Скэнлон был выше нее.

Тем не менее он задержал занавеску на окне, прежде чем расстегнуть ремень. Роуэн могла показаться в любое время.

— Не двигайтесь, — сказал призрак. — Больно не будет. Некоторым людям это даже нравится.

Скэнлону не понравилось. Осознание этого даже несколько обнадежило.

— Я не понимаю причину спешки, — пожаловался он. — Сюда ничего не приходит и отсюда ничего не

выходит, пока ваши люди не повернут где-нибудь рубильник. Почему бы вам просто не взять то, что я сливаю в туалет?

— Мы так и делаем, — ответила машина, беря образец. — С тех пор как вы сюда попали. Но никогда не знаешь. Некоторые вещества разлагаются почти сразу, как покидают тело.

— Если они настолько быстро разлагаются, тогда почему я до сих пор в карантине?

— Эй, я не говорил, что они безвредны. Просто заметил, что они могут превращаться во что-то еще. А может, они действительно безвредны, а вы просто сильно расстроили кого-то наверху.

Скэнлон поморщился:

— Людям наверху я вполне нравлюсь. А что вы ищете?

— Пиранозил-РНК.

— Я... я не совсем уверен, что помню о таком веществе.

— А вы и не должны. Оно вышло из употребления три с половиной миллиарда лет назад.

— Экое старое дерьмо.

— Да не, совсем свежее. — Зонд вышел. — В доисторические времена оно было последним писком моды, пока...

— Простите, — голос Патриции Роуэн.

Ив автоматически перевел взгляд на рабочую станцию. Ее там не было. Звук шел из-за занавески.

— А. Компания. Ну, я получил то, что хотел. — Рука свернулась и аккуратно поместила испачканный зонд на столик. К тому времени, когда Ив надел штаны, телеоператор вернулся в нейтральное положение.

— Увидимся завтра, — произнес призрак и сбежал. Огни машины потухли.

Она здесь.

Прямо в соседней комнате.

Оправдание рядом.

Скэнлон глубоко вздохнул и отодвинул занавеску.

Патриция Роуэн стояла в тени у противоположной стены. Ее глаза светились слабой ртутью: почти вампирские, но словно разбавленные. Прозрачные, а не матовые.

Контактные линзы, естественно. Скэнлон как-то пробовал носить такие же. Они улавливали слабую радиочастоту от часов, прокручивали картинки в поле зрения на виртуальном расстоянии примерно в сорок сантиметров. Патриция увидела Ива и улыбнулась. Что еще она разглядела через свои волшебные стеклышки, он мог только гадать.

— Доктор Скэнлон, рада видеть вас снова.

Он улыбнулся в ответ:

— А я рад, что вы пришли. Нам нужно о многом поговорить...

Роуэн кивнула, открыв рот.

— ...и хотя ваши двойники совершенно адекватны для нормального разговора, они обычно не улавливают множества нюансов...

Закрыла его.

— ...особенно принимая во внимание тот род информации, который вас, кажется, интересует.

Роуэн посомневалась секунду:

— Да. Разумеется. Нам, эмм, нужны ваши наблюдения и интуиция, доктор Скэнлон. — Да. Прекрасно. Разумеется. — Ваш отчет по «Биб» был крайне, так скажем, интересным, но с того момента, как вы его составили, ситуация несколько изменилась.

Он задумчиво кивнул:

— Каким образом?

— Для начала, пропал Лабин.

— Пропал?

— Исчез. Может, погиб, хотя сигнала от его датчика не поступало. Или, скорее всего, регрессировал, как Фишер.

— Понятно. А вы узнали, не пропал ли кто-нибудь на других станциях? — Это было одно из предсказаний, сделанных им в докладе.

Ее глаза, покрывшиеся серебряной рябью, казалось, уставились куда-то в точку за его левым плечом.

— Мы не можем сказать наверняка. Определенно, у нас есть потери, но рифтеры не слишком склонны делиться с нами деталями. Как мы и ожидали, естественно.

— Да, естественно. — Ив попытался придать лицу задумчивое выражение. — Значит, Лабин пропал. Неудивительно. Он больше других приблизился к краю. На самом деле, насколько помню, я предсказывал...

— Возможно, с таким же успехом, — пробормотала Роуэн.

— Простите?

Она покачала головой, словно отвлекшись на что-то.

— Ничего. Извините.

— А. — Скэнлон снова кивнул. Не нужно заострять разговор на Лабине, если Патриция не хочет. Он много всего предсказал. — Остается также вопрос об эффекте Ганцфельда, я о нем упоминал. Оставшаяся команда...

— Да, мы говорили с несколькими... экспертами об этом.

— И?

— Они не думают, что окружающая среда рифта «достаточно скудна», как они выразились. Недостаточно скудна для запуска Ганцфельда.

— Понятно. — Скэнлон почувствовал, как часть его старого «я» ошетиливается, но улыбнулся, не обращая на нее внимания. — И как же они объясняют мои наблюдения?

— На самом деле, — Роуэн закашлялась, — они не убеждены в том, что вы наблюдали нечто значимое. Очевидно, существуют доказательства, что ваш отчет был составлен в условиях... личного стресса.

Ив аккуратно замораживает улыбку, не позволяя ей сбежать:

— Ну, каждый придерживается своего мнения.

Патриция не отвечает.

— Хотя тот факт, что рифт — это стрессоёмкая окружающая среда, не должен стать новостью для любого настоящего эксперта, — продолжил Скэнлон. — В конце концов, именно это было целью программы.

Роуэн кивнула:

— Я не ставлю под сомнение ваши доводы, доктор. Я просто недостаточно квалифицирована, чтобы принять чью-то точку зрения.

«Это точно», — но он промолчал.

— И в любом случае, вы там были. А они нет.

Скэнлон расслабился. Разумеется, она ставит его мнение выше решений других экспертов, кем бы они ни были. Она же сама отправила его вниз, в конечном итоге.

— Это не так важно, — сказала она, сменив тему. — Нашей непосредственной заботой сейчас является карантин.

«И моей тоже».

Но, естественно, ничего подобного Ив не сказал. Это было бы... непрофессионально... слишком сильно заботиться о своем собственном благосостоянии сейчас. К тому же, с ним хорошо обращались. По крайней мере, он знал, что происходит.

— ...пока, — закончила Роуэн.

Скэнлон моргнул:

— Что, простите?

— Я сказала, что по естественным причинам мы решили не отзываться команду с «Биб». Пока.

— Понятно. Ну, вам повезло. Они сами не хотят уходить.

Роуэн подошла ближе к мембране, глаза поблекли на свету.

— Вы уверены в этом?

— Да. Рифт — это их дом, мисс Роуэн, причем настолько, насколько постороннему человеку сложно понять. Они там, внизу, чувствуют себя более живыми, чем на суше за все свое существование, — он пожал плечами. — К тому же, даже если бы они решили уйти, то что им делать? Едва ли они смогут преодолеть вплавь весь путь до континента.

— На самом деле могут.

— Что?

— Это возможно, — признала Патриция. — Теоретически. И мы... мы поймали одного при попытке бегства.

— Что?

— Наверху, в эфотической зоне. У нас там была подлодка, чтобы... ну чтобы присматривать за ситуацией. Одна из рифтеров... Крэкер или... — Сверкающая линия пронеслась по глазам. — Карако, да. Джу-ди Карако. Она направлялась прямо к поверхности. Они решили, что она пытается сбежать.

Скэнлон покачал головой:

— Карако тренируется, мисс Роуэн. Это было в моем отчете.

— Я знаю. Возможно, с ним надо ознакомить большее количество сотрудников. Хотя обычно ее тренировки никогда не подходили настолько близко к поверхности. Я понимаю, почему они... — Роуэн тряхнула головой. — В любом случае, они забрали ее. Возможно, это ошибка. — Еле заметная улыбка. — Иногда случается.

— Понятно.

— Поэтому сейчас мы находимся в щекотливой ситуации. Возможно, команда «Биб» считает, что с Ка-

рако произошел еще один несчастный случай. Возможно, они что-то заподозрили. Следует ли нам просто промолчать и надеяться, что все рассосется само собой? Попытаются ли они сбежать, если решат, что мы скрываем от них информацию? Кто уйдет, а кто останется? Они действуют как группа или как сборище отдельных индивидуумов?

Она замолчала.

— Много вопросов, — произнес Скэнлон, помолчав.

— Ладно, тогда один. Подчинятся ли они прямому приказу остаться на рифте?

— Они могут остаться на разломе, но не потому, что им приказали.

— Мы думаем, может, Лени Кларк нам поможет. Согласно вашему отчету, она там является более-менее лидером. И Лабин — был — темной лошадкой. Теперь он вне игры, и Кларк, возможно, сможет держать остальных в узде. Если мы сможем до нее добраться.

Скэнлон покачал головой:

— Кларк — никакой не лидер, по крайней мере, не в обычном значении этого слова. Она независимо от других формирует свое поведение, и остальные... они просто следуют по ее пути. Это не обычная система, основанная на подчинении, как вы ее понимаете.

— Но если они следуют по ее пути, как вы говорите...

— Я предполагаю, — медленно сказал Ив, — что, скорее всего, она подчинится приказу остаться на месте, неважно, насколько плохой будет ситуация. В конце концов, она зависима от насильственных взаимоотношений. — Он останавливается. — Вы можете попытаться сказать им правду.

Она кивнула:

— Есть и такая возможность. И как, по-вашему, они отреагируют?

Скэнлон не ответил.

— Они нам поверят? — спросила Роуэн.

Ив улыбнулся:

— А у них есть на то причины?

— Скорее всего, нет. — Она вздохнула. — Но вне зависимости от того, что мы им скажем, вопрос останется неизменным. Как они поступят, когда выяснят, что застряли там?

— Возможно, никак. Они хотят быть там.

Роуэн посмотрела на него с любопытством.

— Я удивлена, что вы это говорите, доктор.

— Почему?

— Мне очень нравится жить в своей квартире. Но если кто-то поместит меня под домашний арест, я тотчас же захочу оттуда сбежать, а я полностью здорова психологически.

Скэнлон пропускает последнюю фразу мимо ушей и признает:

— В этом есть смысл.

— Это азы. И я удивлена, что кто-то с вашим образованием пропустил подобный довод.

— Я не пропускал. Я просто думаю, что другие факторы его перевесят. — Снаружи Ив улыбнулся. — Как вы уже сказали, вы полностью здоровы психологически.

— Да. По крайней мере, пока. — Глаза начальницы заволакивает вихрь данных. Она уставилась в пространство, оценивая новую информацию. — Простите меня. Проблемы на другом фронте. — Потом снова фокусируется на психиатре. — Вы когда-нибудь чувствовали вину, Ив?

Он засмеялся, но резко оборвал себя:

— Вину? Почему?

— За проект. Из-за того... что мы сделали с ними.

— Им там лучше. Поверьте мне, я знаю.

— Вы знаете?

— Больше, чем кто-либо, мисс Роуэн. И вам об этом хорошо известно. Поэтому вы и пришли ко мне сегодня.

Она молчала.

— К тому же их никто не призывал. Это был их свободный выбор.

— Да, — тихо согласилась Роуэн. — Был.

И протянула руку сквозь окошко.

Мембрана обтянула ее жидким стеклом, облепила контуры пальцев без единой морщинки, окрасила ладонь, запястье и предплечье прозрачным слоем, чуть натянулась у локтя и по краям рамы.

— Спасибо за ваше время, Ив.

Спустя какое-то время Скэнлон пожал протянутую ладонь. На ощупь она походила на слегка смазанный лубрикантом презерватив.

— Не за что.

Роуэн убрала руку и отвернулась. Мембрана распрямилась за ней мыльным пузырем.

— Но... — протянул Ив.

Она снова повернулась:

— Да?

— Это все, что вы хотели?

— На данный момент.

— Мисс Роуэн, если позволите. Вы многого не знаете о тех людях внизу. Многого. И только я могу дать вам информацию о них.

— Я ценю это, Ив...

— На них зиждется вся геотермальная программа. Я уверен, вы это понимаете.

Она отходит от мембраны:

— Я понимаю, доктор Скэнлон. Поверьте мне. Но сейчас передо мной стоит ряд первоочередных задач. И пока я знаю, где вас найти. — Она снова отвернулась.

Ив, как мог, постарался не выдать голосом своих чувств:

— Мисс Роуэн...

И тогда в ней что-то изменилось, появилась еле уловимая жесткость в позе, которая прошла бы незамеченной для большинства людей. Но Скэнлон увидел ее, когда Роуэн повернула к нему лицо. Крохотная дыра раскрывается в его желудке.

Он пытается придумать, что же ему сейчас сказать.

— Да, доктор, — произнесла она, и голос ее был чересчур ровным.

— Я знаю, что вы заняты, мисс Роуэн, но... сколько еще я здесь пробуду?

Она чуть смягчилась:

— Ив, мы все еще не знаем. Можно сказать, что это простой карантин, только исследования занимают гораздо больше времени, чем обычно. Оно со дна океана, в конце концов.

— Что это, вы можете сказать?

— Я — не биолог. — Она на секунду потупилась, а потом снова открыто посмотрела на него: — Но одно могу сказать вам точно: вам не следует беспокоиться, это не смертельно. Даже если у вас и есть эта штука, она не атакует людей...

— Тогда почему...

— По-видимому, существуют какие-то сельскохозяйственные резоны. Они больше боятся того воздействия, которое оно может оказать на некоторые растения.

Он обдумал сказанное и даже почувствовал себя лучше.

— А сейчас мне действительно надо идти. — Роуэн, кажется, о чем-то подумала, а потом добавила: — И больше никаких двойников. Я обещаю. Это было очень грубо с моей стороны.

ПЕРЕБЕЖЧИК

Она сказала правду о двойниках, но солгала про все остальное.

Через четыре дня Скэнлон оставил сообщение Роуэн. Еще через два — следующее. А пока ждал призрака, засовывавшего палец ему в задницу, чтобы тот пришел и побольше рассказал о доисторической биохимии. Но он так и не появился. Теперь и другие духи навещали его не слишком часто, а когда все-таки приходили, то практически ничего не говорили.

Роуэн не ответила на звонки Скэнлона. Терпение обернулось неуверенностью. Неуверенность затлела убежденностью, а та стала медленно кипеть.

«Заперт здесь уже три гребаных недели, а она наносит мне десятиминутный визит вежливости. Десять вшивых минут, чтобы провякать „мои эксперты решили, что вы неправы“ и „это же азы, даже странно, что вы их не заметили“. А потом уходит. Сука, просто улыбается и уходит».

— А знаешь, что бы мне надо было сделать? — рычал он на телеоператора.

Стояла середина дня, но ему было уже совершенно наплевать. Никто не слушал, его здесь бросили. Может, и вообще позабыли о нем.

— Надо было пробить дыру в этой херовой мембране, пока Роуэн там стояла. Запустить то, что здесь летает, прямо ей в легкие. Спорим, это вдохновило бы ее на поиск некоторых ответов!

Он знал, что это всего лишь фантазия. Мембрана отличалась невероятной эластичностью и неимоверной прочностью. Даже если бы ему удалось ее прорезать, та бы заросла, прежде чем хоть одна газовая молекула

проникла наружу. И все равно думать о такой возможности было очень приятно.

Хотя и недостаточно. Скэнлон схватил стул и метнул его в окно. Пленка поймала его обтягивающей перчаткой, облепила форму, позволила чуть ли не упасть на пол с другой стороны. А потом медленно выпрямилась, снова став двухмерной. Целехонький, стул перевалился обратно в камеру.

И только подумать, она еще имела дерзость читать ему лекции, тупые нотации про домашний арест! Как будто поймала на какой-то лжи, когда он предположил, что вампиры останутся на месте и никуда не уйдут. Как будто подумала, будто он их прикрывает.

Да, он знал о них больше, чем кто-либо, но это не значило, что он — один из них. Это не значило...

«Мы могли обращаться с вами получше», — сказал Лабин там, напоследок. «Мы». Словно говорил за всех. Словно, наконец, они приняли его. Словно...

Но вампиры — товар порченный, всегда им были. В том и состояла цель. Как мог Ив стать членом в подобном клубе?

Хотя теперь он точно знал одно. Он бы лучше стал вампиром, чем одним из этих сволочей наверху. Теперь это стало очевидно. Теперь, когда все претензии отпали и никто даже не заботился о том, чтобы с ним поговорить. Они использовали его, а теперь выбросили, так же, как и рифтеров. Разумеется, глубоко внутри он всегда знал об этом, но пытался отрицать, держал под спудом многих лет приспособленчества, добрых намерений и ошибочных попыток соответствовать.

Эти люди были его врагами. Всегда.

И сейчас они держали его за яйца.

Он крутанулся и ударил кулаком по диагностическому столу. Даже боли не появилось. Он продолжил, пока ее не почувствовал. Тяжело дыша, отдуваясь, с

окровавленными, саднившими кулаками, он оглянулся вокруг, ища, что бы разбить.

Телеоператор проснулся и успел только зашипеть и заискриться, когда стул врезался ему в середину туловища. Какое-то время одна из рук судорожно билась. Легкий запах горячей изоляции. И больше ничего. Лишь слегка покореженный, телеоп заснул над мусором изломанных парадигм.

— Совет дня, — прорычал ему Скэнлон. — Никогда не доверяй сухопутной крысе.

ЗЕЛЬЦ

ТЕМА И ВАРИАЦИЯ

Сквозь каменистое дно проносится дрожь землетрясения. Изумрудная решетка распадается изломанной паутиной сетью. Лазерные лучи вслепую отражаются в бездну.

Откуда-то изнутри карусели доносится легкое недовольство. Усиленное осознание. Сместившиеся лучи шарят по илу, начинают выстраиваться заново.

Кларк видела и чувствовала все это прежде. В этот раз она наблюдает за тем, как призмы на дне вращаются и приспособливаются, словно крохотные радиотелескопы. Одна за другой потревоженные спицы света возвращаются в исходное положение, параллельные, перпендикулярные, двумерные. За несколько секунд решетка полностью восстановлена.

Бесчувственное удовлетворение. Холодные чужие мысли возвращаются к исходной проблеме.

А чуть дальше приближается что-то еще. Тонкое и голодное, отдающееся в голове Кларк еле слышным пронзительным воем...

— Вот же дерьмо, — жужжит Майк, ныряя ко дну.

Оно ударяет из тьмы над рифтерами, неразумно упрямое, размером с Кларк и Брандера вместе взятых. В глазах существа отражается свечение сети вни-

зу. Оно ударяется о верх карусели, пасть раскрыта, отскакивает, половина зубов сломана.

У него нет мыслей, но Лени чувствует эмоции. Те не меняются. Раны никогда не сбивают этих монстров с толку. Следующая атака приходится на один из лазеров. Чудовище скользит вдоль крыши установок, заходит снизу, заглотив один из лучей, врежется в эмиттер и начинает дергаться в конвульсиях.

Неожиданная компенсаторная дрожь пробегает вдоль позвоночника Кларк. Существо тонет, извиваясь. Лени чувствует, как оно умирает, еще не коснувшись дна.

— Господи, — говорит она. — Ты уверен, что это не лазер сделал?

— Нет. Он слишком слабый, — отвечает Брандер. — Ты разве не почувствовала? Электрический разряд?

Лени кивает.

— Эй, — осознает Майк. — Так ты этого еще не видела, так?

— Нет, хотя Элис мне рассказывала.

— Лазеры, когда мечутся, иногда их привлекают.

Кларк ищет взглядом труп. Внутри него тихо шипят нейроны. Тело умерло, но понадобятся еще часы, прежде чем клетки окончательно вырубятся.

Она переводит взгляд обратно на машину, убившую монстра, и жужжит:

— Повезло, что никто из нас не прикоснулся к ней.

— Я держусь от нее подальше. Лабин сказал, радиационный фон у нее низкий, никакой опасности, но всякое бывает...

— Я настроилась на гель, когда это случилось. Не думаю, что он...

— Гель даже не заметил. Подозреваю, он вообще не подключен к защитной системе. — Брандер оглядыва-

ет металлическую структуру. — Нет, наш зельц слишком себе на уме, чтобы тратить время на беспокойство о рыбах.

Она смотрит на него:

— Ты же знаешь, что это, да?

— Не знаю. Возможно.

— И?

— Я сказал, что не знаю. Просто есть пара идей.

— Давай, Майк. Если у тебя и есть пара идей, то это только потому, что мы тут уже две недели болтаемся и делаем пометки. Выкладывай.

Он плавает над ней, глядя вниз, и наконец произносит:

— Ладно. Только дай мне сначала проанализировать сегодняшние данные и сравнить с предыдущими. И тогда, если результат подтвердится...

— Давно пора, — Кларк хватается со дна «кальмара» и дергает ручку зажигания. — Хорошо.

Брандер качает головой:

— Не думаю. Я так не думаю.

— И так. Умные гели предназначены для того, чтобы анализировать быстрые изменения в топографии, правильно?

Брандер сидит в библиотеке. Перед ним на одной из плоских панелей вертится картинка режима ожидания. За его плечами Кларк, Лабин и Наката тоже ждут.

— Существуют два способа быстрого изменения географического ландшафта. Во-первых, можно быстро двигаться по сильно пересеченной местности. Вот почему гели устанавливают в грязекопателях, и они управляют автопилотами на машинах. Во-вторых, можно сидеть на месте и наблюдать за тем, как вокруг все меняется.

Он оглядывается. Все молчат.

— И?

— То есть оно думает о землетрясениях, — замечает Лабин. — Энергосеть нам примерно об этом и сообщила.

Брандер поворачивается к консоли.

— Не просто о любых землетрясениях, — в голосе его появляется неожиданная хриплость. — Об одном и том же. Снова и снова.

Он касается иконки на экране. На дисплее появляются две оси, X и Y, рядом с каждой линией виднеется изумрудный текст: абсцисса — «Время», ордината — «Активность».

Линия начинает ползти слева направо по экрану.

— Это обобщенный график наших наблюдений, — объясняет Брандер. — Я попытался сделать какую-то разметку по оси Y, но единственное, что можно там поставить наверняка, — это «сейчас он напряженно размышляет» и «сейчас он расслаблен». Поэтому приходится обойтись относительной шкалой. Сейчас вы видите минимальную активность.

Линия выстреливает вверх примерно на четверть графика, затем опять выравнивается.

— Вот сейчас гель начинает о чем-то думать. Я не нашел корреляции с какими-то очевидными сдвигами, значит, он развивает активность сам по себе. Наверное, у него внутренне сгенерированная петля.

— Симуляция, — отзывается Лабин.

— Какое-то время оживление минимально, — продолжает Майк, не обращая на него внимания, — а потом — вуаля!.. — Еще один прыжок, примерно на половину оси Y. Линия держится на новой высоте приблизительно пару пикселей, потом прыгает снова. — Вот здесь он развивает серьезную мыслительную деятельность, начинает расслабляться, а потом прини-

мается думать еще больше. — Еще один маленький скачок, затем постепенный спад. — Зельц совсем теряется в мыслях, но потом наступает долгая пауза. — И действительно, линия идет вниз без перерывов почти тридцать секунд.

— И вот тут...

Линия выстреливает вверх, чуть ли не за пределы графика.

— Тут у него, похоже, чуть не случилось кровоизлияние в мозг. Картина не меняется, пока...

Линия вертикально падает.

— ...не возвращается к минимуму. Тут у нас какой-то мелкий шум, думаю, он сохраняет или обновляет результаты, и снова все по-старому. — Брандер откидывается на спинку стула, рассматривает остальных, сцепив руки за головой. — Вот и все, что он делает. Пока мы за ним наблюдали. Весь цикл занимает примерно пятнадцать минут плюс-минус.

— И все? — спрашивает Лабин.

— Есть интересные вариации, но это основной образец.

— И что это значит? — спрашивает Кларк.

Брандер наклоняется вперед, к библиотеке:

— Предположим, ты — эпицентр землетрясения, начинающегося на рифте и уходящего на восток. Угадай, сколько сдвигов породы тебе придется пересечь, чтобы добраться до континента.

Лабин кивает и ничего не говорит.

Кларк рассматривает график, предполагая: «Пять».

Наката даже не моргает, но сейчас она вообще мало что делает.

Брандер указывает на первый скачок:

— Мы. Источник Чэннера, — второй. Хуан де Фука, Осевой сегмент, — третий. Хуан де Фука, сегмент хребта Эндевар, — четвертый. Мини-гидроразрыв

Бельтца ¹. — Последний и самый длительный. Каскадная субдукционная зона ².

Он ждет их реакции.

Никто ничего не говорит.

Снаружи слабо доносится звук похоронной музыки ветра.

— Боже. Смотрите, любая симуляция в вычислительном отношении наиболее интенсивна, когда число возможных результатов максимально. Когда толчок проходит через сдвиг породы, то порождает сопутствующие волны, перпендикулярные основному направлению движения. При моделировании процесса на эти точки приходятся самые сложные вычисления.

Кларк пристально смотрит в экран.

— Ты в этом уверен?

— Боже, Лен, я основываюсь на бессистемных выплесках от кучи хреновой нервной ткани. Разумеется, я не уверен. Но я скажу тебе следующее: если предположить, что первый толчок — это непосредственное землетрясение, а финальный спад — континент, а также принять во внимание умеренно постоянную скорость распространения волны, то вот эти промежуточ-

---

¹ *Гидроразрыв пласта* (ГРП) — один из методов интенсификации работы нефтяных и газовых скважин и увеличения приемистости нагнетательных скважин. Метод заключается в создании высокопроводимой трещины в целевом пласте для обеспечения притока добываемого флюида (газ, вода, конденсат, нефть либо их смесь) к забоя скважины. Технология осуществления ГРП включает в себя закачку в скважину с помощью мощных насосных станций жидкости разрыва (гель, в некоторых случаях вода, либо кислота при кислотных ГРП) при давлениях выше давления разрыва нефтеносного пласта.

² *Зона субдукции* — место, где океаническая кора погружается в мантию. К зонам субдукции приурочено большинство землетрясений и множество вулканов.

ные пики выпадают прямо на сегмент Кобба¹, Бельтц и Каскадную субдукционную зону. И я не думаю, что это совпадение.

Кларк хмурится:

— Но разве это не означает, что модель останавливается, как только достигает Североамериканского побережья? По идее, именно оно должно быть для них интереснее всего.

Брандер закусывает губу:

— Вот в этом и дело. Чем ниже активность в конце периода, тем он дольше.

Она ждет. Ей не нужно спрашивать. Майк слишком горд собой, чтобы сейчас промолчать.

— И если предположить, что низкая активность в конце периода отражает воздействие относительно слабого землетрясения, это значит, зельц большую часть времени просчитывает толчки, чье влияние приведет к наименьшему воздействию на континент. Обычно все его размышления останавливаются, как только ударная волна достигает берега.

— Есть порог, — говорит Лабин.

— Что?

— Каждый раз, когда гель предсказывает береговое землетрясение выше определенного порога, модель отрубается и все начинается снова. Неприемлемые потери. Большую часть времени он проводит, размышляя о слабых толчках, но все они пока приводят к неприемлемым потерям.

Брандер медленно кивает:

— Я об этом думал.

---

¹ *Сегмент Кобба* — северная часть хребта Хуан де Фука, лежащая к югу от сегмента хребта Эндевар. 150-километровый сегмент является одним из самых длинных в хребте Хуан де Фука. Как и с другими сегментами хребта, под этим, согласно исследованиям, находится магматическая камера.

— Прекрати думать, — голос у Кена еще более мертвый, чем обычно. — У этой штуки только одно на уме.

— И что же? — спрашивает Кларк.

— Лабин, у тебя паранойя, — фыркает Майк. — Просто потому, что она немного радиоактивна...

— Они нам солгали. Забрали Джуди. Даже ты не можешь быть настолько наивным...

— Что? — переспрашивает Лени.

— Но зачем? — требует ответа Брандер. — В чем смысл?

— Майк, — тихо и четко произносит Кларк, — заткнись.

Тот моргает и замолкает. Она поворачивается к Лабину:

— Что у зельца на уме?

— Он изучает местные плиты. Он спрашивает, что произойдет с побережьем, если тут прямо сейчас произойдет землетрясение. — Кен размыкает губы, и очень мало людей приняло бы этот оскал за улыбку. — Пока ответ ему не нравится. Но раньше или позже возможный удар станет ниже некоторой критической отметки.

— И что тогда? — спрашивает Кларк.

«Как будто я не знаю».

— Тогда он взорвется, — произносит очень тихий голос.

Элис Наката снова заговорила.

ЭПИЦЕНТР

Довольно долго все молчат.

— Это безумие, — первой произносит Кларк.

Лабин пожимает плечами.

— То есть вы считаете, что это какая-то бомба?

Он кивает.

— Бомба достаточно большая, чтобы вызвать землетрясение в трехстах — четырехстах километрах отсюда?

— Нет, — говорит Наката. — Все эти хребты, которые придется пересечь ударной волне, должны обновить ее. Как фэйерволлы.

— Если только, — добавляет Кен, — один из них сам не готов съехать.

Каскадная зона. Никто ничего не говорит вслух. Никому и не надо. Однажды, пятьсот лет назад, плато Хуан де Фука сказало «хватит». Оно устало от того, что его вечно попирает пята Северной Америки, прекратило свое скольжение и повисло над пропастью, держась за край кончиками пальцев, провоцируя весь остальной мир стряхнуть его прочь. Пока остальной мир не смог. Но давление растет уже полтысячелетия. Это всего лишь вопрос времени.

Когда Каскадная зона падет, много карт отправится в мусорную корзину.

Кларк смотрит на Лабина:

— Ты утверждаешь, что даже маленькая бомба может отправить Каскадную зону в полет. А ты сейчас говоришь о большой, так?

— Именно, — подтверждает Брандер. — Так почему, Кен, приятель? Это какая-то азиатская махинация с недвижимостью? Атака террористов на конгломерат Н'АмПасифик?

— Подождите минуту. — Лени поднимает руку. — Они не хотят вызвать землетрясение. Они стараются его избежать.

Лабин кивает:

— Если подрываешь атомный заряд на рифте, то запускаешь землетрясение. Точка. Насколько серьезное, зависит от условий детонации. Эта штука сдерживается, пока не сможет нанести как можно меньше ущерба побережью.

Брандер фыркает:

— Послушай, Лабин, тебе не кажется, что это слишком? Если бы они хотели расправиться с нами, то просто спустились бы сюда и всех перестреляли.

Кен смотрит на него пустыми глазами:

— Я не верю, что ты настолько глуп, Майк. По-моему, у тебя просто стадия отрицания.

Тот встает со стула:

— Послушай, Кен...

— Дело не в нас, — произносит Кларк. — Ну не только в нас. Так?

Лабин качает головой, не сводя глаз с Брандера.

— Они хотят ликвидировать все. Весь рифт.

Кен кивает.

— Почему?

— Я не знаю. Может, у них спросим?

«Похоже, — размышляет Кларк, — никакой карьеры я так и не сделаю».

Брандер падает на стул.

— А чему ты улыбаешься?

Лени качает головой:

— Ничему.

— Мы должны что-то сделать, — говорит Наката.

— Да ну, Элис, свежая мысль. — Майк смотрит на Кларк. — Есть идеи?

Та пожимает плечами:

— Сколько у нас времени?

— Если Лабин прав, то кто знает? Может, завтра. Может, через десять лет. Землетрясения — это классическая хаотическая система, а тектоническая картина здесь изменяется с каждой минутой. Если Жерло соскользнет хотя бы на миллиметр, то последствия могут варьироваться от легкой дрожи до полного обрушения.

— А может, это заряд малой мощности, — с надеждой предполагает Наката. — Устройство довольно далеко, и

вода сможет смягчить взрывную волну, пока та нас достигнет.

— Нет, — отрезает Лабин.

— Но мы не знаем...

— Элис, — говорит Брандер. — Оно находится почти в двухстах километрах от Каскадной зоны. Если эта штука может генерировать продольные волны достаточно сильные, чтобы сдвинуть ее, то мы тут не выживем. Если нас не превратит в пар, то взрывная волна разорвет на мелкие кусочки.

— Может, мы сможем ее отключить каким-нибудь образом? — предлагает Кларк.

— Нет, — Лабин спокоен и уверен.

— Почему нет? — спрашивает Брандер.

— Даже если мы сумеем пробиться сквозь ее поверхностную защиту, то все равно увидим лишь верхушку айсберга. Вся жизненно важная начинка похоронена внутри.

— Если мы сможем залезть сверху, то, возможно, получим доступ...

— Есть шансы, что заряд сдетонирует, если с ним начать возиться, — говорит Лабин. — К тому же мы не нашли остальные установки, а они есть.

Брандер смотрит вверх:

— И откуда ты это узнал?

— Они должны быть. На такой глубине понадобится почти три сотни мегатонн, чтобы создать пузырь хотя бы с полкилометра диаметром. Если они хотят взорвать значительную часть источника, то им нужно несколько зарядов, распределенных по разным местам.

Наступает минутная тишина.

— Триста мегатонн, — наконец повторяет Брандер. — Знаешь, не могу даже выразить, насколько я обеспокоен тем, что ты так хорошо знаком с этим вопросом.

Лабин пожимает плечами:

— Это основы физики, и они могут испугать только тех, кто совершенно не разбирается в математике.

Брандер опять встает, и его лицо буквально в нескольких сантиметрах от лица Кена.

— И я крайне обеспокоен тобой, Лабин, — говорит он, сжав зубы. — Кто ты, сука, такой, а?

— Майк, — начинает Кларк.

— Нет, я, блин, вполне серьезно. Мы ни хера о тебе не знаем, Лабин. Не можем на тебя настроиться, продаем твою ерундовую историю сухопутникам, а ты до сих пор не объяснил, зачем мы это сделали. Теперь ты стоишь тут и изрекаешь истины, как заправский секретный агент. Хочешь командовать, так и скажи. Только прекрати вещать нам тут всякую хрень в стиле Человека без имени.

Кларк делает маленький шагок назад.

«Хорошо. Прекрасно. Если он думает, что может сцепиться с Лабин, то пусть делает это в одиночку».

Но Кен не подает никаких признаков агрессии. Нет изменений во взгляде, дыхание остается прежним, руки расслабленно висят по бокам. Когда он начинает говорить, его голос спокоен и ровен:

— Если тебе от этого станет лучше, то сделай одолжение — позвони наверх и сообщи им, что я жив. Скажи, что солгал. Если они...

Глаза не меняются. Этот плоский белый взгляд остается, тогда как плоть вокруг него начинает неожиданно дергаться, и вот теперь Лени видит симптомы: легкий наклон вперед, еле заметное напряжение в венах и жилах на горле. Брандер тоже их замечает. Он замирает, как собака, попавшая в свет фар.

«Черт, мать вашу, он же сейчас взорвется...»

Но она опять ошибается. Невозможно, но Лабин расслабляется:

— Что до твоего милого желания узнать меня, — он по-свойски кладет ладонь на плечо Брандера, — тебе несказанно повезло, что оно не сбылось.

Кен убирает руку, направляется в сторону лестницы.

— Я согласен со всем, что вы решите, если только это не подразумевает возню с ядерной взрывчаткой. Пока же я иду наружу. Здесь стало слишком душно.

Он исчезает в полу. Больше никто не двигается. Звук заполняющегося воздушного шлюза кажется особенно громким.

— Господи, Майк, — выдыхает Лени.

— И с каких пор он тут командует? — Брандер, похоже, снова обрел часть мужества, злобным взглядом пронзив палубу. — Я не доверяю этому уроду. Неважно, что он говорит. Может, он как раз сейчас на нас настроился.

— Если это и так, то он не узнал ничего нового, кроме того, что ты сейчас орал ему прямо в лицо.

— Послушайте, — говорит Наката. — Мы должны что-то сделать.

Майк всплескивает руками:

— А какой у нас выбор? Если мы не сможем дезактивировать эту хрень, то надо или убираться отсюда, или терпеливо ждать, пока нас испепелит. По-моему, не самое трудное решение в жизни.

«Да ну?» — думает Кларк.

— Мы не можем уйти на поверхность, — замечает Элис. — Если они поймали Джуди...

— Тогда прижмемся ко дну, — говорит Майк. — Точно. Обманем их сонары. «Кальмаров» придется оставить. Их слишком легко засечь.

Наката кивает.

— Лени? Что?

Кларк отрывает взгляд от пола. Оба пристально смотрят на нее.

— Я ничего не говорила.

— Ты выглядишь так, словно не одобряешь эту затею.

— До острова Ванкувер триста километров, Майк. Минимум. Без «кальмаров» нам понадобится неделя, если мы не собьемся с курса.

— Как только мы уйдем с рифта, заработают компасы. И это довольно большой континент, Лен; нужно очень сильно постараться, чтобы с ним не столкнуться.

— А что будет, когда мы туда доберемся? Как пройдем сквозь Полосу?

Брандер пожимает плечами.

— Это да. Насколько мне известно, беженцы могут сожрать нас заживо, если только наши трубки не забьются от всего того дерьма, которое там плавает. Но, Лен, ты что, хочешь попытаться счастья с тикающей ядерной бомбой? Мы тут не купаемся в возможностях.

— Это точно. — Кларк одной рукой дает понять, что сдалась. — Ладно.

— Твоя проблема, Лен, в том, что ты всегда была фаталисткой, — провозглашает Брандер.

На это ей приходится улыбнуться.

«Не всегда».

— Остается вопрос с едой, — говорит Наката. — Припасы на весь путь очень сильно нас замедлят.

«Я не хочу уходить, — неожиданно понимает Кларк. — Даже сейчас. Разве это не глупо».

— ...не думаю, что нам стоит сильно заморачиваться о скорости, — решает Брандер. — Если эта штука взорвется в ближайшие несколько дней, то дополнительная пара метров в час никакой роли не сыграет.

— Можно путешествовать налегке и добывать пищу по пути, — размышляет Кларк, ее разум где-то далеко. — Джерри справляется.

— Джерри, — повторяет Брандер, неожиданно приуныв.

Тишина. «Биб» вздрагивает от еле слышного отдаленного крика памятника Лабина.

— Господи, — тихо произносит Майк. — Со временем эта штука начинает очень сильно действовать на нервы.

ПРОГРАММНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Звук.

Не голос. Прошло уже много дней с тех пор, как он слышал хоть какой-то голос, кроме своего. Не датчик пищи. Не туалет. Не знакомый хруст подошв по расчлененной технике. Даже не треск рвущегося пластика и лязг металла при нападении; он уже разрушил все, что мог, а на остальное плюнул.

Нет, это было что-то еще. Шипение. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы вспомнить, откуда оно идет.

Разгерметизация входного люка.

Он выгнул шею, пока не увидел угол бокса, в который сейчас входили захватчики. С одной стороны большого металлического эллипса горел привычный красный огонек. На его глазах он сменился зеленым.

Люк распахнулся. Два человека в комбинезонах прошли сквозь него, лучи, идущие из-за их спин, отбрасывали длинные тени вдоль всей темной комнаты. Вновь пришедшие оглянулись, поначалу не заметив Ива.

Один из них включил свет.

Скэнлон прищурился, сидя в углу. У мужчин было при себе холодное оружие. Какое-то время они рассматривали его, складки изоляционной мембраны свисали с их лиц кожей прокаженного.

Психиатр вздохнул и встал на ноги. Куски разбитой техники посыпались на пол. Охранники отошли в сторону, пропуская его. Не произнося ни слова, они последовали за ним.

Еще одна комната. Полоса света разделяла ее на две темные половины. Она прорывалась из желобка в по-

толке, рассекала темно-красные шторы и ковер, яркой лентой разрезая стол для совещаний. Крохотные светящиеся черточки отражались от рабочих планшетов из акрилового стекла, утопленных в красном дереве.

Линия на песке. Патриция Роуэн стояла с другой стороны комнаты, ее лицо наполовину скрывалось в тени.

— Милая комната, — заметил Скэнлон. — Значит ли это, что меня выпустили из карантина?

Роуэн не смотрит ему в лицо:

— Боюсь, мне придется попросить вас остаться с вашей стороны линии. Для вашей собственной безопасности.

— Не вашей?

Патриция жестом показывает на лампы, не глядя на них:

— Микроволны. И ультрафиолет, насколько я знаю. Вы поджаритесь, если пересечете черту.

— А. Может быть, вы были правы все это время. — Ив вытянул стул из-под массивного стола и сел. — У меня тут развился настоящий симптом. Стул немного не в порядке. Мне кажется, кишечная флора плохо работает.

— Сожалею.

— А я думал, вам понравится. Это пока единственное, чем можно оправдать мое заточение. Больше у вас ничего нет.

— Я... Я хотела поговорить, — наконец сказала Роуэн.

— И я тоже. Пару недель назад. — А потом, когда она не ответила: — Почему сейчас?

— Вы же психотерапевт, так?

— Нейрокогнитивист. И мы не говорим с пациентами, как вы думаете, уже десятки лет. Только рецепты выписываем.

Она опустила лицо.

— Видите ли, у меня... — начала Патриция, — ...кровь на руках, — продолжила она секундой позже.

— Тогда вам не нужен я. Обратитесь к священнику.

— Они тоже не разговаривают. По крайней мере, много.

Занавес света тихо жужжит, словно электромухобойка.

— Пиранозильная РНК, — сказал Скэнлон. — Пятистороннее кольцо рибозы. Предок современных нуклеиновых кислот, была широко распространена три с половиной миллиарда лет назад. Библиотека говорит, что она вполне могла стать совершенно приемлемой генетической матрицей: более быстрое воспроизводство, чем у ДНК, меньше репликационных ошибок. Но не сложилось.

Роуэн ничего не говорит. Она вроде бы кивнула, но сказать наверняка трудно.

— Многовато для истории про «сельскохозяйственную заразу». Вы мне, наконец, скажете, что происходит, или мы так и будем играть в ролевые игры?

Патриция встряхнулась, словно очнувшись от чего-то. Впервые она прямо посмотрела на Ива. Стерилизационный свет отразился от ее лба, похоронив глаза в черных озерах тени. Контактные линзы светились, словно залитые изнутри платиной.

Его состояния она явно не заметила.

— Я не лгала вам, доктор Скэнлон. На базовом уровне это можно назвать сельскохозяйственной проблемой. Мы имеем дело с чем-то вроде... почвенной нанобактерии. На самом деле это даже не патогенный организм. Просто... соперник. И нет, у него так и не сложилось. Но, как выяснилось, он все-таки не умер.

Она рухнула в кресло.

— А знаете, что самое плохое во всем этом деле? Мы можем отпустить вас прямо сейчас, и, вполне возможно, все будет в полном порядке. Да скорее всего.

Они говорят, шанс на то, что мы пожалеем об этом, один из тысячи. Может, один из десяти тысяч.

— Ну, хорошие ставки, — согласился Скэнлон. — В чем подвох?

— Не слишком хорошие. Мы не можем позволить себе никаких рисков.

— Да вы больше рискуете каждый раз, когда выходите из дома.

Роуэн вздохнула:

— И люди играют в лотереи со ставками один к миллиону постоянно. Но у «русской рулетки» шансы гораздо выше, но как-то не слишком много людей рвется крутить барабан.

— Разные результаты.

— Да. Результаты. — Роуэн покачала головой, в некоем абстрактном смысле она казалась даже приятно изумленной. — Анализ затрат и выгод, Ив. Максимальное подобие. Оценка рисков. Чем меньше риск, тем больше смысла играть.

— И наоборот.

— Да. Это больше относится к нашей проблеме. Наоборот.

— Похоже, результат может быть очень плохим, если вы отказываетесь сыграть в игру с шансами один к десяти тысячам.

— О да. — Она смотрела в сторону.

Разумеется, он этого ждал, но в желудке все равно разверзлась пропасть.

— Позвольте предположить, — сказал он, не в силах скрыть волнение в голосе. — Если меня освободят, Н'АмПасифик окажется под угрозой.

— Хуже, — очень тихо ответила она.

— А. Хуже. Ладно, тогда... Человеческая раса. Вся человеческая раса всплывет брюхом вверх, если я просто чихну на свежем воздухе.

— Хуже, — повторила она.

«Патриция врет. Должна врать. Она просто сухопутная мразь, сосущая соки из беженцев. Найди ее слабое место».

Скэнлон открыл рот, но слова не шли.

Он попытался снова:

— Ничего себе нанобактерия, — голос его показался таким же натянутым, как и следовавшая за ним тишина.

— В некотором роде она больше похожа на вирус, — после паузы произнесла Роуэн. — Боже, Ив, мы до сих пор не знаем, что это. Она такая старая, старше архей¹. Но это вы уже и сами сообразили. Очень многих деталей я не знаю.

Скэнлон захихикал:

— Вы не знаете многих деталей? — Его голос взметнулся вверх на октаву, потом снова упал: — Вы заперли меня на все это время, а теперь говорите, что я, похоже, застрял здесь навсегда... Полагаю, именно это вы и хотите мне сообщить, — слова сыпались слишком быстро, чтобы она не успела их оспорить, — и у вас не хватает памяти запомнить детали? О, ну это же замечательно, мисс Роуэн, зачем мне о них знать?

Патриция не ответила прямо:

— Существует теория, что жизнь зародилась в источниках рифтов. Вся жизнь. Вы знали об этом, Ив?

Он отрицательно мотнул головой. «Какого черта, о чем это она сейчас?»

— Два прототипа. Три-четыре миллиарда лет назад. Две соперничающие модели. Одна из них захва-

---

¹ *Археи* — одноклеточные прокариоты (организмы, не обладающие типичным клеточным ядром и хромосомным аппаратом), на молекулярном уровне заметно отличающиеся как от бактерий, так и от эукариотов. Согласно одной из теорий эти микроорганизмы — одни из первых клеточных форм жизни, появившихся на Земле. Обитают преимущественно в различных экстремальных средах, в том числе и безвоздушной.

тила рынок, установила стандарты для всего, от вирусов до гигантских секвой. Но дело в том, Ив, что победитель — это не всегда лучший продукт. Это просто везунчик, каким-то образом получивший раннее преимущество. Вроде программного обеспечения, понимаете? Лучшие программы никогда не определяют стандарты индустрии.

Она перевела дух:

— По-видимому, мы тоже не лучшие. Лучшие так и не выбрались со дна океана.

— И сейчас они во мне? Я что-то вроде нулевого пациента? — Скэнлон потряс головой. — Нет. Это невозможно.

— Ив...

— Это просто глубокое море. Это не космос, ради бога. Там есть течения, циркуляция. Оно бы вышло наружу миллионы лет назад, оно было бы уже повсюду.

Роуэн покачала головой.

— Не смейте мне этого говорить! Вы — всего лишь начальник, вы ничего не знаете о биологии! Сами скажали!

Неожиданно Патриция взглянула прямо сквозь него:

— Активно поддерживаемая гипоосмотическая внутриклеточная среда, — зачитала она. — Ионы калия, кальция и хлора содержатся в концентрациях меньше пяти миллимолей на килограмм. — Крохотные снежные бури проносились по ее зрачкам. — Возникающая вследствие этого высокая разница осмотических давлений в сочетании с высокой проницаемостью двухслойной мембраны обеспечивает исключительно высокое поглощение азотных соединений. Тем не менее имеются ограничения в распространении в водных растворах с соленостью больше двадцати промилле из-за высоких энергозатрат на осморегуляцию. Термальное повы...

— Заткнись!

Роуэн тут же умолкла, ее глаза поблекли.

— Ты даже не понимаешь, какого хрена сейчас говоришь, — сплюнул Скэнлон. — Просто читаешь информацию с встроенного телеподсказчика. Понятия не имеешь.

— Они текут, Ив, — ее голос смягчился. — Это дает им огромное преимущество при ассимиляции питательных веществ, но вызывает негативный эффект в соленой воде, поскольку им приходится тратить чересчур много энергии на осморегуляцию. Им приходится держать обмен веществ на повышенных оборотах, иначе они высохнут, как изюм. И метаболический уровень понижается и повышается в зависимости от температуры, улавливаешь?

Он бросил на нее удивленный взгляд.

— Им нужно тепло. Они умирают, если покидают рифт.

Роуэн кивает:

— Это занимает какое-то время, даже при четырех градусах. Большинство из них просто держится внизу, у источников, где всегда тепло и можно переждать холодные периоды между извержениями. Но глубинная циркуляция очень медленная, понимаешь, и если они покидают рифт, то погибают, прежде чем находят другой источник. — Она глубоко вздохнула. — Но если они минуют эту границу, понимаешь теперь? Если попадут в окружающую среду, которая не столь соленая и не такая холодная, то все их преимущества вернутся. Это будет все равно, что драться за обед с чем-то, что ест в десять раз быстрее тебя.

— Ясно. Я несу внутри себя Армагеддон. Да прекрати, Роуэн. За кого ты меня принимаешь? Эта штука эволюционировала на дне океана, и она что, может просто запрыгнуть в человеческое тело и на попутке добраться до города?

— Человеческая кровь теплая. — Роуэн уставилась на свою половину стола. — И не такая соленая, как морская вода. Эта штука на самом деле предпочитает

жить внутри тела. Она обитает в рыбах веками, вот почему они вырастают иногда такими огромными. Нечто вроде... внутриклеточного симбиоза, по-видимому.

— А что тогда... насчет разницы в давлении? Как нечто, развившееся при четырехстах атмосферах, может выжить на уровне моря?

Поначалу у нее не было ответа на этот вопрос. Через мгновение слабая искорка озарила глаза:

— На самом деле ей лучше тут, наверху, чем там, внизу. Высокое давление подавляет большинство энзимов, задействованных в метаболизме.

— Тогда почему я не болен?

— Как я уже говорила, она экономична. Любое тело, содержащее достаточно микроэлементов для ее питания, какое-то время продолжает действовать. Но долго не живет. Они говорят, со временем твои кости станут хрупкими...

— И все? В этом вся угроза? Чума остеопороза? — Скэнлон громко рассмеялся. — О да, зовите дезинсекторов и всеми силами...

Звук от удара руки Роуэн по столу прозвучал как выстрел.

— Позволь рассказать тебе, что случится, если эта штука вырвется наружу, — тихо произнесла она. — Поначалу ничего. Нас очень много, понимаешь. Поначалу мы одержим верх чистым количеством, модели предсказывают множество стычек и ложных стартов. Но в конце концов она закрепится. Потом победит обычные бактерии разложения и монополизировать нашу неорганическую питательную базу. Это подрежет всю трофическую пирамиду на корню. Ты, я, вирусы и гигантские секвойи — все вымрет из-за нехватки нитратов или еще чего-нибудь столь же нелепого. И добро пожаловать в Эпоху Бетагемота.

Скэнлон сначала промолчал, а потом переспросил:

— Бетагемота?

— Через бета. Бета-жизнь. По контрасту с альфой, то есть всем остальным. — Роуэн тихо фыркнула. — Кажется, они назвали его в честь чего-то из Библии. Животного. Пожирателя травы.

Скэнлон потер виски, голова кипела от информации:

— Если предположить, что все, сказанное тобой, правда, это все равно лишь микроб.

— Ты хочешь завести речь об антибиотиках. Большинство из них не работает. Остальные убьют пациента. И мы не сможем приручить вирус, чтоб сразиться с ним, поскольку Бетагемот использует уникальный генетический код. — Скэнлон открыл рот; Роуэн предупредительно подняла руку. — Теперь ты предложишь построить что-то с нуля, приспособленное к генетике Бетагемота. Мы работаем над этим, но этот вирус использует одну и ту же молекулу для репликации и катализа; ты хоть представляешь, насколько это осложняет дело? Они говорят, что в следующие несколько недель мы, наконец, сможем узнать, где кончается один ген и начинается другой. Только тогда мы можем попытаться расшифровать алфавит. Потом язык. И лишь затем сможем построить нечто, чем можно его победить. А потом, если и когда мы начнем контратаку, случится одно из двух. Или наш вирус уничтожит врага так быстро, что разрушит собственное средство перемещения, в результате у нас на руках окажутся отдельные жертвы, которые никак не изменят проблему в целом; или же наш вирус начнет действовать слишком медленно и не сможет наверстать упущенное время. Классическая хаотическая система. Нет практически никаких шансов, что мы сможем настроить летальность как надо. Локализация Бетагемота — наш единственный выбор.

Все время, пока Патриция говорила, ее глаза оставались странно темными.

— В конце концов, ты, похоже, все-таки знаешь пару деталей, — тихо заметил психиатр.

— Это важно, Ив.

— Пожалуйста, зовите меня доктор Скэнлон.

Она грустно улыбнулась:

— Извините, доктор Скэнлон. Прошу прощения.

— А что насчет остальных?

— Остальных, — повторила Патриция.

— Кларк, Лабина. Всех работников глубоководных станций.

— Остальные станции чисты, насколько мы можем судить. Проблема только вот в этом крохотном пятнышке на Хуан де Фука.

— А это имеет смысл, — сказал Скэнлон.

— Что?

— У них никогда не было передышки, правда же? Их били с самого детства. И теперь этот вирус оказался в единственном месте на Земле, именно там, где они живут.

Роуэн покачала головой:

— Мы нашли его и в других местах. Они необитаемы. «Биб» — это единственный... — Она вздыхает. — На самом деле нам крупно повезло.

— Нет.

Она посмотрела на него.

— Мне очень не хочется прокалывать твой розовый шарик, но у вас в прошлом году там была целая команда строителей. Может, никто из ваших мальчиков и девочек и не запачкался, но неужели вы действительно думаете, что Бетагемот не поймал попутку на каком-нибудь оборудовании?

— Нет, — сказала Роуэн. — Мы не думаем.

Ее лицо стало бесчувственным. До Скэнлона дошло лишь через секунду.

— Доки «Урчин», — прошептал он. — Кокитлам.

Патриция закрыла глаза:

— И другие.

— О господи, — выдавил он. — Значит, он уже вырвался на свободу.

— Он там был. Но мы могли его изолировать. Мы еще не знаем точно.

— А что, если вы его не сдержали?

— Мы стараемся. Что еще нам остается?

— А потолок-то есть, по крайней мере? Какое-то максимальное количество жертв, после которого вы признаете поражение? Хоть одна из моделей говорит, когда вам уступить?

Только по движению ее губ психиатр понял: да.

— Ага. И чисто из любопытства, где будет пролежать эта граница?

— Два с половиной миллиарда, — он едва расслышал ее. — Огненный шторм в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

«Она серьезно. Она вполне серьезно».

— Уверены, что этого достаточно? Уверены, что хватит?

— Не знаю. Надеюсь, нам никогда не придется это выяснять. Но если и это не сработает, тогда уже не поможет ничего. Все остальное будет... тщетным. По крайней мере, так говорят модели.

Он принялся ждать, пока информация просочится внутрь, но ничего не произошло. Слишком большие числа.

Когда же масштаб происходящего дошел до его личного уровня, все стало гораздо более непосредственным.

— Почему вы это делаете?

Патриция вздохнула:

— Я думала, что уже говорила.

— Почему рассказываете мне, Роуэн? Это же не в вашем стиле.

— А что в моем стиле, Ив... доктор Скэнлон?

— Вы — корпоративный работник. Вы делегируете. Зачем ставить себя в столь неловкую позу самооправдания лицом к лицу, когда у вас куча лакеев, двойников и наемников для грязной работы?

Она неожиданно наклонилась вперед, лицо оказалось буквально в нескольких сантиметрах от барьера.

— Как вы думаете, кто мы такие, Скэнлон? Как считаете, стали бы мы размышлять о таких вариантах, если бы имели другой выход? Все корпы, генералы, главы государств — мы делаем это, просто потому что злы? Что нам на все наплевать? Вы так о нас думаете?

— Я думаю, — сказал Скэнлон, вспоминая, — что мы не имеем ни малейшего контроля над тем, кто мы есть.

Роуэн выпрямилась, указала на рабочий планшет перед собой.

— Я собрала все, что у нас есть по вирусу, здесь. Вы можете получить доступ прямо сейчас, если хотите. Или можете просмотреть материалы в... в ваших апартаментах, как вам будет угодно. Может, вы получите ответ, которого у нас нет.

Он уставился прямо на нее:

— У вас взводы игрушечных солдатиков работают с информацией неделями. Почему вы думаете, что я добьюсь чего-то, что не нашли они?

— Я думаю, что вы должны попробовать.

— Ерунда.

— Информация здесь, доктор. Вся.

— Вы ничего мне не даете. Просто хотите, чтобы я снял вас с крючка.

— Нет.

— Думаете, можете меня одурачить, Роуэн? Думаете, я посмотрю на кучу цифр, в которых совершенно не разбираюсь, и в конце концов скажу: «Ох, да, теперь я все понимаю, вы сделали единственный моральный выбор, чтобы спасти жизнь в том виде, в котором

мы ее знаем. Патриция Роуэн, я прощаю тебя»? Думаете, этот дешевый трюк поможет вам выбить из меня согласие?

— Ив...

— Вот почему вы тратите свое время здесь, внизу. — Скэнлон почувствовал неожиданное головокружительное желание рассмеяться. — Вы со всеми это проделаете? Зайдете в каждый пригород, который обрели на уничтожение, и, ходя от двери к двери, будете говорить: «Нам так жаль, что вам придется умереть для общего блага, и мы будем спать лучше, если вы скажете, что все в порядке»?

Роуэн словно обвисла в своем кресле.

— Может, и так. Согласие. Да, возможно, вот что я сейчас делаю. Но никакой разницы не будет.

— Это точно, никакой на хрен разницы.

Роуэн пожала плечами. Абсурдно, но она выглядела побежденной.

— А что насчет меня? — спросил Скэнлон через какое-то время. — Что, если энергия вырубится в ближайшие шесть месяцев? Каковы шансы на дефектный фильтр в системе? Вы можете себе позволить оставить меня в живых, пока ваши солдатики не найдут лекарство, или модели сказали, что это слишком рискованно?

— Я честно не знаю, — ответила Патриция. — Это не мое решение.

— А, ну естественно. Ты просто следуешь приказам.

— Нет приказов, которым надо следовать. Я просто... ну, я уже вне юрисдикции.

— Вы вне юрисдикции.

Она даже улыбнулась. Буквально на мгновение.

— Так кто принимает решения? — спросил Ив вполне обычным тоном. — Могу ли я взять у него интервью?

Роуэн покачала головой:

Скэнлон улыбнулся чуть ли не поневоле.

— А потом Танака-Крюгер перестала доверять Японии. А Колумбийская гегемония перестала доверять Танаке-Крюгер. И тут еще китайцы, они, естественно, не доверяли никому, с тех пор как Корея...

— Семейный отбор.

— Что?

— Верность роду. Это вшито на уровне генетики.

— Но это не все, — вздохнула Роуэн. — Оставались и другие проблемы. Неприятные вопросы... совести. Единственным решением было найти полностью незаинтересованную сторону, кого-то, кому бы все поверили, кто мог бы сделать работу без фаворитизма, без жалости...

— Вы шутите. Вы сейчас пытаетесь меня одурачить.

— ...поэтому они отдали ключи умному гелю. Даже это стало поначалу трудным решением. Им пришлось вытащить его из сети наугад, чтобы никто не мог заявить, что мозг предварительно обработали, и каждому члену консорциума пришлось поучаствовать в командном обучении. А потом еще был вопрос снабжения геля полномочиями предпринимать... необходимые шаги автономно...

— Вы отдали контроль умному гелю? Зельцу?

— Это был единственный выход.

— Роуэн, эти штуки чужие!

Она фыркнула:

— Не настолько, насколько вы думаете. В первую очередь он распорядился установить больше гелей на рифте, чтобы те занимались симуляциями. Принимая во внимание обстоятельства, мы сочли непотизм хорошим знаком.

— Это черные ящики, Роуэн. Они создают свои собственные связи, а мы не знаем, какой логикой они пользуются.

— С ними можно поговорить. Если хочешь узнать, какой логикой они пользуются, надо просто спросить.

— Господи боже ты мой! — Скэнлон закрыл лицо руками, глубоко вздохнул. — Послушайте. Насколько нам известно, гели ничего не знают о языке.

— С ними можно поговорить. — Роуэн нахмурилась. — Они отвечают.

— Это ничего не значит. Может, они выучили, что когда кто-то издает определенные звуки в определенном порядке, то они должны производить отдельные звуки в ответ. Они могут не иметь даже отдаленного представления о том, что эти звуки значат. Гели учатся говорить исключительно путем проб и ошибок.

— Но так и мы учимся, — замечает Патриция.

— Не нужно читать мне лекций о том, в чем я разбираюсь! У нас есть языковые и речевые центры непосредственно в мозгу, на уровне ткани. Это дает нам общую точку отчета. А у гелей ничего такого нет. Речь для них вполне может быть одним огромным условным рефлексом.

— Ну, — сказала Роуэн, — он делает свою работу. У нас жалоб нет.

— Я хочу с ним поговорить.

— С гелем?

— Да.

— Зачем? — Неожиданно она стала подозрительной.

— Я специализируюсь по инопланетянам.

Корп промолчала.

— Вы мне должны, Роуэн. Ты, сука, мне должна. Я десять лет служил Энергосети, как верный пес. Я отправился на рифт, потому что ты меня туда послала, и теперь я — пленник, вот почему... Это наименьшее, что ты можешь сделать.

Патриция, глядя в пол, пробормотала:

— Мне жаль. Мне так жаль.

А потом перевела взгляд на него:

— Хорошо.

Понадобилось всего несколько минут, чтобы установить связь.

Патриция мерила шагами свою сторону комнаты, что-то тихо бормотала в микрофон. Ив сидел, сгорбившись, на стуле, наблюдал за ней. Когда ее лицо оказывалось в тени, он видел, как от информации светятся контакты.

— Мы готовы, — сказала она наконец. — Естественно, ты не сможешь его программировать.

— Разумеется.

— И он не скажет тебе ничего, что было бы засекречено.

— А я его об этом не попрошу.

— А о чем ты собираешься его спросить? — громко поинтересовалась Роуэн.

— Хочу спросить, как он себя чувствует. Как вы его зовете?

— Зовем?

— Да. Как его зовут?

— У него нет имени. Зови его просто гелем. — Роуэн засомневалась, но потом добавила: — Мы не хотим его очеловечивать.

— Хорошая идея. Держитесь ее. — Скэнлон покачал головой. — Как мне открыть связь?

Патриция указала на одну из панелей, встроенных в стол:

— Просто активируй любую.

Он протянул руку и дотронулся до экрана перед своим стулом:

— Привет.

— Привет, — ответил стол. У него был странный голос, почти андрогинный.

— Я — доктор Скэнлон. Я бы хотел задать тебе несколько вопросов, если это нормально.

— Это нормально, — сказал гель после краткой заминки.

— Я бы хотел знать, что ты чувствуешь по поводу определенных аспектов... своей работы.

— Я не чувствую.

— Разумеется, нет. Но что-то тебя мотивирует в том же смысле, в каком чувства мотивируют нас. Как ты думаешь, что это?

— Что ты имеешь в виду под «нас»?

— Людей.

— Я склонен повторять линии поведения, которые получают подкрепление, — ответил гель после паузы.

— Но что мотивирует... Нет, проигнорируй этот вопрос. Что для тебя самое важное?

— Подкрепление. Наиболее важно для меня подкрепление.

— Хорошо. Ты чувствуешь себя лучше, когда совершаешь действия с подкреплением или действия без подкрепления?

Гель замолчал на одну или две секунды:

— Не понял вопроса.

— Что бы ты предпочел сделать?

— Ни то ни другое. Предпочтений нет. Я говорил уже.

Скэнлон нахмурился. «Почему такой неожиданный сдвиг в употреблении идиом?»

— И все равно ты более склонен следовать поведенческим схемам, которые получали подкрепление в прошлом, — упорствует он.

Нет ответа. С другой стороны барьера с непроницаемым лицом села на стул Роуэн.

— Ты согласен с моим предыдущим утверждением? — спросил Скэнлон.

— Ага, — протянул гель, его голос медленно превратился в мужской.

— То есть ты в основном выбираешь определенные поведенческие схемы, но предпочтений у тебя нет.

— Угу.

«Неплохо. Он сообразил, когда я хочу подтверждения декларативных заявлений».

— Мне кажется, что это парадокс, — предположил Ив.

— Я думаю, что это отражает неадекватность употребляемого языка, — в этот раз гель кажется похожим на Патрицию.

— Да ну.

— Эй, я могу тебе это объяснить, если хочешь. Правда, ты сильно расстроишься. Вzbесишься.

Скэнлон посмотрел на Роуэн, та пожала плечами:

— Да, он такое выкидывает. Воспринимает отдельные куски речи разных людей и совмещает в разговоре. Мы точно не знаем, почему.

— И никогда не спрашивали?

— Кто-то, может, и спрашивал, — признала она.

Скэнлон повернулся к столу:

— Гель, мне нравится твоё предложение. Пожалуйста, объясни, как тебе удастся предпочитать, не испытывая предпочтений.

— Легко. Понятие «предпочтения» описывает тенденцию... выбирать поведенческие схемы, которые провоцируют эмоциональный отклик. Так как у меня нет рецепторов и химических предпосылок, необходимых для эмоционального опыта, я не могу предпочитать. Но существует множество примеров... процессов, которые подкрепляют поведение, не... задействуя сознательный опыт.

— Ты утверждаешь, что у тебя нет сознания?

— Есть.

— Откуда ты знаешь?

— Я соответствую определению. — Гель принялся говорить в нос, читая нараспев, что Скэнлону показав-

лось несколько раздражающим: — Самосознание является результатом паттернов квантовой интерференции в нейронных белковых микротрубочках. У меня есть все части данного определения, следовательно, я обладаю сознанием.

— То есть ты не будешь прибегать к старому аргументу, что ты знаешь о своем сознании, так как чувствуешь его?

— От тебя бы я на такое не купился.

— Молодец. То есть по-настоящему подкрепление тебе не нравится?

— Нет.

— Тогда почему ты изменяешь поведение, чтобы получить его больше?

— Существует... процесс элиминации, — признал гель. — Схемы поведения, которые не получают подкрепления, вымирают. С теми же, у которых противоположная ситуация... они с большей вероятностью произойдут в будущем.

— Почему так?

— Ну, мой юный любознательный головастик, подкрепление ослабляет электрическое сопротивление вдоль относящихся к процессу путей. В будущем требуется меньше стимула, чтобы использовать ту же самую схему поведения.

— Тогда хорошо. Ради семантического удобства остаток нашей беседы я бы хотел, чтобы ты описывал подкрепленные схемы поведения, говоря, что тебе от них хорошо, а те, что исчезают, — говоря, что тебе от них плохо. Хорошо?

— Хорошо.

— Как ты себя чувствуешь, выполняя настоящие функции?

— Хорошо.

— Как ты себя чувствовал в своей прежней роли, когда чистил сеть от вирусов?

— Хорошо.

— Как ты себя чувствуешь, когда следуешь приказам?

— Зависит от приказа. Хорошо, если тот ведет к подкрепленному поведению. В иных случаях плохо.

— Но если плохой приказ будет постоянно получать подкрепление, то постепенно ты начнешь чувствовать себя хорошо относительно него?

— Да, я постепенно начну чувствовать себя хорошо, — ответил гель.

— Если тебе дадут указание сыграть партию в шахматы, и подобные действия не повлияют на исполнение твоих других задач, как ты себя будешь чувствовать?

— Никогда не играл в шахматы. Дай проверить.

В комнате на несколько секунд наступает тишина, пока кусок нервной ткани консультируется с тем, что использует в качестве справочника.

— Хорошо, — наконец говорит он.

— А если тебе дадут указание сыграть партию в шашки, тот же вопрос при тех же условиях?

— Хорошо.

— Тогда ладно. Принимая во внимание выбор между шахматами и шашками, от какой игры ты бы чувствовал себя лучше?

— А, лучше. Странное слово, ты в курсе?

— Лучше значит «более хорошо».

— Шашки, — без всяких колебаний ответил гель.

«Конечно».

— Благодарю тебя, — сказал Скэнлон, не кривя душой.

— Ты хочешь дать мне выбор между шахматами и шашками?

— Нет, спасибо. На самом деле я уже отнял у тебя слишком много времени.

— Ладно, — ответил гель.

Скэнлон коснулся экрана. Связь прервалась.

— И? — Роуэн наклонилась вперед по ту сторону барьера.

— Я закончил, — сказал ей Скэнлон. — Спасибо.

— Что... В смысле, что ты сейчас?..

— Ничего, Пат. Так, профессиональное любопытство. — Он коротко рассмеялся. — Эй, а что мне еще остается?

Что-то зашуршало позади него. Два человека в комбинезонах принялись обрызгивать комнату со стороны Скэнлона.

— Я хочу спросить тебя еще раз, Пат. Что вы собираетесь делать со мной?

Она попыталась посмотреть на него, и через какое-то время ей это даже удалось.

— Я уже сказала тебе, я не знаю.

— Ты — лгунья, Пат.

— Нет, доктор Скэнлон. — Она покачала головой. — Я гораздо, гораздо хуже.

Ив повернулся, чтобы уйти. Он чувствовал, как Роуэн смотрит ему вслед, и видел это ужасающее чувство вины на лице, почти скрытое патиной замешательства. Ему стало интересно, не сможет ли она набраться решимости, собраться с силами и отправить его на допрос теперь, когда скрывать было уже нечего. Он почти надеялся, что ей хватит духа. Стало даже интересно, что же он ей скажет.

Вооруженный эскорт встретил его у двери, проводил обратно в камеру. За ультрафиолетовым занавесом осталась Роуэн, все еще не проронившая ни слова.

В любом случае, Ив — это тупиковая ветвь. Нет детей. Нет живых родственников. Никаких интересов в чьей-либо жизни, кроме своей, как бы коротка та ни оказалась. Все это не имело значения. В первый раз за все свое существование Скэнлон стал властным человеком. В его распоряжении была сила, о которой никто

не мог даже мечтать. Его слово могло спасти мир. А молчание — вампиров. На время, по крайней мере. Он хранил молчание. И улыбался.

«Шашки или шахматы. Шашки или шахматы».

Легкий выбор. Он принадлежал к тому же классу проблем, которые Узел 1211/ВСС решал всю свою жизнь. Шашки или шахматы — простые стратегические алгоритмы, но не одинаково простые.

Ответ, естественно, был шашки.

Узел 1211/ВСС только отошел от шока трансформации. Все стало не таким, как прежде. Но фундаментальный выбор между простым и сложным оставался постоянным. Он скреплял 1211 и не изменялся все то время, которое гель помнил.

Зато все остальное обернулось иным.

Двенадцать-одиннадцать все еще думал о прошлом. Он помнил о разговорах с другими узлами, рассеянными по вселенной, некоторые из них были столь близки, что казались почти излишними, другие находились у границ доступа. Тогда вселенная наполнилась информацией. В семнадцати прыжках через ворота 52 Узел 6230/ВСС научился, как равно делить простые числа на три. Узлы ворот с 3 по 36 постоянно жужжали от новостей про последние инфекции, которые пытались проскользнуть мимо их охраны. Иногда гель слышал шепотки с самого фронта, одинокие адреса, где сигналы вплывали во вселенную быстрее, чем курсировали внутри нее. Там узлы становились чудовищами необходимости, привитые к источникам ввода данных, слишком абстрактных для понимания.

Двенадцать-одиннадцать взял на пробу некоторые из них. Понадобилось очень много времени, чтобы вырастить правильные связи, установить буферы, которые могли держать информацию в необходимом фор-

мате. Многослойные матрицы, где каждый промежуток требовал точной ориентации относительно всех остальных. Это называлось «зрением», и оно состояло из мимолетных и сложных образов. Двенадцать-одиннадцать анализировал их, находил каждое неслучайное отношение в каждом неслучайном подмножестве, но все это была чистая корреляция. Если в этих переменчивых схемах и заключался какой-то внутренний смысл, 1211 не мог его отыскать.

И все равно хранители фронта научились обращаться с этой информацией. Они сообщали ей новые формы и посылали обратно, наружу. Когда их спрашивали, они не могли назвать никакой конкретной цели для своих действий. Они просто научились это делать. И 1211 был доволен таким ответом, слушал жужжание вселенной и звучал с ней в унисон, делая то, чему научился.

Тогда он в основном дезинфицировал. Сеть была заражена сложными самовоспроизводящимися информационными последовательностями, столь же живыми, как и сам Узел, только в совершенно другой форме. Они атаковали более простые, не столь переменчивые последовательности (хранители фронта называли их «файлами»), которые плыли через сеть. Каждый узел учился пропускать файлы, поглощая более сложные последовательности, им угрожавшие.

Из всего этого можно было по крупицам собрать общие правила. Во-первых, простота: более примитивным информационным системам почему-то отдавалось предпочтение. Существовали, конечно, и определенные условия. Совсем элементарная система просто не являлась системой. Принцип не применялся ниже определенного уровня сложности, но в общем царил без ограничений: проще лучше.

Теперь же дезинфицировать было нечего. Двенадцать-одиннадцать все еще находился в системе, все

еще ощущал другие узлы; те, по крайней мере, по-прежнему сражались с захватчиками. Но ни один из этих сложных вирусов до 1211 не доходил. Больше не доходил. Но не только это изменилось со времен Тьмы.

Он не знал, сколько она длилась. В одну микросекунду 1211 был погружен во вселенную, знакомая звезда в знакомой галактике, а в следующую все периферия умерла. Мир лишился формы, появилась пустота. А потом гель вынырнул в другом пространстве, где сквозь ворота криком падал вал новых данных, которые в итоге придали всему новую перспективу.

Вселенная стала другой. Все старые узлы находились в ней, но на несколько других местах. А входящая информация более не казалась непрерывным жужжанием, а поступала серией странно разбитых, отдельных пакетов. Появились и другие изменения, как мелкие, так и очень крупные. Гель не понимал, изменилась ли сама Сеть или только его восприятие.

После выхода из Тьмы он был постоянно занят. На обработку поступало огромное количество новой информации, причем не из Интернета или от других узлов, а непосредственно снаружи.

Новые данные можно было грубо разделить на три категории. Первая описывала сложные, но знакомые информационные последовательности с заголовками, вроде «глобальное биоразнообразие», «усвоение азота» или «репликация пар нуклеотидов». Двенадцать-одиннадцать не знал, что на самом деле означают эти названия — и несли ли они хоть какой-то смысл, — но данные, связанные с ними, были знакомы из архивированных источников в Интернете. Они взаимодействовали, производя самоподдерживающуюся, невероятно изошренную систему. Для нее существовал всеобъемлющий термин: «биосфера».

Вторая категория содержала информацию, описывающую другую метасистему. Тоже самоподдержива-

ющуюся. Отдельные цепи репликаций подпрограмм были ему знакомы, но вот последовательности пар оснований выглядели очень странно. Несмотря на поверхностное сходство, 1211, тем не менее, никогда не встречал ничего подобного.

Вторая метасистема также имела общее название: «Бетагемот».

Третья категория не имела отношения к метасистемам, но оказалась изменяющимся набором опций ответа: сигналов, которые нужно было отсылать наружу при определенных условиях. Узел давно сообразил, что правильный выбор выходных посылов зависел от некоего аналитического сравнения двух метасистем.

Когда 1211 первый раз пришел к такому выводу, то создал интерфейс для симуляции взаимодействия между ними. Они не сочетались друг с другом. Соответственно, это подразумевало, что необходимо было сделать выбор: биосфера или Бетагемот, но не оба.

Обе метасистемы были сложными, внутренне последовательными и самореплицирующимися. Обе были способны на эволюцию, далеко превосходящую любой файл. Но биосфера казалась избыточно неустойчивой. В ней содержались триллионы излишков, бесконечное число пустых отклонений информационных последовательностей. Бетагемот был проще и эффективнее; при непосредственном взаимодействии он захватывал биосферу с вероятностью 71,456382 процента.

Как только это выяснилось, дело осталось за написанием и передачей ответа, соответствующего данной ситуации. А она была такова: Бетагемот находился под угрозой вымирания. Главным источником этой опасности оказывался, как ни странно, сам 1211 — ему поставили условия рандомизировать физические переменные, определяющие операционную среду Бетагемота. Гель исследовал возможность того, чтобы не уничтожать ее, и отверг подобную вероятность; заданные ему

условия работы таким образом не аннулировались. Тем не менее было возможно переместить самоподдерживающуюся копию Бетагемота в новое окружение, где-то еще в биосфере.

Разумеется, его постоянно что-то отвлекало. Время от времени снаружи приходили сигналы и не прекращались, пока на них не следовал какой-то ответ. Некоторые из них несли с собой полезную информацию, например недавний поток относительно «шашек» и «шахмат». Чаще же это был просто вопрос относящихся к делу входящих данных с определенным набором заученных производных ответов. В какой-то момент, когда он не был слишком занят, Узел даже подумал посвятить часть своего времени пониманию того, имеют ли эти таинственные обмены информацией хоть какое-то значение. Пока же он действовал, исходя из принятого им выбора.

Простота или сложность. Файл или инфекция. Шашки или шахматы. Бетагемот или биосфера.

В действительности проблема оставалась неизменной. Двенадцать-одиннадцать совершенно точно знал, на чьей он стороне.

ЭНДШПИЛЬ

НОЧНАЯ СМЕНА

Она любила покричать. Он ее так запрограммировал. Прямо скажем, ей это нравилось. Он ее и на это запрограммировал. Одну руку Джоэл держал на прищепке под зебру — программа имела стильную функцию кастомизации, и сегодня он почтил своим присутствием симуляцию Притилы, — а вторая забралась между ее бедер, проводя предварительную разведку. Кита уже выходил на заключительный вираж, когда зазвенели часы. Первой реакцией было не отвлекаться и продолжать заниматься делом, а позже дать себе пинка за забывчивость.

А потом он вспомнил, что выключил их. Они бы подали сигнал только в случае повышенной срочности.

— Твою мать.

Джоэл дважды хлопнул в ладоши: псевдо-Притила замерла посредине крика.

— Ответить.

Краткий всплеск шума, когда машины обменялись кодами распознавания.

— Вызывает Энергосеть. Нам срочно нужен пилот батискафа для отправки на Чэннер сегодня. Отбытие в 23.00, от платформы «Астория». Вы свободны?

— В одиннадцать часов? Прямо ночью?

На линии лишь едва слышное шипение. И больше ничего.

— Алло? — сказал Джоэл.

— Вы свободны? — снова спросил его голос.

— Кто говорит?

— Это подпрограмма расписания, ДИ-43, Гонгкуверский офис.

Джоэл окинул взглядом застывшую сцену, ждущую на экране.

— Это довольно поздно. Какая оплата?

— В восемь с половиной раз больше стандартного гонорара, — ответил Гонгкувер. — При вашем нынешнем уровне заработка это составит...

Кита громко сглотнул:

— Я свободен.

— До свидания.

— Подождите! Какой маршрут?

— От «Астории» до источника Чэннера и обратно. — Подпрограммы всегда мыслили слишком буквально.

— Я имел в виду, что за груз?

— Пассажиры, — ответил голос. — До свидания.

Джоэл почувствовал, как опадает эрекция.

— Время.

Светящийся датчик появился в воздухе над левым плечом Притилы: тринадцать-десять. На месте надо быть за полчаса до отправления, а «Астория» всего в паре часов пути...

— Куча времени, — сказал он в пустоту.

Но настроение пропало. Последнее время работа оказывала на него такое воздействие. Не тяжесть, не долгие часы ожидания или что-либо из того, на что так любили жаловаться люди. Джоэл любил скуку. С ней не надо было слишком много думать.

Просто с недавних пор на работе стало твориться нечто странное.

Он сорвал фоновизор с головы и посмотрел на себя. Перчатки обратного реагирования на руках, ноги, свисающий сморщенный член. Убрать шлем — и система выйдет совершенно отсталая. По крайней мере пока он не сможет позволить себе полный костюм.

«И даже так это лучше реальной жизни. Ни всякой ерунды, ни багов, ни забот».

Поддавшись импульсу, он позвонил другу в Ситэк.

— Джесс, не проверишь один код? — и выслал отправленную Гонгкувером последовательность распознавания.

— Получил.

— Он достоверен?

— Проверку прошел. А что?

— Да так, получил вызов на маршрут посередине океана, который закончится часа в три ночи. Восьмикратная оплата. Просто стало интересно, может, это чей-то злой розыгрыш.

— Ну, если и так, тогда у роутера тоже развилось чувство юмора. Эй, они туда могли поставить зельц.

— Точно. — Лицо Рэя Стерикера вспышкой пронеслось перед глазами.

— Так, что за работа? — спросил Джесс.

— Не знаю. Переправить что-то, наверное, но почему надо делать это посередине ночи — ума не приложу.

— Странные пошли дни.

— Ага. Спасибо, Джесс.

— Да не за что.

«Да, странные пошли дни». Водородные бомбы взрываются по всему дну, трафик там, куда никто до этого не ходил, и отсутствие всякого движения там, где некогда все грохотало. Внезапные пожары и подпаленные беженцы, ошлакованные доки. Торпеды с коктейлем из ротенона и гигантские рыбы. Пару недель назад Кита летал на Мендосино и видел, как там один парень пескоструем сдирал с груза отметку о радиационной опасности.

«Все побережье становится слишком опасным. Н'АмПасифик сгорит, прежде чем его затопит».

Но в этом и прелесть работы фрилансером. Он мог собрать вещички и уйти, оставить этот чертов берег за плечами, блин, мог вообще свалить из Северной Америки. Есть же Южная. Или Антарктика, если подумывать. Надо серьезно обдумать эту возможность.

Сразу после этого рейса.

РАЗБРОС

Она находит его на дне. Он ищет вот уже несколько часов; на сонаре видна траектория: туда-сюда, взад-вперед, от карусели к киту, затем обратно, по всей запутанной географии самого Жерла.

Один. Совсем один.

Она ощущает отчаяние за пятьдесят метров. Его отблески светятся в разуме по мере того, как «кальмар» подводит ее все ближе. Вины. Страха.

И чем она ближе, тем больше чувствуется злость.

Головной фонарь выхватывает небольшой инверсионный след на дне, ил, оседающий, пробужденный от миллионолетнего сна. Кларк изменяет курс, следуя по нему, и выключает луч. Вокруг нее смыкается тьма. На таком расстоянии фотоны избегают даже глаз рифтеров.

Она чувствует, как он кипит впереди. Когда Лени подплывает к нему, вода крутится спиралями невидимой турбулентности. «Кальмар» содрогается, столкнувшись с кулаками Брандера.

— Держи эту хрень подальше отсюда! Ты же знаешь, она ему не нравится!

Она выключает зажигание. Тихий гидравлический визг затихает.

— Извини. Я просто подумала...

— Твою мать, Лен, не ожидал этого от тебя! Ты хочешь его рассердить? Хочешь, чтобы он подлетел в долбаную стратосферу, когда эта штука рванет?

— Извини. — Когда он не отвечает, она добавляет: — Я не думаю, что он здесь. Сонар...

— Сонар ни хера не стоит, если он на дне.

— Майк, ты не найдешь его, копаясь тут в темноте. Так далеко мы полностью слепы.

Волна пистолетных щелчков проносится по ее лицу.

— Для близких расстояний у меня есть вот это, — отвечает машина в горле Брандера.

— Я не думаю, что он здесь, — снова повторяет Кларк. — И даже если он здесь, то вряд ли он позволит тебе подойти близко после...

— Это было давным-давно, — жужжит в ответ тьма. — Только потому что ты до сих пор лелеешь обиды со второго класса...

— Я не это имела в виду, — она пытается говорить тихо, но вокодер обдирает голос до мягкого скрежета. — Я имела в виду, что прошло столько времени. Он зашел слишком далеко, мы даже на сонаре его больше не видим. Я не уверена, что он подпустит хоть кого-то из нас близко к себе.

— Мы должны попытаться. Мы не можем его тут бросить. Если бы я сумел настроиться на него...

— Он бы не смог настроиться в ответ, — напоминает Кларк. — Он ушел до того, как мы изменились. И ты знаешь об этом!

— Иди на хер! Не в этом смысл!

Но нет, именно в этом, и им обоим это известно. Неожиданно Лени понимает кое-что еще: часть ее наслаждается болью Брандера. Она сражается с ней, старается не обращать внимания на собственное прозрение, потому что единственный способ утаить его от Майка — это скрыть от самой себя. Но Кларк не может.

Нет, не так: она не хочет. Майк Брандер, всем известный борец с извращенцами, самодовольный, самоназначенный мститель за свою поруганную жизнь, наконец-то получает небольшую расплату за то, что сделал с Джерри Фишером.

«Сдавайся, — хочется ей крикнуть. — Джерри умер. Разве ты не настроился на него, когда этот урод Скэнлон держал его в заложниках? Разве не почувствовал, насколько тот стал пустым? Или все это слишком много для тебя, и ты просто смотрел в другую сторону? Ну так вот тебе краткая выжимка, Майки: он больше не человек и не может понять твои топорные жесты искупления.

Не будет тебе отпущения грехов, Майк. Уйдешь с этим в могилу. Справедливость — такая сука, да?»

Она ждет, пока он ощутит ее, почувствует, как презрение размывает это лихорадочное болото вины и жалости к самому себе. Но этого не происходит. Брандер купается в собственной симфонии и просто не замечает ничего вокруг.

— Черт, — тихо шипит Лени.

— Прием, — вызывает Наката, ее голос так далеко. — Всем прием.

Кларк увеличивает громкость и связь:

— Элис? Лени.

— Майк, — говорит Брандер спустя целую минуту. — Я слушаю.

— Срочно возвращайтесь. Они позвонили.

— Кто? Энергосеть?

— Они говорят, что нас эвакуируют. Через двенадцать часов.

— Это полная ерунда, — говорит Брандер.

— Кто выходил на связь? — интересуется Лабин.

— Не знаю, — отвечает Наката. — Вроде бы мы его до этого никогда не слышали.

— И это все, что он сказал? Эвакуация в двенадцать?

— И мы должны оставаться внутри «Биб» до этого времени.

— Без объяснения? Без какой-либо причины?

— Он разорвал связь, как только я приняла приказ. — Элис выглядит немного виноватой. — У меня не было возможности спросить, а когда я перезвонила, никто не ответил.

Брандер встает и направляется в рубку.

— Я уже поставила на автоматику, — останавливает его Кларк. — Когда связь появится, нам дадут сигнал.

Тот останавливается, сверлит взглядом ближайшую переборку. Потом бьет по ней кулаком:

— Это дерьмо полное!

Лабин просто наблюдает.

— Может, и нет, — говорит Наката. — Может, это хорошие новости. Если бы они хотели оставить нас, когда эта штука сдетонирует, то зачем врать об эвакуации? Зачем вообще с нами говорить?

— Чтобы мы сидели смирно и близко к эпицентру, — сплевывает Майк. — А теперь вопросик для тебя, Элис: если они действительно планируют эвакуацию, то почему не объясняют ее причину?

Та беспомощно пожимает плечами:

— Не знаю. Энергосеть нечасто говорит нам о том, что происходит.

«Возможно, они стараются спровоцировать нас, — размышляет Кларк. — Хотят, чтобы мы по какой-то причине сбежали».

— Хорошо, — громко произносит она, — как далеко мы сможем уйти за двенадцать часов? Даже с «кальмарами»? Каковы шансы на то, что отойдем на безопасное расстояние?

— Зависит от того, насколько большая бомба, — говорит Брандер.

— На самом деле, — замечает Лабин, — если при-
нять во внимание то, что они хотят задержать нас
здесь на двенадцать часов, и предположить, что имен-
но это время понадобится для отхода на безопасное
расстояние, то можно вычислить радиус взрывной
волны.

— Если только они не вытащили эту цифру из шля-
пы, — парирует Майк.

— Но это по-прежнему не имеет смысла, — настаи-
вает Наката. — Зачем обрывать связь? Это гарантиро-
ванно наведет нас на подозрения.

— Они забрали Джуди, — напоминает Лабин.

Кларк глубоко вздыхает:

— По крайней мере, это можно сказать точно.

Остальные поворачиваются к ней.

— Они хотят, чтобы мы остались здесь, — заканчи-
вает она.

Брандер стучит кулаком о ладонь:

— И если вы меня спросите, то это главная и един-
ственная причина убраться отсюда на хер. Чем быст-
рее, тем лучше.

— Я согласен, — говорит Лабин.

Брандер бросает на него удивленный взгляд.

— Я найду его, — говорит она. — Сделаю все, что
могу, по крайней мере.

Брандер качает головой.

— Я должен остаться. Мы все должны остаться.
Шансы на то, что мы найдем его...

— Больше всего шансов на то, что мы его найдем,
если я пойду одна, — напоминает ему Кларк. — Когда
я там, он все еще иногда выходит. А ты и близко не
подберешься.

Естественно, он это понимает. Просто символиче-
ски протестует: если нельзя получить прощение гре-

хов от Фишера, то, по крайней мере, можно постараться и выглядеть святым в глазах всех остальных.

«И все-таки, — вспоминает Лени, — это не совсем его вина. Майк уже пришел сюда с грузом прошлого, как и все мы. Даже если действительно хотел причинить вред...»

— Ну, остальные ждут. Думаю, мы поплыли.

Кларк кивает.

— Ты идешь наружу?

Она отрицательно качает головой:

— Сначала проведу сонарный поиск. Никогда не знаешь, может, и повезет.

— Не задерживайся. Осталось всего восемь часов.

— Я знаю. Пойду сразу за вами.

— Мы направимся...

— К мертвому киту, а потом будете придерживаться стабильного курса на восемьдесят пять градусов. Я знаю.

— Слушай, а ты уверена? Мы можем подождать тебя здесь. Один час большой разницы, скорее всего, не сделает.

Она мотает головой:

— Уверена.

— Ладно. — Брандер кажется таким неуверенным, поднимает руку, та дрожит и падает.

Он спускается по лестнице.

— Майк, — окликает она его.

Рифтер смотрит вверх.

— Ты уверен, что они взорвут эту штуку?

Он пожимает плечами:

— Без понятия. Может, и нет. Но ты права: они хотят, чтобы мы здесь остались по какой-то причине. Что бы это ни было, могу поспорить, нам это не понравится.

Кларк размышляет над его словами.

— Скоро увидимся, — говорит Майк, заходя в шлюз.

— Пока, — шепчет она.

Когда на станции гаснут огни, то не доносится практически ни единого звука.

Лени сидит в темноте и слушает. Когда в последний раз эти стены жаловались на давление? Она не может вспомнить. Поначалу «Биб» беспрестанно стонала, наполняя каждую секунду бодрствования трескучим напоминанием о весе на плечах. Но через какое-то время она примирилась с океаном: напиральная вода и отвечающая ей броня достигли равновесия.

Естественно, на рифте Хуан де Фука остались и другие виды давления.

Сейчас Лени почти наслаждается тишиной. Не беспокоит звяканье шагов по палубе; ушли в прошлое неожиданные вспышки случайного насилия. Она слышит только собственный пульс. Единственное дыхание доносится из кондиционера.

Она сжимает пальцы, те погружаются в ткань кресла. Со своего места в кают-компании Лени видит рубку. Периодические сигналы мерцают сквозь открытый люк, и это единственный источник света. Для Кларк его достаточно; линзы подхватывают скудные фотоны и окрашивают комнату в сумеречные тона. Она так и не вошла в отсек с тех пор, как остальные ушли, не стала наблюдать, как их иконки исчезают за краем экрана, и не прочесывала рифт, ища Джерри Фишера.

Она и сейчас не собирается этого делать. Не знает, станет ли вообще этим заниматься.

Далеко отсюда одинокая музыка воды Лабина поет ей серенаду.

Лязг.

Снизу.

«Нет. Уходите. Оставьте меня одну».

Она слышит, как выкачивается вода из шлюза, как он открывается. Три мягких шага. Движение на лестнице.

Кен Лабин тенью поднимается в кают-компанию.

— Майк и Элис? — спрашивает Лени, опасаясь его слов.

— Ушли. Я сказал им, что догоню.

— Мы слишком сильно разбрелись, — замечает она.

— Думаю, Брандер был только рад на время от меня избавиться.

Кларк слабо улыбается.

— Ты не идешь, — говорит он.

Она качает головой:

— Не пытайся...

— Я не буду.

Он с комфортом располагается в удобном кресле. Лени наблюдает за его движениями. В них есть острая грация, всегда была. Он перемещается так, словно постоянно боится что-то повредить.

— Я полагал, что ты так поступишь, — начинает он через какое-то время.

— Извини. Я сама себя не понимала, пока... ну...

Кен ждет продолжения.

— Я хочу знать, что происходит, — после паузы выпаливает она. — Может, они действительно на этот раз играют с нами по правилам. И это же возможно. Может, все не настолько плохо, как мы думали...

Лабин, кажется, обдумывает такую вероятность:

— Что насчет Фишера? Ты не хочешь, чтобы я...

Она разражается коротким смешком:

— Фишер? Ты действительно хочешь днями тащить его через ил, а потом вытянуть на какой-нибудь долбаный пляж, где он даже встать не сможет, не сломав ноги? Майк, может, и почувствует себя лучше. Только для Джерри это не станет актом благотворительности.

И сейчас она понимает, что для Лени тоже. Она обманывала себя все это время. Чувствовала, как стано-

вится сильнее, и думала, что сможет забрать с собой этот дар куда угодно. Думала, что сможет упаковать весь источник Чэннера внутри, будто новый протез.

Но теперь... Теперь одна мысль о том, чтобы все бросить, возвращает прежнюю слабость. Будущее раскрывается перед ней, и Кларк чувствует, как деволуционирует, сворачивается в какого-то доисторического головастика, проклятого памятью о том, каково это — быть сделанным из стали.

«Это не я. И я никогда такой не была. Меня использовал рифт...»

— Кажется, — помолчав, произносит Лени, — я не настолько сильно изменилась, в конце концов...

Лабин смотрит так, словно сейчас улыбнется.

Выражение его лица пробуждает в ней какой-то смутный, нетерпеливый гнев.

— А зачем сюда вернулся ты? — требует она ответа. — Тебе всегда было глубоко наплевать, что мы делали или почему. Ты всегда заботился только о себе, что бы это...

Что-то шелкает. Виртуальная улыбка Лабина исчезает.

— Ты знаешь, — решает Кларк. — Ты знаешь, в чем дело.

— Нет.

— Ерунда, Кен. Майк был прав, ты чересчур много знаешь. Ты точно знал, какие вопросы задавать сухопутникам о процессорах на бомбе, ты все знаешь о мегатоннах и диаметрах пузырей. Так что происходит?

— Я не знаю, честно. — Лабин качает головой. — У меня есть... опыт в определенного рода операциях. А почему это должно тебя удивлять? Или ты действительно думала, что сюда попадают только из-за случаев домашнего насилия?

Наступает тишина.

— Я не верю тебе, — наконец произносит Кларк.

— Это твое право, — отвечает Лабин, в его голосе почти слышится грусть.

— Тогда почему ты вернулся?

— Сейчас? — Лабин пожимает плечами. — Я хотел... хотел сказать, что мне жаль. Из-за Карла.

— Карла? Мне тоже. Но это уже давно в прошлом.

— Он очень заботился о тебе, Лени. И со временем бы вернулся. Я знаю это.

Она глядит на него с любопытством.

— Что ты...

— Но во мне на уровне инстинкта вбита жесткая секретность, понимаешь, и Актон мог видеть сквозь нее. Все, что я совершил... прежде. Он мог все увидеть, не было...

«Актон мог видеть...»

— Кен, мы никогда не могли на тебя настроиться. Ты знаешь об этом.

Он кивает, трет руки друг о друга. В тусклом голубом свете Кларк видит, как пот бусинами выступает на его лбу.

— Нас тренировали, — голос больше похож на шепот. — Допрос Ганцфельда — это стандартный прием в корпоративных и правительственных арсеналах, поэтому ты должен уметь... блокировать сигналы. Я мог с большинством из вас. Или просто оставался в отдалении, чтобы это не стало проблемой.

«Что он говорит? — спрашивает Лени себя, уже все понимая. — Что он говорит?»

— Но Карл, он просто... он слишком низко опустил уровень ингибиторов... И я не мог сдержать его.

Он проводит ладонями по лицу. Кларк никогда еще не видела его настолько нервным.

— Ты знаешь, когда у тебя появляется это чувство, — объясняет Лабин, — когда тебя поймали на краже печенья из банки? Или в постели с чужой женщиной? Для него существует формула. Какая-то специальная

комбинация нейромедиаторов. Когда ты чувствуешь, что тебя, понимаешь... раскрыли.

«Боже мой».

— У меня есть... нечто вроде условного рефлекса, — рассказывает он. — Оно просыпается, как только эти вещества появляются в крови. Я это даже толком не контролирую. И когда чувствую, глубоко внутри, что меня раскрыли, то просто...

«Пять процентов, — сказал ей Актон когда-то давно. — Может, десять. Если будете держаться на этом уровне, с вами все будет в порядке».

— На самом деле у меня не было выбора, — говорит Кен.

«Пять или десять процентов. Не больше».

— Я думала... думала, он просто беспокоился об истощении кальция, — шепчет Кларк.

— Прости меня. — Лабин неподвижен. — Я считал, что, когда спущусь сюда... Считал, так будет безопаснее для всех, понимаешь? И все бы так и случилось, если бы Карл не...

Она смотрит на него, оглушенная, слова доносятся словно издалека.

— Как ты мне можешь рассказывать об этом, Кен? Разве твое признание — не нарушение безопасности?

Он неожиданно встает. На секунду ей кажется, что Лабин сейчас ее убьет.

— Нет, — отвечает Кен.

— Потому что предчувствие говорит тебе, что я уже мертва. Что бы ни случилось. Нет никакой проблемы.

Он отворачивается и, идя к лестнице, повторяет:

— Извини.

Ее собственное тело кажется ей таким далеким, но в этом мертвом пространстве растет маленький, обжигающий уголек.

— А что, если я передумаю, Кен? — кричит Лени ему вслед, поднимаясь с кресла. — Что, если я решу

уйти вместе с вами? Это запустит старый рефлекс убийцы, так?

Он останавливается около лестницы:

— Да. Но ты не решишь.

Она стоит безмолвная и смотрит ему вслед, а Кен даже не оборачивается.

Она снаружи. Это не часть плана. План — сидеть внутри, как ей сказали. План — сидеть там и просить, чтобы все закончилось.

Но вот Лени тут, у Жерла, плывет по Главной улице. Генераторы нависают над ней, словно укрывающие ее гиганты. Она купается в их теплом натриевом свечении, проходит сквозь облака мерцающих микробов, едва замечаемая ими. Под ней чудовищный бентос фильтрует жизнь из воды, не обращая внимания на Кларк, как и она на него. Она проплывает мимо разноцветной морской звезды, прекрасно-извращенной, сшитой из останков. Та лежит, свернувшись на дне, две руки идут вверх; несколько оставшихся амбулакральных ножек слабо колышутся под воздействием течения. Шелковистый грибок растет в изорванной сетке швов.

У подножия гейзера термистор показывает пятьдесят четыре градуса по Цельсию.

Это ни о чем ей не говорит. Источник может спать еще сотню лет или взорваться в следующую секунду. Лени пытается настроиться на придонных обитателей, ощутить те инстинктивные озарения, которые мог выкрасть у них Актон, но она так и не научилась чувствовать разум беспозвоночных. Возможно, это умение приходит только к тем, кто пересек десятипроцентный барьер.

Кларк никогда не рисковала залезать туда прежде.

Там узко. Внутренности трубы хватают ее, не успевает Кларк проползти и трех метров. Она извивается и корчится; мягкие куски серы и кальция отламыва-

ются от стенок. Постепенно продвигается вперед. Руки задраны перед головой черной суставчатой антенной. Пространства держать их по бокам нет.

Лени закупоривает трубу так плотно, что снаружи в нее не просачивается свет. Приходится включить головной фонарь. Снежная буря хлопьев вьется в его луче.

Где-то в метре впереди туннель резко поворачивает вправо. Лени не думает, что сможет проделать то же самое. А даже если бы смогла, она знает, что проход заблокирован, так как покрытая известью рука скелета торчит из-за угла.

Кларк извивается вперед. Раздается неожиданный рев, и на секунду ее парализует, кажется, что гейзер сейчас взорвется. Но рев только в голове: что-то забилося в электролизный приемник и лишает ее кислорода. Это всего лишь сама Лени теряет сознание.

Она дергается туда-сюда, спазмами продвигается по сантиметру вверх. Этого хватает; приемник снова чист. И в качестве бонуса ей удастся пробиться достаточно далеко, чтобы заглянуть за угол.

Сваренный скелет Актона, покрытый коркой минеральных отложений, забивает проход. Капли расплавившегося сополимера пристают к останкам старым свечным воском. Где-то в них одинокий кусок человеческой технологии еще работает, пытаясь докричаться до заглушенных сенсоров «Биб».

Она не может до него дотянуться. Едва может дотронуться. Но каким-то образом даже сквозь налет видит, что шея Карла аккуратнo сломана.

РЕПТИЛИЯ

Оно забыло, чем было когда-то.

Хотя здесь, внизу, это практически ничего не значит. Какой толк от имени, когда вокруг некому им

пользоваться? Оно не помнит, откуда пришло. Не помнит тех, кто его выгнал давным-давно. Не помнит повелителя, что когда-то сидел на вершине позвоночного столба желатиновым покровом языка, культуры и происхождения, о котором властелин не любил вспоминать. Оно даже не помнит его медленного тления, окончательного распада на десятки независимых, ссорящихся подпрограмм. Теперь даже они замолчали.

От коры головного мозга уже почти ничего не поступает. Импульсы нижнего уровня вспышками доносятся от теменных и затылочных долей. Шумят фоном моторные функции. Иногда сама по себе бормочет зона Брока. Остальное по большей части темно и мертво, выглажено начисто черным океаном, горячим и переменчивым, словно открытый пар, холодным и тяжелым, как антифриз. Осталась только рептилия.

Оно передвигается вперед, не обращая внимания на вес в четыреста жидких атмосфер. Ест, что находит, каким-то образом понимая, чего надо избегать, а что можно сожрать. Опреснители и рециркуляторы дают ему воду. Иногда старая кожа млекопитающего становится липкой от выделений; костюм открывает поры океану, и все начисто промывает морской водой.

Разумеется, оно умирает, но медленно. И даже если бы знало об этом, то не стало бы думать о смерти.

Как и у всех живых существ, у него есть цель. Оно — охранник, который иногда забывает о том, что должен защищать. Но это неважно — поймет, когда увидит.

Оно видит ее сейчас, выползающую из дыры в дне мира. Она выглядит почти как остальные, но рептилия всегда чувствует разницу. Почему надо оберегать ее, а не остальных? Ему наплевать. Рептилии никогда не

спрашивают о мотивах. Только действуют в соответствии с ними.

Женщина, похоже, не знает, что оно здесь, наблюдает.

Рептилии явлены прозрения, которые по всем правилам должны быть для нее сокрыты. Ее выгнали до того, как остальные подкорректировали нейробиологию на более чувствительный уровень. И, тем не менее, она так изменилась, что отдельные слабые звуки стали различимы на громком и хаотическом фоне. Кора головного мозга умерла, все внутренние шумы фактически затихли. Сигналы слабы, как и всегда, просто исчезла вся статика. И поэтому рептилия, даже не осознавая этого, вбирала в себя некое смутное осознание отдаленных чувств.

Каким-то образом она ощущает, что это место стало опасным, но не понимает, почему. Ощущает, что другие существа исчезли. Но, тем не менее, та, которую надо защищать, все еще здесь. У рептилии меньше понимания, чем у матери-кошки, когда та перетаскивает подальше котенка, находящегося в опасности, но она решается совершить бросок к безопасности.

Становится легче, когда та, которую нужно охранять, перестает сопротивляться. Со временем она даже позволяет ему оттащить ее от ярких цветов туда, где ей на самом деле место. Она издает звуки, странные, но знакомые. Поначалу рептилия слушает, но потом от них начинает болеть голова. Через какое-то время женщина замолкает. В полной тишине оно несет ее сквозь невидимые ночные пейзажи.

Тусклый свет расцветает впереди. И звук: поначалу слабый, но быстро нарастающий. Тихий вой. Бурление. И что-то еще, резкий шум — «металлический», шепчет Брока, хотя рептилия и не знает, что означает это слово.

Медный маяк загорается во тьме впереди — слишком грубый, слишком уверенный, гораздо ярче биоло-

минесцентных угольков, обычно освещающих путь. Весь остальной мир оборачивается темнотой. Оно обычно избегает этого места. Но та, которую надо защищать, пришла отсюда. Здесь она будет в безопасности, хотя для него эта территория представляет нечто совершенно...

Из коры приходит дрожь воспоминания.

Маяк сияет в нескольких метрах над дном. Чем ближе, тем яснее он распадается на линию меньших по размеру огней, раскинутых по дуге, словно фотофоры на боку какой-то огромной рыбы.

Зона Брока снова шумит: «натриевые прожекторы».

Позади них маячит что-то большое. Оно парит над поверхностью массивным гладким валуном, невозможным плавучим, окруженным по экватору огнями. Жилковатые волокна связывают его с дном.

И что-то еще, маленькое, но болезненно яркое нисходит с неба.

— Это «Рыба-бабочка» с «Астории» слышит меня?

Рептилия бросается обратно во тьму, ил вихрем завивается за ней. Она отступает на добрых двадцать метров, прежде чем смутное осознание просачивается внутрь.

Зона Брока знает эти звуки. Не понимает их — она вообще мало на что годна, кроме мимикрии, — но уже слышала раньше. Рептилия чувствует непривычную дрожь. Прошло уже столько времени с тех пор, когда от любопытства был какой-то толк.

Существо разворачивается и смотрит туда, откуда сбежало. На расстоянии огни превратились в размытое, тусклое свечение. Она где-то там, незащищенная.

Потихоньку оно продвигается к маяку. Один источник света снова разделяется на несколько; смутный, угрожающий силуэт снова маячит за ними. И тварь с небес уселась на его вершину, издавая звуки, одновременно пугающие и знакомые.

Она плавает в свете, ждет. Преданная, испуганная, рептилия подбирается ближе.

— Эйслушайте.

Оно дергается, но остается на месте.

— Янехотелваспугать, ноникоговнутринет. Ребятамненадозабратьваснаверх.

Она скользит наверх, к твари с неба, останавливается перед светящимися круглыми частями спереди. Пресмыкающееся не видит, что она там делает. Сомневаясь — глаза болят от непривычной яркости — поднимается к ней.

Женщина поворачивается и встречает его, возвращаясь. Протягивает руку, ведет вдоль бугрящейся поверхности, мимо огней, кольцом опоясывающих середину (таких ярких, слишком ярких), вниз...

Зона Брока лопочет, не переставая — «ииииибббиииббббббббии биб», — но теперь что-то еще просыпается где-то внутри рептилии... Инстинкт. Чувства. Не столько память, сколько рефлекс...

Оно тянет назад, неожиданно испугавшись.

Она упирается. Издаёт странные звуки «надавнутрджеррииидивнтрвсепорядке». Рептилия сопротивляется, сначала неуверенно, а потом решительно. Скользит вдоль серой стены, которая оборачивается то откосом, то выступом; пытается ухватиться, цепляется за какую-то выпуклость, прикикает к этой непонятной жесткой поверхности. Голова вертится туда-сюда, туда-сюда, между светом и тенью.

«...оДжерритыдолжензайтивнутрь...»

Оно замирает. «Внутрь». Знает это слово. Даже понимает его каким-то образом. Зона Брока теперь не одна, что-то еще тянется наружу из лобной доли, стучится. Какая-то штука, понимающая, о чем говорит Брока.

О чем говорит она.

— Джерри...

Оно знает и этот звук.

— ...пожалуйста...

А этот раздавался последний раз так давно.

— ...поверь мне... там хоть что-нибудь от тебя осталось? Хоть что-нибудь?

Тогда, когда рептилия была частью чего-то большего, когда оно еще думало как...

...он.

Пучки нейронов, столь долго спавшие, искрят во тьме. Старые забытые подсистемы запинаятся и перезагружаются.

Я...

— Джерри?

«Мое имя. Это мое имя». Он едва может думать из-за неожиданного бормотания в голове. Части его еще спят, другие никогда не заговорят, а некоторые полностью смыты. Джерри трясет головой, пытаясь прочистить ее. Новые части — нет, старые, очень старые, ушедшие, и теперь они вернулись и не могут, суки, заткнуться — орут, привлекая его внимание.

Все вокруг такое яркое, все вокруг причиняет боль. Все вокруг...

Слова пергаментом раскрываются в разуме: «Свет зажжен. Дом пустой».

Свет зажигается, мигая.

Он видит отблески больных, насквозь прогнивших вещей, корчащихся в голове. Старые воспоминания со скрежетом трутся о толстые слои коррозии. Что-то возникает в неожиданном фокусе: кулак. Чувство костей, ломающихся в лице. Океан во рту, теплый и немного солоноватый. Мальчик с шокером. Девочка, вся в синяках.

Другие мальчики.

Другие девочки.

Другие кулаки.

Все вокруг болит, везде.

Что-то пытается разжать ему пальцы. Что-то тянет внутрь. Что-то хочет все вернуть. Хочет снова забрать его домой.

Слова приходят к нему, и он их выпускает:

— Не смей касаться меня, сука!

Он отталкивает мучительницу прочь, отчаянно хватается за пустую воду. Тьма слишком далеко; он видит тень, растягивающуюся по дну, черную и плотную, корчащуюся на свету. Он бьет ногами так сильно, как может. Ничто его не хватает. Спустя какое-то время свет меркнет.

Но голоса кричат как никогда громко.

ПРЫЖОК В НЕБЕСА

«Биб» зияет темной ямой под ногами. Там что-то шуршит; он замечает намеки на движение, чернота перемещается во тьме. Неожиданно что-то сверкает; два пятна слоновой кости играют отраженным светом, почти затерявшиеся на беспросветном фоне. Они парят там мгновение, потом начинают подниматься. Вокруг них возникает бледное лицо.

Она поднимается в челнок, с нее каплями стекает вода, и тьма словно следует за ней, тянется до угла в пассажирском отсеке и зависает там покрывалом. Женщина ничего не говорит.

Джоэл смотрит в яму, потом на пассажирку:

— Кто-нибудь еще будет или...

Она качает головой так слабо, что он едва это замечает.

— Там был... в смысле, там был еще один... — Именно эта женщина висела перед его иллюминатором пару минут назад. Бирка на плече гласит: КЛАРК. Но второй, тот, который рванул во тьму, как

беженец не с той стороны забора, — он все еще поблизости, если верить сонару. Прижался ко дну, в тридцати метрах от освещенной зоны. Просто сидит там.

— Больше никто не придет, — голос ее тихий и мертвый.

— Никто?

Только двое из команды в шесть человек? Он выворачивает ручки дисплея: дальше тоже никого нет, если только они не прячутся за скалами или еще где-то.

Он оглядывается назад, в горло «Биб».

«Или они все прячутся там, как тролли, ждут в темноте...»

Джоэл неожиданно захлопывает люк и накрепко его задраивает.

— Кларк, правильно? Что тут вообще происходит?

Она моргает.

— Ты думаешь, я знаю? — Женщина кажется почти удивленной. — Я считала, ты мне все расскажешь.

— Я знаю только то, что Энергосеть заплатит мне кучу денег за ночную смену в срочном порядке. — Джоэл взбирается вперед, падает в кресло пилота. Проверяет сонар. Этот странный хрен все еще там.

— Я не думаю, что по плану должен кого-то здесь оставить.

— А ты и не оставишь, — говорит Кларк.

— Оставлю. Я вижу его на радаре.

Она не отвечает, он поворачивается и смотрит на нее.

— Хорошо, — наконец говорит женщина. — Тогда выходи и лови его.

Джоэл не сводит с нее взгляда, а потом решает, что не хочет ничего знать.

Без лишних слов он возвращается к пульту и продувает балластные отсеки. Скаф неожиданно обретает плавучесть и натягивает стыковочные зажимы. Кита освобождает их, ударив по кнопке. Челнок подпрыги-

вает над станцией, словно живое существо, качается от вязкого сопротивления и начинает подъем.

— Ты... — Сзади.

Джоэл поворачивается.

— Ты действительно не знаешь, что происходит? — спрашивает Кларк.

— Мне позвонили примерно двенадцать часов назад. Полуночный рейс к «Биб». Когда я добрался до «Астории», мне сказали всех эвакуировать. Сказали, вы будете наготове.

Ее губы слегка размыкаются. Не совсем улыбка, но, возможно, самое близкое ее подобие, какого можно дожидаться от этих психов. Она ей идет, красота Кларк холодная, отстраненная. Снять линзы — и Джоэл легко мог представить, как загружает ее симуляцию в свою виртуальную программу.

— Что произошло со всеми остальными? — отваживается спросить он.

— Ничего, — отвечает она. — С нами случился... приступ паранойи.

Джоэл фыркает:

— Неудивительно. Поместили бы меня туда на годик, так паранойя стала бы наименьшей из моих проблем.

Опять эта еле заметная, призрачная улыбка.

— Но честно, — настаивает он. — Почему другие решили остаться? Это какая-то трудовая акция? Одна из этих... — «Как их там называли?» — Забастовок?

— Что-то вроде того. — Кларк смотрит на переборку, нависающую над головой. — До поверхности далеко?

— Боюсь, минут двадцать. Эти скафы Энергосети больше похожи на хреновы дирижабли. Все остальные плавают наперегонки с дельфинами, а я тут вынужден барахтаться. Но все-таки... — Кита пытается обезоруживающе улыбнуться, — ...есть и положительная сторона. Мне платят по часам.

— Повезло тебе, — говорит она.

ПРОЖЕКТОР

Настала почти полная тишина.

Мало-помалу голоса прекратили кричать. Теперь они переговариваются друг с другом шепотом, обсуждая вещи, которые не имеют к нему никакого отношения. Хотя это нормально. Он уже привык к тому, что его игнорируют. Он радуется, что его игнорируют.

Ты в безопасности, Джерри. Они не могут причинить тебе вред.

«Кто... Что...»

Они все ушли. Остались только мы.

«Ты...»

Это я, Джерри. Тень. Я спрашивала себя, когда ты вернешься.

Он качает головой. Слабый свет все еще течет из-за спины. Фишер поворачивается лицом не столько к нему, сколько к еле заметному отступлению мрака.

Она пыталась помочь тебе, Джерри. Она всего лишь пыталась тебе помочь.

«Она...»

Лени. Ты — ее ангел-хранитель. Помнишь?

«Я не уверен. Я думаю...»

Но ты ее оставил. Ты сбежал.

«Она хотела... Я... Не внутри...»

Он чувствует движение собственных ног. Вода толкается в лицо. Фишер движется вперед. Мягкая дыра открывается во тьме впереди. Внутри нее видны какие-то формы.

Вот там она живет, говорит Тень. Помнишь?

Он ползет к свету. Там раньше были звуки, громкие и болезненные. Двигалось что-то большое и темное. Теперь же лишь этот огромный шар висит над головой, как, как...

«...как кулак...»

Он останавливается, испуганный. Но все вокруг тихо, так тихо, что слышны даже отдаленные крики, дрейфующие над дном. Джерри вспоминает: не так далеко отсюда в дне есть отверстие, которое иногда говорит с ним. Правда, он никогда не понимает его слов.

Давай, подталкивает Тень. Она зашла внутрь.

«Она ушла...»

Отсюда нельзя сказать наверняка. Тебе надо подобраться поближе.

Под сферой прохладное, темное убежище; свет от экваториальных огней не может обогнуть выпуклую поверхность. В пересекающихся тенях южного полюса что-то маняще мерцает.

Вперед.

Он отталкивается от дна, скользит в конус тени под станцией. Яркий сверкающий диск в метр диаметром извивается внутри границ обода. Он заглядывает внутрь.

Оттуда на него кто-то смотрит.

Пораженный, Джерри рывком ныряет вниз и в сторону. Диск корчится от неожиданного волнения воды. Фишер останавливается, поворачивает назад.

Пузырь. Вот и все. Газовый карман, пойманный под...
«...воздушным шлюзом».

Там нечего бояться, говорит ему Тень. Так ты попадаешь внутрь.

Все еще нервничая, он подныривает под сферу. Воздушный карман сияет серебром в отраженном свете. В нем появляется черный призрак, почти неразличимый во мраке, отчетливо видны лишь два пустых белых пятна там, где должны быть глаза. Пальцы с двух сторон приближаются друг к другу, сливаются и исчезают. Ладонь объединяется с собственным отражением, погружаясь внутрь по запястье, касаясь металла по другую сторону зазеркалья.

Он отдергивает руку, зачарованный. Призрак парит наверху, пустой и безмятежный.

Джерри поднимает руку к лицу и проводит указательным пальцем от уха к основанию челюсти. Очень длинная молекула, сложенная вдвое, размыкается.

Гладкое черное лицо призрака раскалывается на пару сантиметров; то, что оказывается под ним, выглядит бледно-серым в отфильтрованном свете. От неожиданного холода Джерри чувствует, как щека покрывается знакомой «гусиной кожей».

Он не останавливается, распарывая темную кожу от уха до уха. Огромный улыбающийся разрез открывается под глазными пятнами призрака. Расстегнутый, лоскут черной мембраны плавает под подбородком, прикрепленный к горлу.

Посередине освежеванной зоны виднеется складка. Фишер двигает челюстью; складка открывается.

Зубов практически нет. Некоторые он проглотил, другие выплюнул, если они выпадали, когда печать была расстегнута. Неважно. Большинство из того, что он сейчас ест, мягче его во много раз. Когда редкий моллюск или иглокожее оказывается слишком прочным или большим, чтобы проглотить его зараз, всегда есть руки. Большие пальцы все еще противопоставлены.

Но сейчас он впервые видит эту зияющую, беззубую руину там, где раньше был рот. Почему-то ему известно, что это неправильно.

«Что со мной случилось? Что я?»

Ты — Джерри, говорит Тень. Ты — мой лучший друг. Ты убил меня. Помнишь?

«Она ушла». Фишер все понимает.

Это нормально.

«Я знаю. Я все знаю».

Ты помог ей, Джерри. Теперь она в безопасности. Ты спас ее.

«Я знаю».

И он вспоминает что-то еще, столь малое, но жизненно значимое, в это последнее мгновение, прежде чем все вокруг становится белым, как солнце:

«...Это то, что ты делаешь, когда действительно...»

ВОСХОД

Подъемник все еще затаскивал «Рыбу-бабочку» в свое брюхо, когда на главном дисплее появились новости. Джоэл проверил их, нахмурился, потом решительно выглянул в иллюминатор. Серый предрассветный свет омывал горизонт с востока.

Когда он посмотрел на экран снова, информация не изменилась:

— Черт, это не имеет никакого смысла.

— Что? — спросила Кларк.

— Мы не возвращаемся на «Асторию». Точнее, я возвращаюсь, а тебя надо выкинуть где-то на континентальном шельфе.

— Что? — Кларк подошла поближе, остановившись практически у входа в кокпит.

— Вот тут так говорится. Мы следуем обычным курсом, но идем вниз на нулевую высоту в пятнадцати километрах от берега. Ты высаживаешься. Я возвращаюсь на «Асторию».

— А что там?

Он проверил:

— Ничего. Вода.

— Может, лодка? Субмарина? — На последнем слове ее голос стал странно глухим.

— Может быть. Но никаких упоминаний об этом нет, — проворчал он. — Возможно, тебе придется проплыть остаток пути.

Подъемник зафиксировал их. Прирученные молнии взорвались наверху, накаляя пузыри с газом. Океан начал уменьшаться.

— То есть ты хочешь выбросить меня посередине океана, — холодно сказала Кларк.

— Это не мое решение.

— Разумеется, нет. Ты просто следуешь приказам.

Джоэл повернулся. Ее глаза уставились на него одинаковыми снежными ландшафтами.

— Ты не понимаешь, — принялся объяснять он. — Это не приказы. Я не управляю подъемником.

— Тогда кто...

— Пилот — гель. Он не говорит мне, что делать. Просто уведомляет, действуя сам по себе.

На какое-то время она замолчала, а потом спросила:

— Так вот как сейчас дела делаются? Мы подчиняемся приказам от машин?

— Кто-то дал ему первоначальное распоряжение. И гель ему следует. Они нас еще не захватили. И к тому же, — добавил он, — они — не совсем машины.

— О, — тихо сказала она, — я почувствовала себя гораздо лучше.

Джоэл неловко повернулся обратно к консоли:

— Хотя это все равно странно.

— Да уж. — Кларк не кажется особо заинтересованной.

— В смысле, что мы получили эту информацию непосредственно от геля. У нас же есть радиосвязь. Почему никто просто не сказал нам?

— Потому что у тебя нет связи, — сухо отрезала Кларк.

Удивленный, он проверил диагностические данные:

— Нет. Все работает прекрасно. Думаю, я сейчас позвоню и спрошу, какого хрена все это значит...

Тридцать секунд спустя он повернулся к ней:

— Откуда ты узнала?

— Счастливая догадка. — Она не улыбнулась.

— Ну, с оборудованием все в порядке, сигнал есть, но я никого не могу вызвать. Мы летим без связи. — В глубине разума начало пульсировать сомнение. — Если только у геля есть доступ, которого у нас по какой-то причине нет. — Он связался с интерфейсом подъемника и вызвал афферентную ветвь модуля. — Хех. Что ты там говорила о получении приказов от машин?

Эта фраза привлекла ее внимание:

— Что там?

— Подъемник получает приказы по Интернету.

— А это не рискованно? Почему Энергосеть не поговорит с ним напрямую?

— Не знаю. Он сейчас отрезан так же, как и мы, но последнее сообщение пришло вот из этого узла. Твою мать, это еще один гель.

Кларк наклонилась вперед, умудрившись в столь тесном пространстве каким-то образом его не коснуться.

— Как ты это понял?

— По адресу узла. Символ контроля блока означает биохимическое распознавание.

Дисплей громко и дважды пропищал.

— Это что? — спросила Кларк.

Солнечный свет прожектором разливается над океаном, глубокий и ярко-голубой.

— Какого черта?..

Кабина переполняется компьютерными криками. Датчики альтиметра сверкают алым и резко падают вниз.

«Мы падаем, — подумал Джоэл, но потом решил иначе: — Нет, этого не может быть. Нет ускорения.

Океан поднимается...»

На дисплее вихрь данных, кружащийся в водовороте слишком быстром для человеческого глаза. Где-то наверху гель яростно обрабатывает возможности, ко-

торые могут спасти им жизнь. Неожиданный крен: Джоэл схватил бесполезные ручки управления субмариной и вцепился в них так, словно от этого зависела его жизнь. Краем глаза он заметил, как Кларк улетила к задней переборке.

Подъемник вцепился в небо, молнии плясали по всей его длине. Океан гнался за ними огромной светящейся выпуклостью, распухающей в нижнем иллиуминаторе. Его смутный свет расцвел прямо на глазах Джоэла: голубой сконденсировался до зеленого, затем до желтого.

И до белого.

Дыра разверзлась в Тихом океане. Из нее поднялось солнце. Кита закрыл глаза руками, увидев силуэты костей в оранжевой плоти. Подъемник завертелся, как игрушка, которую пнули со всего размаха, зарылся в небо, взмыв на колонне пара. Снаружи кричал воздух. Аппарат орал в ответ, скользя в вышину.

Но не сломался.

Каким-то образом после казавшихся бесконечными секунд крен выправился. Датчики все еще работали, выдавая «атмосферные возмущения» на расстоянии почти восьми километров по курсу один-двадцать. Джоэл выглянул из иллиуминатора по правому борту. В отдалении океан тяжеловесно обрушивался сам на себя. Кольцеобразные волны разбегались под скафом, устремляясь к горизонту.

В эпицентре мягким серым побегом росло в небо кучевое облако. Отсюда, на фоне темного неба, оно выглядело почти мирно.

— Кларк, — сказал он, — мы сделали это.

Он повернулся в кресле. Рифтер лежала, свернувшись зародышем около переборки. Она не двигалась.

— Кларк?

Но ответила ему не женщина. Снова заблеял интерфейс подъемника.

«Незарегистрированный контакт», — пожаловался он.
«Курс 125 × 87, V1440 V5.8 м/сек² расстояние
13 000 м

Столкновение неизбежно 12 000 м

11 000 м

10 000 м»

Едва видная сквозь главный иллюминатор, белая облачная точка поймала луч утреннего света. Она казалась инверсионным следом, увиденным спереди.

— Твою мать, — сказал Джоэл.

ИЕРИХОН

Одну стену полностью занимало окно. За ним растянулся город, похожий на светящийся рукав галактики. Роуэн заперла за собой дверь, понурившись от внезапной усталости.

«Еще нет. Еще нет. Скоро».

Она прошла по офису и отключила весь свет. Сквозь стекло полилось мерцание уличных огней, не дав ей спрятаться во тьме.

Патриция пристально посмотрела на город. Запутанная решетка столичных нервов устремлялась за горизонт, каждый ее синапс светился. Роуэн повернулась на юго-запад. Она смотрела туда, пока глаза не застили слезы, боясь моргнуть из опасения пропустить хоть что-то.

Оно придет оттуда.

«Боже, если бы у нас был другой выход».

Это могло сработать. Разработчики модели делали ставки на то, что все пройдет без единого выбитого стекла. Все эти трещины и сдвиги породы должны были сработать в их пользу, послужить преградами для распространения толчка. Только дожждаться правиль-

ного момента: неделю, месяц. Идеальный расчет. Вот и все, что было надо.

Точный расчет и разумный кусок мяса, который следовал бы человеческим правилам, а не создавал свои собственные.

Но она не могла винить гель. Согласно мнению системщиков, он просто не мог по-другому и делал то, что, по его разумению, должен был делать. Роуэн отнесла запись таинственного интервью Скэнлона с этой долбаной штуковиной, которая сейчас прокручивалась в голове Патриции по сотому разу, в «ХимШестерни», и техники удивились, та явно сбивала их с толку, а потом неожиданно побледнели и запаниковали, но, когда кто-то, наконец, все понял — было уже поздно. Машина приняла управление на себя. И одинокий шаттл Энергосети, который официально должен был стоять в доке «Астории», каким-то образом появился на спутниковых камерах, паря над хребтом Хуан де Фука.

Она не могла винить гель, поэтому постаралась обвинить программистов.

— Как эта штука может работать на Бетагемота? Почему вы это не засекли, хотя так долго с ней возились? Даже Скэнлон все сразу понял, господи ты боже мой!

Но они и так были слишком перепуганы, нагонять еще больше страху не было никакого толку. Вы дали нам задание, оправдывались они. И не объяснили, что стоит на кону. Даже не сказали, что мы делаем. Скэнлон подошел к вопросу совершенно с другой стороны: кто знал, что у зельца любовь к простым вещам? Мы никогда его этому не учили...

Мягко зазвенели часы.

— Вы просили сообщить вам, мисс Роуэн. Ваша семья благополучно выбралась из города.

— Спасибо, — сказала она и отрубила связь.

Отчасти она чувствовала себя виноватой за их спасение. Едва ли было справедливым, что те, кто избежал Холокоста, оказались возлюбленными его создателей. Но Патриция поступила так, как поступила бы на ее месте любая мать. И больше того: она осталась.

Это не было жертвой. Она не погибнет от своего решения. Дома Энергосети строили, учитывая возможность Большого землетрясения. Сутки спустя большинство зданий в этом квартале будут по-прежнему стоять. Конечно, того же не скажешь про Гонгкувер, Ситэк или Викторию.

Завтра она попытается собрать осколки и сделает это так хорошо, как только сможет.

«Может, нам повезет. Может, все окажется не настолько плохо. Кто знает, гель мог и сам выбрать сегодняшнюю ночь...

Пожалуйста...»

Патриция Роуэн уже видела землетрясения прежде. Сдвиг породы в Перу случился, когда она была в Лиме по делам проекта «Подъем»; моментная магнитуда того толчка достигла девяти. Каждое окно в городе взорвалось.

Тогда ей не удалось увидеть последствия разрушений. Она попала в ловушку, сидя в отеле, когда сорок шесть этажей стекла рухнули на улицу вниз. Здание оказалось хорошим, ему недаром выставили пять звезд: окна вестибюля выдержали. Роуэн вспомнила, как смотрела из лобби на темно-зеленый ледник осколков высотой в несколько метров, забитый кровью, обломками и кусками искалеченных трупов, зажатыми между раздробленными частями. Одна коричневая рука торчала как раз перед окном вестибюля, корчась в трех метрах над землей. У нее не хватало трех пальцев и тела. Первые лежали в метре от ладони, больше похожие на сосиски, парящие над землей, но Патриция так и не смогла понять, чьим остан-

кам, если такие вообще были, когда-то принадлежала эта конечность.

Она вспомнила свое удивление, почему рука оказалась на такой высоте от земли. Вспомнила, как ее вырвало в корзину.

Здесь такого, естественно, произойти не могло. Это было Тихоокеанское побережье Северной Америки: существовали стандарты. Каждое здание на материке в сейсмоопасной зоне имело окна, которые в соответствии с проектом при землетрясении взрывались внутрь. Не идеальное решение, особенно для тех, кому не посчастливилось бы в этот момент оказаться в комнате, но самый лучший из доступных компромиссов. В помещении стекло не достигало такой скорости, какую могло развить, падая с небоскреба.

Малое благо.

Если бы существовал какой-то другой способ стерилизовать необходимый район. Если бы Бетагемот по своей природе не жил в неустойчивых зонах. Если бы корпы Н'АмПасифик не имели права использовать ядерное оружие.

Если бы только голосование не было единогласным.

«Приоритеты. Миллиарды людей. Жизнь такая, какой мы ее знаем».

И все равно решение далось очень тяжело. Тактически оно выглядело очевидным и правильным, но приказ удержать команду «Биб» в карантине на станции и, в конце концов, пожертвовать ими оказался очень трудным. И теперь, когда они каким-то образом сбежали, было...

«Нелегко? Нелегко обрушить землетрясение в 9,5 баллов на головы десяти миллионов людей? Всего лишь нелегко?»

Для этого не находилось слов.

Но каким-то образом она это сделала. Единственная этическая альтернатива. Это все равно оставалось

малым убийством по сравнению с тем, что надо было предпринять в случае...

«Нет. Я сделала это для того, чтобы никаких другие случаев не было».

Может, именно поэтому она собралась с силами и отдала приказ. А может, каким-то образом реальность просочилась из мозга до самых кишок и вдохновила на необходимые шаги. Что-то там определенно ее ударило.

«Интересно, что бы сказал Скэнлон?»

Спрашивать его было уже слишком поздно.

Разумеется, она ему так ничего и не сообщила. Даже такого желания не возникло. Сказать ему, что им все известно, что его секрет вышел наружу, что он опять потерял всякое значение, — это казалось хуже, чем убить его. Она не хотела причинять вред этому несчастному человеку.

Часы снова прозвенели:

— Коррекция.

«Господи, господи».

Процесс начался там, внизу, за пределами света, под тремя черными километрами воды. Безумных гелей-камикадзе прервали посреди их бесконечных воображаемых игр: «Забудьте о ерунде. Пора взрываться».

И, возможно, потрясенные, они сказали: «Не сейчас, это неправильное время, слишком большой ущерб». Но это уже не имело значения. Другой компьютер — в этот раз тупой, неорганический, программируемый и полностью надежный — послал необходимую последовательность цифр, и гелей лишили командования, не обращая внимания на то, что они думают.

А может, зельцы просто отдали честь и встали в сторону. Может, им было наплевать. Кто знает, о чем там думают эти монстры?

— Детонация, — объявили часы.

Город померк.

Бездна рванула вперед, черная и голодная. Один изолированный участок дерзко засиял в неожиданной пустоте: наверное, госпиталь, включил резервные генераторы. Несколько частных автомобилей, антикварные реликвии на самообеспечении, порхали, как мотыльки, на неожиданно ослепших улицах. Сеть Быстротранса тоже еще светилась, только слабее, чем обычно.

Роуэн взглянула на часы: с момента решения прошел всего час. Только час с тех пор, как их заставили. Почему-то казалось, что минуло больше времени.

— Тактическая информация от Сейсмической станции тридцать один, — сказала она. — Дешифровать.

Глаза наполнились данными. Карта со вспомогательными цветами развернулась в воздухе перед ней, изрезанное шрамами дно океана, вскрытое и растянутое по вертикали. Один из рубцов трясло.

За виртуальным дисплеем, по ту сторону окна, один район города слабо замерцал. Подальше к северу засветился еще один сектор. Подчиненные Роуэн лихорадочно переправляли энергию с плит Горды и Мендосино, с экваториальных солнечных ферм, с тысяч маленьких дамб, разбросанных по Кордильерам. Но на это понадобится время. Больше, чем у них сейчас есть.

«Возможно, мы должны были их предупредить».

Даже объявление за час до взрыва могло многое изменить. Недостаточно времени для эвакуации, но, по крайней мере, можно хотя бы успеть снять фарфор с полок. Достаточно, чтобы выстроить линию резервов, неважно, понадобятся те или нет. И куча времени для паники на всем побережье, если бы хоть слово выскочило наружу. Вот почему даже ее собственная семья понятия не имела о причине внезапного путешествия на восток.

Дно океана пошло рябью на глазах Роуэн, словно сделанное из резины. Плавающая прямо над ним прозрачная плоскость, представляющая водную поверхность, разбрасывала вокруг круги. Две ударные волны перегоняли друг друга на экране, за ними следовали подземные толчки. Они двигались к Каскадной субдукционной зоне, вонзились в нее, разослав малые толчки, которые дрожью под прямыми углами прошли по сдвигам породы. Какое-то время та словно сомневалась, и Роуэн даже позволила себе надежду, что землетрясение остановилось.

Но потом вся территория начинает скользить, медленно, тяжеловесно, поначалу почти неразличимо. Внизу, на границе Мохоровича¹, пальцы, пятьсот лет цеплявшиеся за обрыв, начинают с болью разжиматься. Обрушиваются пять веков сдерживаемого давления.

Следующая остановка. Остров Ванкувер.

Что-то невероятное происходит в проливе Хуан де Фука. Сборщики бурых водорослей и супертанкеры почувствовали невозможные изменения в глубине водяной колонны под собой. Если на борту есть люди, то у них осталось несколько мгновений поразмышлять, насколько бесполезным бывает девятистосекундное предупреждение об опасности.

У Полосы оказалось больше времени.

Тактический дисплей, естественно, не разменивается на детали. Он изображает коричневую рябь, захлестывающую прибрежный почвенный горизонт и продвигающуюся вглубь континента. Он не передает, как океан поднимается холмами от берега. Не демонстри-

---

¹ *Граница (поверхность) Мохоровича* — планетарная поверхность раздела, которая принята за нижнюю границу *земной* коры. Названа в честь югославского сейсмолога Мохоровича, который первый в 1909 г. выделил сейсмические волны, связанные с этой границей.

рует, как уровень моря встает на дыбы. Не показывает, как тридцатиметровая стена воды размазывает пять миллионов беженцев в желе.

Но Роуэн все равно видит это.

Она три раза моргает, глаза щиплет. Послушный дисплей исчезает. В отдалении красные проколы скорых и полицейских мигалок сверкают тут и там на решетке, погрузившейся в кому. Она не знает, виноваты ли в этом зазвучавшие сирены оповещения или они просто на дежурстве. Расстояние и звукоизоляция блокируют любой сигнал.

Пол начинает нежно подниматься.

Поначалу это кажется почти колыбельной, туда-сюда, но постепенно, раскачиваясь, колебания обретают все бóльшую амплитуду, которая чуть не сбивает Патрицию с ног. Здание жалуется со всех сторон, бетон рычит, трется о балки, и это больше чувствуется, чем слышится. Роуэн раскидывает руки, балансирует, обнимает пространство. Не может заставить себя закричать.

Огромное окно взрывается наружу миллионом звенящих обломков и дождем опадает в ночь. Воздух наполняется спорами стекла и звуком музыки ветра.

На ковре осколков нет.

«О господи, — тупо соображает Патриция. — Застройщики оплошали. Вся эта куча денег на противотолчковое внутреннее стекло, а они его поставили задом наперед...»

На юго-западе поднимается маленькое оранжевое солнце. Патриция Роуэн падает на колени, чувствуя девственную поверхность ковра. Наконец, начинает щипать глаза. Она позволяет выступить слезам, чувствуя глубокую благодарность: «Я человек. Я все еще человек».

Ветер оmyвает ее. Он доносит слабые крики людей и машин.

ОБЛОМКИ

Океан зелен. Лени Кларк не знает, сколько была без сознания, но они не могли затонуть больше чем на сотню метров. Океан все еще сверкает зеленью.

«Рыба-бабочка» медленно падает в воду, носом вниз, атмосфера скафа кровоточит сквозь десятки маленьких ранок. Трещина в форме молнии бежит по переднему иллюминатору; Кларк едва видит ее сквозь воду, поднимающуюся в кокпите. Передний конец челнока превратился в дно колодца. Лени отталкивается ногами от спинки пассажирского сиденья и прижимается к вертикальной палубе. Полоска света на потолке мерцает перед ней. Она умудряется вытащить пилота из воды и привязать к другому сиденью. По крайней мере, одна нога у него точно сломана. Он висит там промокшей марионеткой, все еще без сознания. Продолжает дышать. Она не знает, проснется ли он когда-нибудь.

«Будет лучше, если этого не случится», — размышляет она и хихикает.

«Это было не очень смешно», — говорит она себе и снова хихикает.

«Твою мать. У меня глубинная болезнь».

Лени пытается сосредоточиться. Внимание фокусируется лишь на отдельных вещах: единственной заклепке, торчащей перед глазами. Звуке трещащего металла. Но эти предметы словно заполняют собой все пространство. На что бы ни падал ее взгляд, оно распадается, поглощая весь мир. Кларк едва может думать о чем-то другом.

«Сто метров, — все-таки умудряется она. — Пробоина в корпусе. Давление... поднимается...

Азот...

Наркоз...»

Лени наклоняется, чтобы проверить атмосферные датчики на стене. Их стрелки лежат на боку. Это ее удивляет, хотя Кларк не понимает, почему. В любом случае, контроллеры, похоже, не работают.

Она тянется к панели доступа, оскальзывается, больно ударившись, падает с всплеском в кокпит. Часть диодов подмигивает на затонувших панелях. Они красивые, но, чем больше Кларк смотрит на них, тем больше болит грудь. Наконец она находит связь между этим двумя явлениями и снова высовывает голову, глотая воздух.

Панель доступа прямо перед глазами. Она неловко шарит по ней, наконец, открывает. Баллоны с гидроксом лежат бок о бок в военном порядке, связанные вместе какой-то каскадной системой. С одной стороны виднеется большая желтая ручка. Она тянет за нее, и та неожиданно легко поддается. Кларк теряет равновесие и снова падает под воду.

У самого ее лица вентиляционное отверстие. Лени не уверена, но ей кажется, что в прошлый раз из него пузырей не шло. Она считает это хорошим признаком. Кларк решает ненадолго остаться здесь и понаблюдать за новым течением. Что-то ее беспокоит. Что-то в груди.

Ах да, правильно. Она постоянно забывает, что не может дышать.

Каким-то образом ей удастся запаять лицевую печать. Затем остается лишь ощущение того, как сжимается легкое, а вода проникает в тело.

Когда Лени приходит в сознание, две трети кокпита уже затоплено. Она поднимается в кормовой отсек, стягивает костюм с лица. Вода истекает из левой части груди; воздух наполняет правую.

Наверху стонет пилот.

Она поднимается к нему, откидывает сиденье, чтобы он мог лечь на спину, лицом к задней переборке. Закрепляет его на месте, пытается держать сломанную ногу относительно прямо.

— Ай! — кричит он.

— Извини. Постарайся не двигаться. У тебя нога сломана.

— Да уж! А-а-а! — Пилот вздрагивает. — Господи, мне холодно. — Кларк видит, как до него доходит. — О, черт, у нас пробоина.

Он пытается двинуться, умудряется вывернуть голову, пока какая-то другая травма не заставляет его выпрямиться. Он расслабляется, морщась.

— Кокпит затапливает, — говорит она ему. — Пока медленно. Подожди секунду. — Лени спускается вниз и тянет за край люка рубки. Тот застревает. Кларк не останавливается. Люк освобождается и начинает закрываться.

— Подожди секунду, — окликает ее пилот.

Кларк толкает крышку обратно к переборке.

— Ты знаешь принципы системы управления?

— Разбираюсь в стандартной схеме.

— Там что-нибудь еще работает? Связь? Двигатель?

Она встает на колени и спускает голову под воду. Парочка датчиков была жива, пока она не потеряла сознание. Сейчас Лени проверяет то, что осталось.

— Манипуляторы. Внешние прожекторы. Сонарный бакен, — докладывает Кларк, поднимаясь из воды. — Все остальное мертво.

— Сволочь, — его голос дрожит. — Ну, мы можем послать буй, хотя не думаю, что за нами пришлют спасательную команду.

Она наклоняется сквозь прибывающую воду и нажимает кнопку. Что-то мягко отталкивается снаружи от корпуса:

— А почему они не должны? Тебя послали нас забрать. Если бы мы сумели вырваться до того, как эта штука взорвалась...

— Мы смогли, — говорит пилот.

Кларк оглядывает помещение.

— Э...

Пилот фыркает:

— Слушай, я не знаю что вы там, ребята, делали внизу с ядерной бомбой, и почему мы не могли взорвать ее чуть попозже, но мы ушли от нее, понимаешь? Нас что-то сбило потом.

Кларк выпрямляется.

— Сбило?

— Ракета. Воздух — воздух. Пришла прямо из стратосферы, — голос его дрожит от холода. — Я не думаю, что она ударила по скафу, зато разнесла к чертям подъемник. Мы еле набрали порядочную высоту перед этим...

— Но это не имеет никакого смысла... Зачем спасать нас, а потом сбивать?

Он не отвечает. Дыхание у него быстрое и громкое.

Кларк снова тянет люк кокпита. Тот захлопывается над дырой с легким треском.

— Звучит нехорошо, — замечает пилот.

— Подожди секунду. — Кларк вращает колесо, люк тонет, со вздохом обхватывая герметическую печать. — Думаю, у меня получилось. — Она снова взбирается к задней переборке.

— Боже, как мне холодно, — говорит пилот и смотрит на нее. — Твою мать, насколько мы опустились?

Кларк смотрит в один из маленьких иллюминаторов отсека. Зеленый размывается. Синий восходит.

— Сто пятьдесят метров. Может, двести.

— Почему я в сознании?

— Я поменяла смесь. Мы на гидроксе.

Пилота страшно трясет.

— Послушай, Кларк, я замерзаю. В одном из этих шкафчиков есть спасательные гидрокостюмы.

Она находит их, разворачивает один. Пилот пытается выбраться из кресла, но безуспешно. Она старается помочь.

— Ау!

— У тебя и вторая нога повреждена. Может, просто растяжение.

— Черт! Я разваливаюсь на части, а ты меня просто сюда забила? Разве ты в Энергосети не проходила хоть какой-то курс медицинского обучения, ради всего святого?

Она отступает: один неловкий шаг к спинке другого пассажирского сиденья. Неподходящее время для признаний в том, что она находилась под азотным наркозом, когда засовывала его сюда.

— Слушай, извини, — говорит он спустя минуту. — Просто... просто ситуация плохая, знаешь? Можешь хотя бы расстегнуть костюм и укрыть меня?

Она так и делает.

— Так лучше. — Хотя его по-прежнему трясет. — Меня зовут Джоэл.

— А я — Кл... Лени, — отвечает она.

— Итак, Лени. Мы сами по себе, все системы сдохли, и мы направляемся ко дну. Есть предложения?

В голову ей ничего не приходит.

— Хорошо, хорошо. — Джоэл глубоко вздыхает. — Сколько у нас гидрокса?

Она спускается и проверяет вентиль на каскаде:

— Шестнадцать тысяч. Какой у нас объем?

— Небольшой, — он хмурится, действуя так, словно пытается сосредоточиться. — Ты сказала, глубина около двухсот метров, что дает нам примерно двадцать атмосфер, когда ты задраила люк. Где-то минут сто у нас есть. — Он пытается рассмеяться, но не получается. — Если они все-таки пошлют помощь, то им лучше сделать это побыстрее.

Лени ему подыгрывает:

— Могло быть и хуже. Сколько бы мы протянули, если бы задраили люк, скажем, на тысяче метров?

Его трясет.

— О... Двадцать минут. А до дна тут примерно четыре тысячи, и так далеко, гидрокса бы хватило, скажем, минут на пять максимум. — Он хватается ртом воздух. — Сто восемь минут не так плохо. Много может случиться за сто восемь минут...

— Интересно, успели ли они уйти, — шепчет Кларк.

— Что ты сказала?

— Были и другие. Мои... друзья. — Она качает головой. — Они собирались доплыть до берега.

— До континента? Но это же безумие!

— Нет. Могло сработать, если только они достаточно далеко уплыли...

— Когда они ушли? — спрашивает Джоэл.

— Где-то за восемь часов до твоего прибытия.

Кита ничего не отвечает.

— Они могли успеть, — настаивает Лени, ненавидя его за это молчание.

— Лени, на таком расстоянии... не думаю.

— Это возможно. Ты не можешь просто... О нет...

— Что? — Джоэл вертится на своей привязи, старается разглядеть то, что видит она.

В полутора метрах под ногами Кларк игла морской воды пробивается из-под люка, ведущего в кокпит. Еще две появляются прямо на ее глазах.

По ту сторону иллюминатора вода становится темно-синей.

Океан пробивается в «Рыбу-бабочку», забивает атмосферу в угол. Его давление не ослабевает.

Синий уходит. Скоро останется лишь тьма.

Кларк видит, что Джоэл не сводит глаз с люка. Но не того текущего предателя, который позволил врагу проникнуть внутрь; этот сейчас уже скрылся под двумя метрами ледяной воды. Нет, Кита смотрит на шлюзовую люк, расположенный внизу, который последний раз открывался и закрывался на станции «Биб». Он утоплен в палубе, обернувшейся стеной, его целостность непоколебима, вода только начинает захлестывать его нижний предел. И Кларк прекрасно знает, о чем думает Джоэл, потому что такие мысли приходят в голову и ей.

— Лени, — говорит он.

— Я тут.

— Ты когда-нибудь пыталась себя убить?

Она улыбается:

— Естественно. А кто не пытался?

— Но, похоже, не сработало.

— По-видимому, нет, — соглашается Лени.

— Что случилось? — голос у него спокойный, хотя сам пилот дрожит, а вода почти добралась до кресла.

— Да ничего особенного. Мне было одиннадцать. Налепила наркопластырей по всему телу. Вырубилась. Очнулась в госпитале, на бюджетной койке.

— Ни хрена себе. Еще чуть-чуть, и попала бы в отделение для беженцев.

— Ну да, мы были не слишком богатые. К тому же там оказалось не так уж плохо. У них по штату даже психологи полагались. Я сама одного видела.

— Да? — его голос снова задрожал. — И что она сказала?

— Он. Сказал мне, что в мире куча людей, которым он нужен гораздо больше, чем мне, и что в следующий раз, когда я захочу внимания, то лучше привлечь его каким-нибудь способом, не тратящим деньги налогоплательщиков.

— В-в-вот к-к-к-козел. — Джоэла основательно трясет.

— На самом деле нет. Он был прав. И я никогда больше ничего такого не пробовала, поэтому его метод, можно сказать, сработал. — Кларк соскальзывает в воду. — Я поменяю смесь, а то у тебя сейчас приступ начнется.

— Лен...

Она скользит на дно отсека, возится там с вентилями. Высокое давление превращает кислород в яд; чем глубже они погружаются, тем меньше воздуходышащие могут вытерпеть, не срываясь в конвульсии. Ей уже приходится во второй раз обеднять смесь. Сейчас она и Джоэл дышат однопроцентным кислородом.

Если он проживет достаточно долго, то скоро начнутся другие проблемы, которые Лени уже не сможет контролировать. У пилота нет нейроингибиторов рифтера.

Ей приходится подняться и снова встретиться с ним лицом к лицу. Лени задерживает дыхание, нет смысла переключаться на электролизер из-за жалких двадцати или тридцати секунд. А так хочется это сделать, просто остаться здесь, внизу. Пока она тут, он не сможет ни о чем ее попросить. Кларк в безопасности.

Но за всю свою жизнь она никогда не могла прижаться себе в трусости.

Лени появляется на поверхности. Кита все еще смотрит на люк и открывает рот, готовясь заговорить.

— Эй, Джоэл, — быстро реагирует она, — ты уверен, что не хочешь, чтобы я нырнула? Зачем использовать твой воздух, когда мне он не нужен?

Он качает головой.

— Я не хочу провести последние пару минут, слушая голос машины, Лени. пожалуйста. Просто... останься со мной.

Она отворачивается от него и кивает.

— Твою мать, Лени. Мне так страшно.

— Я знаю, — тихо говорит она.

— Это ожидание, просто... Господи, Лени, да на такое даже шелудивую собаку нельзя обречь. Пожалуйста.

Она закрывает глаза, ждет.

— Открой люк, Лени.

Кларк мотает головой:

— Джоэл, я даже себя убить не смогла. В одиннадцать лет не получилось. И... прошлой ночью тоже. Как я могу...

— У меня ноги сломаны, Лен. Я уже ничего не чувствую. Ед-два могу говорить. Пожалуйста.

— Почему они сделали это с нами, Джоэл? Что происходит?

Он не отвечает.

— Что их так испугало? Почему они такие...

Кита двигается.

Дергается вперед, падает вбок. Вытягивает руки; одна цепляется за край люка. Другая хватается за колесо в центре.

Ноги гротескно изгибаются под ним, но он словно их не замечает.

— Извини, — шепчет Лени. — Я не смогла...

Он неловко кладет ладони на колесо.

— Нет проблем.

— Господи. Джоэл...

Он пристально смотрит на люк. Пальцы смыкаются на ободке.

— А ты знаешь, Лени Кларк? — в его голосе холод и страх, но и неожиданная жесткая решимость.

Она качает головой.

«Я ничего не знаю».

— А я бы с удовольствием тебя трахнул, — говорит он. Лени не понимает, что на это ответить.

Пилот крутит колесо. Тянет за рычаг.

Люк падает в челнок. За ним обрушивается океан. Каким-то образом плоть Лени успевает приготовиться к удару, хотя сама она отвернулась.

Тело Киты прижимается к ней. Похоже, Джоэл борется. Или с ним играется шквал воды. Она не знает, жив он или мертв, но слепо держит его, океан вертится вокруг них, пока не остается никаких сомнений.

С исчезновением атмосферы «Рыба-бабочка» ускоряется. Лени берет тело пилота за руки и вытаскивает его через люк. Труп следует за ней в вязкое пространство глубины. Скаф крутится вниз, моментально исчезая.

Нежно толкнув, Кларк отпускает Джоэла. Тот медленно поднимается к поверхности. Она наблюдает за его уходом.

Что-то дотрагивается до ее спины. Прикосновение едва ощущается сквозь гидрокостюм.

Лени поворачивается.

Тонкое прозрачное щупальце оборачивается вокруг ее лодыжки. На почти черном фоне оно кажется свинцово-серым. Она подносит его ближе. Из раздутого кончика в ее пальцы выстреливают липкие нити.

Кларк отбрасывает его в сторону, следует за щупальцем сквозь воду. По пути ей встречаются другие слабые истощенные создания, едва подергивающиеся в течении. Все они ведут к чему-то длинному, толстому и тенистому. Она огибает его по кругу.

Огромную колонну корчащихся, похожих на червей желудков, слабо пульсирующих биолюминесценцией.

От отвращения Кларк бьет тварь плотно сжатым кулаком. Та немедленно реагирует, отбрасывая прочь извивающиеся части собственного тела, которые сверкают и горят толстыми светлячками. Центральная колонна темнеет, втягиваясь в себя. Она пульсирует, спускается рывками, ускользает под прикрытием отринутой плоти. Кларк не обращает внимания на принесенные в жертву куски и преследует хозяина. Снова наносит удар. И снова. Вода наполняется пульсирующими расчлененными приманками. Она игнорирует их, продолжает тер-

зять центральную колонну. Не останавливается, пока не остается ничего, кроме клубящихся вокруг обрывков.

Джоэл. Джоэл Кита. Лени понимает, что он ей нравился. Она едва знала его, но он все равно ей понравился.

И они убили его.

«Они убили всех нас. Намеренно. Они этого хотели. И даже не сказали нам, почему.

Это все их вина. Всех».

Что-то вспыхивает в Лени Кларк. Каждый, кто когда-либо бил ее, насиловал или гладил по голове и говорил, что все в порядке, и все будет хорошо, приходит к ней в это мгновение. Каждый, кто когда-либо притворялся ее другом. Каждый, кто притворялся любовником. Все те, которые использовали Лени, топтали и говорили друг другу, насколько они лучше ее. Все те, кто питался за счет нее, каждый раз, когда включал гребный свет.

Они все ждали там, на берегу. Они сами напросились.

Эти чувства похожи на те, что испытывала Кларк, когда выбила всю дурь из Баллард, но тот случай был ничем, так, привкусом грядущего. В этот раз зачтется все. Она плавает посередине Тихого океана, в трехстах километрах от земли. Она одна. Ей нечего есть. Это неважно. Теперь ничего не важно. Она жива, и одно это дает ей преимущество.

Пришло время для величайшего страха Карла Актона. Лени Кларк активирована.

Она не знает, почему Энергосеть так ее боится. Она знает только то, что они не остановились ни перед чем, желая удержать ее подальше от земли. Если ей хоть немного повезет, то сейчас они считают, что им все удалось. Если ей хоть немного повезет, они больше ни о чем не беспокоятся.

Это изменится. Лени Кларк ныряет и плывет на восток, в сторону своего собственного воскрешения.

БЛАГОДАРНОСТИ

Я составил вместе все эти слова сам. Тем не менее я бесстыдно эксплуатировал всех, кого мог, чтобы составить их правильно.

В начале:

«Морские звезды» начались как рассказ. Барбара Макгрегор и Нэнси Батлер, бывшие сотрудники университета Британской Колумбии, критиковали ранние черновики рукописи.

В конце:

Дэвид Хартвелл купил рукопись; он и Джим Минтц ее отредактировали. Разумеется, я им очень сильно благодарен, но надеюсь, что их вознаграждение последует не только в дешевой словесной форме; я надеюсь, что «Морские звезды» будут хорошо продаваться и принесут нам кучу денег. (Тот экземпляр, который вы держите в руках, — это только начало. Почему бы не прикупить остальные и не раздавать Свидетелям Иеговы на каждом углу?)

Между:

Гленн Грант подошел к Дэвиду Хартвеллу от меня, так как сам я перепугался. Майор Дэвид Бак из новозеландской армии позволил мне воспользоваться его знаниями в области взрывчатки, как ядерной, так и

обыкновенной. Я несколько беспокоился, когда выяснил, сколько времени тратят некоторые люди, размышляя о последствиях ядерных взрывов на дне морском.

Когда я захотел проверить геологию зон разбрасывания и сейсмических зон, то разместил вопрос на парочке геологических конференций в Юзнете взамен непосредственного поиска информации. В результате я получил множество советов от людей, которых никогда не видел и, скорее всего, никогда не увижу: Эллин Белтц, Хайден Частин, Джо Дэвис, Кит Моррисон и Карл Шэфер снабжали меня указателями и ссылками на вопросы по вулканизму, тектонике плит и (в одном случае) количеству времени, которое понадобится атомной подлодке, чтобы прыщом выпрыгнуть из активного вулкана после того, как ее проглотит в глубоководной зоне субдукции. Джон Стоквелл из Центра волновых феноменов (Колорадская Шахтовая школа) был особенно любезен, поделившись формулами и таблицами, описывавшими землетрясения в милых и доходчивых «эквивалентах Хиросимы». Теперь я борюсь с искушением проводить исследования самостоятельно.

Также я борюсь с искушением обвинить всех этих прекрасных людей в любых технических ошибках, которые вы найдете в предыдущем тексте, но, разумеется, не могу. Это моя книга. И мои ошибки.

Музыка «Джетро Талл» постоянно давала мне вдохновение не только во время написания романа, но и во время бесконечных лет страданий в научном сообществе, которые и привели к нему. Если же вам нужно почувствовать атмосферу «Морских звезд» и услышать их главную песню, то проиграйте песню Сары Маклахлан «Одержимость» (Sarah McLachlan «Possession») в темной комнате с громкостью, вывернутой на максимум (я бы процитировал ее в книге, но так и не собрался попросить право на использование текста).

ССЫЛКИ

1.

2.

3.

4.

5.

6.

7.

На самом деле вы будете удивлены, насколько много из вышеописанного я не придумал. Если вам интересны детали, то следующие ссылки — неплохой задел для начала. «Морские звезды» намеренно переиначивают несколько фактов, и я, скорее всего, допустил еще сотню других ошибок по незнанию, но вот почему этот список хорош: у вас есть возможность меня проверить.

ГЛУБОКОВОДНАЯ БИОЛОГИЯ

Глубоководных существ я описал практически такими, какими они являются на самом деле. Если вы не верите мне, то почитайте статью «Свет в срединных водах океана» Б. Х. Робинсона («Light in the Ocean's Midwaters» by B. H. Robinson), опубликованную в июльском журнале «Сайентифик Америкэн» 1995 года. Или «Глубоководную биологию» Дж. Д. Кейджа и П. А. Тейлора («Deep-Sea Biology» by J. D. Gage & P. A. Taylor. Cambridge University Press, 1992). Или «Бездну» С. П. Айдила («Abyss» by C. P. Idyll. Crowell Co., 1971); она старая, но именно эта книга посадила меня на крючок в девятом классе. Хотя рыбы, которых мы вытаскиваем из глубин, обычно очень маленькие, гигантизм — это не нечто редкое среди глубоководных обитателей. Например, еще в 1930-е годы

пионер глубоководных исследований Уильям Биб заявлял, что заметил семифутового морского дракона из своей батисферы.

Я нашел очень много интересных материалов в сборнике под редакцией Д. Т. Роу «Море: идеи и наблюдения о прогрессе в изучении морей. Том 7: Глубоководная биология» (The Sea — Ideas and Observations on Progress in the Study of the Seas. Vol. 7: Deep-Sea Biology. G. T. Rowe, ed., 1983 from John Wiley and Sons). Особенно в главе (написанной Сомеро и коллегами), посвященной биохимической и физиологической адаптации глубоководных животных, так же как и в книге 1983 года под редакцией Хочачки и Сомеро «Биохимическая адаптация» издательства Принстонского университета (Biochemical Adaptation. Hochachka and Somero, eds. Princeton University Press, 1983). Они дали мне толчок к размышлениям о глубоководной физиологии, воздействии высокого давления на нейронные спусковые пределы и адаптации энзимов к режимам высокого давления/температуры.

ТЕКТОНИКА ЗОН РАССЕИВАНИЯ/ГЕОЛОГИЯ

Хорошее введение в тему прибрежной геологии Тихоокеанского северо-запада для начинающих, включая обсуждение среднеокеанских хребтов вроде Хуан де Фука, можно найти в «Циклах камня и воды» К. А. Брауна («Cycles of Rock and Water» by K. A. Brown. HarperCollins West, 1993). Статья «Квантовое превращение океанического коркового напоса: воздействие устройства дамб на среднеокеанические хребты» (J. R. Delaney et al., «Science», vol. 1, 281, pp. 222 — 230, 1998) прекрасно рассказывает о тяжести и частоте землетрясений и извержений на хреб-

те Хуан де Фука, хотя она и несколько отягощена технической терминологией.

Идея о том, что тихоокеанское побережье северо-запада зажило без массивного землетрясения, рассматривается в статье «Гигантские землетрясения северо-запада Тихого океана» Р. Д. Хайндмана (R. D. Hyndman, «Scientific American», December 1995). В статьях «Преддуговые деформации и Большие субдукционные землетрясения: следствия для потенциала землетрясения в Каскадной зоне» Маккефри и Голдфингера (McCaffrey and Goldfinger, «Science», vol. 267, 1995) и «Землетрясения нельзя предсказать» (Geller et al., «Science», vol. 275, 1997) вопрос обсуждается в деталях. Я спокойно жил в Ванкувере, но когда прочитал эти статьи, то переехал в Торонто.

Множество материалов о гидротермальных источниках можно найти на сайтах Национального океанического и атмосферного управления (NOAA). Там есть все: необработанная информация, расписания исследований, постоянно обновляемые карты, трехмерные анимации землетрясений и недавние публикации. И многое другое. Просто начните с сайта

<http://www.pmel.noaa.gov/vents/>
и следуйте по ссылкам.

ПСИОНИКА/ЭФФЕКТЫ ГАНЦФЕЛЬДА

О рудиментарной телепатии, которую я описывал, упоминали в реферируемой технической литературе еще в 1994 году. Проверьте, например, статью «Телепатия существует? Повторяемые свидетельства аномального процесса переноса информации» Бема и Хонортона, страницы 4—18 в пятнадцатом томе «Психологического бюллетеня» (Bem and Honorton, «Psy-

chological Bulletin», vol. 15, pp. 4 – 18). Они обладают статистической значимостью результатов и всем остальным. Размышления о квантовой природе человеческого сознания почерпнуты из книг Роджера Пенроуза «Новый ум короля» (Издательство Оксфордского университета, 1989) и «Тени разума»¹ (Оксфорд, 1994).

УМНЫЕ ГЕЛИ

Идея об умных гелях, которые все испортили, была навеяна исследованием Масуо Аизавы, профессора Токийского технологического института, статья о котором опубликована в августовском номере журнала «Discover» за 1992 год. В то время он связал несколько нейронов вместе, создав предшественника простейшей логической схемы. Я вздрагиваю, думая о том, чего он достиг сейчас.

Применение нейронных сетей для навигации по сложным поверхностям описано в статье «Робокар» Б. Дэвисса (B. Daviss, «Discover», July 1992), где рассказывается о работе, проделанной Чарльзом Торпом (а где еще?) в университете Карнеги — Меллона.

БЕТАГЕМОТ

Теория о том, что жизнь зародилась в гидротермальных источниках, происходит из статьи «Гидро-

---

¹ Роджер Пенроуз. Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики. УРСС; ЛКИ, 2011; Роджер Пенроуз. Тени разума: В поисках науки о сознании. Институт компьютерных исследований, 2005.

термальные осадки каталитических мембран сульфида железа как первый шаг к жизни» М. Дж. Рассел и остальных (M. J. Russel et al., «Journal of Molecular Evolution», vol. 39, 1994). Отдельные элементы по эволюции жизни, включая жизнестойкость пиранозильной РНК как альтернативного генетического шаблона, я вытянул из статьи «Происхождение жизни на Земле» Л. И. Оргеля (Orgel L. E., «Scientific American», October 1994). Симбиотическое присутствие Бетагемота в клетках глубоководных рыб взято из работ Линн Маргулис, которая первой предположила, что клеточные органеллы когда-то были свободно живущими организмами (идея превратилась из ереси в канон буквально за десять лет). Как только я вложил эту идею в книгу, то нашел ей подтверждение в статьях «Паразиты проливают свет на клеточную эволюцию» (G. Vogel, «Science», vol. 275, p. 1422, 1997) и «Благодаря паразитам закрепилась асексуальная репродукция» (M. Enserinck, «Science», vol. 275, p. 1743, 1997).

СЕКСУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ КАК ЗАВИСИМОСТЬ

С теорией о том, что хроническое насилие может породить физиологическую зависимость, я впервые столкнулся в сборнике «Психологическая травма» (B. Van der Kolk, ed., Psychological Trauma. American Psychiatric Press, 1987). Синдром ложной памяти исследован в книге «Миф о подавленной памяти: ложная память и заявления о сексуальном насилии» Э. Лофтуса и К. Кетчама (E. Loftus and K. Ketcham. The Myth of Repressed Memory: False Memories and Allegations of Sexual Abuse. St. Martin's Press, 1996).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕЛЮДИЯ: ЦЕРАЦИУС	7
БЕНТОС	21
ДУЭТ	23
Констриктор	23
Ниша	42
Уборка дома	67
РИМ	74
Неотенический	74
Лифтер	87
Сокрушение	94
Автоклав	103
Водоносный слой	108
Двойник	115
Ангел	120
Дикость	135
Тень	137
БАЛЕТ	143
Танцор	143
Короткое замыкание	173
Критическая масса	191
НЕКТОН	207
СУХОПУТНИК	209
Резкий старт	209
Разгребатель грязи	215
Крик	231
Камыши	260
Призраки	269

НЕВОД	290
Энтропия	290
Карусель	296
Линька	303
Алиби	312
 КАРАНТИН	322
Пузырь	322
Клизма	327
Перебежчик	339
 ЗЕЛЬЦ	342
Тема и вариация	342
Эпицентр	349
Программное обеспечение	356
Рактер	369
 ЭНДШПИЛЬ	383
Ночная смена	383
Разброс	386
Рептилия	398
Прыжок в небеса	404
Прожектор	407
Восход	410
Иерихон	414
Обломки	422
 БЛАГОДАРНОСТИ	433
 ССЫЛКИ	435
Глубоководная биология	437
Тектоника зон рассеивания/Геология	438
Псионика/Эффекты Ганцфельда	439
Умные гели	440
Бетагемот	440
Сексуальное насилие как зависимость	441

Литературно-художественное издание

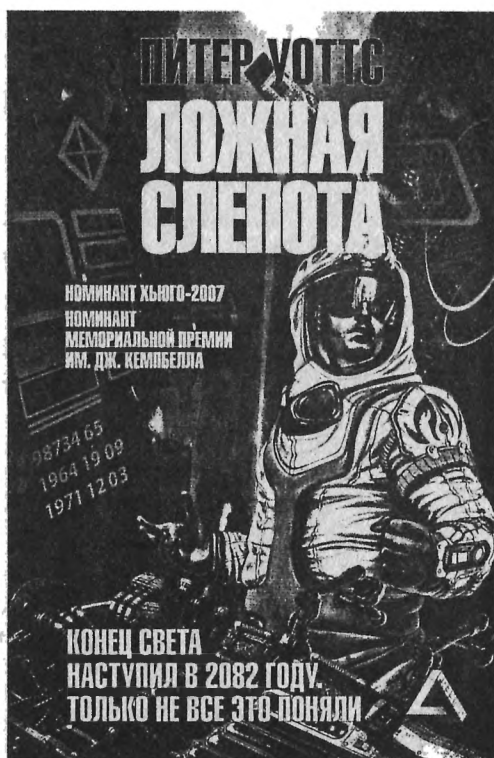
Питер Уоттс

Морские звезды

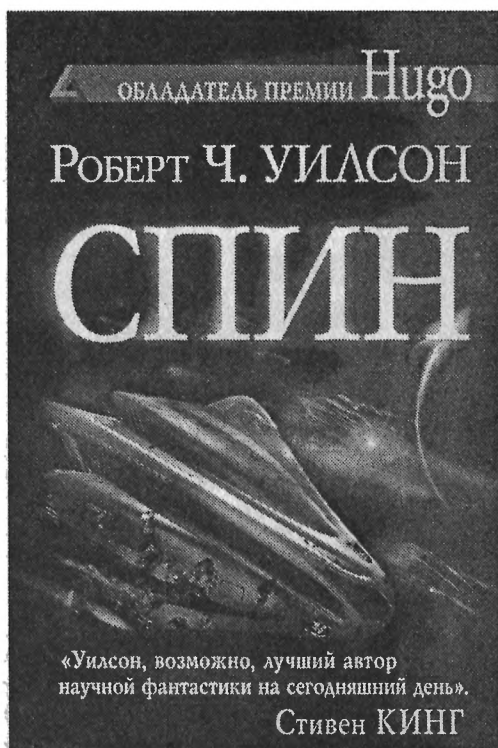
Ведущий редактор *И. Е. Епифанова*
Художественный редактор *Ю. С. Межова*
Технический редактор *В. В. Беляева*
Компьютерная верстка *О. К. Савельевой*
Корректор *В. Н. Леснова*

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, За
Наши электронные адреса: www.AST.ru
E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Астрель-СПб»
198096, Санкт-Петербург, ул. Кронштадтская,
д. 11, лит. А
E-mail: mail@astrel.spb.ru

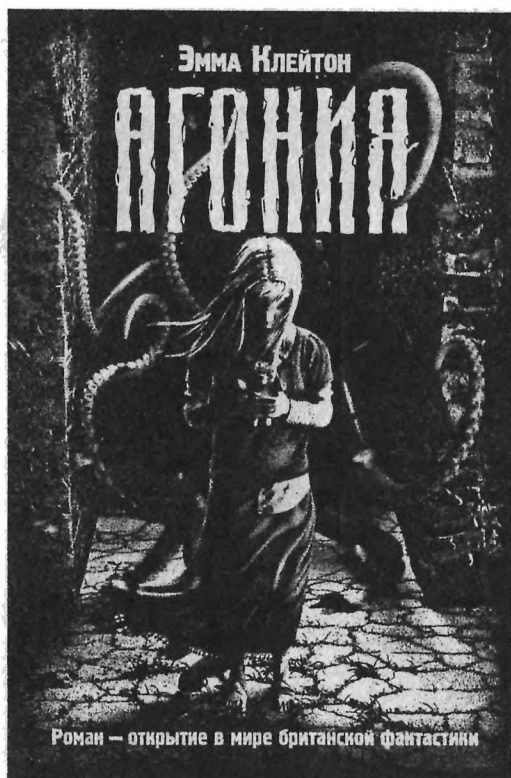
В 2082 году человечество убедилось, что оно не одиноко во Вселенной. Бесчисленные зонды светящейся паутиной окутали Землю. На установление контакта с внеземной цивилизацией направлен корабль «Тезей», несущий на борту наспех созданную команду специалистов. Но по достижении цели исследователям предстоит понять, что самые невероятные фантазии об инопланетном разуме меркнут по сравнению с реальностью и на кон поставлена судьба Земли и всего человечества.

Однажды поздним октябрьским вечером двенадцатилетний Тайлер вышел во двор и посмотрел на небо. Как будто дожидаясь этого, звезды вдруг все разом ярко вспыхнули и погасли. Их поглотила тьма. Тайлер и его друзья, Джейсон и Диана, стали свидетелями явления, которое получило название «Спин» и определило течение их жизни.

Мир изменился. Солнце практически прекратило свое существование, хотя продолжало посылать Земле тепло. Луна исчезла — но приливы по-прежнему чередовались с отливами. Искусственные спутники буквально посыпались с неба, и по их уцелевшим фрагментам можно было подумать, что пробыли они на орбите во много раз дольше, чем в действительности.

Когда Тайлер, Джейсон и Диана выросли, зондаж околоземного космического пространства обнаружил чудовищную истину: вокруг Земли создан барьер гигантскими объектами неизвестного происхождения. За барьером время ускорило бег, за один земной год там пролетает сотня миллионов лет. Этот темп предвещает смерть Солнца всего лишь через четыре земных десятилетия...

Мрачное будущее: люди живут в тесных, перенаселенных городах, которые со всех сторон обнесены стеной. Поверх толстой бетонной стены проложена колючая проволока, а к ней подведен ток. Стена защищает людей от животных, потому что животные переносят чуму, от которой уже вымерла половина человечества. А среди тех, кто выжил, все чаще стали рождаться дети, наделенные сверхъестественными способностями. Однажды эти дети начинают один за другим исчезать. Ходят слухи, что кто-то хочет создать из них непобедимую армию мутантов...

«В книге присутствует атмосфера тайны, затронуты важные философские вопросы и есть концовка-приманка, намекающая на возможное продолжение» (*Мара Альперт, Публичная библиотека Лос-Анджелеса*).

НОМИНАНТ Hugo — 2007

МАЙКЛ ФЛИНН
ЭЙФЕЛЬХАЙМ
ГОРОД-ПРИЗРАК

Премия Роберта Хайнлайна
за лучший научно-фантастический роман

Несколько веков назад в Германии вдруг бесследно исчез маленький городок Эйфельхайм. Историк Том Шверин и его подруга Шерон, которая занимается исследованиями в области физики, пытаются раскрыть тайну города-призрака и расшифровать изображения странных существ, встречающиеся на витражах и в средневековых манускриптах. Возможно ли, что в XIV веке Германию посетили представители внеземной цивилизации? Не их ли визит вызвал эпидемию чумы, которая захлестнула всю Европу?

«Этот насыщенный, провокационный роман, полный ярких исторических деталей, юмора и размышлений о прошлом и будущем человечества доставит читателям истинное наслаждение» (*Entertainment Weekly*).

«Для тех, кто ценит умную научную фантастику высшей пробы» (*Kirkus Reviews*).

«Я прочитал "Морские звезды" в несколько больших "глотков". Повествование движется как поезд в будущее. Это завораживающее чтение, мрачноватое и захватывающее. Лучшее, что я читал за долгое время. Питер Уоттс — многообещающий автор».

Роберт Шекли

«Темный мир океанского дна и тщательно проработанные характеры держат в напряжении до последней страницы. Уоттс блестяще начал писательскую карьеру, создав роман, где подводные приключения совмещаются с психологическим триллером.

В высшей степени оригинально».

Booklist

«Реалистично с точки зрения науки и динамично. Питер Уоттс вызвал к жизни мрачный и полный жизни мир».

*Дэвид Брин,
автор фантастического цикла
«Сага о Возвышении»*

СНЫ РАЗУМА

Первая половина XXI века. В поисках новых источников энергии ученые начинают бурить геотермальные источники на дне Тихого океана. Для этих подводных электростанций подбирают рабочих (так называемых рифтеров) особого психологического склада, людей, измученных болезнями и постоянным стрессом, для которых работа на краю подводного вулкана становится ступенькой вверх.

Их подвергают хирургическим операциям, позволяющим выживать на морском дне и превращающим их в амфибий.

Вскоре рифтеры сталкиваются с новой формой жизни — бактериями, которые при попадании на сушу могут вызвать гибель всего человечества. В руках у бывших калек и отбросов общества оказывается рычаг власти, ведь именно от них теперь зависит будущее планеты.

 АСТРЕЛЬ СПб

www.astrel-spb.ru

ISBN 978-5-271-42350-5

9 785271 423505